

A red-tinted photograph showing a group of soldiers in a trench, looking towards the camera. The scene is dimly lit, with some light reflecting off the soldiers' faces and equipment.

досье рейха

Александр ЕРМАКОВ

A stylized, dark eagle emblem with spread wings, positioned on the left side of the cover, partially overlapping the title text.

Оруженосцы НАЦИИ

A black and white photograph of a large formation of German soldiers marching in unison. They are wearing helmets and uniforms, and some are carrying rifles. The soldiers are moving from left to right across the frame.

Вермахт
в нацистской Германии

досъе // рейна

Александр Ермаков

Оруженосцы НАЦИИ

Вермахт в нацистской Германии

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2006

Оформление серии художника *П. Волкова*

Ермаков А.

Е 72 **Оруженосцы нации. Вермахт в нацистской Германии.** — М.: Яуза, Эжсмо, 2006. — 384 с. — (Досье III рейха).

ISBN 5-699-14961-9

Достижение мирового господства, к которому стремился Гитлер, невозможно без военной силы. Однако Версальский договор 1919 года фактически запретил Германии иметь мощную профессиональную армию. Так откуда же в таких условиях взяться той силе, с помощью которой можно покорить мир? Как оказалось, для Гитлера это не было серьезной проблемой...

В настоящей книге на основании документальных материалов раскрываются неизвестные страницы истории германских вооруженных сил периода между двумя мировыми войнами, в том числе процесс превращения вермахта в инструмент внешней и расовой политики нацистского режима. Большое внимание уделяется таким мало изученным отечественной наукой проблемам, как социальные изменения в офицерском корпусе, профессиональная подготовка офицеров и эволюция идеологии вермахта.

ББК 63.3(0)

ISBN 5-699-14961-9

© Ермаков А., 2006
© ООО «Издательство «Яуза», 2006
© ООО «Издательство «Эжсмо», 2006

ВВЕДЕНИЕ

В течение многих столетий вооруженные силы играли огромную роль в германской истории. Нередко они оказывали определяющее влияние на государственный строй, внутреннюю и внешнюю политику, экономику, социальные отношения, идеологию. Говорят, что веками история Германии была историей ее армии и наоборот. Третий рейх в этом отношении представляет собой неоспоримый рубеж. Действительно, фашизм деформировал государственные институты, экономику, общество, уничтожил партийную систему, круто изменил внутреннюю и внешнюю политику Германии. Вооруженные силы за двенадцать лет нацистского господства превратились из обладающего большим политическим влиянием, элитным социальным составом и особым самосознанием инструмента государственной власти в послушное орудие фюрера — многомиллионную машину безжалостной расовой и мировоззренческой войны. Давно не вызывает сомнений, что этот процесс заслуживает всестороннего и тщательного изучения. Но главное внимание историков и интерес читателей всегда были и будут сосредоточены на Второй мировой войне — одном из главных событий XX века.

Безусловно, видимые изменения в вооруженных силах Третьего рейха произошли именно в это время: с 1 сентября 1939 года вермахт стал *соучастником* преступлений нацистского режима на оккупированных территориях; в марте — мае 1941 года, в рамках подготовки агрессии про-

тив СССР, военные учреждения превратились в один из *активных* организаторов геноцида советских людей; декабрьский кризис вермахта 1941 года закончился смещением многих генералов и переходом функций главнокомандующего сухопутными войсками к Гитлеру; осенью 1942 года огромные потери на советско-германском фронте открыли доступ к офицерской карьере выходцам из среды рабочего класса; наконец, неудачное покушение на Гитлера в июле 1944 года привело к ощутимой активизации партийного вмешательства в дела вермахта, что выразилось, в том числе, в учреждении института офицеров по национал-социалистическому руководству (НСФО). Во время войны вермахт значительно вырос и в 1943 году достиг численности 9 млн 480 тысяч человек. В то же время укреплялся и конкурент армии, «партийное войско» — ваффен СС, а 25 сентября 1944 года было создано новое вооруженное формирование — фольксштурм.

Однако необходимо учитывать, что хронологические рамки периодов в истории вермахта, обусловленные приходом нацистов к власти, началом и окончанием войны, весьма и весьма условны. Изменение политической роли германской армии при национал-социализме невозможно понять без знания событий, связанных с «ночью длинных ножей» 30 июня 1934 года и кризисом вокруг Бломберга и Фрича в январе-феврале 1938 года. Если же обратиться к истории организационных структур вооруженных сил, то вехами должны служить введение всеобщей воинской повинности в марте 1935 года, издание Закона об обороне 21 мая того же года или упразднение военного министерства и создание ОКВ в феврале 1938 года. Тот, кто хочет проанализировать социальные изменения в офицерском корпусе, должен начать свое исследование не с 1939 или 1942-го, а с 1934 года, когда сухопутные войска впервые были увеличены втрое. Отсюда вытекает большая значимость предвоенного этапа (1933—1939 гг.), когда — не под влиянием экстремальных внешних условий, а в соответст-

вии с логикой саморазвития гитлеровской тоталитарной системы — закладывались предпосылки многих важных изменений в германских вооруженных силах. Настоящая работа посвящена истории немецкой армии именно на этом этапе.

Гитлеровский вермахт (до марта 1935 года — рейхсвер) включал в себя три составные части — сухопутные войска, военно-морской флот (кригсмарине) и военно-воздушные силы (люфтваффе). Однако влияние каждой из них на вооруженные силы в целом было неодинаковым. Самым старым, богатым традициями, политически влиятельным и многочисленным родом войск были сухопутные силы. К моменту прихода нацистов к власти в них служило 100 тысяч человек, в ВМФ — только 15 тысяч, а военно-воздушных сил не существовало вовсе. Появление люфтваффе как третьей составной части вермахта не поколебало ведущей роли сухопутных войск: к началу Второй мировой войны в сухопутных силах состояло свыше 3 млн человек, из них 89 075 офицеров, в ВМФ — 73 900, включая 4240 офицеров, а в ВВС в период их максимального расцвета (ноябрь 1943 года) — 2,994 млн человек, в том числе 119 тысяч офицеров, чиновников и инженеров¹. Это обстоятельство обусловило использование в настоящей книге сведений о ВМФ и ВВС только в тех немногих случаях, когда они дополняют или корректируют уже сложившуюся картину.

Понятийный аппарат предлагаемой вниманию читателя книги специфичен и связан с военной терминологией. Так, термин «армия» употребляется, во-первых, для обозначения соединений сухопутных войск Германии, состоящих из армейских корпусов. Во-вторых, сухопутные войска, в отличие от флота и военно-воздушных сил, также называют «армией». Наконец, в зависимости от контекста, слово «армия» может обозначать все вооруженные силы Германии и в этом случае является синонимом понятий «рейхсвер» и «вермахт».

Отечественная историография вермахта берет свое на-

чало в 60-е гг. Исследования советских историков всегда отличались острополюемическим характером, будучи нацеленными на «разоблачение западных фальсификаций» истории германских вооруженных сил. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, советские авторы сделали выводы о большой доле ответственности армии за возникновение нацистского движения, приход Гитлера к власти, всестороннюю подготовку и планирование агрессивных войн. Большое внимание уделялось связи «военной касты» с монополиями, вооруженные силы, как, впрочем, и Гитлер, изображались как их «слуги», как орудие классового господства буржуазии. В советских работах подчеркивалась преемственность национализма и милитаризма в немецкой истории, начиная от Пруссии и кончая тогдашней ФРГ, родство гитлеровского вермахта и западногерманского бундесвера. Специальные исследования были посвящены деятельности военных заговорщиков, подавляющее большинство которых изображались как реакционеры, боявшиеся народной революции. Классовые трактовки часто приводили к фактическому отрицанию разногласий между национал-социалистами и офицерским корпусом вермахта, создавали впечатление полного тождества их интересов и отсутствия у военных руководителей политических целей, отличных от гитлеровских. Отдельные представители офицерского корпуса всегда характеризовались негативно и с личностной точки зрения. Например, для шефа военной разведки и контрразведки (абвера) адмирала Вильгельма Канариса якобы были характерны двуличность, ханжество, страсть к притворству и мистификации. Обусловленные господствующей идеологией отступления от научной объективности и искусственное ограничение проблематики исследований не позволили советской историографии дать удовлетворительное объяснение многим фактам, относящимся к истории германской армии. Тем не менее основанные на опубликованных источниках и фактическом материале, содер-

жавшемся в западных исследовательских работах, книги о вермахте пользовались большой популярностью и переиздавались².

За последние два десятилетия отечественная историография пополнилась сотнями работ³, в большей или меньшей степени посвященных германским вооруженным силам. Разнообразней стала тематика исследований, ученые постепенно отошли от классового подхода и взялись за пересмотр прежних оценок. Например, В.П. Прокопьев, который исследовал взаимоотношения армии и государства в истории Германии на протяжении X—XX вв., подверг критике концепцию преемственности прусско-германского милитаризма от времен Фридриха II вплоть до 30-х годов нашего столетия. Ему же принадлежит и другое не бесспорное заключение о том, что тотальный характер Второй мировой войны обязан своим происхождением социалистическим компонентам нацистской идеологии, в то время как «нацизм сделал ее бесчеловечной»⁴.

Между тем работы российских авторов редко основываются на источниках, особенно немецких, и часто грешат дилетантизмом, преувеличенной субъективностью и повторением давно известных фактов. По-прежнему преобладает интерес к истории Великой Отечественной войны, остальные же темы не пользуются столь большим вниманием исследователей⁵.

Попытки восполнить существующие пробелы, принятые совсем недавно, не всегда являются плодотворными. Авторы популярных изданий, претендующих на научную достоверность, основывают свои концепции не на изучении источников, а на фактическом материале, содержащемся в зарубежной исследовательской литературе, и их выводы подчас не отличаются новизной⁶. Некоторые публикации, безусловно, являются шагом назад и напоминают, скорее, западногерманские издания конца 40—50-х годов⁷. Появление таких работ можно объяснить только нехваткой в нашей стране достаточного количества серьез-

ных научных исследований различных аспектов истории нацистской Германии, в том числе и ее военной истории.

Методологические подходы советской историографии вермахта, тематика исследований и научные результаты дублировались историографией ГДР. Неотъемлемой частью работ немецких историков была критика концепций «буржуазных» исследователей и убеждение в том, что поиск западной наукой новых подходов является «выражением кризиса империалистической историографии». По их мнению, классовый характер государства обуславливал связь между гитлеровским вермахтом и западногерманским бундесвером. Историки ГДР доказывали, что политика военного руководства облегчила Гитлеру развязывание войны, участие офицерства и генералитета в подавлении собственного народа и «солдатских масс» в период гитлеровской диктатуры нарастало, Генеральный штаб сыграл реакционную роль в истории Германии, «был и остается смертельным врагом немецкого народа и всех миролюбивых государств». Среди причин заговорщической деятельности ничтожного меньшинства офицеров назывались не только разочарование в эффективности гитлеровского военного руководства и сомнение в успехе политических планов диктатора, но и отрицательная реакция на злодеяния карательных частей. Указывалось, что некоторые заговорщики имели демократические убеждения, но для большинства оппозиционно настроенных военных было характерно непонимание сути фашистского режима, национализм и антидемократизм⁸.

Возникновение западногерманской историографии вермахта было связано с публикациями во второй половине 40—50-х гг. воспоминаний бывших гитлеровских генералов. Поток мемуарной литературы начался с известной брошюры начальника Генерального штаба сухопутных войск Франца Гальдера (1938—1942) «Гитлер как полководец». Читателю навязывались два образа солдата в нацистской Германии. Первый — образ противника национал-социа-

лизма и участника антигитлеровского Сопротивления. Второй — офицер, который не вмешивался в политику, занимался только профессионализмом войск и руководствовался в своих действиях только чисто служебными отношениями приказа и подчинения, основанными на традиционном понимании воинского долга. Он не был замешан в преступлениях фашизма, поскольку «непоколебимая солдатская этика» создавала «непреступную границу» между легальным лишением жизни и убийством. Высшим офицерам поверженного Третьего рейха удалось внедрить в исследовательскую литературу концепцию «столкновения интересов» офицерского корпуса и Гитлера, затушевать результаты Нюрнбергского процесса. В исторических работах долгое время обходились стороной вопросы об участии традиционных элит в формировании и осуществлении политики Третьего рейха и в нацистских преступлениях. На научные концепции влияло и то, что многие руководящие должности в ФРГ были заняты бывшими национал-социалистами⁹.

Только более чем через десять лет после окончания войны появились первые объективные западногерманские исследования¹⁰. Не имея доступа к архивным материалам, их авторы опирались главным образом на акты судебных процессов и мемуары. Но уже в это время в поле зрения ученых попали многие ключевые проблемы истории вермахта: цели офицерского корпуса и Гитлера, взаимоотношения вооруженных сил с СА и СС, кризис вокруг Бломберга и Фрича, роль военного руководства в формировании агрессивного внешнеполитического курса Третьего рейха¹¹. Исследователями был сделан вывод о том, что военная история не сводится только к изучению боевых действий, а должна освещать политическую роль вооруженных сил, руководство армией в мирное и военное время, ее влияние на экономическую и общественную жизнь¹².

В 1969 году в Федеративной Республике вышли две первые крупные, основанные на архивных источниках ра-

боты по истории вермахта, которые считаются классическими. В книге сотрудника Военно-исторического исследовательского ведомства Манфреда Мессершмидта было доказано, что установление гитлеровского режима стало возможным только благодаря поддержке рейхсвера. Основной сотрудничества вооруженных сил с новым режимом стала «частичная идентичность целей» офицерского корпуса и верхушки нацистского движения. Но ради сохранения монополии армии на оружие военное руководство было вынуждено не словом, а делом доказать свою лояльность Гитлеру. Постепенные уступки — проникновение в армию нацистского мировоззрения, вытеснение церкви, вмешательство партийных инстанций в сферу военной компетенции, увольнение неугодных генералов и т.д. — превращали вермахт в послушный инструмент диктатуры¹³.

Другой историк, Клаус Юрген Мюллер, в своем исследовании опирался на теорию модернизации, разработанную в социологии и в середине 60-х гг. уже использованную для написания работ по истории нацистской Германии неолиберальными учеными — немецким социологом Ральфом Дарендорфом и американским историком Дэвидом Шёнбаумом¹⁴. Мюллер доказал, что в союзе консервативных сил Германии с Гитлером армия занимала особое место как организованный и вооруженный инструмент власти. Непременным условием этого исключительного положения и претензии офицерского корпуса на роль социальной и политической элиты общества была монополия на обладание оружием. Главной целью армии в Третьем рейхе было сохранение и упрочение своей профессиональной, социальной и политической исключительности. Фюрер, подчиняя вермахт своей воле, непреднамеренно приспособлял его к требованиям современного индустриального общества, модернизировал его и к 1940 году уничтожил средневековые (сословные) ограничения и особую руководящую роль армии в жизни общества. На-

цистская диктатура положила конец традиционному дуализму государственного и военного руководства¹⁵.

В 70—80-е гг. вышли в свет общие работы по истории вермахта в 1933—1939 гг., а также монографии и статьи, посвященные кризису вокруг Бломберга и Фрича, традициям в германских вооруженных силах, взаимоотношениям армии и СС, социальным изменениям в офицерском корпусе, роли военного руководства в форсированном вооружении Германии и другим аспектам¹⁶.

Последние полтора десятилетия можно считать новым этапом в развитии германской и вообще зарубежной историографии вермахта, поскольку исследовательский интерес заметно сместился к анализу роли вермахта в преступлениях, совершенных в годы Второй мировой войны. Были изданы сотни работ об участии немецких военных учреждений в Холокосте, о репрессиях против мирного населения в Польше, Сербии, Италии. Огромное число исследований посвящено преступлениям вермахта на территории Советского Союза. В то же время новые знания о преступлениях гитлеровской армии заставляют ученых вновь обращаться к ее предвоенной истории¹⁷. Вероятно, научная переоценка многих событий 1933—1939 гг. еще предстоит¹⁸.

В настоящей книге освещается история германских вооруженных сил в период подготовки Третьего рейха к войне за мировое господство. Это предполагает анализ причин сотрудничества офицерского корпуса с Гитлером, обращение к тем узловым моментам внутривнутриполитического развития коричневой империи, когда вермахт оказывался на авансцене: приходу нацистов к власти, «ночи длинных ножей», кризису вокруг Бломберга и Фрича. Особое внимание уделяется роли армии в формировании внешнеполитического курса германского фашизма, начиная от ревизии военных ограничений Версальского договора и кончая развязыванием Второй мировой войны. Но читатель найдет в книге не только эти сюжеты, которые уже освещались в отечественной литературе. Дать объектив-

ную, взвешенную оценку действиям военного командования и позиции офицерского корпуса в предвоенные годы, объяснить, почему вермахт стал послушным инструментом, а часто и инициатором преступных приказов в годы Второй мировой войны, невозможно без знания других аспектов его истории. К таким, мало исследованным отечественной наукой проблемам можно отнести изменения социального состава и профессионального уровня немецкой армии, происходившие на фоне ее численного роста, и реакцию военного командования на конкуренцию в лице вооруженных частей СС. Показать, насколько существенными были внутренние перемены в вермахте, призвано обращение к его идеологии, которая зафиксирована в приказах воинских начальников, материалах для политического обучения военнослужащих, содержании военных периодических изданий и другой печатной продукции, ритуалах и символике. В свете сегодняшних знаний о преступлениях вермахта на оккупированных территориях особого внимания заслуживают насаждение в германской армии радикального антисемитизма и падение роли военного духовенства в воспитании военнослужащих.

Решение этих взаимосвязанных, но обладающих собственной спецификой задач было бы невозможным без анализа разнообразных источников. Воззрения нацистского фюрера на роль армии в тоталитарном государстве и завоевательная программа германского фашизма анализировались на основании программного произведения Гитлера «Моя борьба», а также его публичных выступлений и высказываний в неофициальной обстановке¹⁹. Для изучения эволюции структуры, статуса, идеологии, политической роли вермахта и выяснения позиций военных руководителей по разнообразным вопросам использовались законодательные акты Третьего рейха и комментарии к некоторым из них²⁰, приказы и распоряжения военных начальников высшего звена — от военного министра до начальников военных округов²¹, официальная переписка,

выступления и доклады военных руководителей Германии²², учебная и пропагандистская литература вермахта²³. Некоторые сведения по интересующей нас тематике содержатся в донесениях советских военных специалистов, находившихся в конце 20-х — начале 30-х гг. в Германии²⁴, и в публикациях советской и германской прессы²⁵. Наконец, отношение отдельных представителей офицерского корпуса и политического руководства рейха к событиям, не зафиксированное в официальных документах, изучалось с помощью частной корреспонденции тех лет²⁶, дневников²⁷ и мемуарной литературы, вышедшей из-под пера бывших гитлеровских генералов и других современников событий после Второй мировой войны²⁸.

Представляется, что предпринятая автором попытка показать военную историю Германии многогранно, в сочетании с элементами социальной и экономической истории страны, истории внутренней политики, дипломатии, искусства будет способствовать формированию целостной картины событий, а биографические сведения о главных действующих лицах той эпохи, их личностные характеристики, приводимые на страницах книги, позволят читателю составить о них собственное обоснованное мнение.

Глава 1

ДОКТРИНА «ДВУХ ОПОР» И ЕЕ КРАХ

ДОКТРИНА «ДВУХ ОПОР» И «СОРЕВНОВАНИЕ ЛОЯЛЬНОСТИ»

Рейхсвер стоял с винтовкой к ноге, когда шаг за шагом попиралась конституция, устранялись земли, подавлялись партии и политические организации, подвергались притеснениям меньшинства, арестовывали, притесняли или убивали противников режима, когда исключались право и закон вообще. Он делал это не под давлением внешних обстоятельств, не по зову совести... наконец, даже не вследствие традиционного образа мышления... Это был акт сознательного политического решения.

*И. Фест*¹

«Моя тесная связь с армией общеизвестна. В этой области я следовал традициям моего дома. Прусские короли не гнались за космополитическими фантазиями, а считали, что страна может благополучно преуспевать лишь тогда, когда реальная сила защищает ее промышленность и торговлю, — сообщает читателям в своих воспоминаниях последний германский император Вильгельм II Гогенцоллерн. — Офицерский корпус, выполняя высокую воспитательную задачу руководства вооруженным народом, занимал в государстве особое положение... Я охотно поддерживал тесную связь с офицерским корпусом, чувствуя себя по-товарищески в его среде»². Действительно, в Германской империи (1871—1918 гг.) армия была главным представителем и опорой трона. Государство воплощалось для офицеров в монархе как главнокомандующем и суверене. Некоторые историки утверждают, что в XIX веке офицерский корпус мыслил и действовал более монархи-

чески, чем сам кайзер. «В ходе всей немецкой истории прусская армия и немецкая армия, которая вышла из нее и переняла ее традиции, была законом сама себе и следовала указаниям политических руководителей государства только тогда, когда они соответствовали ее собственным намерениям», — пишет английский историк Гордон Крэйг³. Эта исторически сложившаяся особая связь короны и офицерства не была затронута ни индустриализацией, изменившей экономику и социальные отношения в Германии, ни объективными изменениями положения офицерского корпуса в структуре общества. Поэтому падение вильгельмовской монархии воспринималось немецкими офицерами как крушение всего мира. Но революционные события 1918—1919 гг. не внесли коренных изменений в структуру, идеологию и самосознание офицерского корпуса. Место императора заняло государство, отечество. Замена эта, однако, была произведена не из патриотизма, а из желания защитить сам офицерский корпус от разрушительного влияния современного общества. Немецкий ученый Клаус Юрген Мюллер, имея в виду рейхсвер и Веймарское государство, говорит о «вынужденном супружестве двух разных, еще не разобравшихся в самих себе партнеров»⁴.

Для оценки политической роли армии в Веймарской республике сошлемся на мнение авторитетных немецких историков. Карл Дитрих Брахер пишет: «Офицерскому корпусу стоило необычайно большого труда примириться с вызванными революцией 1918 года политическими и социальными изменениями... Офицеры как таковые не были неисправимыми. Неоднократно появлялась возможность преодолеть сопротивление государственному и общественному порядку, вытекавшее из традиционных представлений и социальных интересов. В том, что эти возможности не были использованы, виноваты в первую очередь демократические силы, которые не сумели предложить действенную военно-политическую альтернативу полити-

ке руководства рейхсвера. Но несостоятельность политического руководства не освобождает офицерский корпус от ответственности. Заняв «внепартийную» нейтральную позицию, он стал преградой на пути внутренней и внешней консолидации республики и ослаблял ее сопротивление внутренним врагам. Но тем самым он отрекся от лучших ценностей своей традиции и заложил основы своего крушения в Третьем рейхе»⁵. Ганс Адольф Якобсен выносит военному руководству свой приговор: «Руководство рейхсвера, плененное представлениями о верности абстрактной государственной идее и символам прошлого, было не подготовлено к такому решающему часу, каким стал 1933 год, и оказалось таким же несостоятельным, как и другие государственные органы»⁶.

В отечественной литературе раскрыты сложные взаимоотношения руководства рейхсвера и нацистской партии в Веймарской республике, которые в конце концов привели к поддержке генералами кандидатуры Гитлера на пост канцлера. Поэтому будет целесообразным сосредоточиться на тех аспектах, которые мало затрагивались отечественными исследователями. К таким проблемам в первую очередь относятся сравнение конечных целей фюрера НСДАП и офицерского корпуса, реакция офицеров рейхсвера на приход нацистов к власти, различия в политике министерства рейхсвера и командования крупнейшей составной части вооруженных сил — сухопутных войск.

* * *

Враждебная позиция, занятая рейхсвером по отношению к нацистам в начале 20-х гг., подтолкнула Гитлера к мысли, что в будущем национал-социалистическом государстве должны быть устранены изоляция и особое политическое положение армии. В «Моей борьбе» он записал, что в Третьем рейхе все учреждения, «а значит и вооруженные силы тоже, должны вырастать из самого движе-

ния»⁷. Хотя по тактическим соображениям это требование было исключено из последующих изданий книги, Гитлер продолжал придерживаться именно этой точки зрения. В своей программной речи перед офицерами рейхсвера 15 марта 1929 года нацистский фюрер формально поддержал «надпартийную» позицию армии, фактически потребовав борьбы против марксизма, службы народу, а не (Веймарскому) государству. Через полтора года на Ульмском процессе по делу офицеров рейхсвера он убеждал слушателей в том, что не намерен разрушать рейхсвер после прихода к власти, и повторно выступил за «внепартийность» армии и невмешательство НСДАП в ее дела, потребовав в то же время мировоззренческой унификации вооруженных сил: «Я никогда не был связан с рейхсвером. Я никогда не одобрял этого и сразу же вышвырнул бы из партии того, кто сделал это. Я хочу только, чтобы армия, как и немецкий народ, прониклась нашим духом»⁸.

Дальнейший ход событий заставил исследователей усомниться в том, что выступления Гитлера в 1929—1930 гг. были искренними и отражали его действительные планы в отношении армии. Хотя нацистский фюрер умело скрывал свои конечные цели, было установлено, что первоначально он стремился нейтрализовать армию в случае открытого внутривластного столкновения, обеспечить с ее помощью легальный приход к власти. В первые годы диктатуры канцлер прилагал усилия к тому, чтобы ограничить влияние рейхсвера чисто военной областью и обеспечить проникновение в вооруженные силы нацистской идеологии.

Конечные цели Гитлера и связанные с ними планы в отношении вооруженных сил долгое время оставались неясными. Одни ученые считали, что он совершал не запрограммированные заранее, часто необдуманно и опасные шаги. В свете этой концепции внешнеполитические успехи нацизма в 1933—1939 гг. и военные победы 1939—1940 гг. представлялись следствием «счастливого» стечения об-

стоятельств, которое во многом объясняется ошибочной политикой иностранных государств. Гитлер же бесцеремонно использовал предоставленные ему шансы. Последовательные внешнеполитические требования германского правительства основывались друг на друге, но не были задуманы заранее. Даже последнее важное решение фюрера — нападение на СССР — считалось только выходом из затруднительного положения, возникшего благодаря стойкому сопротивлению Англии⁹.

В противоположность этому в 50-е гг. в англо-американской историографии появился тезис о том, что конечной целью вождя нацизма было мировое господство. Ученые обратили внимание на то, что действия нацистов на международной арене в 1933—1941 гг. часто предсказывались в выступлениях Гитлера уже в 20-е гг. и в его книге «Моя борьба». Сопоставление программных положений национал-социализма и его внешней политики убеждало исследователей в наличии у Гитлера идеи мирового господства. Логически вставал вопрос о том, располагал ли он долговременной внешнеполитической программой и осуществилась ли эта программа в нацистской внешней политике. Впервые отдельные факты и наблюдения в 1965 году обобщил немецкий историк Андреас Хильгрубер. Его гипотеза до сих пор уточняется и модифицируется в деталях, но при этом признается верной. Сторонники данной точки зрения полагают, что у фюрера существовала «поэтапная программа», основными пунктами которой были:

- 1) ревизия Версальского договора и вооружение рейха,
- 2) достижение Германией ранга великой державы,
- 3) обеспечение свободы тыла на Западе путем нейтрализации Франции,
- 4) установление господства в Центральной и Юго-Восточной Европе,
- 5) завоевание «жизненного пространства» на Востоке и создание континентальной империи,
- 6) создание мировой державы с колониями и опорными

ми пунктами в океанах, способной вступить в решающую борьбу против США.

Общепризнанной гипотезы гитлеровского «поэтапного плана» в исторической науке нет. Принципиальное различие проводится между первой фазой — ревизионистской, и второй, которая начинается с чехословацкого кризиса 1938 года. Обе ступени связаны с усилиями Гитлера по созданию базы для приобретения «жизненного пространства», на основании договоренности с Англией. Провал этих планов весной 1939 года привел к попытке приобрести «жизненное пространство» военным путем, связанным с разгромом Великобритании и Франции. Хотя цели этого этапа не были достигнуты полностью, Гитлер напал на СССР и перешел к следующей ступени. Поражения германских войск на Восточном фронте существенно смазали контуры дальнейших планов, хотя известно, что после завоевания «жизненного пространства» на Востоке планировалась завершающая ступень, которая должна была привести к борьбе с государствами Западного полушария и Японией за создание мировой Германской империи¹⁰.

Так как достижение мирового господства было невозможно без военной силы, то армия становилась важнейшим инструментом внешней и расовой политики нацизма. Но фюрер считал регулярную армию только частью «вооруженных сил». Для ведения войны за «жизненное пространство» он не мог отказаться от старой армии, но для постоянного удержания завоеванной территории и окончательного столкновения она уже была недостаточной. Предполагают, что в программе было предусмотрено распределение задач между армией и частями СС. Неоспоримая с XVII века привилегия германских сухопутных войск быть важнейшим государственным инструментом обороны и войны не укладывалась в «поэтапный план». Сухопутные войска на фазе континентального завоевания еще пользовались безусловным преимуществом, но предстоящая борьба с США диктовала необходимость усиле-

ния ВВС и ВМФ¹¹. Однако Гитлер скрывал свои долговременные цели, и поэтому акты агрессии в Европе воспринимались офицерами как продолжение «империалистической традиции» Германской империи.

Основными чертами самосознания рейхсвера были: борьба всеми средствами против позорного версальского диктата; дистанция по отношению к республике, неприятие республиканской формы правления, самоидентификация с понятиями «государство» и «нация» и дистанция по отношению к реальному государству — Веймарской республике; осознание себя как социальной и политической элиты и претензия на независимость военного руководства от гражданских органов законодательной и исполнительной власти; осознание утраты профессиональной исключительности вследствие тотального характера современной войны. Решение этих проблем мыслилось офицерскому корпусу только в связи с достижением своих целей во внутренней и внешней политике, которые субъективно отождествлялись с интересами всей нации: ревизия Версальского договора; учреждение авторитарной государственной формы, внутреннего порядка и стабильности; дуализм политического и военного руководства, доля политической ответственности и право голоса как руководящей политической и социальной элиты; интеграция масс на основе национализма; «оборонеспособность» всего народа; восстановление позиций великой державы¹².

Это мировоззрение находило отражение в военном планировании, публичных выступлениях, статьях, книгах, меморандумах и докладах. Например, участник Первой мировой войны генерал Эрих Людендорф, пользовавшийся в Германии огромной популярностью, в 1935 году писал, что «наличная психическая, физическая и экономическая сила народа — это его военная мощь. Вооруженные силы — только ее часть, они опираются на нее для победы над врагом. Представители молодого вермахта должны осознавать эту взаимосвязь между военной мо-

щью и вооруженными силами и заботиться как об одном, так и о другом. Это — изложенный в нескольких словах важнейший урок мировой войны. Командиры вермахта, из рядов которых рано или поздно выйдут полководцы будущей войны, не могут позволить себе ограничиться «военной областью», они должны поддерживать в готовности все силы народа еще в мирное время. Только так победа может увенчать борьбу полководца будущего»¹³.

Идеи Людендорфа развивали офицеры, которые заняли руководящие посты в штабах, командовали дивизиями и корпусами. Так, начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Людвиг Бек был убежден в том, что «вермахт наших дней во время войны будет иметь в народе свои самые сильные, но и самые чувствительные корни. Если народ не готов к требованиям войны, то вооруженные силы тоже находятся в опасности. И если народ разваливается, то вместе с ним разваливаются и вооруженные силы. Урок 1918 года — одновременно и страшное предостережение на все времена. Питание, экономика и мораль являются решающими факторами выносливости народа во время войны, доли народа в военной мощи. Государство, которое собственными вспомогательными средствами... не может покрыть потребности вооруженных сил и народа, которое не может рассчитывать на кредит и народ которого не проникнут тем, что война ведется и должна вестись за сохранение его жизни, не готово к будущей большой войне, даже при наличии превосходных вооруженных сил»¹⁴.

Бек выступил и сторонником дуализма политического и военного руководства страны. «Никакого человеческого гения не хватит для успешного ведения большой войны будущего с военной и политической точки зрения, как это делали Фридрих Великий и Наполеон I. Ни одно государственное руководство, каким бы оно ни было, не может безнаказанно отрицать этот факт, — писал он. — Следовательно, дуализм «государственный деятель — полководец»

является данностью, с которой следует смириться. Благо государства, если возникающие между этими людьми различия мнений по-деловому уравниваются в решениях военачальника»¹⁵.

В конце 60-х гг. немецкие исследователи пришли к выводу о «частичной идентичности целей» офицерского корпуса и Гитлера¹⁶. Согласно данной концепции, в 1933—1939 гг. у нацистов и рейхсвера имелись как совпадающие, так и разные идеалы и цели, особенно же различались способы их достижения. Как офицеры, так и нацисты хотели превратить Германию в великую державу с сильной армией. Для тех и других было характерным неприятие демократической парламентской системы, «партийного государства». Но если Гитлер и его приверженцы были настроены на радикальные действия, то рейхсвер не ставил под вопрос свою верность конституции. Генералитет использовал провозглашенное национал-социалистами «народное сообщество» для решения проблемы интеграции армии в современное общество. В то же время рейхсвер сопротивлялся требованиям НСДАП открыть доступ в офицерский корпус для всех общественных классов. Многие офицеры видели в нацистах «штурмовиков-пролетариев» и смотрели на них с чувством превосходства. Гитлер, в свою очередь, считал традиционные элиты «ничтожеством» и недолюбливал консервативных военных, а особенно — Генеральный штаб. Важно, что ближайшие интересы обеих сторон сразу же после прихода национал-социалистов к власти оказались во многом идентичными и определялись наличием общего врага — СА.

* * *

Правительство Гитлера было сформировано на основе сговора между традиционной юнкерски-буржуазной элитой и верхушкой нацистского движения. Каждый из его участников преследовал собственные цели. Старые элиты

были больше не в состоянии сохранять свои привилегированные позиции и добиваться своих целей во внутренней и внешней политике. Они не имели необходимой массовой базы в обществе, а НСДАП, как им казалось, могла предоставить такую базу и решить за них проблему интеграции. Гитлер, со своей стороны, понимал, что он был не способен собственными силами достичь власти. «Пивной путч» 9 ноября 1923 года выявил невозможность государственного переворота, а ноябрьские выборы 1932 года показали бесперспективность достижения власти путем привлечения большинства избирателей. Фюрер привел массовое движение на порог власти, но только старая юнкерски-буржуазная элита, которая еще сохраняла важные позиции, могла помочь ему перешагнуть через этот порог. Такая расстановка сил обеспечивала рейхсверу ключевую роль. Казалось, что он, опираясь на главнокомандующего президента Пауля фон Гинденбурга, занимает сильнейшие позиции в составе традиционной элиты.

Но молодые офицеры, которые часто придерживались консервативных, авторитарных, националистических воззрений, с удовлетворением и даже воодушевлением восприняли создание правительства «национальной концентрации». Офицеры старшего возраста были более взвешенными в своих оценках и ожиданиях, стремились соблюдать дистанцию. Им не нравились методы скандала и насилия, некоторые инстинктивно чувствовали, что революционные импульсы национал-социализма в конечном счете противоречат консерватизму офицерского корпуса. В этом плане характерен ответ генерала Вернера фон Фрича одному офицеру, заметившему, что черно-бело-красный цвет национального флага созвучен флагу со свастикой: «Да, но красного слишком много». Если отбросить ретроспективные заявления генералов о «политической безграмотности» и другие оправдания, то личная переписка, мемуары, высказывания, зафиксированные современниками, показывают, что в войсках создание правительст-

ва с участием нацистов восприняли если не с воодушевлением, то с облегчением. Офицеров подкупала легальность прихода нацистов к власти, попытка Гитлера соединить национализм и социализм, борьба с коммунизмом и обещания социального мира, стремление к достижению внешнеполитического и военного равноправия, которые связывались с увеличением армии. Большое значение при этом придавалось властным полномочиям президента, большие надежды возлагались на военное руководство, призванное защитить привилегированное положение рейхсвера. Разумеется, дальнейшее развитие событий представлялось иначе, чем это случилось в действительности. Лишь немногие не доверяли утверждениям нацистов, будто их идеология возникла из фронтового духа, и считали, что Гитлер — «всего лишь мужлан». Негативно воспринимались шумные и насильственные методы политической борьбы, но в «одичании политических нравов» обвиняли не национал-социалистов, а коммунистов. Пугали непреодолимая тяга нацистов к униформе и военные амбиции НСДАП, но «против разумно проводимого допризывного обучения» в СА и Гитлерюгенде «возразить было нечего». Отметим, что неприязнь офицеров направлялась не на Гитлера, а на рядовых членов партии: «Было многое, что нам... не нравилось в новом режиме. Но тогда было широко распространено мнение, что Гитлер ничего не знает об этих промахах, ошибках или даже злодеяниях своих людей и, конечно, не одобрил бы этого, если бы узнал»¹⁷.

Настроение неуверенности и ожидания от гитлеровского правительства перемен к лучшему выражено в выступлении перед офицерами шефа Войскового ведомства генерала Вильгельма Адама в мае 1933 года: «Многое из происходящего мы решительно отвергаем: бурную революционную романтику, упрямый радикализм, нетерпение, самонадеянность, помехи нашей работе, игры в солдатиков, раздачу мест, идолопоклонство и шумный образ действий. Но подумайте о том, что происходит револю-

ция. В такие времена на поверхность сначала всегда выносит грязь, а потом она снова оседает на дно. Наша задача — ждать и надеяться на то, что после того как плохие компоненты выпадут в осадок, возвысится прочный оплот немецкого образа мыслей, который будет включать в себя право, мораль, честь, приличие и культуру. Но мы не можем только надеяться, мы должны и бороться, бороться за сплоченность офицерского корпуса»¹⁸.

* * *

В период укрепления нового политического режима, когда Гитлер был зависим от своих консервативных партнеров по коалиции и доверия президента Гинденбурга и не располагал неограниченной властью, он стремился сохранить благосклонность армии. Поляризация внутри «национальной» коалиции, в ходе которой рейхсвер выступил бы против него, имела бы для нового канцлера фатальные последствия. Чтобы удержаться у власти, фюрер должен был обещать сохранить традиционный дуализм политического и военного руководства. В специфических условиях Третьего рейха этот дуализм воплощался в теории «двух опор», которая была впервые провозглашена вождем нацистов в сентябре 1933 года, а окончательную формулировку приобрела в выступлении в рейхстаге 30 января 1934 года. Гитлеровская доктрина гласила, что государственное руководство «покоится на двух опорах: политической — организованном в национал-социалистическое движение народном сообществе, и военной — вооруженных силах. Впредь я всегда буду стремиться сохранять принцип, в соответствии с которым единственным представителем политической воли нации является национал-социалистическая партия, а единственным оруженосцем государства — вооруженные силы»¹⁹.

Следовательно, в период становления и укрепления тоталитарной диктатуры в Третьем рейхе сохранялся тради-

ционный прусско-германский принцип военно-политического дуализма. Военный и политический компоненты государства стояли рядом друг с другом и соединялись только в личности «эрзац-монарха» — президента Гинденбурга. Историки считают, что выдвижение этого принципа было сознательным обманом со стороны Гитлера, поскольку в перспективе он стремился к полному подчинению армии. Но офицерский корпус принимал заверения фюрера за чистую монету, и теория «двух опор» сыграла важную роль в поддержке рейхсвером нацистского режима в его первые годы.

В правительственном заявлении 30 января 1933 года Гитлер поклялся в «любви к армии как к носителю нашего оружия и символу нашего великого прошлого». Двадцать первого марта 1933 года, в «День Потсдама», вождь НСДАП заявил, что весь немецкий народ может «с гордостью и удовлетворением смотреть на свой рейхсвер как на представителя наших лучших солдатских традиций». Офицерский корпус редко слышал такие слова от руководителей Веймарской республики. Поэтому неудивительно, что эти заявления были одобрены в офицерской среде. Словесные заверения Гитлер подкреплял некоторыми практическими мерами, направленными на умножение капитала доверия. Уже на первом заседании нового кабинета министров, состоявшемся 30 января, канцлер в связи с упоминанием о вероятности всеобщей стачки заявил, что он «по возможности» будет воздерживаться от использования армии для решения внутривнутриполитических задач, поскольку это может быть поручено нацистским террористическим организациям — СА и СС. Министр рейхсвера с готовностью ответил: «Солдат привык видеть единственного вероятного противника во внешнем враге». Его не смутило, что Гитлер тем самым вмешался в прерогативы президента и игнорировал его конституционное право вводить военное положение²⁰.

Вечером 3 февраля Гитлер был приглашен на служеб-

ную квартиру главнокомандующего сухопутными войсками генерала Курта фон Гаммерштейн-Экворда. Как вспоминает бывший второй адъютант Гаммерштейна Хорст фон Меллентин, генерал «благодарно» и «чуть свысока» представил «господина рейхсканцлера», на что присутствующие отреагировали вежливо, но холодно. «Гитлер сделал во все стороны скромные неуклюжие поклоны и оставался в смущении, пока после еды не получил повода для продолжительной застольной речи»²¹.

Впервые в выступлении, продолжавшемся 2,5 часа, он раскрыл генералам свою ближайшую и среднесрочную программу. Запись речи Гитлера, сделанная генерал-лейтенантом Куртом Либманом, открывает собой ряд ключевых документов, которые имеют большое значение для оценки руководства германскими вооруженными силами в Третьем рейхе. Во внутренней политике Гитлер обещал ликвидировать «раковую опухоль демократии» и установить «строжайшее авторитарное государственное управление», нетерпимо относиться к пацифизму, «истребить марксизм, вырвав его с корнем», подготовить молодежь и весь народ к войне морально и физически. Его экономическая программа сводилась к «спасению крестьянина» и проведению политики поселений, которую уже начали последние правительства Веймарской республики. Фюрер, однако, признавал, что «нынешние экономические условия могут быть изменены только при наличии политической силы и путем борьбы. Все, что может быть сделано сейчас (переселение), — паллиативные меры». Из этой констатации логически вытекал внешнеполитический курс нового рейхсканцлера: добиться равноправия в вооружениях на женевских переговорах, бороться «против Версаля» и найти Германии союзников. Крайне важным для генералов было обещание восстановить в стране всеобщую воинскую повинность и сформировать массовую армию — «важнейшую предпосылку восстановления политической силы». Гитлер обманывал генералов, утверждая, что не знает,

как будет использована эта военная машина: «Может быть, для приобретения силой новых возможностей экспорта; возможно, и это, пожалуй, лучше — для завоевания нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадной германизации». Уже из книги «Моя борьба» вытекал второй вариант. Так в первые же дни своего канцлерства Гитлер провозгласил своими собственными целями обе главные цели офицерского корпуса — внутривнутриполитическую мобилизацию всех национальных сил под авторитарным руководством при сохранении позиций военной элиты и проведение политики реванша с опорой на сильную армию. Одновременно он обещал, что вооруженные силы не будут поглощены нацистской партией: «Армия — важнейший и наисоциалистичнейший институт государства. Она должна остаться аполитичной и беспартийной. Внутривнутриполитическая борьба не ее дело, а дело национал-социалистических организаций. В отличие от Италии не предусматривается никакого переплетения армии и СА»²².

Речь нового канцлера вызвала сдержанные аплодисменты генералов, а у самого Гитлера, привыкшего к овациям восторженной толпы, в течение всего выступления было ощущение, словно он «все время говорил, как со стеной»²³. Тем не менее в ближайшие дни Гитлер сделал новые шаги навстречу генералитету. Восьмого февраля на заседании правительства было объявлено, что при организации общественных работ для безработных приоритет будет отдаваться интересам вооруженных сил. В течение следующих пяти лет высший принцип должен был гласить: «Все для армии. Положение Германии в мире будет в решающей степени зависеть от положения германской армии. От этого зависит и положение немецкой экономики в мире»²⁴. Создавалось впечатление, что новый режим достиг того, что не удалось старой элите без Гитлера, — националистической интеграции подавляющего большинства нации и подавления ее остальной части. Это было особенно выгодно генералам. Во-первых, рейхсвер из-

бежал пугавшей его внутривластной борьбы за власть; во-вторых, создавались предпосылки для кардинального решения проблем, которые ставили современная война и вооружение; в-третьих, офицерский корпус верил, что теперь обеспечено укрепление его привилегированного политического положения, что армия опять приобретает руководящую роль в государстве.

* * *

В действительности рейхсвер находился в весьма уязвимой позиции, связанной с конкуренцией штурмовых отрядов и других нацистских организаций, возникшей сразу после прихода Гитлера к власти. Чтобы сохранить политический вес и социальные привилегии офицерского корпуса, руководители рейхсвера включились в соперничество с ними за благосклонность фюрера, которую Манфред Мессершмидт назвал «соревнованием лояльности». Политическая линия вооруженных сил определялась министром рейхсвера и начальником канцелярии министерства, а также руководством сухопутных войск — главнокомандующим и начальником Войскового ведомства (Генерального штаба).

По инициативе президента министром рейхсвера (с 1935 года — военным министром) в кабинете Гитлера был назначен генерал Вернер фон Бломберг (1933—1938), которого недоброжелатели прозвали «резиновым львом». Он не имел стойких политических убеждений, после поездки в СССР в 1928 году симпатизировал «советской системе», а затем стал отдавать предпочтение национал-социалистам. По мнению генерала фон Фрича, личные качества Бломберга делали его «мало пригодным» на роль военачальника: он был импульсивен, часто менял свое мнение, всегда стремился к новшествам и был подвержен любому внешнему влиянию²⁵. Другой современник, британский военный историк Бэзил Лиддел Гарт, встречавшийся с бу-

душим министром на Женевской конференции по разоружению в 1932 году, пришел к заключению о том, что «Бломберг был по натуре энтузиастом и смотрел на военное ремесло, как странствующий рыцарь... Он проявлял живой интерес к новым военным идеям, особенно к таким, которые открывали перспективу новой артистичности в тактической области... Но еще больше его вдохновляли идеи пробуждения закона рыцарского ведения войны. Он становился почти лиричным, когда речь заходила о призыве к «достоинству» на войне... Бломберг произвел на меня впечатление необычной искренности, когда он немного по-детски говорил о своих идеях»²⁶.

После прихода нацистов к власти свежее испеченный министр оценивал ситуацию так: «Теперь время аполитичности прошло. Остается лишь одно — самоотверженно служить национал-социалистическому движению». Позднее сам Гитлер высоко оценил заслуги военного министра в подчинении армии новому правительству: «Он (фюрер. — А.Е.) должен быть благодарен ему за то, что сухопутные войска, политическую направленность которых он знал точно, в 1933 году лояльно и корректно были переданы в руки государства. Бломберг тоже пытался превратиться в национал-социалистически мыслящего, современного офицера. Он понимал, что политическое преобразование армии возможно только постепенно, и иногда должен был даже притормаживать этого министра»²⁷.

Но сначала Бломберг стремился не к подчинению армии нацизму, а к равноправному партнерству и сохранению «внепартийности». Коалиционный характер режима и привилегированное положение рейхсвера были принципиальными элементами его воззвания к рейхсверу по поводу вступления в должность. Министр подчеркивал преемственность политики, указывая на заслуги своего предшественника Курта фон Шлейхера — удержание рейхсвера от политики и борьбу против «оков Версаля». Свои задачи на посту министра он определил так: «1. Сохранение рейхс-

вера как надпартийного средства власти. 2. Расширение фундамента армии путем повышения обороноспособности широких слоев народа. 3. Увеличение армии и превращение ее в военный инструмент обеспечения национальной безопасности». Эти задачи были тесно связаны друг с другом и представляли собой как бы «трехступенчатый план». Вторая и третья цели были достижимы только на основе «внепартийности», причем создавалось впечатление, что расширение рейхсвера будет осуществляться не на пути сотрудничества с СА, а с помощью военизированной организации правых консерваторов «Стальной шлем»²⁸.

Пост заместителя министра — начальника канцелярии министерства рейхсвера — занял полковник Вальтер фон Рейхенау (1933—1935). Хорошо образованный, одаренный, умный, жестокий и честолюбивый, он быстро подчинил министра своему влиянию. Немецкий историк Иохим Фест характеризует его как «современного, технически обученного и социально беспристрастного офицера, который решительно выбросил за борт феодальные категории своего сословия и распространил свою непредубежденность даже на моральные принципы»²⁹. Еще до формирования правительства «национальной концентрации» он вел переписку с Гитлером и был знаком с некоторыми видными нацистами. Рейхенау стремился использовать создавшиеся с приходом Гитлера к власти возможности для интеграции армии в новое государство, с самого начала отказавшись от «надпартийной» позиции своих предшественников: «Даже самый твердолобый реакционер не будет сегодня дожидаться, что мы повернем вспять колесо истории. Все государство находится в твердых руках. И мы должны с нашими устаревшими, разбросанными по всей стране семью дивизиями одни танцевать экстратур? Это могут вообразить себе только дураки! Мы привыкли трезво считаться с фактами! Нам остается только один путь — делать выводы из данных обстоятельств»³⁰.

Хотя политическая цель Рейхенау — сохранение осо-

бых позиций рейхсвера в новом государстве — соответствовала типичным представлениям офицерского корпуса, кадровая преемственность военного руководства была явно нарушена. Стремясь скрыть этот факт, Гитлер сохранил на посту командующего сухопутными войсками барона генерала пехоты Курта фон Гаммерштейн-Экворда (1930—1934), человека сдержанного, но в то же время ироничного и даже язвительного. Он не скрывал своей антипатии к нацистам, которых открыто называл «бандой преступников» и «похабниками», намекая на гомосексуальные наклонности отдельных лидеров штурмовых отрядов. Но «Красный Гаммерштейн», прозванный так офицерами за то, что нашел общий язык с лидерами профсоюзов и социал-демократии и выступал за сотрудничество с СССР, не сумел стать бесспорным лидером офицерства. Хотя он был умен и считался одаренным генштабистом, но не обладал гражданской смелостью и верностью принципам, к тому же не любил канцелярскую работу и, будучи заядлым охотником, часто покидал Берлин. Первого февраля 1934 года Гаммерштейн был уволен из рейхсвера в чине генерал-полковника. Его отставка не вызвала большого отклика в офицерской среде, а Бломберг даже запретил начальникам отделов военного министерства поддерживать с ним контакты³¹.

Попытка Бломберга добиться назначения на его пост Рейхенау не удалась, несмотря на угрозу министра рейхсвера подать в отставку. Гинденбург, зная, что Рейхенау был только полковником и не имел опыта командования крупными войсковыми соединениями, отказался наотрез: «Нет, о нем не может быть и речи. Он даже не обучен руководить офицерским корпусом, а теперь я должен доверить ему все вооруженные силы? Исключено!»³² В результате главнокомандующим сухопутных войск вопреки пожеланиям Гитлера был назначен генерал-лейтенант барон Вернер фон Фрич (1934—1938).

Фрич видел себя в роли спасителя армии от посяга-

тельств нацистов, защитником ее моральных и нравственных основ, попытавшись отгородить сухопутные войска от политической жизни и тем самым осуществить «второе издание» концепции Секта. Для него были характерны личная скромность, бескорыстие, честность, традиционализм, политическая пассивность. Фрич относился к большой группе офицеров рейхсвера, которая надеялась использовать полезные с ее точки зрения тенденции национал-социализма. Между воззрениями главнокомандующего и нацистов было немало общего: ненависть к социал-демократам, пацифистам, евреям, демократам, республиканцам и французам, «которые хотят уничтожить Германию». В течение четырех лет он вполне устраивал фюрера, который стремился изолировать армию от политики, обеспечить ее нейтралитет³³.

Глава межсоюзнической миссии в Прибалтике генерал Ниссель, встретившийся с начальником штаба VI резервного корпуса Фричем в ноябре 1919 года в Тильзите, оставил такую характеристику: «Майор фон Фрич молод, высокомерен и очень высокого мнения о себе. Он совершенно не стесняется играть в прятки с правдой и, что еще хуже, уклоняться от неудобных вопросов или направлять комиссию по ложному пути. У него есть все профессиональные достоинства и все недостатки характера, присущие офицеру прусского Генерального штаба, верящего в то, что он превосходит простых смертных, впрочем, часто — не без основания»³⁴. Неудивительно, что Фрич пользовался доверием всего офицерского корпуса. Как пишет Хайнц Гудериан, «это был благородный, умный и рыцарски честный солдат, имевший правильные тактические и оперативные взгляды»³⁵. Здесь уместно привести мнение еще одного современника, настроенного критически по отношению к германской армии: «Барон фон Фрич, несомненно, один из самых способных офицеров новых немецких сухопутных войск»³⁶.

Первого октября 1933 года Адама на посту начальника

Войскового ведомства сменил генерал Людвиг Бек (1933—1938), который по основным политическим вопросам придерживался одного мнения с Фричем. По мнению генерала Гудериана, Бек был офицером «старой школы, с уравновешенным, даже слишком уравновешенным характером». Он «не имел никакого представления» о сложной современной технике и подбирал для работы в Генеральном штабе своих единомышленников. Центральный аппарат сухопутных сил при Беке «постепенно сам собой превратился в реакционную клику, с которой чрезвычайно трудно было работать, — пишет в своих воспоминаниях сторонник «войны моторов» Гудериан. — Бек, вообще говоря, был человеком медлительным как в военном отношении, так и в политическом. Повсюду, где бы только он ни появлялся, он всегда оказывал какое-то парализующее влияние. В каждом новом деле он видел трудности и был полон опасений»³⁷.

Если допустить, что оценки Гудерианом Бека как военного профессионала верны, то действительные или мнимые слабости начальника Генерального штаба явно значили для вермахта меньше, чем его гражданская позиция. Впрочем, участник антигитлеровской оппозиции Ганс Бернд Гизевиус опровергает и низкую оценку профессиональных способностей Бека, данную Гудерианом: «Среди генералов Бек считался превосходящим всех остальных, — пишет он. — Знаток высокого класса, он недаром занимал этот пост. Для генштабистов он был прямо-таки олицетворением хранителя унаследованных традиций Мольтке и Шлиффена. Совсем не похожий на старого вояку, Бек своим одухотворенным умом воздействовал на подчиненных как образец поистине высокой школы военного искусства. В лице Генерального штаба он видел отнюдь не элиту технических военных специалистов, а совесть армии»³⁸.

Фрич и Бек, хотя и были позитивно настроены по отношению к новому режиму, не терпели вмешательства

НСДАП в сфере компетенции вооруженных сил. Они признавали национал-социалистический характер государства и требовали от офицерского корпуса абсолютной лояльности к Гитлеру. Но руководство сухопутными войсками представляло консервативный вариант сотрудничества военной элиты с нацистами, стремясь построить новую армию «на здоровых основах прошлого и приспособить к изменившемуся духу времени». Это подтверждает анализ целого ряда приказов и распоряжений, в которых требования лояльности в отношении нового режима соседствовали с восхвалением «испытанных ценностей прусско-германской традиции».

Следовательно, в руководстве германской армии не было споров о том, нужна ли коалиция с Гитлером. Различие мнений существовало только в вопросах тактики, методов, конкретной организации этой коалиции. Бломберг и Рейхенау были готовы поступиться частью традиционных ценностей ради тех преимуществ, которые давал союз с гитлеровским движением. Они полагали, что только совместные действия с нацистами могут обеспечить офицерскому корпусу решающее влияние на политику и привилегированное положение при новом режиме. Главная цель политики министерства рейхсвера и командования сухопутных войск совпала — сохранение привилегированного положения вооруженных сил в государстве, которое мыслилось только на основе его социальной исключительности и дуализме политического и военного руководства рейха. Военные руководители Германии проводили различие между Гитлером и его партией, приписывая все негативные стороны национал-социализма рядовым членам НСДАП и рассчитывая на постепенное приспособление идеологии нацизма к традиционному консерватизму.

Министр рейхсвера стремился успокоить офицерский корпус, встревоженный военными амбициями СА и разгулом нацистского террора в первые месяцы «национальной революции». В приказе от 14 марта 1933 года он пообещал

шал, что все действия национал-социалистов на местном уровне, которые противоречат высказываниям Гитлера, будут подавляться фюрером, а значение и особое положение армии останутся неизменными³⁹. С аналогичными заявлениями министерство рейхсвера выступало и перед иностранными наблюдателями. Например, в начале июля Рейхенау говорил советнику полпредства СССР в Германии Виноградову, «что Бломберг пользуется исключительным влиянием у Гитлера в вопросах внешней политики... Рейхенау подчеркнул, что... рейхсвер вообще не имел и не имеет никаких конкурентов. Гитлер признавал и признает, что рейхсвер был и будет основой вооруженных сил Германии. Рейхсвер не подлежит унификации, и все слухи о предстоящей чистке в рейхсвере, о смене руководства и т.п. являются бессмыслицей. Мы полностью владеем положением, — сказал Рейхенау, — намекая на то, что не рейхсверовское руководство находится в зависимости от Гитлера, а наоборот»⁴⁰.

Бломберг и Рейхенау неоднократно заявляли, что солдаты стоят вне политической борьбы и что рейхсвер не превратится в партийную армию, но эти декларации только маскировали их политику осознанного выбора в пользу правительства Гитлера. Уже в феврале Рейхенау поддержал террористические мероприятия нового канцлера против представителей действительной и предполагаемой оппозиции: «Все прогнившее в государстве должно исчезнуть. Это может произойти только с помощью террора. Партия будет безжалостно расправляться с марксизмом. Задача вермахта — быть в боевой готовности. Никакой поддержки преследуемым, если они будут искать убежища в войсках»⁴¹. Руководство рейхсвера оставалось «нейтральным», то есть благосклонным, когда Гитлер подавлял левые силы и пренебрегал буржуазными свободами в ходе предвыборной борьбы в марте 1933 года, когда началась унификация политических и административных структур.

После мартовских выборов 1933 года, укрепивших по-

ложение гитлеровской партии в рейхстаге, политика военного министерства приобрела новые акценты. Отныне Бломберг делал ставку только на НСДАП как на сильнейшего партнера в коалиции и тем самым санкционировал падение традиционного партнера рейхсвера, НННП. Гизевиус верно заметил, что генералы «преспокойно наблюдали, как коричневая революция сметает глубоко укоренившиеся взгляды, незыблемые понятия и ценнейшие традиции. Они не сделали ничего, чтобы оказать поддержку так называемым буржуазным силам»⁴².

Военные руководители были убеждены, что только таким способом можно сохранить офицерскому корпусу привилегированные позиции в условиях политической монополии национал-социалистов. В сводке разведуправления штаба РККА от 10 марта 1933 года отмечалось:

«1) Борьба между националистами и национал-социалистами за рейхсвер, как за орудие своей политики... за последнее время весьма усилилась.

2) Чрезвычайно усилились в рейхсвере позиции национал-социалистов, сумевших добиться симпатий если не абсолютного большинства, то во всяком случае значительных контингентов рейхсвера.

3) Рейхсвер перестал быть монопольной вотчиной Гинденбурга и идущих за ним националистов (восточно-прусское юнкерство и крупповская промышленность)».

Разведуправление отмечало неблагоприятную позицию рейхсвера и изменение им вследствие этого тактики по отношению к нацизму⁴³.

Подобные расчеты были грубейшей ошибкой германских генералов. На деле политика военного министерства благоприятствовала построению тоталитарной системы господства и ухудшала позиции армии в государстве. В июле 1933 года командующий Сибирского военного округа Левандовский сообщал из Германии, что «рейхсвер теряет свою политическую роль, если она вообще была у него как политическая сила... Каковы перспективы офи-

цества Рейхсвера? На это может быть дан короткий ответ: или перейти к Наци окончательно, или быть вычищенными. Конечно, большинство из этого офицерства будут у Наци, и сегодня они явятся тем костяком, на котором и развернется массовая фашистская армия, и возможно, в случае колебаний гитлеровского правительства и его непрочности — они используют фашистскую массу, чтобы перепрыгнуть через самого Гитлера до восстановления военной диктатуры и борьбы против коммунистической революции»⁴⁴.

Последний прогноз Левандовского не оправдался: Гитлеру удалось сначала постепенно вытеснить армию как политически значимый фактор, затем нейтрализовать ее и в конце концов превратить ее в эффективный инструмент своей политики. Споры командования сухопутных войск с министерством рейхсвера подрывали единство военного руководства и разрушали внутреннюю сплоченность военных кадров. Но главной причиной успеха Гитлера в деле лишения рейхсвера политической власти были осуществленные им и его партией основополагающие политические изменения и созданная им видимость социальных изменений. Нейтрализация консервативных партнеров по правительственной коалиции Альфреда Гугенберга и Франца фон Папена в 1933 году, присяга армии Гитлеру и принятие им полномочий верховного главнокомандующего в 1934 году, эрозия социального состава офицерского корпуса вследствие введения всеобщей воинской повинности в 1935 году, непрерывный рост государственного и партийного репрессивного аппарата — все это ослабляло позиции военной элиты.

Противодействие офицерского корпуса затруднялось тем, что одновременно с ухудшением его позиций внутри страны улучшались предпосылки для реализации внешнеполитических целей военного руководства: Фрич был убежден, что Гитлеру удалось сплотить всю нацию, включая рабочий класс, а рабочие были той крупной социальной группой, ко-

торая не поддавалась влиянию рейхсвера уже в период империи. Гитлер мог лучше, чем кто-либо другой, подготовить Германию к современной войне, потому что претендовал на полное использование всех сил нации. Но чем выше офицеры оценивали предпосылки для решения внешнеполитических проблем, тем больше ослаблялись ее собственные руководящие позиции внутри страны. Рейхсвер мало-помалу превращался в народную армию, но чем многочисленнее он становился, тем больше размывалась его социальная база и ослабевало политическое влияние. Следует согласиться с выводом немецкого историка Ганса Буххайта в том, что связь военных с Гитлером или с партией часто осуществлялась только ради собственной выгоды и что «побудительными причинами сочувствующих НСДАП были политическая близорукость и голая корысть»⁴⁵.

«ДЕЛО РЕЙМА» И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 2 АВГУСТА 1934 ГОДА

Я всегда говорил: мы можем добиться наших целей только вместе с рейхсвером и никогда — против рейхсвера.

*Гитлер, 30 июня 1934 года*⁴⁶

Намерение офицерского корпуса быть одной из двух опор нового режима подкреплялось монополией рейхсвера на оружие. Политика военного руководства, направленная на ее сохранение, была оборотной стороной добровольной индоктринации армии. Любое посягательство на эту привилегию, любая конкуренция воспринималась военными как прямая угроза. Но гитлеровский режим объективно был нацелен на устранение всякой независимости. К концу 1933 года руководство рейхсвера осознало, что армия больше не является единственным «оруженосцем нации». Новая вооруженная сила возникла в лице нацистских штурмовых отрядов (СА).

Штурмовые отряды были созданы при активном участии Германа Геринга в августе 1921 года, после «пивного путча» 1923 года запрещены и с 1926 года воссозданы под руководством Франца Пфедфера фон Заломона. Гитлер в это время выступал за превращение СА в революционную, боеспособную, действенную альтернативу «классической» армии. Но с ростом численности штурмовых отрядов становилось все труднее руководить ими. В августе 1930 года Гитлер взял руководство штурмовиками в свои руки, а 5 января 1931 года назначил «начальником штаба» СА Эрнста Рёма, сохранив за собой формальное высшее руководство. Однако штурмовики по-прежнему претендовали на самостоятельную политическую роль. Рём начал перестройку штурмовых отрядов на военный образец, создавая армию гражданской войны. Вся территория страны была разделена на 5 обергрупп (армий) и 18 групп (армейских корпусов). Штандартам (полкам) СА были присвоены номера бывших кайзеровских полков. Была создана целая система специальных кавалерийских, моторизованных, летных, военно-морских, инженерных, медико-санитарных подразделений СА, насчитывавших к концу 1932 года около 500 тысяч человек. Германия стала покрываться плотной сетью комиссариатов СА, занимавшихся вопросами военно-прикладного спорта, физических упражнений, высшей школы и т.д., лидеры штурмовиков стремились наладить контакты с капитанами немецкой индустрии, высокопоставленными чиновниками, прессой. Все ранее изданные приказы были сведены Рёмом в Устав СА, за соблюдением штурмовиками требований устава была призвана следить специально созданная полевая полиция⁴⁷.

Проводимая Гитлером после захвата власти политика роспуска всех политических партий и их военизированных подразделений была на руку Рёму. Вместе с запретом Коммунистической партии Германии (КПГ) был ликвидирован и Союз борцов Рот-Фронта. После выборов

5 марта 1933 года без всякого сопротивления был распущен военный союз всех демократических партий и группировок «Железный фронт», костяк которого составляла социал-демократическая военизированная организация «Рейхсбаннер». Та же судьба постигла и самую крупную правую милитаристскую организацию «Стальной шлем». Лидер штальхельмовцев Франц Зельдте вошел в гитлеровское правительство, но после того как в апреле 1933 года на местах начались столкновения с СА, в некоторых землях «Стальной шлем» был запрещен. Летом 1933 года его участники в возрасте 18—35 лет, а в начале 1934 года и штальхельмовцы 36—45 лет были включены в состав штурмовых отрядов. В марте 1934 года остатки «Стального шлема» после принесения специальной присяги Гитлеру были переименованы в Национал-социалистический немецкий союз фронтовых бойцов (НСДФБ). Благодаря политической унификации численность СА в течение первого года диктатуры возросла до 4 млн человек⁴⁸.

Несмотря то, что штурмовые отряды стремительно набирали силу, Рём жаловался: «Мы снова оказались на побегушках у генералов». И значительная часть штурмовиков была солидарна с ним, ведь бывшие офицеры Первой мировой войны, на протяжении полутора десятков лет не имевшие никакого отношения к военной службе, стали штандартенфюрерами, группенфюрерами и обергруппенфюрерами, то есть полковниками и генералами. Они жаждали соответствующей власти и уровня материального благосостояния. Реализовать эти претензии можно было, только заменив штурмовыми отрядами рейхсвер. В условиях массовой безработицы к военной карьере стремились и рядовые штурмовики, происходившие большей частью из средних слоев. В действительности же претензии на военную службу могли выдвигать только 585 тысяч «старых борцов», составлявшие 13% всех штурмовиков. Управление этой взрывоопасной смесью было проблемой не только Гитлера и рейхсвера, но и самого Рёма⁴⁹.

Начальник штаба СА выдвинул лозунг «народного войска», смысл которого состоял в воссоздании массовой армии не на основе рейхсвера, а на базе штурмовых отрядов: «Мы, фюреры СА и СС, не честолюбивы. Нам не нужны парламентские кресла, министерские посты и доходные государственные бенефиции. Мы создадим лучшие добровольные и революционные войска — войска фюрера, народа и Отечества»⁵⁰. Рём рассматривал СА и подчиненные им СС как гарантов продолжения нацистской революции и главную опору нового государства, имеющую примат над двумя другими опорами — рейхсвером и полицией. Он требовал, чтобы только штурмовые отряды оказывали влияние на решения Гитлера, а партия функционировала только как вспомогательная политическая организация. Рём считал себя новым Шарнхорстом, призвание которого — «создать нечто совершенно новое, вроде народного ополчения времен Французской революции». Прусских генералов он называл «старыми тупицами», неспособными выдвигать новые идеи. «Из старых прусских служаков нам никогда не создать нашей революционной армии, — говорил он президенту Данцигского сената Герману Раушнингу. — Все эти генералы — старые козлы, могу поручиться, что новой войны им не выиграть»⁵¹. Примерно в это же время в статье в «Национал-социалистическом ежемесячнике» он угрожал противникам нацистов: «Мы будем продолжать нашу борьбу, устраивает она их или нет. Если они наконец поймут, о чем идет речь, — с ними! Если они не захотят — без них! А если придется — и против них!»⁵²

Когда летом 1933 года министр внутренних дел Вильгельм Фрик подписал циркуляр, в котором предписывалось «принимать самые жесткие меры (по меньшей мере, арест)» против штурмовиков, и попытался положить конец хаотичным действиям СА, Рём заявил, что он с двумя бригадами пройдет маршем перед министерством и прикажет публично выпороть Фрика⁵³.

Нельзя согласиться с мнением современника тех событий Раушнинга, что военные будто бы «смотрели на все с узкопрофессиональной точки зрения — они видели лишь угрожающее ослабление дисциплины и опасность, которой подвергался недавно начавшийся процесс вооружения Германии»⁵⁴. Сначала генералы действительно рассматривали штурмовые отряды с точки зрения всеобщей мобилизации нации для обороны страны. Это был резервуар, которым предполагалось воспользоваться в случае мобилизации или увеличения армии. Пока же массовая армия не была создана, рейхсверовское руководство планировало использовать СА для оказания помощи в несении пограничной службы. Но вскоре после прихода нацистов к власти военных постигло разочарование. В министерство рейхсвера и Войсковое ведомство из военных округов стали поступать доклады о том, что некоторые офицеры обращаются в партийные учреждения с просьбой о приеме в СА при условии повышения в звании. СА срывали работу военных предприятий, арестовывая рабочих рейхсвера, а штурмовики, работавшие на предприятиях сухопутных войск, систематически прогуливали работу из-за различных учений. Чтобы пресекать неявку на службу, вызов офицеров на дуэли и другие инциденты и происшествия, руководство СА должно было постоянно издавать специальные приказы: штурмовики, занятые на предприятиях сухопутных сил, не привлекались к службе во вспомогательной полиции; неявка на работу без разрешения военного начальства запрещалась; СА лишились права проводить аресты чиновников, служащих и рабочих военных предприятий⁵⁵.

Семнадцатого мая 1933 года было заключено первое официальное соглашение о сотрудничестве СА и рейхсвера, оставлявшее защиту границы за вооруженными силами. Специальный приказ Гитлера подчинял СА рейхсверу в военных вопросах. Штурмовые отряды могли иметь толь-

ко легкое огнестрельное оружие, предназначенное лишь для обучения и решения «внутриполитических задач». В обмен Рейхенау согласился на пополнение СА за счет военизированных формирований распущенных политических партий. Соглашение не подавило ни революционный импульс, ни милитаристские амбиции штурмовых отрядов⁵⁶.

С точки зрения военного руководства, главная проблема состояла в ответственности за военное обучение штурмовиков и всех молодых немцев. Популярность Рёма и стремительный рост СА во многом были результатами запрета всеобщей воинской повинности. Но штурмовики не могли обойтись без инструкторов и материально-технической поддержки армии. Рейхсвер, в свою очередь, не мог обойтись без СА. В начале июля в Бад-Райхенхалле состоялась встреча фюреров СА и СС, на которой неофициально присутствовал Рейхенау. Формально речь шла о подчинении «Стального шлема» Рёму, но главным было решение о сосредоточении всего военного обучения под началом «шефа обучения» обергруппенфюрера СА Фридриха Вильгельма Крюгера, получившего приказ Гитлера в течение года подготовить для рейхсвера пополнение численностью 250 тысяч человек. Рейхенау немедленно начал внедрять в организацию Крюгера своих агентов и весьма в этом преуспел, хотя и не смог поставить ее под полный контроль министерства рейхсвера. Точное количество лиц, прошедших допризывную подготовку в организации Крюгера, неизвестно, но о масштабах ее деятельности говорит тот факт, что при роспуске в марте 1935 года в ней служили 13 тысяч человек кадрового персонала⁵⁷.

В августе-сентябре закулисная борьба между рейхсвером и СА продолжалась. Штурмовики упрекали армию в нелояльном образе мыслей, а офицерский корпус жаловался на «надменность» фюреров СА. Бломберг не переставал напоминать, что военное министерство исключает даже право совещательного голоса руководства СА в военной политике. Гитлер поддерживал рейхсвер, признавая за

ним роль единственного «оруженосца нации» и призывая СА заниматься только «политическим обучением народа». Наконец, 24 октября 1933 года он заявил британскому послу Эриху Фиппсу о намерении сформировать 300-тысячную армию, что автоматически вело к существенному изменению допризывной подготовки. Попытки министерства рейхсвера активизировать сотрудничество с СА, одновременно усилив их зависимость от армии, провалились⁵⁸.

В то же самое время реализация соглашения о пограничной страже укрепила неприязнь офицерского корпуса к СА, поскольку большинство руководителей штурмовых отрядов оказалось непригодным к выполнению простейших военных задач. Один из офицеров рейхсвера, направленный инструктором в СА, писал в частном письме: «Нельзя утверждать, что к нам в Хойберг были направлены лучшие штурмовики... Большая часть СА продолжает осуществлять классовую борьбу в новой, возможно, более опасной форме... Эти люди недалеко от коммунизма... Для низовых фюреров СА не было бы ничего лучшего, чем устранить нас»⁵⁹. Только что назначенный на свой пост начальник Войскового ведомства Бек в октябре-декабре 1933 года приказал ограничить проводимые рейхсвером для штурмовиков занятия по верховой езде, сосредоточить обучение СА на спортивной подготовке, прекратить обучение штурмовиков обращению с тяжелым вооружением⁶⁰.

В декабре отдел Войскового ведомства «Иностранные армии» подготовил аналитическую записку «Армия и фашизм в Италии», в которой подчеркивалось, что фашистские планы замены регулярной армии милицией неоднократно проваливались. Теперь, несмотря на существование некоторых разногласий между армией и фашистской партией, военные руководят всеми учреждениями, связанными с обороной. Военные союзы существенно облегчают итальянской армии обучение резервов, выполнение задач ПВО, милитаристское воспитание молодежи и допризывную подготовку. Даже батальоны чернорубашечни-

ков включены в армейскую программу обучения. В заключительной части записки говорилось: «Мы сами учились у Италии... но фюрер с самого начала подчеркнул необходимость четкого распределения задач между военным и политическим солдатом. Так мы смогли с самого начала вступить на путь, которым теперь пошли и в Италии после некоторых ошибок и обходных путей: руководитель нации и руководитель армии доверительно работают рука об руку, каждый в своей области, в рамках своей задачи, и не мешают друг другу»⁶¹.

Тем временем конфликт между рейхсвером и СА в самой Германии обострялся. Несмотря на все попытки военного руководства сгладить противоречия, Рём отвергал все предложения о примирении. Его провокационные выступления и участившиеся случаи разногласий по вопросам пограничной стражи вызвали все большее беспокойство в военном министерстве⁶². Но решение Бломберга и Фрича о создании в течение четырех лет 300-тысячной армии мирного времени и увеличение ее втрое в случае войны диктовало потребность в сохранении военной деятельности СА и усиление их вспомогательных военных функций. На совещании в министерстве рейхсвера 20—21 декабря представители Войскового ведомства выступили за участие армии в военном обучении СА, начиная с апреля 1934 года, но одновременно предложили запретить штурмовикам пользоваться так называемым коллективным оружием, например пулеметами⁶³.

Соперничество армии и штурмовых отрядов развивалось на фоне общего ухудшения внутривнутриполитической ситуации в Германии, которая, как считали многие наблюдатели, могла разрешиться устранением Гитлера. Немецкий историк Норберт Фрай так описывает настроения в немецком обществе в начале 1934 г.: «Ровно 12 месяцев прошло после так называемого взятия власти, а от «национального возрождения» не осталось и следа... В государстве и партии, в экономике и администрации, в рейхсвере и

СА, в городе и в деревне — повсюду распространялось разочарование и, что еще хуже, день ото дня росло число тех, кто открыто выражал свою неудовлетворенность. Критика исходила со всех сторон, по совершенно разным причинам»⁶⁴. Настроение в рабочей среде не было единым: те, кто еще не получил работу, отзывались о Гитлере негативно. Промышленники не могли приобрести каучук и нефть, вместо валюты для их закупки предприниматели получали указания использовать заменители и производить синтетическую продукцию. Чиновники жаловались на вмешательство в их работу партийных учреждений и комиссаров СА, которые обладали политической властью, но не располагали необходимыми профессиональными знаниями. Крестьяне возмущались тем, что теперь их продукция могла попасть на рынок только через Имперское продовольственное сословие, негативно воспринимали закон о наследственных дворах, который урезал права крестьян на распоряжение земельной собственностью. Но больше всего были раздражены представители городского среднего сословия: не закрывались универмаги, низкая покупательная способность семей рабочих и служащих, главной причиной которой была замороженная зарплата, отнимала у лавочников и ремесленников их клиентуру. Недовольство всех слоев, но особенно — мелкой буржуазии, аккумулировалось в штурмовых отрядах.

Гитлер сначала пытался извлечь выгоду, исполняя роль арбитра в конфликте рейхсвера и СА, но когда Бломберг от имени армии пригрозил ему гражданской войной, а Рём попытался подчинить его своему давлению, диктатор избрал твердую линию, встав на сторону рейхсвера против штурмовиков. Современникам казалось, что фюрер «отверг революционные намерения своих товарищей. Но это была только видимость. В то время все было еще таким неопределенным. Гитлеру пришлось приспособлять свои «гигантские» планы к тяжелым условиям внутренней и внешней политики; он мог продвигаться вперед лишь

очень и очень постепенно»⁶⁵. Первого декабря 1933 года в соответствии с законом «О единстве партии и государства» Рём вместе с «заместителем фюрера по партии» Рудольфом Гессом был включен в состав правительства. В то же время Гитлер в течение января-февраля 1934 года при каждом удобном случае напоминал, что «национальная революция» окончена, а те, что полагают иначе, — «дураки». Теперь задачей СА является только разгром марксизма, а защита страны от внешней угрозы — дело армии⁶⁶.

Предупреждения не подействовали на Рёма, по-прежнему считавшего, что «Гитлер окружен глупыми и опасными субъектами, которые не дают ему воли». Начальник штаба СА был, как и раньше, полон решимости реализовать планы «народного войска», не задаваясь вопросом о том, смогут ли штурмовики командовать дивизией или корпусом. «Мы сможем это сделать, когда я буду военным министром... Каждому назначенному мной фюреру СА я назначу в помощь особенно одаренного начальника Генерального штаба», — говорил он в январе 1934 года⁶⁷. Первого февраля Рём представил рейхсканцлеру меморандум, в котором просил поручить ему руководство обороной страны. Армии отводилась роль поставщика обученного рядового и командного состава для штурмовых отрядов, которые превращались в главную боевую силу страны. Офицеры рейхсвера должны были стать консультантами при фюрерах СА. План Рёма был утопией, потому что Гитлеру приходилось принимать во внимание военно-техническую сторону вопроса и политическую ситуацию. Сотрудничество с руководством рейхсвера пока приносило ему только позитивные результаты, и он не хотел получить врагов в лице армии и президента. Кроме того, глава штурмовиков представлял собой серьезного конкурента не только в государстве, но и в партии. К моменту появления плана Рёма фюрер уже принял решение о создании массовой армии на основе рейхсвера. Гитлер сразу отверг план, но руководство рейхсвера увидело в этой инициати-

ве Рёма открытое объявление войны. Возможно, Рейхенау, который доводил до министра рейхсвера содержание доклада Рёма, преднамеренно обострил ситуацию, приписал руководителю штурмовиков слова: «Я рассматриваю рейхсвер только как школу обучения для немецкого народа. Ведение войны, а поэтому и мобилизация в будущем станут делом СА»⁶⁸.

Бломберг немедленно объявил командующим военных округов, что достичь компромисса с СА не удалось и теперь решение остается за Гитлером. Фрич настаивал на издании специальных директив о взаимоотношениях рейхсвера и СА и представил готовый проект, разработанный Бекем. Лейтмотивом предложений командования сухопутных войск является последняя фраза документа: «Требования армии имеют приоритет во всех отношениях». Проект предусматривал, что министр обороны несет единоличную ответственность за подготовку обороны рейха, задачами вооруженных сил являются военное обеспечение обороны государства, мобилизация, руководство во время войны. Штурмовикам отводились помощь в охране границы, допризывная подготовка, обучение военнообязанных, не служивших в армии, поддержание боеготовности демобилизованных солдат и штурмовиков «белых возрастов» (не прошедших военную службу). Все эти виды деятельности осуществлялись под контролем военных инстанций и были строго регламентированы с той целью, чтобы СА не превратились в конкурента рейхсвера. Например, юноши 18—20 лет, входившие в спортивную организацию СА, должны были обучаться обращению с винтовкой образца 1898 года и действиям в составе небольшой группы. Основное внимание уделялось не специальной военной, а физической подготовке. Особо указывалось, что штурмовикам запрещается проводить обучение с оружием в составе более крупных подразделений⁶⁹.

Гитлер на совместной конференции руководства СА и рейхсвера, проводившейся 28 февраля в здании военного

министерства, буквально навязал штурмовикам эти положения и произнес речь, смысл которой сводился к тому, что он «намерен и впредь придерживаться обещаний, данных армии и Гинденбургу»⁷⁰. Текст речи сохранился в пересказе фельдмаршала Максимилиана фон Вейхса, сделанном на основании его стенографической записи: «Немецкий народ идет навстречу ужасающей нищете», — это мнение было удивительно из уст Гитлера, так как раньше мы все время слышали от него и от Геббельса, что в Третьем рейхе все будет прекрасно. Он обосновал это тем, что расцвет экономики будет продолжаться только 8 лет, а потом наступит спад. Этому злу можно воспрепятствовать, только создав для избыточного населения жизненное пространство. Но западные державы нам этого не позволят. Поэтому может возникнуть необходимость нанести короткие решительные удары на Западе, а потом на Востоке». Милиция, которую собирается создать Рём, окажется непригодной для войны в Европе, поэтому он, Гитлер, сформирует «народное войско» на основе рейхсвера и оснастит его самым современным оружием. Эта армия, остающаяся «единственным оруженосцем нации», через пять лет должна быть способна к любой обороне, а через восемь лет — к наступлению. СА должны ограничиться внутривнутриполитическими задачами и подчиняться его, Гитлера, указаниям⁷¹.

На следующее утро во время завтрака в своей берлинской резиденции Рём дал выход своему гневу и разочарованию. Он назвал Гитлера «смешным ефрейтором», упрекнул его в «неверности» и добавил: «Если не с Гитлером, то и без него мы сделаем это дело». Один из присутствующих, обергруппенфюрер СА Виктор Лутце, поспешил в Берхтесгаден, чтобы сообщить о случившемся рейхсканцлеру. Гитлер коротко бросил в ответ: «Мы должны дать этому делу созреть»⁷².

Формально Рём подчинился новым постановлениям⁷³, но одновременно начал публично критиковать Гитлера и требовать «второй революции». Он поддерживал связи с иностранными дипломатами, устраивал марши штурмовиков по всей стране и пытался оснастить штурмовые отряды тяжелым пехотным вооружением. Многочисленные информаторы из числа самих штурмовиков сообщали в военные инстанции о том, что действия Рёма пользовались массовой поддержкой в СА. Например, глава саксонских штурмовиков группенфюрер СА Ганс Гайн считал, что «СА как самую влиятельную организацию в Германии медленно, но верно преднамеренно отодвигают в сторону... Армия — государство в государстве. Она выдвигается на передний план и существенно угрожает прежнему господствующему положению СА. И то, что армия хочет быть единственным оруженосцем и объявлена таковой сверху, совершенно не нравится СА»⁷⁴. Руководство СА начало переводить свои отряды на казарменное положение, чтобы удержать их от контактов с населением. Некоторые штурмовики даже угодили в концлагеря за высказывание недовольства, другие наказывались многочасовой маршировкой в казарменных дворах⁷⁵.

Министр рейхсвера не предпринимал самостоятельных действий, а обращался с жалобами к Гитлеру⁷⁶. Фрич доверял ему настолько, что в начале марта отменил целый ряд своих прежних распоряжений, направленных против штурмовиков: «Формирование маршевых команд сухопутных сил», «Особые постановления о вводе в действие сухопутных сил при внутренних беспорядках», «Специальные постановления о повышении боеготовности сухопутных сил в особых случаях» и ряд других. Болезнь президента Гинденбурга в апреле 1934 года подтолкнула и генералов, и фюрера к более активным действиям. Смерть престарелого фельдмаршала давала Гитлеру единственный шанс получить полномочия президента и решительно укрепить

свое положение в государстве. Лишив власти Рёма, своего единственного серьезного соперника внутри партии, Гитлер мог сделать незыблемыми свои позиции в НСДАП. Он понимал, что «проблему СА» надо решить как можно быстрее. Во время маневров на броненосце «Дойчланд» между Бломбергом и Гитлером была заключена устная договоренность о том, что армия поддержит усилия фюрера по приобретению президентского поста, если тот нейтрализует Рёма. Восьмого мая в гарнизонные комендатуры поступил новый приказ — быть в полной боевой готовности на случай «внутренних беспорядков»⁷⁷.

Для консервативных партнеров Гитлера решение проблемы наследования президентской власти тоже было единственным шансом — шансом вернуть себе уже потерянные позиции. Вице-канцлер фон Папен и его окружение делали ставку на дальнейшее обострение конфликта между рейхсвером и СА, надеясь побудить президента объявить чрезвычайное военное положение. Удар армии против штурмовых отрядов, который в консервативном лагере считали неизбежным, должен был привести к государственному перевороту и реставрации монархии. Но министерство рейхсвера и командование сухопутных сил отказались от плана консервативной фронды. Для них существовал конфликт между СА и рейхсвером, а не между армией и гитлеровским режимом. Более того, единодушие между военным руководством и Гитлером никогда не было большим, чем в это время. Известно, что договориться с генералами о введении военного положения и установлении монархии пытались сотрудники Папена — фон Бозе и фон Гиреки. Но известно также и то, что их встречи с Бломбергом, Рейхенау и Фричем оказались безрезультатными. Данные о том, что на антигитлеровское сотрудничество дали согласие монархически настроенные генералы Герд фон Рундштедт, Федор фон Бок, Эрвин фон Вицлебен, современными исследованиями не подтверждаются.

Семнадцатого июня фон Папен выступил в Марбург-

ском университете с речью, написанной его политическим консультантом Эдгаром Юнгом. Консерваторы устали Папена подвергли критике негативные стороны режима, потребовали чистки партии и восстановления государственного правопорядка⁷⁸. Имперское министерство пропаганды воспрепятствовало распространению этого выступления, конфисковав газеты с его текстом. НСДАП ответила на речь Папена пропагандистской кампанией как против «реакции», так и против СА. Тем самым были уже определены будущие жертвы кровавой расправы — штурмовики и критики режима из рядов консерваторов.

* * *

Выступления Рёма, марбургская речь и ухудшение состояния здоровья Гинденбурга побудили Гитлера ускорить события. С 24 июня в Берлине проходили совещания руководства СС и партийной службы безопасности СД, на которых обсуждались детали расправы с Рёмом и его сторонниками в СА. Геринг, глава СС Генрих Гиммлер и шеф СД Рейнхард Гейдрих установили контакт с рейхсвером, который поддерживался преимущественно через Рейхенау и подчиненный ему абвер. Организованные гитлеровскими спецслужбами провокации дискредитировали штурмовые отряды, а Имперский союз немецких офицеров исключил Рёма из своих рядов.

Западногерманская историография долгое время отрицала причастность рейхсвера к расправе над руководством СА, возлагая ответственность только на Гитлера и нацистский аппарат террора. В конце 60-х гг. эта точка зрения была убедительно опровергнута немецким историком Клаусом Юргеном Мюллером, который на основании документов доказал, что СС и полиция не справились бы со своей задачей без поддержки армии⁷⁹. Отметим, что неверным было бы здесь также проводить различие между позицией Бломберга и Рейхенау, с одной стороны, и Фри-

ча и Бека, с другой. Фрич полностью поддерживал действия министерства рейхсвера и был готов поддержать «акцию» против Рёма. Министерство рейхсвера и командование сухопутных сил начали сбор компрометирующих материалов против СА, используя целую сеть доносчиков из числа самих штурмовиков. Полученная информация однозначно свидетельствовала о том, что СА, хотя и ненавидят рейхсвер, никакого мятежа не готовят. Эвальд фон Клейст, тогда генерал-майор, начальник VIII военного округа (Силезия), на допросе Международного трибунала в Нюрнберге показал, что в последнюю неделю июня он получил массу сообщений от штурмовиков, эсэсовцев, «Стального шлема», гражданских лиц и органов власти о подготовке путча: «Достаточно было одной искры, чтобы эта взрывоопасная смесь вспыхнула». Клейст пригласил для беседы руководителя силезских штурмовиков обергруппенфюрера СА Эдмунда Хайнеса и услышал от него заверения в том, что штурмовые отряды мятежа не планируют, а напротив, готовятся защищаться в случае антиправительственного выступления рейхсвера. Клейст немедленно вылетел в Берлин и предпринял безуспешную попытку убедить Фрича, Бека и Рейхенау в том, что слухи о подготовке государственного переворота — провокация Гимmlера. Рейхенау заявил ему, «что это, может быть, и соответствует действительности... но теперь уже слишком поздно»⁸⁰.

Еще 23 июня были проверены действия войсковых частей на случай тревоги. Командирам на местах было приказано «незаметно принять все необходимые меры». Командующие военными округами получили информацию о положении дел и были предупреждены о возможном мятеже СА, а также о том, что следует придерживаться оборонительной тактики, доверив подавление мятежников эсэсовцам. Бломберг и Фрич ограничили выдачу штурмовым отрядам войскового снаряжения и продовольствия, мотивируя это «снижением маршевой готовности войск». В эти

дни у Бека появился командир эсэсовской охраны Гитлера Зепп Дитрих и предъявил ему список высших офицеров рейхсвера, которых якобы намеревались ликвидировать штурмовики. Увидев в списке свое собственное имя и фамилию Фрича, начальник Войскового ведомства немедленно приказал всем офицерам иметь при себе заряженные пистолеты, а 26 июня все гарнизоны Германии были приведены в состояние повышенной боевой готовности⁸¹.

Двадцать восьмого июня Бломберг впервые опубликовал в партийном органе «Völkischer Beobachter» статью «Вооруженные силы в Третьем рейхе», где клялся в верности Гинденбургу и Гитлеру, превознося последнего за ликвидацию пацифистских настроений и объединение нации. Он даже отказался от внепартийности рейхсвера: «Сегодня солдат сознательно стоит в центре политической жизни народа, слитого воедино»⁸². В тот же день министерство рейхсвера уведомило командующих военными округами, что в ближайшее время возможен путч против армии, организованный «отдельными авантюристами» в руководстве штурмовиков, недовольными тем, что «фюрер не продвигает революцию вперед». Цель мятежа — «отстранить руководителей армии и распределить армию по штурмовым отрядам». Министерство приказывало не подавать признаков тревоги, которая может быть расценена как слабость. «Армия должна быть настроена на строгую оборону, чтобы ни при каких обстоятельствах не давать другой стороне повода утверждать, что намерения путча исходят от войск... Можно пойти навстречу стремлениям СС получить оружие»⁸³.

Вечером следующего дня Бломберг и Рейхенау потребовали от Гитлера «нейтрализовать» Рёма до 1 июля, угрожая в противном случае разоружить СА силами рейхсвера. Немецкие историки придерживаются мнения, что эти угрозы оказали большое влияние на фюрера, опасавшегося вмешательства армии⁸⁴. Тридцатого июня 1934 года по приказу фюрера эсэсовцы под руководством Гиммлера,

Гейдриха и Геринга схватили Рёма и других штурмовиков из его окружения в Баварии (Мюнхен, Бад-Висзее), Берлине и Силезии. Многих убивали на месте, остальные, около тысячи человек, были расстреляны в ближайшие дни.

Участие рейхсвера в этой акции выходило за рамки такой чисто технической помощи, как поставка оружия (117 тысяч винтовок и почти 2 тысячи пулеметов), снаряжения, предоставление казарм и гаражей. Между Мюнхеном и Берлином на полигоне рейхсвера Графенвёр были собраны мобильные резервы, в Мюнхене на случай серьезного сопротивления штурмовиков находился наготове оснащенный автотранспортом и тяжелым оружием пехотный полк. Пулеметная рота рейхсвера защищала партийную резиденцию «Коричневый дом». Армия осуществляла не только военное прикрытие войск СС, в некоторых местах армейские части помогали подразделениям СС и полиции проводить разоружение штурмовиков⁸⁵.

Командиры воинских частей получали указания по официальным каналам и не сомневались в легальности и целесообразности своих действий. Многие воинские начальники во время массовых расстрелов требовали объяснений от министерства рейхсвера и командования сухопутных сил. Из министерства им сообщали, что ожидаются революционные действия «известных элементов» СА, что все «мероприятия» против штурмовиков совершаются по приказу и под руководством рейхсканцлера и проводятся не в последнюю очередь в интересах рейхсвера. Таким образом, Бломберг и Рейхенау в тот же день оправдали акцию Гитлера и СС. Фюрер же всячески подчеркивал, что действует на стороне рейхсвера против СА. Прибыв ночью 30 июня в Мюнхен, он сразу вызвал офицера из штаба VII военного округа и приказал ему передать командующему округом генералу Вильгельму Адаму, «что все события, которые произойдут здесь в ближайшие часы, являются внутренним делом партии. Части гарнизона должны оставаться в казармах. Армия не имеет отноше-

ния ко всему этому делу. Мы сами постираем свое грязное белье. Скверно лишь, что в этом замешаны генералы фон Шлейхер и фон Бредов. Я позабочусь о том, чтобы ничто впредь не мешало рейхсверу выполнять задачи по обороне страны... Армия — единственный оруженосец. Каждый человек, штурмовик или кто-то другой, в будущем поступает в распоряжение армии... Я всегда полностью доверял армии и министру рейхсвера. Надо окончательно подвести черту. Будьте уверены, я окончательно наведу порядок»⁸⁶. В этот день Гитлер сдержал и еще одно свое обещание — армия не была использована для решения внутриполитического конфликта.

Таким образом, рейхсвер сыграл важную роль в подготовке и проведении резни. Ее организовали не только Гитлер и карательные органы режима, но также министерство рейхсвера и командование сухопутных войск при участии некоторых командующих военными округами.

* * *

В результате «ночи длинных ножей» рейхсверу удалось отстоять свою монополию на оружие в борьбе со штурмовыми отрядами, которые отныне не являлись конкурентом армии. Командиры СА на местах сразу же после путча объявили Рёма и его сторонников изменниками, все, что напоминало о них — портреты, наградные кинжалы и т. д., — уничтожалось. У штурмовиков было конфисковано и передано вооруженным силам 177 тысяч винтовок, 651 тяжелый и 1250 легких пулеметов. По предложению Рейхенау преемником Рёма был назначен не обладавший самостоятельностью и организаторскими способностями Виктор Лутце, вскоре лишенный прав министра. Бломберг немедленно запретил членство в СА и их подразделениях чиновникам и служащим рейхсвера, а позднее распространил этот запрет и на рабочих. Организация Крюгера была отделена от СА и весной 1935 года распущена, а ее лагеря и школы переданы вермахту. Моторизованные части СА

были включены в Национал-социалистический автомобильный корпус (НСКК), являвшийся дочерней организацией НСДАП⁸⁷.

Позднее в качестве посреднической инстанции между командованиями трех составных частей вермахта и начальником штаба СА был создан военный штаб штурмовых отрядов, ответственный за допризывную подготовку молодежи и поддержание боеготовности военнослужащих запаса. Штурмовики, состоявшие в подчиненных этому штабу военных командах СА, должны были заслужить специальные военные значки СА, вручавшиеся за «национал-социалистическую веру» и «технические умения». Представители вермахта и позднее не устали подчеркивать, что участники команд СА — лишь «политические солдаты фюрера», в то время как военнослужащие — «солдаты с оружием»⁸⁸.

«Инцидент с Рёмом в июне 1934 года почти не вызвал ответной реакции в армии, — вспоминал генерал-лейтенант люфтваффе Адольф Галланд, являвшийся тогда курсантом пехотного училища в Дрездене. — В офицерской среде циркулировали самые различные слухи, но в целом всем это казалось внутрипартийным событием, а поэтому мало заинтересовало нас»⁸⁹. Но «ночь длинных ножей» стала для рейхсвера пирровой победой, поскольку ликвидация верхушки СА сопровождалась убийствами известных деятелей консервативного лагеря — советников Папена Эдгара Юнга и Герберта фон Бозе, бывшего государственного комиссара Баварии Густава фон Кара и других. Самое страшное для офицерского корпуса состояло в том, что были убиты два его представителя — генералы Шлейхер и Бредов. Известно, что в середине июня Бек через посредника дал Шлейхеру совет воздержаться от всякой политической деятельности, поскольку его подозревают в конспиративных контактах с Рёмом. Бывший министр был очень удивлен и ответил, что со времени своей отставки не занимается политикой⁹⁰.

Это дает основание предположить, что верхушка рейхсвера была информирована о том, что произойдет 30 июня. Возможно, генералы предполагали, что их противники будут разоружены и арестованы, а не расстреляны без суда и следствия, но это не может служить им оправданием. Сохранились данные о том, что командующие VII (Бавария) и IV (Саксония) военными округами генералы Адам и Вильгельм Лист сообщали Фричу и Рейхенау о «диких», то есть несанкционированных, расстрелах, но им было приказано не вмешиваться. Адам вспоминал: «Что мы могли сделать против этой банды убийц, которая, казалось, сошла с ума? Она была для нас неуловима. Я принял решение занять казарму СС в Дахау и арестовать всех находившихся там эсэсовцев. Но незадолго до отдачи этого приказа из Берлина, а вскоре и из Мюнхена пришла новость о том, что все происходящее в Мюнхене — акция государства против антигосударственных элементов. Что могло бы произойти, если бы эта новость достигла нас часом позднее и началась акция против СС в Дахау, которую наши войска восприняли с восторгом?»⁹¹

В официальном сообщении о смерти генерала фон Шлейхера утверждалось, что он поддерживал связи с мятежниками в руководстве СА и иностранными державами и тем самым действовал против Германского государства. Во время ареста Шлейхер якобы оказал вооруженное сопротивление полицейским и был смертельно ранен. Министерство рейхсвера стремилось избежать негативной реакции офицерского корпуса на убийство генералов. Бломберг и Рейхенау давали высокую оценку действиям Гитлера, «с солдатской решимостью и образцовым мужеством» уничтожившего «изменников и бунтовщиков». Казни якобы были проведены в интересах армии, врагами которой являлись в том числе Шлейхер и правые консерваторы в окружении фон Папена. От имени вооруженных сил они обещали отплатить фюреру преданностью и верностью и впредь поддерживать хорошие отношения с «новыми» СА.

Министр рейхсвера отверг требования Фрича и командующих округами фон Витцлебена, фон Рундштедта и Вильгельма фон Лееба о назначении военно-судебного расследования и даже предоставил «доказательства» виновности Шлейхера⁹². Как заметил по этому поводу подполковник абвера Ганс Остер, «облегчение, испытанное Бломбергом и Рейхенау в результате избавления от Рёма, кажется столь большим, что за эту радость можно кое-чем и заплатить»⁹³.

По оценке Гизевиуса, «Бломберг, с преступным легкомыслием переступив через 30 июня, перешел к текущим делам. Он покрыл себя позором и как человек чести, совершив в 1934 году свое моральное самоубийство. То же самое можно сказать и о Рейхенау, его ближайшем советнике, который отныне цинично стал строить свою блестящую карьеру на совместной с Гиммлером игре»⁹⁴. Главнокомандующий сухопутных войск Фрич, по свидетельствам его друзей, «испытывал муки совести», но позднее оправдывал свою пассивность тем, что он не мог действовать без приказа Бломберга или Гинденбурга. Министр рейхсвера якобы отказался давать такой приказ, а президент был изолирован⁹⁵.

Командующий VII военным округом генерал Адам дал такую характеристику поведению министра рейхсвера и главнокомандующего сухопутных войск: «Я постоянно воспринимал как величайший позор то, что вооруженные силы без лишних слов смирились с убийством своего бывшего министра. Рассказывали — и я этому верю, — что в это непростое время Бломберга и Фрича два дня не было видно. Эти господа... исчезли из виду — лучший рецепт, когда речь идет о том, чтобы принять мужественное решение и взять ответственность на себя... Я так подробно описываю путч Рёма, потому что он действительно является вехой в пагубном развитии нашей судьбы... Дьяволу подтвердили, что ему позволено делать все, что угодно. А мы, офицеры, должны были смотреть, как высший офицер вооруженных сил Бломберг всячески помогал этому

дьяволу и вовсю старался продемонстрировать преданность и раболепие»⁹⁶.

Адам пообещал «не оставлять без последствий» убийство бывшего министра рейхсвера. В то же время он «замечал, что ничего не имеет против изоляции ненадежных элементов, но считает неправильным ставить людей к стенке без суда и следствия. Это, по его мнению, неминуемо произведет тягостное впечатление за границей. Неприятно также то, что все произошло за широкой спиной рейхсвера, который в результате несет за это свою долю ответственности». Адам собирался требовать «исчерпывающих объяснений», но был не прочь извлечь выгоду из разгрома штурмовиков и старался сохранить контроль над войсками: «К тому же возникает вопрос о будущих отношениях между рейхсвером и СА, особенно в области военного обучения... Сейчас для нас важно прежде всего позаботиться о безупречном моральном состоянии войск. Солдаты не должны сложа руки сидеть в казармах»⁹⁷.

По мнению британского военного атташе Э. Торна, пассивность офицерского корпуса рейхсвера во время резни 30 июня и его нерешительность в защите Шлейхера и Бредова объяснялись в первую очередь тем, что созданный нацистами аппарат террора позволил им провести «акцию» собственными силами, не привлекая армию к внутривнутриполитической борьбе. Кроме того, рейхсвер традиционно стремился не действовать вопреки воле народа, который в тот момент поддерживал Гитлера. Большинство офицеров, включая генералитет, благожелательно относились к фюреру, ожидая от него вооружения страны. «Невероятно, чтобы рейхсвер попытался принять меры против нацистского правительства, пока Гитлер позволяет рейхсверу продолжать его политику восстановления», — пришел к верному выводу Тортн⁹⁸.

Все же убийство генералов еще долгое время оставалось темой слухов и очагом скрытого недовольства в войсках. Государственное и военное руководство было вынуж-

ждено обращаться к этой неприятной теме еще несколько раз. Например, 3 января 1935 года, накануне голосования о судьбе Саарской области, Гитлер на секретном собрании верхушки партии, правительства и рейхсвера в конце речи, целиком посвященной внешней политике, сказал, что Шлейхер и Бредов были застрелены «по ошибке». Через неделю внутривластный отдел министерства рейхсвера приказал прекратить распространение «слухов вокруг персоны генерала фон Шлейхера». Двадцать восьмого февраля на заседании общества Шлиффена авторитетный генерал-фельдмаршал Август фон Маккензен призвал прекратить обсуждение этого вопроса. Одновременно он заявил, что честь Шлейхера и Бредова остается незапятнанной. Бломберг немедленно потребовал от Фрича сообщить офицерам, что выступление Маккензена не было реабилитацией генералов, а через месяц издал специальное распоряжение: «Дискуссии по этому вопросу я не допускаю, так как имперское правительство в своем законодательном акте заявило, что (их смерть) надо рассматривать как происшедшую в интересах государства»⁹⁹.

* * *

Устранение Рёма позволило Гитлеру получить поддержку рейхсвера в вопросе о государственном руководстве Германии после смерти президента. За день до смерти Гинденбурга, 1 августа, с согласия кабинета министров был издан закон «О государственном главе германского рейха». Посты президента и канцлера объединялись, Гитлер получал титул «фюрера и рейхсканцлера». Министерство рейхсвера поддержало Гитлера в совершении государственного переворота. Когда стало известно, что президент при смерти, генерал Рейхенау немедленно составил текст новой присяги. В отличие от текстов от 14 августа 1919 и 2 декабря 1933 года в новой присяге речь шла не о

верности конституции и повиновении президенту и не о службе народу и Отечеству, а о беспрекословном подчинении лично «фюреру германского рейха и народа Адольфу Гитлеру»¹⁰⁰. Бломберг, не имея формальных полномочий, утвердил текст и на следующий день, выступая в военном министерстве, первым принес новую присягу.

Следует заметить, что в литературе упомянут только один случай отказа присягнуть Гитлеру. Смелчаком оказался начальник гарнизона в Нюрнберге генерал Штефанус. По некоторым сведениям, протест против новой формулировки выразил Фрич, что задержало принятие соответствующего закона до 20 августа. В то же время остальные отчетливо представляли себе суть происходящего. Бек назвал день присяги «самым черным днем в своей жизни», а Гудериан писал своей жене: «Завтра будем присягать Гитлеру. Присяга, чреватая последствиями! Дай бог, чтобы обе стороны в одинаковой степени соблюдали эту присягу на благо Германии. Что касается армии, то она приучена соблюдать присягу. Пусть она с честью ее соблюдает»¹⁰¹.

Принимая новую формулировку присяги, Бломберг и Рейхенау пытались опереться на традиционные монархические представления офицерского корпуса, ведь присяга лично Гитлеру напоминала присягу на верность кайзеру. Кроме того, подчеркнутый гитлеризм руководителей министерства рейхсвера имел целью утвердить особые отношения армии с фюрером, но не с его партией. Это должно было побудить Гитлера еще больше доверять рейхсверу, опираться на него и предоставить ему больший вес в государстве. Шестого августа в беседе с французским журналистом Рейхенау отмечал, что Гитлер сдержал свое слово, доказал, что СА — политическое, а не военное формирование. Особое значение он придавал словам Гитлера: «Рейхсвер может положиться на меня, как я полагаюсь на него». Многим казалось, поддержка притязаний фюрера на президентский пост оправдала себя — Гитлер направил

Бломбергу благодарственное письмо, пообещав сохранить независимость «единственного оруженосца» — армии¹⁰².

Документы показывают, что многие офицеры не ставили знака равенства между Гитлером и НСДАП, приписывая фюреру «чистые» намерения, и верили, что после чистки положение рейхсвера в государстве действительно укрепилось¹⁰³. На самом деле получение Гитлером полномочий президента и присяга рейхсвера ухудшили положение военной элиты в системе власти. Во-первых, раньше президент являлся посредником между армией и правительством, теперь рейхсвер не имел такой инстанции. Гитлер же стал единственным и неоспоримым вождем партии. Во-вторых, окончательное отстранение от власти консервативных партнеров по коалиции и физическое уничтожение некоторых из них отняло у рейхсвера последнюю политическую силу, которая была ему внутренне близка и могла бы образовать некоторый противовес НСДАП. В-третьих, оправдание убийства двух представителей военной элиты было безнравственным в соответствии с моральным кодексом армии и имело негативные последствия. Наконец, разгром штурмовых отрядов способствовал стремительному подъему еще более опасного конкурента рейхсвера — СС.

«Рейхсвер наслаждался своим триумфом, который казался полным. Военные упрямо игнорировали свое долговременное ослабление, которое состояло в том, что они не только смирились с насильственными методами нацистского руководства, но и действовали теми же методами вместе с нацистами», — пишет Норберт Фрай¹⁰⁴. Когда офицеры должны были сделать выбор между Гитлером и оппозицией, они выбрали нацистского фюрера. Монархические убеждения были принесены в жертву неограниченному вооружению и надеждам на сохранение социальной и политической исключительности при новом режиме.

«ЧЕРНЫЙ ФЕВРАЛЬ» 1938 ГОДА И КРАХ ДОКТРИНЫ «ДВУХ ОПОР»

Тяжкие обвинения, выдвинутые против наших высших начальников, которых мы считали безупречно честными людьми, нанесли нам удар в самое сердце.

*Генерал Х. Гудериан*¹⁰⁵

Рубежом в отношениях офицерского корпуса и нацистского режима стал 1938 год, ознаменовавшийся скандальным увольнением из армии Бломберга и Фрича. Офицеры вермахта называли эти события «черным февралем»¹⁰⁶. Бломберг, назначенный министром по требованию Гинденбурга, познакомился с Гитлером только во время принесения правительством присяги. Но ни один из генералов рейхсвера не сделал столько, чтобы приобщить армию к национал-социализму. Поэтому язвительные современники наградили военного министра прозвищами «Гитлер-юнге Квекс» и «Резиновый лев», упрекая его тем самым в покорности фюреру. Бломберг же понимал, что Гитлер не успокоится до тех пор, пока не включит армию в тоталитарную систему. В докладах СДПГ за январь 1938 года говорилось: «В отличие от Рейхенау... Бломберг не был прожженным национал-социалистом. Но он относился к генералам, которые не отвергали нацистов безоговорочно, а были готовы сотрудничать с ними в интересах армии»¹⁰⁷. В то же время немецкий историк Герхард Риттер отмечает, что Гитлеру «невероятно повезло» с Бломбергом. «Никто кроме этого военного министра из школы старого кайзеровского Генерального штаба не мог быть более пригодным для того, чтобы сохранить внешнюю видимость непременной самостоятельности рейхсвера и постепенно и незаметно сделать его безвольным инструментом»¹⁰⁸.

Карьера Бломберга достигла своего зенита в 1935 году — 1 июня он был назначен военным министром и главнокомандующим вермахта. После этого его позиции ста-

новились все слабее, он попадал во все большую зависимость от Гитлера, генералы видели в нем человека партии, а для НСДАП он оставался олицетворением аристократической военной традиции. Рейхенау, единственного близкого к Гитлеру человека, Бломберг рассматривал как своего преемника и одновременно соперника. В 1935 году министр назначил его командовать VII военным округом, а на его место назначил Вильгельма Кейтеля — безынициативного исполнителя приказов¹⁰⁹.

Бломберг был вдовцом, имел двух взрослых сыновей и трех дочерей и в конце 1937 года решил жениться вторично. По некоторым сведениям, сначала он предложил быть свидетелями на свадьбе Фричу и командующему ВМФ генерал-адмиралу Эриху Редеру, они отказались, но не посоветовали ему воздержаться от этого брака. У некоторых историков это вызывает подозрение в том, что они хотели скомпрометировать его и вынудить к отставке, ведь армия только искала повод, чтобы избавиться от неудобного военного министра¹¹⁰. Другие исследователи эту версию отвергают, поскольку бракосочетание фельдмаршала было делом секретным, а свидетелями с самого начала были избраны Гитлер и Геринг. По желанию Бломберга его намерение жениться держалось в тайне, после свадьбы молодожены тоже редко показывались на людях вместе¹¹¹.

Двенадцатого января состоялась свадьба генерала Вернера фон Бломберга и 24-летней Эрны Грун. Официальное сообщение об этом событии было скромным и не привлекло всеобщего внимания: «Имперский военный министр генерал-фельдмаршал фон Бломберг 12 января, в среду, сочетался браком с фройляйн Грун. Фюрер и рейхсканцлер и генерал-полковник Геринг были свидетелями». Менее чем через неделю стали ходить слухи, что Эрна — проститутка, в кабинетах генералов в военном министерстве стали раздаваться телефонные звонки «подруг» жены военного министра¹¹².

Полицейское досье на Эрну Грун, случайно обнару-

женное одним из чиновников, попало в руки полицей-президента Берлина графа Вольфа фон Гельдорфа — бывшего гусарского офицера и фрайковорца, сделавшего стремительную карьеру в НСДАП. Он был обескуражен полученными материалами и, считая себя в первую очередь офицером и только во вторую — нацистом, показал дело Кейтелю. Гельдорф советовал ему уничтожить досье, но Кейтель посоветовал передать его Герингу. Двадцать четвертого января Геринг рассказал о документах Гитлеру. Фюрер был, по-видимому, удивлен и адресовал своему военному адъютанту полковнику Фридриху Хоссбаху вопрос о том, как армия воспримет скандал. Из его ответа Гитлер заключил, что свержение военного министра не вызовет сопротивления в сухопутных войсках. Исследователи считают, что Гитлер действительно высоко ценил Бломберга и был удивлен документами. Доказательством может служить и дневниковая запись министра народного просвещения и пропаганды Йозефа Геббельса: «Волосы встают дыбом. Это же ужасно. Неясность угрожающе возрастает. Я совершенно измучен. Выхода больше нет. Тут может помочь только пистолет... Фюрер в роли шафера. Это невысказано. Тяжелейший кризис режима со времен аферы Рёма. Я совершенно разбит. Фюрер выглядит как мертвец»¹¹³.

Три месяца спустя сам Гитлер рассказал своему адъютанту от сухопутных войск капитану Энгелю следующее: «Было неприятно на венчании познакомиться с матерью нынешней жены. Можно было прочитать по лицу, откуда она взялась и что у нее за прошлое. Он обо всем этом ничего не знал и никогда не поверил бы, если бы ему об этом сообщили. Больше всего его ошеломила позиция фельдмаршала, когда он проводил с ним последнюю беседу. Тот был крайне удивлен тем, что он, Гитлер, упрекает его, и ответил, что он в этом отношении мыслил по-национал-социалистически, когда взял в качестве второй жены простую девушку из народа. Если он и его товарищи по партии иногда думали, может быть, иначе и более сво-

бодно, чем того требуют лживая мораль этого общества и так называемые понятия об офицерской чести, то он никогда не допустил бы, чтобы какой-либо товарищ по партии, занимающий ответственный пост, женился на профессиональной проститутке»¹¹⁴.

Немецкий историк Михаэль Залевский считает, что офицерский корпус ни при каких обстоятельствах не был готов терпеть Бломберга и его свержение было неизбежным независимо от целей, которые преследовали Геринг и Гитлер. Бек доказывал Фричу, что Бломберг не достоин командовать даже полком и должен немедленно подать в отставку. Он обязан развестись, иначе его имя будет вычеркнуто из списка офицеров как «нетерпимое». Фрич должен от имени сухопутных сил потребовать у Гитлера отставки военного министра. Фрич сделал это, но до него у фюрера уже побывал Геринг¹¹⁵.

Двадцать шестого января на прощальной аудиенции Бломберг предложил Гитлеру самому занять пост военного министра. Историки ломают голову, почему он это сделал. Несомненно, у него присутствовало желание дезавуировать генералитет сухопутных сил, который не скрывал своего презрения. Бломберг предложил на пост военного министра кандидатуру Геринга, что тоже трактуется как акт возмездия армии, которая его предала. Гитлер пообещал ему, что через год он может вернуться в Германию. Согласно записям в дневнике Альфреда Йодля, фельдмаршалу было обещано, что когда «час Германии пробьет», он опять будет призван на активную службу, а «все бывшее будет забыто». Фюрер взял с бывшего министра обещание не кончать жизнь самоубийством, наверное, опасаясь международного скандала. Геринг обеспечил его валютой в размере 50 тысяч марок, и Бломберг с женой покинул Германию. В результате отставки военного министра армия стала мишенью для насмешек со стороны партийных вождей. Министр без портфеля и президент Академии германского права Ганс Франк случайно спросил генерала

Адама: «Что вы скажете о своем фельдмаршале?» Адам яростно парировал: «Это не наш фельдмаршал, а ваш!» Двадцать восьмого января Бек потребовал от Кейтеля либо развода Бломберга, либо угрожал вычеркнуть его из списков офицеров. Потом с согласия Редера в итальянскую столицу отправился бывший адъютант Бломберга по флоту капитан-лейтенант фон Вангенхайм и предложил генералу развестись или застрелиться, положив на стол перед ним пистолет¹¹⁶. Бломберг возвратился в рейх 25 января 1939 года, в сентябре он просил фюрера доверить ему хотя бы корпус, но диктатор согласился на это, только если фельдмаршал разведется. Бломберг всю войну прожил с женой в Бад-Висзее, в Баварии, и умер 13 марта 1946 года в Нюрнберге, где давал показания как свидетель на процессе против главных нацистских военных преступников.

* * *

Согласно сложившейся традиции, преемником Бломберга должен был стать командующий сухопутными войсками генерал фон Фрич. Внешне он весьма походил на карикатурное изображение прусского офицера: монокль, форма в обтяжку, невысокий рост. В действительности Фрич не был пруссаком. Его отец был первым генералом в семье саксонско-тюрингского чиновного дворянства, а мать происходила из семьи протестантского пастора из Вестфалии. Воспитанный в духе протестантской этики, Фрич был человеком скромным и бескорыстным и жил только на жалованье. Высокая репутация генерала основывалась и на его профессионализме. Он был одаренным военачальником, собирал опыт генштабиста во время Первой мировой войны, в Прибалтике, командуя воинскими частями рейхсвера в Ульме, Шверине, Штеттине, Франкфурте-на-Одере, Берлине. Все свое время он посвящал службе, иногда доходя до нервного истощения. Хотя Фрич, прошедший школу Секта, считал себя «только сол-

датом», его убеждения были националистическими и консервативными, он мечтал о новой войне против Франции и Англии, ненавидел Веймарскую республику, ее основателей Фридриха Эберта и Филиппа Шейдемана, считал, что все пацифисты, евреи и демократы хотят погубить Германию, и не проводил между ними различия. Как и большинство его коллег, он приветствовал приход нацистов к власти и охотно стал служить новому режиму. Добавим, что в отличие от других офицеров рейхсвера он внимательно проштудировал «Мою борьбу»¹¹⁷.

Американский журналист Уильям Ширер, аккредитованный в 1930-е гг. в Германии, вспоминает, как однажды во время военного парада ему довелось стоять рядом с Фричем: «Я был несколько удивлен тем, что он говорил. Он выпаливал одно за другим ядовитые замечания по адресу СС, партии, различных партийных лидеров по мере того, как они появлялись. Он был полон недовольства всеми ими. Когда показалась машина Гитлера, он пробурчал что-то и занял свое место на время просмотра непосредственно за фюрером»¹¹⁸. Сам Гитлер неоднократно «говорил о разочарованиях, которые доставлял ему Фрич, начиная с 1934 года. Он был элементом, препятствующим вооружению... Он должен был отделить себя от него»¹¹⁹.

Конечно, не стоит преувеличивать оппозиционность Фрича. Он критиковал слишком быстрое вооружение, проводимое Гитлером, и считал, что это вредит воспитанию офицерского корпуса, выступал последовательным противником военных амбиций СА, а потом — СС. Тем не менее, будучи знакомым со всеми экономическими, финансовыми и социально-политическими проблемами, которые из этого вытекают, он в декабре 1936 года одобрил программу стремительного увеличения сухопутных войск. Фрич и его начальник штаба Бек заложили основы агрессивного военного планирования, содействовали становлению танковых войск и сделали многое другое для подготовки сухопутных войск к агрессивной войне¹²⁰.

Следуя сложившейся в Германии традиции, фюрер предложил назначить на пост военного министра Фрича, хотя он «был не только олицетворением всего того, что Гитлер ненавидел в армии, он был и вождем клики, которая особенно неуступчиво противостояла СС и всему, что было с ними связано». Геринг и Гиммлер, узнав об этом, обвинили Фрича в гомосексуализме. Диктатору было известно, что полицейское досье, служившее основой обвинения, было основано на лжесвидетельствах, но он знал и то, что увольнение Фрича по «служебным» мотивам встретило бы единодушный протест офицерского корпуса. Двадцать пятого января Гитлер разыграл сцену удивления перед Хоссбахом. В течение десяти часов Гитлер и Геринг убеждали его в виновности командующего сухопутными войсками. Несмотря на строжайший приказ сохранять тайну, Хоссбах в тот же вечер сообщил все Фричу. Оба пришли к выводу, что это интрига СС, но не подумали о том, что Гитлер может быть в ней замешан. За слушание Хоссбах был снят с поста адъютанта фюрера, на его место был назначен майор Рудольф Шмундт¹²¹. Двадцать шестого января Гитлер лично провел очную ставку и сделал вид, что не поверил честному слову Фрича. В следующие дни главнокомандующего сухопутных сил допрашивали гестаповцы.

Выдвижение обвинения против Фрича сразу вслед за отстранением Бломберга усиливало тревогу среди посвященных офицеров. Бек предложил вызвать в Берлин командующих военными округами, но Фрич отказался, не желая использовать армию в личных целях. В результате даже шесть дней спустя после падения Бломберга и Фрича многие генералы еще не знали о событиях, которые разыгрывались в Берлине. Вот как описывает Гизевиус реакцию командующего VI военным округом (Мюнстер) генерала Гюнтера фон Клюге на информацию о происходящем в столице: «Лицо генерала становится пепельно-серым. Он совершенно ошарашен и, вытянув руки и ноги перед

собой, сидит в кресле неподвижно, словно чурбан. Чувствую, Ключе принимает меня за умалишенного, ибо то, что я ему сейчас рассказал, для него — бред сумасшедшего. Наверное, думает, что все это — мои дурацкие выдумки. Сколь ни невероятен случай с Бломбергом, это Ключе еще как-то себе представить может. Но история с Фричем в его голове никак не укладывается. Он дружит с генерал-полковником и считает такое некорректное поведение Фрича исключенным... Но самое невыносимое для него — то, что до сего дня он обо всем этом деле ничего не слышал»¹²².

По требованию Фрича 30 января был созван военный суд под председательством Геринга с участием генерала Вальтера фон Браухича, адмирала Редера и двух военных судей. Третьего марта главный судья сухопутных сил Карл Зак, граф фон дер Гольц из министерства юстиции, полковник Ганс Остер и Ганс фон Донаньи из абвера начали собственное расследование, которое установило, что для подготовки досье использовались шантаж, угрозы, подкуп, фальсификации. Восемнадцатого марта суд, заседавший тайно, признал Фрича невиновным. Формально его честь и достоинство были восстановлены, но Гитлер не дождался судебного вердикта и уволил фон Фрича «по состоянию здоровья»¹²³.

Устранение Фрича было вызовом армии, но солидарность с ним проявили немногие. Сохранился документ, датированный мартом 1938 года, авторами которого являются шеф абвера адмирал Вильгельм Канарис и Хоссбах. Они считали результаты судебного процесса «совершенно неудовлетворительными» и требовали освобождения вермахта от «кошмара ЧК». Офицерам предлагалось опереться на нового главнокомандующего Браухича, а также на генералов фон Рундштедта, фон Бока, Листа, Бека, а возможно, и Кейтеля, Редера и даже Геринга и потребовать у диктатора лично посетить Фрича, что реабилитировало бы его не только в глазах армии, но и перед общественностью. Наконец, от Гитлера предполагалось добиться кад-

ровых перемещений в гестапо, которые затронули бы Гимmlера, Гейдриха и других, замешанных в этом деле¹²⁴. Подтолкнуть Браухича к действиям безуспешно пытались также адъютант Гитлера от сухопутных войск капитан Герхард Энгель, первый офицер генерального штаба при Браухиче Курт Зиверт, группа офицеров абвера вокруг Канариса и Остера. Безусловно, угроза коллективной отставки высших офицеров повлияла бы на Гитлера. Его престиж был бы подорван, а развязывание войны пришлось бы отложить на неопределенный срок. Геббельс сказал в эти дни адъютанту фюрера Фрицу Видеману: «Если завтра дюжина генералов уйдет в отставку, мы погибли»¹²⁵.

Вместо этого Фрич по предложению Бека вызвал Гимmlера на дуэль, фронтеры ждали ответа два дня, но рейхсфюрер СС молчал. Как оказалось, Рундштедт, которому было поручено передать вызов, побоялся выполнить поручение. Гитлер же ограничился письмом, в котором подтверждал его невиновность и большие заслуги Фрича. Выступая перед генералами во время военных маневров в Померании в июне 1938 года, диктатор мимоходом упомянул о допущенной «ошибке», переложив вину на «отдельных низших чиновников». О восстановлении Фрича в должности он даже не заикнулся¹²⁶.

Почему генералы не оказали сопротивления атаке нацистов? Гальдер, Остер, Штюльпнагель, Рундштедт, Гаммерштейн, Вицлебен и некоторые другие требовали коллективного шага офицеров в защиту Фрича и всей армии, нейтрализации противников из СС, СД и гестапо. Бек сдерживал их, поставив дальнейшие шаги в зависимость от судебного решения. Так, когда второй обер-квартирмейстер Франц Гальдер 31 января захотел узнать от Бека подробности «дела Фрича», начальник Генерального штаба отказал ему, сославшись на свое обещание молчать. На требование Гальдера встать во главе генералов и захватить штаб-квартиру гестапо на Принц-Альбрехтштрассе Бек возбужденно возразил, что это предложение — не что

иное как «мятеж, революция», и добавил: «Этих слов нет в лексиконе немецкого офицера»¹²⁷. Теперь же Гитлер поставил их перед свершившимся фактом, и никто не хотел создавать трудностей новому главнокомандующему Браухичу. К тому же офицеры радовались, что на пост Фрича не был назначен Рейхенау. Фрич примирился со своим унижением и, считая Гитлера жертвой обмана, говорил: «Этот человек — судьба Германии... Если сейчас он рухнет в пропасть, то увлечет за собой всех нас. Ничего не поделаешь»¹²⁸.

Браухич предоставил в распоряжение Фрича дом, лошадей и ординарцев. В августе он был назначен почетным командиром 12-го артиллерийского полка. Нападение на Польшу в сентябре 1939 года происходило по плану, разработанному с его участием еще двумя годами ранее. Фрич не утерпел и последовал на автомобиле за своим полком. Гитлеру это было неприятно, но помешать генералу он не мог¹²⁹. Двадцать второго сентября бывший командующий был убит под Варшавой и по приказу Гитлера удостоился пышных похорон в Берлине. После войны бывшие генералы вермахта создали легенду о том, что Фрич был борцом Сопротивления. Его действительная роль состоит в том, что за три года под его руководством была создана лучшая армия в Европе, без которой Гитлер никогда не смог бы осуществить свои завоевательные планы.

* * *

События «черного февраля» 1938 года всегда были и остаются одной из дискуссионных проблем исторической науки. Документы свидетельствуют, что нацисты рассматривали позорное отстранение от власти рейхсверовского руководства как своего рода мечь за «ночь длинных ножей»¹³⁰. В вооруженных силах возникло «множество всяких слухов», но «сильнее всего была распространена точка зрения, что это — удар партии по вермахту, так сказать,

месть за удар, нанесенный в свое время по Рёму и СА. Гитлер, мол, не упустил случая захватить при этом в свои руки полную власть над вооруженными силами»¹³¹. Это позволило укрепиться в западногерманской историографии интерпретации, согласно которой не только Бломберг и Фрич, но и весь вермахт были жертвами гитлеровского режима, что снимало с армии ответственность за подготовку к войне и участие в военных преступлениях. Как указывает Клаус Юрген Мюллер, Фрич стал символической фигурой альтернативной политической культуры в Третьем рейхе. Многие считали его олицетворением старых прусских добродетелей, гарантом чистоты, порядка, порядочности и прежде всего — ответственным политиком, контрастом по сравнению с господством НСДАП и негативным имиджем нацистского режима. Фрича можно рассматривать как препятствие для развития тоталитарного гитлеровского режима, поскольку многие партийные деятели считали главнокомандующего сухопутных сил и офицерский корпус не товарищами по союзу в режиме «двух опор», а противниками нацистского движения и помехой на пути к абсолютной власти НСДАП¹³². Советской историографии, напротив, был присущ язвительный тон и некое злорадство по отношению к свергнутым генералам: кадровые вопросы вермахта решались «в тиши рейхсканцелярии», а Фрич писал гневные меморандумы «в тиши своего поместья»¹³³.

Несомненно, что немаловажное значение в ходе и результатах кризиса имели личные мотивы Гитлера и Геринга. Фюрер — ефрейтор Первой мировой, никогда не избавился от глубокого презрения к тем, кого он называл «верхним слоем». Генералов он считал «реакционерами», убежденными монархистами, презирающими его. Геринг также имел причины для устранения Бломберга: генерал-фельдмаршал был его военным начальником и не стеснялся показывать это при каждом удобном случае.

Главнокомандующий люфтваффе нашел выход — самому занять пост военного министра.

Большинство историков указывает на то, что решение Гитлера избавиться от Бломберга и Фрича было связано с их возражениями в адрес завоевательной программы, которую фюрер довел до сведения узкого круга лиц 5 ноября 1937 года¹³⁴. Исследователи заметили, что после 5 ноября отношения между военным министром и главнокомандующим сухопутных войск стали на глазах ухудшаться. Бломберг все больше склонялся к поддержке политики Гитлера, а Фрич не без оснований считал, что министр все менее активно отстаивает интересы армии перед Гитлером. В ОКХ вызревала идея открыто заявить о том, что Бломберг больше не пользуется доверием армии¹³⁵.

Причинно-следственная связь между подготовкой к войне и кризисом прослеживается и в речи фюрера, произнесенной на следующий день после того, как был дан ход «делу Бломберга», 22 января 1938 года. В выступлении связывались воедино внешне- и внутривластная программы Гитлера: «жизненное пространство» можно получить только в результате победоносной войны, для чего необходима «прочная идеологическая основа для всей нации». Диктатор намекнул на традиционный образ мыслей офицерского корпуса, заметив, что старые представления, например христианские, надо заменить «сверху» новыми идеями. Наконец, Гитлер подчеркнул необходимость сосредоточения государственной власти в руках одного человека и необходимость создания новой элиты общества¹³⁶. Эти идеи противоречили доктрине «двух опор». Фюрер как бы готовил слушателей к предстоящим кадровым изменениям в руководстве вермахта.

В современной историографии ФРГ существует и другая трактовка причин кризиса. Некоторые ученые выступили с критикой прежнего толкования главного документа этого периода — «протокола Хоссбаха». Как и советские исследователи¹³⁷, они полагают, что версия о связи

событий 5 ноября 1937 и февраля 1938 года неверна. Не с ноября 1937 года, а с первых дней Третьего рейха генералам были известны намерения Гитлера завоевать «жизненное пространство» в Европе. Об этом было написано в «Моей борьбе» и говорилось в речи 3 февраля 1933 года. Расхождения между военными и Гитлером 5 ноября касались не принципов, а только способов и сроков осуществления завоевательной программы. Представшие перед Нюрнбергским трибуналом участники ноябрьского совещания Геринг, Редер, Бломберг и Константин фон Нейрат стремились избежать обвинения в «заговоре против мира» и изображали всякую деловую критику Гитлера как антивоенную позицию и даже миролюбие. На деле же, как вытекает из записи Хоссбаха, генералы только предостерегли диктатора от недооценки военного потенциала противников. После отставки Фрич много размышлял о ее причинах, и только одна никогда не приходила ему в голову: Гитлер уволил его из-за миролюбия!¹³⁸

* * *

Результатами кризиса стали кадровые перемещения и реорганизация высшего военного руководства. Гитлер отверг идею создания трех самостоятельных министерств и 27 января уполномочил Кейтеля быть своим «представителем и единственным советником в вопросах вермахта»: «Я полагаюсь на Вас, и Вы должны держаться меня». Фюрер поставил его в известность, что руководство вооруженными силами будет единым и он берет его на себя. Адьютант фюрера от люфтваффе Николаус фон Белов был убежден в том, что Гитлер пришел к мысли самому стать верховным главнокомандующим вермахта после ходатайства Бломберга в пользу назначения на этот пост Геринга. Командующий люфтваффе дал вождю понять, что никакому армейскому генералу во главе вооруженных сил подчиняться не станет. Белову Гитлер прямо заявил: «Геринг

для этого не годится. Он ничего не смыслит в военной технике, он далек от элементарных задач руководства вермахтом. У него и без того есть огромное дело — Четырехлетний план, да к тому же он еще и командует люфтваффе. А передачи командования ею кому-нибудь другому... он никогда не допустит»¹³⁹.

Особое значение Гитлер придавал выбору нового командующего сухопутными войсками, так как они «являются для Германии решающим фактором, другие части вермахта играют только вспомогательную и дополняющую роль». Он предложил на этот пост генерала Рейхенау, но Кейтель отверг его как человека несолидного, поверхностного, неуравновешенного и слывающего «придурком». Гитлер, в свою очередь, не согласился с кандидатурами графа Ф. фон дер Шуленбурга и фон Рундштедта, поскольку они казались ему «слишком старыми», а также Иоахима фон Штюльпнагеля и фон Лееба, которых считал «нежелательными»¹⁴⁰.

Долгие поиски главнокомандующего и споры по этому поводу являются еще одним доказательством того, что устранение его не было заранее спланировано. Когда адъютант Гитлера от ВМФ Карл Иеско фон Путткамер по поручению Редера задал фюреру вопрос о преемнике Фрича, тот протянул ему список высших офицеров сухопутных сил, который всегда лежал у него на столе, и сказал: «Предложите же мне кого-нибудь! Вы знаете хотя бы одного? Кого же мне назначить!»¹⁴¹ В конце концов, Кейтель и Гитлер сошлись на кандидатуре фон Браухича, приемлемой для обоих. Таким образом, этот человек сразу же стал шахматной фигурой, компромиссным кандидатом в борьбе нового руководства вермахта и командования сухопутных войск за структуру верхнего эшелона руководства вооруженными силами.

Вальтер фон Браухич в годы Первой мировой войны служил офицером Генерального штаба, в рейхсвере командовал VI военным округом, потом руководил отделом

обучения сухопутных сил в Войсковом ведомстве. Осенью 1931 года он был назначен инспектором сухопутных войск по артиллерии, а после назначения Бломберга министром рейхсвера занял его место командующего I военным округом (Восточная Пруссия), с 1937 года командовал 4-й моторизованной группой в Лейпциге. Браухич, безусловно, был одаренным военачальником и входил в элиту рейхсвера и вермахта. Он, как и многие его коллеги, сначала приветствовал приход Гитлера к власти, но позднее стал энергично бороться против усиления влияния НСДАП в армии, что проявилось в постоянных конфликтах с гауляйтером Восточной Пруссии Эрихом Кохом. Он был умен и религиозен, с сослуживцами держался с некоторой холодностью. В критических ситуациях Браухич часто уступал и не обладал харизматическими способностями. «Он — только солдат, умелый мастер организации, специалист по боевой подготовке и руководству войсками, армия его ценит», — сказал о Браухиче Кейтель¹⁴².

Двадцать восьмого января Кейтель вызвал фон Браухича и спросил его, готов ли он «теснее связать сухопутные силы с государством и образом мыслей фюрера, если нужно — взять такого же шефа генерального штаба и признать нынешнюю структуру верхних эшелонов». С первым и вторым требованиями Браухич согласился, в ответ на третий вопрос промолчал, сославшись на то, что не владеет информацией. На следующий день Кейтель сказал Гитлеру, что Браухич «готов на все». В действительности Кейтелю только 2 февраля удалось уговорить Браухича занять этот пост под угрозой назначить на него Рейхенау. Следовательно, Браухич руководствовался не карьеристскими соображениями, а стремлением помочь сухопутным силам. Согласно записям Йодля, 2 февраля Гитлер все еще колебался и принял решение в пользу Браухича только на следующий день. Гитлер с ведома самого генерала приказал Герингу проверить биографию будущей супруги Брау-

хича и даже принес свои извинения, когда она оказалась безупречной¹⁴³.

В историографии сложилось негативное мнение о Браухиче как о человеке не только «послушном и преданном нацизму», «угодливом и слабохарактерном», но и продажном. Это мнение во многом основано на дневниках и воспоминаниях современников. Так, адъютант Гитлера от сухопутных войск капитан Энгель 28 марта 1938 года сделал в своем дневнике запись о том, что новый главнокомандующий сухопутных войск «до предела напряжен и покорен судьбе. Доклады у фюрера натянуты и нерешительны, нет вообще никаких доверительных отношений... Большею частью говорит фюрер, а Браухич не отваживается прерывать его или возражать ему»¹⁴⁴.

Браухич в этот момент вел бракоразводный процесс и якобы поставил условием принятия нового поста значительную финансовую поддержку для его завершения, тем самым сразу оказавшись в зависимости от Гитлера. Новый главнокомандующий, по разным источникам, получил от диктатора сумму от 80 до 250 тысяч марок. После войны Браухич, в противоположность Фричу, стал мишенью ложных утверждений и слухов. Первым, кто выдвинул версию о продажности Браухича, был участник Сопrotивления Ганс Берндт Гизевиус¹⁴⁵, ее подхватили сначала генералы Франц Гальдер и Хайнц Гудериан, а затем историки Герхард Риттер, Гельмут Крауэник, Ганс Буххайт, Эрнст Шюддекопф, Манфред Мессершмидт, Иоахим Фест, Л. А. Безыменский и другие¹⁴⁶.

Действительно, Браухич в этот момент как раз собирался разводиться. У него было трое взрослых детей, но он хотел жениться вторично на дочери крупного судебного чиновника Шарлотте Рюффер. По обычаям прусского офицерского корпуса он уже был дисквалифицирован. В действительности он заплатил своей 57-летней жене Элизабет 25 тысяч марок, так как в случае его вторичной женитьбы она не смогла бы получать пенсию после его

смерти. Супруги не жили вместе с 1933 года, поэтому 8 апреля 1938 года развод состоялся без помех, тем более что его жена уже неоднократно просила о разводе. Несовершеннолетней дочери, оставшейся с матерью, он также выплачивал вполне приличную сумму — 670 марок ежемесячно.

На Нюрнбергском процессе американские обвинители и следователи из Управления стратегических служб утверждали, что Браухич принимал дотации от Гитлера до и во время войны. Он категорически отрицал это и заявил, что некоторые высшие офицеры принимали дотации только во второй половине войны. Гитлер действительно продолжал прусско-германские традиции. После освободительных войн 1813—1815 гг. немецкие военачальники Блюхер, Йорк, Гнейзенау, Бюлов и другие были награждены земельной собственностью. Кайзер Вильгельм I так же поступил после объединения Германии: участки получили Бисмарк, начальник Генерального штаба Мольтке и военный министр Роон. Все командиры корпусов получили по 300 тысяч марок, а начальники их штабов и командиры дивизий — по 150 тысяч, на которые они также были должны купить землю.

В отличие от монархов Гитлер делал свои подарки не после, а во время войны, когда ее исход был еще не ясен. Гизевиус считал его мастером «таким бесхитростным вниманием скрашивать жизнь высоким военным чинам, иначе говоря, затруднять им уход в отставку. Вплоть до Бека и Канариса, которые никогда не меняли прежнего стиля жизни в приличествующей им по положению квартире, золотоголунники пугающе быстро оказывались готовы при получении следующего чина добыть себе место обитания пороскошнее. Еще поспешнее эти господа старались избавиться от старых офицерских понятий, чему способствовали и их внешние жизненные привычки»¹⁴⁷. Свою тактику фюрер объяснил Энгелю так: «Чем больше вознаграждаются подвиги и достижения, тем больше обязывают

по отношению к себе этого человека и привязывают его, совершенно независимо от его настроения, но в зависимости от его присяги, и обязывают его в отношении того, кому он обязан этой честью». Гудериан получил поместье стоимостью в 1,2 млн марок, вдова фельдмаршала фон Рейхенау — 1,1 млн на расходы на имение, Кейтель — дотацию в сумме 250 тысяч марок и лесные угодья стоимостью 739 тысяч марок, Лееб — такую же дотацию и лес на сумму 638 тысяч марок. По 250 тысяч марок получили также Редер, Эрхард Мильх, Клюге и Рундштедт. В конце 1944 года Хоссбах по случаю своего 50-летия принял от Гитлера 50 тысяч марок. И только Браухич не получил ничего. Лишь 4 октября 1941 года, на 60-летие, фюрер подарил ему картину стоимостью 12 тысяч марок, но генерал не знал цены этого подарка, поскольку в 1945 году, эвакуируясь на запад, оставил ее в своем доме в Силезии.

Летом 1940 года после захвата Франции Гитлер произвел 12 генералов и среди них Браухича в фельдмаршалы. Эти военачальники стали получать по 4 тысячи марок, свободных от налога. Генерал-полковникам полагалось по 2 тысячи марок жалованья. Это можно было рассматривать как своего рода компенсацию, поскольку в «Порядке вознаграждений» вермахта жалованье для этих чинов вообще не было предусмотрено. Кроме того, Браухич, Геринг и Редер с мая 1938 года получали по 4 тысячи марок на представительские расходы. Главнокомандующий сухопутных войск так и рассматривал эти деньги: в его архиве находятся тетради, в которые педантично занесены все затраты на приглашения, церемонии и благотворительные цели. В течение трех с половиной лет, пока он получал эти суммы, 26 тысяч марок было израсходовано им на «зимнюю помощь» и Красный Крест, часть денег шла в Союз слепых, в один из лазаретов и в школу резчиков по дереву. Остальные средства расходовались на официальные приемы. Следовательно, нет никаких причин упрекать Браухича в раболепстве, покорности и тем более продажности¹⁴⁸.

Уже 30 января многие немецкие и иностранные гости заметили, что военный министр не стоит рядом с фюрером на ежегодном параде по случаю годовщины прихода нацистов к власти. Существует предположение, что именно тогда к Гитлеру и пришла идея о том, чтобы сделать отставку Бломберга и Фрича менее бросающейся в глаза путем существенной смены кадров, которая дополнялась бы новой организацией МИДа и экономического руководства рейха. Это объясняет и слова Йодля, записанные им в дневник 31 января: «Фюрер хочет отвлечь внимание от вермахта, держать Европу в напряжении и назначением на различные посты новых людей создать впечатление не временной слабости, а концентрации сил. Шушниг должен не набираться храбрости, а дрожать»¹⁴⁹.

Следует заметить, что в значительной мере Гитлеру это удалось. В британской печати первые сообщения о предстоящей отставке Бломберга, Фрича и ряда других генералов появились только 2 февраля. В качестве преемника Бломберга назывался Геринг. Корреспондент «Daily mail» сообщал, что кампания против военного министра была начата группой офицеров сухопутных войск, которая «лицетворяет в рейхсвере твердолобое пруссачество кайзеровского режима». «Правда» воспроизвела эти сообщения только на следующий день в виде кратких выдержек¹⁵⁰.

Наконец, 4 февраля в 23 часа по радио было объявлено об уходе в отставку Бломберга и освобождении по состоянию здоровья Фрича. Одновременно сообщалось о реорганизации армии. Большинство немцев узнало о произведенных изменениях на следующее утро из газет. «Völkischer Beobachter» вышла с передовицей «Усиление и концентрация», которая показывала отношение к событиям влиятельных кругов в НСДАП: «Процесс слияния вермахта и партии тем самым принимает более четкие организационные формы... Естественным следствием реорганизации вермахта и связанных с ней кадровых изменений бу-

дет новое оплодотворение немецкой армии духом партии. Партия, в свою очередь, еще больше, чем прежде, будет чувствовать ответственность за работу и мораль германского вермахта». Так же триумфально трактовалось производство Геринга в фельдмаршалы и делался вывод о том, что «национал-социалист должен быть солдатом точно так же, как солдат — национал-социалистом»¹⁵¹.

Четвертого февраля были уволены со своих постов известные представители старой консервативной политической элиты: министр иностранных дел Константин фон Нейрат, посол в Вене Франц фон Папен, посол в Риме Ульрих фон Хассель и посол в Токио Герберт фон Дирксен. Объявлялось об учреждении тайного кабинета министров в составе фон Нейрата (президент), Иоахима фон Риббентропа, Геббельса, Гесса, Геринга, Ганса Ламмерса, Браухича, Редера и Кейтеля¹⁵².

Гитлер взял на себя верховное командование армией, заменив самостоятельные посты военного министра и главнокомандующего сухопутных сил Верховным главнокомандованием вермахта (ОКВ), которое стало «рабочим штабом фюрера». Его начальник, Кейтель, приравнивался по рангу к министру, оказавшись на одном уровне с начальником имперской канцелярии Ламмерсом и «заместителем фюрера» Гессом. Генерал-полковнику Герингу присваивалось звание фельдмаршала, что превращало его в высшего по чину офицера Третьего рейха. Генерал артиллерии фон Браухич назначался главнокомандующим сухопутных сил с одновременным присвоением ему звания генерал-полковника. Указом от 25 февраля Браухич и Редер были приравнены по рангу к имперским министрам и получили право участвовать в заседаниях кабинета¹⁵³. Но это право оставалось чисто формальным, поскольку последний раз в истории режима кабинет министров заседал как раз 4 февраля 1938 года.

Гитлер избрал на пост шефа ОКВ Кейтеля, «потому что фюреру нужен был кто-то, на кого он мог бы положиться при проведении в жизнь своей воли и кто мог бы держать

порядок в доме, кто-то, кто беспрекословно выполнял бы любые его распоряжения и кого можно было сделать живым олицетворением принципа фюрерства. Кейтель, как никто другой, подходил для этой роли», — считают американские историки Сэмюел Митчем и Джин Мюллер¹⁵⁴. Главным структурным подразделением ОКВ стал оперативный штаб во главе с полковником Йодлем. Помимо Йодля и Кейтеля к разработке военных планов привлекались и другие генералы, чаще всего Гудериан — «стратег войны машин», командующий единственным в составе вермахта танковым корпусом, и начальник отдела обороны страны в ОКВ Вальтер Варлимонт.

Германские вооруженные силы были разделены на три рода войск, каждый из которых имел своего командующего и свой Генеральный штаб. В руководящих органах вермахта и воинских частях произошли важные кадровые перестановки. В результате перетряски командных кадров были отстранены от своих должностей 16 генералов, 44 генерала и множество офицеров были переведены на другие места службы или отправлены в запас. Среди уволенных были будущие гитлеровские фельдмаршалы фон Рундштедт, фон Лееб, фон Кюхлер, фон Клюге, фон Вейхс и фон Вицлебен. Это были представители старой военной элиты, которым давало негативные характеристики гестапо.

В Великобритании перемещения и новые назначения оценивались как результат конфликта между правительством и армией, якобы спровоцированного группой генералов во главе с Бекком, которые добивались улучшения отношений с Англией, прекращения сотрудничества с Италией и испанскими франкистами. Итогом, по мнению британских наблюдателей, был «компромисс между фашистами и германскими консерваторами». Противоположной точки зрения придерживались во Франции, верно полагая, что кризис закончился тяжелым поражением вермахта, торжеством сторонников подготовки и развязывания европейской войны. В Советском Союзе также осознавали действительное значение смещения Бломберга

и Фрича как вехи на пути к войне. Заметки иностранной прессы о правительственном кризисе в Германии впервые появились в советской печати 3 февраля, а 6 февраля материалы на эту тему занимали уже треть страницы. Наконец, на следующий день была опубликована статья К. Велликанова «События в Германии», в которой заметно принципиальное сходство с французскими оценками, за тем исключением, что отставка Фрича является для автора показателем «сужения базы германского фашизма». Последние подробности кризиса, которые, однако, не соответствовали действительности, «Правда» опубликовала 8 февраля¹⁵⁵.

Новые руководители вермахта и сухопутных сил поддерживали пропагандистские усилия режима по успокоению умов. Десятого февраля было опубликовано специальное заявление ОКВ, в котором говорилось, что «принятые фюрером организационные и политические решения надо понимать только как концентрацию сил в его руках... По воле фюрера партия и вермахт имеют вполне определенные задачи в составе нации. Как и прежде, оба будут в теснейшем и товарищеском согласии сотрудничать и образовывать две опоры, на которых покоится государство. Об усилении влияния партии на внутренние дела вооруженных сил не может быть и речи». На следующий день Браухич направил подчиненным командирам телеграмму, которая буквально повторяла формулировки ОКВ. На совещаниях командного состава дивизий офицерам внушались эти мысли, а увольнение известных генералов объяснялось стремлением создать «резерв фюрера на случай мобилизации, чтобы обучить на этих руководящих постах новое поколение командиров»¹⁵⁶.

Тем не менее скрыть от офицеров истинное положение вещей не удалось. Высокопоставленные партийные функционеры открыто высказывались о том, что теперь партия сможет оказывать на армию такое же влияние, как и на чиновничество. Штурмовики говорили: «Настало время гестапо вмешаться в дела вермахта. Уже давно вызывает удивление то, что реакционных офицеров не устранили».

В НСДАП ожидали, что высокие посты в армии теперь займут выпускники юнкерских школ СС, в военных учебных заведениях будут введены нацистские принципы воспитания, а в вермахте — нацистское приветствие. Среди офицеров подобно эпидемии распространялся страх увольнения по политическим мотивам, поэтому в июне Гитлер посчитал нужным еще раз подчеркнуть, что «в новом рейхе сознательная борьба других сил против вермахта невозможна» и «кадровые изменения в высшем эшелоне вооруженных сил могут происходить только из состава самого вермахта. Влияние других факторов, как в России, исключено». «Фюрер завершил свои высказывания изъявлением своего доверия вермахту и его руководителям и просьбой к ним оказать ему такое же доверие», — записал генерал Гальдер¹⁵⁷.

* * *

События «черного февраля» 1938 года отразились на положении офицерского корпуса в государстве и обществе, привели к активизации оппозиционных Гитлеру сил в вермахте и показали, что политика Третьего рейха вступает в новый этап.

Во-первых, свергнув Бломберга и Фрича, Гитлер лишил офицерский корпус положения социальной и политической элиты и нанес ему тяжелое моральное поражение. «Доктрина двух опор» потерпела окончательное крушение. Теперь между армией и фюрером не было никакого посредника в лице военного министра, последние реликты традиционного прусско-германского дуализма политической и военной власти были устранены. Вместо двух «опор» теперь существовало три равноправные: имперское правительство, НСДАП и вермахт¹⁵⁸. Германские дипломаты верно считали результатом кризиса «полную гитлеризацию армии и внешней политики»¹⁵⁹, а деятель антигитлеровской оппозиции Гизевиус писал: «Отныне Гитлер людей с золотыми галунами больше не опасался. Пусть порой они и ворчали, это нисколько не меняло того фак-

та, что войско их низведено до уровня коричневого партийного формирования»¹⁶⁰.

Первый шаг к полному подчинению армии Гитлер сделал в 1934 году, после смерти Гинденбурга. Но только одна личность была в состоянии удовлетворить потребности режима — сам Гитлер. Получение им полномочий военного министра было не столько удивительным и случайным, сколько имманентным системе и логичным. Теперь он обладал не только номинальными, но и фактическими правами верховного главнокомандующего. Параллели между событиями июня 1934-го и февраля 1938 года очевидны. В обоих случаях речь шла об уничтожении руководящей верхушки организаций, которые не соответствовали мировоззрению и политическим целям Гитлера. В обоих случаях СС были закулисным руководителем и исполнителем и оказывались в выигрыше. В обоих случаях усиливалась власть Гитлера, а поверженные враги примирались с поражением. В обоих случаях армия принимала вину на себя.

Лишение офицерского корпуса самостоятельной политической роли проявилось и в кадровом отношении. Браухич не имел престижа в глазах офицерского корпуса уже из-за того, что занял свой пост благодаря бесчестному смещению авторитетного генерала Фрича. Он не стремился к участию в принятии ответственных политических решений, а ограничивался только профессиональной военной сферой и исполнительными функциями в соответствии с указаниями Гитлера — политического руководителя государства и верховного главнокомандующего вооруженных сил. Своим поведением Браухич, Кейтель и Йодль подтвердили, что попытка претворить в жизнь прежнюю политическую концепцию путем сотрудничества традиционной военной элиты с гитлеровским движением потерпела крушение. Казалось, Гитлер и его партия решили проблему интеграции армии в современное общество, но с пользой для себя и за счет традиционной военной элиты. Новых руководителей вермахта связывали с прусско-германской традицией внешне- и внутривладе-

ские цели. Осуществление важной части внутривластных планов — построение авторитарного государства — облегчило им отказ от самостоятельной политической роли. Реализация внешнеполитической цели — достижение гегемонии в Европе — была возможна только в союзе с Гитлером и под его руководством. Именно по этим двум причинам новое военное руководство было предано нацистскому режиму. Кейтель и Йодль были убежденными приверженцами харизматического фюрера, они видели себя только в роли лояльных и убежденных исполнителей воли своего господина. Они полагали, что только такой вождь был в состоянии мобилизовать государство и весь народ для достижения «великой цели» — гегемонии Веймарской Германии в Европе¹⁶¹.

В то же время создание ОКВ не означало приобретения диктатором эффективного инструмента военного руководства. Три части вермахта оказалось невозможно скоординировать, хаос соперничающих ведомств усилился. Геринг и Редер использовали свое положение у Гитлера, чтобы осуществлять собственные интересы в вооружении, и не выполняли директивы ОКВ, которое, в свою очередь, конкурировало с ОКХ и Генеральным штабом.

Во-вторых, кризис способствовал образованию зачатков «национально-консервативной оппозиции» Гитлеру. Заговорщики стали целенаправленно готовить планы государственного переворота. Двадцать девятого июля 1938 года Бек на основе информации из отдельных воинских частей сделал вывод о том, что «падение Фрича создало между фюрером и офицерским корпусом вермахта пропасть недоверия, которая никогда не может быть преодолена»¹⁶². Отставка самого Бека в конце августа 1938 года была подтверждением тому. В то же время послевоенные попытки некоторых бывших генералов вермахта с помощью скандала вокруг Бломберга и Фрича приписать военному Сопротивлению длительную традицию, приуменьшить виновность армии в гитлеровских преступлениях и снять вину за поражение несостоятельны. Значение этих

событий после войны было преувеличено и драматизировано. Хотя Гальдер участвовал в разработке планов государственного переворота, целью которого было предотвращение войны, одновременно он же сыграл большую роль в планировании и осуществлении «молниеносных» военных походов Гитлера. Он лучше, чем Браухич, понимал разрушительный и преступный характер системы и политики Гитлера, но, в конечном счете, последовал за фюрером. Гальдер не смог отказаться от традиционных гегемонистских и империалистических целей военной элиты, для реализации которых казалась вполне пригодной гитлеровская концепция «молниеносной войны».

Наконец, в более широком плане «кризис Бломберга — Фрича» знаменовал собой начало нового этапа в истории Третьего рейха — этапа радикализации. Британский историк Алан Буллок полагает, что дело Фрича «знаменовало собою завершение первой фазы гитлеровской ревизии: конец надеждам консерваторов на возможность ее сдерживания и начало новой фазы, которая привела ко второй стадии нацистской революции, воплощавшейся в войне, начатой Гитлером»¹⁶³. Отставка генералов была только частью действий Гитлера, направленных на устранение консервативных элит. Министр экономики Шахт постепенно передавал свои полномочия «экономическому диктатору» Герингу. 27 ноября 1937 года он ушел в отставку, 4 февраля 1938 года его место занял Вальтер Функ. Двадцатого января 1939 года Шахт лишился и поста президента рейхсбанка. Назначение министром иностранных дел Риббентропа, аншлюс Австрии в марте, Мюнхенское соглашение в сентябре 1938 года были признаками решимости Гитлера начать немедленное решение проблемы «жизненного пространства». «Имперская хрустальная ночь» — еврейский погром в ночь с 9 на 10 ноября — был поворотным пунктом на пути к «окончательному решению еврейского вопроса»¹⁶⁴.

Глава 2

ВОЕННЫЕ КАДРЫ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

ВООРУЖЕННЫЕ ЧАСТИ СС — НОВЫЕ «ОРУЖЕНОСЦЫ НАЦИИ»

Конечно, СС хотят большего! Борьба еще предстоит, но в конечной победе вермахта сомневаться нечего.

Генерал В. фон Фрич¹

Одной из общих черт «классических» тоталитарных диктатур XX века было создание милитаризованной партийной милиции, существовавшей параллельно с обычными органами защиты государства — армией и полицией. Во время Второй мировой войны на базе таких формирований возникли дивизии НКВД, итальянские дивизии из членов фашистской милиции и германские ваффен-СС. Последние представляли собой «самую крупную, лучше всего организованную и самую боеспособную из военизированных партийных армий»². Создание фундамента такой армии происходило в предвоенные годы в условиях соперничества с вермахтом. Почему генералы, начавшие свою карьеру еще в Германской империи и гордившиеся своим «благородным» происхождением, не подавили в зародыше первую же попытку конкуренции со стороны «выскачек» из СС? Почему им не удалось подчинить вооруженные ээсовские отряды своему контролю? Почему вермахт беспрекословно делил с СС лавры бескровных побед в «цветочных войнах» 1936—1939 гг.? Ответы на эти и другие вопросы можно найти, изучив сложную эволюцию взаимоотношений традиционных и новых, специфических институтов тоталитарного государства, представи-

телей старых элит и получивших власть в Германии лидеров радикального нацистского движения.

Казалось, расправившись с Рёмом, Гитлер окончательно закрепил за рейхсвером монополию на оружие. Однако логика укрепления режима единоличной диктатуры и подготовка к войне за мировое господство толкали его на формирование «параллельной армии». Эти потребности вполне осознавались нацистским руководством, о чем свидетельствуют два приведенных ниже высказывания.

В марте 1945 года, накануне краха Третьего рейха, имперский министр пропаганды Йозеф Геббельс напоминал диктатору, что «в 1934 году мы, к сожалению, упустили из виду необходимость реформирования вермахта, хотя для этого у нас и была возможность. То, чего хотел Рём, было, по существу, правильно, разве что нельзя было допустить, чтобы это делал гомосексуалист и анархист. Был бы Рём психически нормальным человеком и цельной натурой, вероятно, 30 июня были бы расстреляны не несколько сотен офицеров СА, а несколько сотен генералов... Тогда как раз был подходящий момент для революционирования рейхсвера. Этот момент из-за определенного стечения обстоятельств не был использован фюрером»³.

В июне 1940 года Гиммлер так ответил на вопрос своего врача Феликса Керстена о причинах создания ваффен-СС, назвав их «воплощением национал-социалистической революции в военной области»: «Каждая революция старается взять под контроль армию и заразить военных своим духом. Лишь тогда, когда эта цель выполнена, можно считать, что революция победила. Французская революция преуспела в этом отношении, чем и объясняются скорость, с какой она распространялась, и сила, обеспечившая ей победу. Наоборот, Веймарская республика так и не сумела решить проблему армии... Есть два способа формирования вермахта, которые отвечают требованиям национал-социализма. Фюрер мог бы полностью разогнать старый офицерский корпус, так как именно в офицерской

среде создается воинский дух. Можно было построить новый вермахт, в котором офицеры были бы надежными национал-социалистами, не только обладая формальными способностями, но и будучи полностью приемлемыми для государства своим общим мировоззрением и настроениями. Это был бы верный и естественный путь, но он бы занял слишком много времени. Фюрер не мог подвергать рейх опасности, отказавшись от опыта и способностей старых офицеров. Однако он принял во внимание тот факт, что эти люди в основном не симпатизировали национал-социализму. Именно поэтому он готовил войска для специальных задач, а затем в лице ваффен-СС создал вооруженные силы, придерживавшиеся тех взглядов, которые национал-социализм собирался насадить в рядах вермахта⁴.

Хотя Гитлер проявлял колебания в путях реформирования вооруженных сил государства, конечной целью его политики всегда была новая революционная армия. Фюрер был убежден в том, что победа в войне зависит не от военной подготовки, вооружения, ресурсов страны и других материальных факторов, а от «революционного духа». «Если ему скажут, что эти партийцы едва ли хорошо обучены, он возразит: революционный энтузиазм — стопроцентная замена мертвой армейской муштры», — откровенничал он перед Раушнинггом⁵. «Кривоногие штурмовики», которых он счел непригодными для завоевания мирового господства, после «ночи длинных ножей» перестали быть конкурентом армии. Но рейхсвер недолго оставался единственным «оруженосцем нации». Вакантное место СА заняли отборные «арийцы» из охранных отрядов партии — СС.

Охранные отряды были созданы в апреле 1925 года по личному приказу Гитлера. В январе 1929 года их возглавил Гиммлер, а в марте 1933 года фюрер создал из отряда своих телохранителей немногочисленную штабную стражу СС «Берлин» под командованием Зеппа Дитриха. Солдатам стражи, расквартированным в казармах бывшего кадетского корпуса в Берлине-Лихтерфельде, была поручена

охрана имперской канцелярии, их военное обучение производилось на базе 9-го Потсдамского пехотного полка. На съезде НСДАП в сентябре 1933 года это формирование было переименовано в лейбштандарт «Адольф Гитлер» — полк личной охраны фюрера. Девятого ноября солдаты лейбштандарта приняли присягу на верность лично Гитлеру, которую историки оценивают как «военно-политическую и конституционно-политическую революцию в миниатюре». Действительно, согласно Веймарской конституции главнокомандующим вооруженных сил страны являлся президент, а канцлер не имел никакого права на собственную «частную» армию. Немецкий историк Хайнц Хёне пишет: «Пускай лейбштандарт в ту пору насчитывал всего лишь несколько сотен человек, демонстративный жест Гитлера выставил напоказ все его двуличие, позднее автоматически перенесенное и на войска СС. Гитлер создал подразделение для своих личных нужд, которое мог использовать по своему усмотрению сегодня для личной охраны, завтра в качестве инструмента политического террора, а при необходимости и против тех, кто официально был наделен правом ношения оружия — против рейхсвера»⁶.

Однако сначала военное командование не проявляло тревоги по этому поводу, ведь небольшое количество, низкий уровень организации и слабая боеготовность эсэсовцев не давали повода для беспокойства. К тому же Гиммлер рассматривался генералами как союзник в борьбе со штурмовыми отрядами. Рубежом в отношениях армии и вооруженных частей СС стала «ночь длинных ножей». Офицерам казалось, что, избавившись от Рёма и его ближайшего окружения, Гитлер отказался от идеи создания революционной армии и сделал выбор в пользу военных профессионалов. Это подтверждало и обещание фюрера, данное командующему VII военным округом генералу Адаму: рейхсвер останется единственной вооруженной силой в Германии. Но одновременно события 30 июня 1934

года показали необходимость организации вооруженных частей, находящихся в непосредственном распоряжении диктатора. СС были отделены от СА и подчинены лично Гитлеру, Гиммлер получил партийный ранг рейхслейтера, а Дитрих — обещание превратить лейбштандарт в «современное вооруженное подразделение наряду с рейхсвером»⁷. Пятого июля Бломберг довел до сведения генералов решение фюрера вооружить части СС, поскольку оружия, полученного в ходе расправы над штурмовиками, достаточно для оснащения эсэсовской дивизии. С этого момента началось соперничество между армией и вооруженными частями СС, которое офицерский корпус отождествлял с усилиями по упрочению своего положения в Третьем рейхе.

Позиции военного руководства ослаблялись двумя факторами. Во-первых, вооруженные силы соперничали с различными партийными организациями, добиваясь поддержки Гитлера и постепенно утрачивая «внепартийность». Во-вторых, военные считали СС потенциальным «заместителем» армии внутри страны, ведь рейхсвер традиционно стремился воздерживаться от участия во внутривнутриполитической борьбе. Двадцать четвертого сентября 1934 года Бломберг издал первое распоряжение, касавшееся организации, задач и подготовки к войне частей СС особого назначения (ССФТ)⁸. В документе отмечалось, что вооруженные эсэсовские формирования создаются «в соответствии с принципиальным решением фюрера». СС «являются политической организацией НСДАП, и для решения политических задач им не нужны ни военная форма, ни военная структура, ни военное обучение. Они вооружены и организованы, исходя из политической точки зрения». Но для особых политических задач, поставленных Гитлером перед СС — как «отступление от принципа», — создаются части особого назначения в количестве трех полков («Германия» в Мюнхене, «Дойчланд» в Гамбурге и лейб-штандарт «Адольф Гитлер» в Берлине) и одного подразделения связи, причем в полк объединяются только части лейб-штандарта, рас-

квартированные в столице рейха, остальные же батальоны «пока» остаются разрозненными. Части СС особого назначения подчиняются рейхсфюреру СС и в мирное время организационно никак не связаны с рейхсвером. Однако в случае войны они поступают в распоряжение вооруженных сил, как и общие СС, за исключением 250 тысяч ээсовцев, которые направляются для усиления политической полиции. Поэтому уже в мирное время в соответствии с директивами министра обороны проводится военное обучение вооруженных ээсовских формирований. Их комплектование осуществляется на добровольной основе, для чего используются призывные пункты рейхсвера, а служба в частях особого назначения засчитывается в срок действительной военной службы. Подбор командного состава осуществляют сами СС, а продвижение командиров по службе основано на тех же принципах, что и в рейхсвере. Обучение командиров ведется в трех юнкерских школах СС, бюджет которых рейхсфюрер обязан согласовывать с министром обороны. Оружие, снаряжение и воинские уставы закупаются у рейхсвера. Сотрудничество вооруженных сил и частей особого назначения в области подготовки командного состава состоит в откомандировании военных преподавателей в юнкерские школы и батальоны СС, участии ээсовских командиров в учебных курсах сухопутных войск и их стажировке в воинских частях, а также в проведении совместных маневров⁹.

Следовательно, вскоре после «усмирения» СА военное руководство вновь почувствовало угрозу, на этот раз со стороны СС, и было заинтересовано в четком определении правового статуса, численности и функций вооруженных ээсовских подразделений. Но приказ министра рейхсвера устраивал и Гимmlера: существование частей особого назначения было официально признано; в некоторых отношениях они были уравнены в правах с рейхсвером; создавались школы для подготовки офицерских кадров; наконец, ответственность военных специалистов за боевую

подготовку эсэсовцев, которую генералы рассматривали как средство контроля, обеспечивала высокую боевую выучку, недостижимую без помощи рейхсвера.

Двусмысленное решение Бломберга стало причиной «бумажной войны» между командованием сухопутных войск и руководством СС, содержанием которой стали темпы и пределы расширения частей особого назначения, милитаризация общих СС и правовой статус юнкерских школ¹⁰. В первых числах октября Гиммлер появился в кабинете начальника Войскового ведомства Бека и попытался убедить его в своей лояльности по отношению к рейхсверу. Рейхсфюрер начал с того, что СС, построенные на принципе строгого отбора, призваны в течение длительного времени — двух тысяч лет — «оказывать решающее влияние на развитие немецкого народа». Следовательно, «цели, которые преследуют СС, состоят не в создании военной организации наряду с вооруженными силами, а касаются воспитательной и демографической области». Но стремление к подобной цели «требует того, чтобы людей, с помощью которых она должна быть достигнута, содержали в солдатской дисциплине. Это возможно только тогда, когда в СС применяются присущие военным организационные, воспитательные и образовательные средства». Едва ли Бека могли успокоить приведенные Гиммлером данные о том, что состоящие в его организации 207 тысяч мужчин распределены по 90 пехотным штандартам, 30 моторизованным, 30 саперным штурмам и 30 штурмам связи. Однако рейхсфюрер торжественно заявил, что рейхсвер остается единственным оруженосцем нации, потому что такова воля фюрера, воля самого Гиммлера и, наконец, потому что «было бы безумием предпринимать что-либо против сухопутных войск». Он, Гиммлер, якобы «ставит значение сухопутных войск превыше всего» и «добивается установления тесной связи и хороших отношений с вооруженными силами, ведь в будущем окончательное зачисление в СС будет поставлено в зависимость от того, как че-

ловец проявил себя в армии. Поэтому он стремится к тому, чтобы все кандидаты на зачисление в СС не менее одного года отслужили в армии, а многие оставались в сухопутных войсках и дольше, и чтобы фюреры СС по возможности являлись армейскими офицерами резерва». Еще одно замечание Гимmlера было отмечено Беком особо: Гитлер якобы уже дал согласие на то, чтобы в случае войны утроить численность частей СС особого назначения¹¹.

Разумеется, аргументы главы СС не могли успокоить генералов, напуганных миражем «вторых СА». В Войсковом ведомстве с полным основанием считали СС военизированным формированием, состоящим из мужчин призывного возраста. «Поставленных СС расовых и политических задач недостаточно для того, чтобы устранить преобладание военного характера и содержания этой организации. Но это преобладание неизбежно вызовет военные притязания и стремление к военным задачам». Из этого Бек сделал вывод о том, что рано или поздно СС повторит путь штурмовых отрядов и превратится во вторую армию наряду с рейхсвером, и лояльность руководства СС по отношению к армии отнюдь не является гарантией другого развития событий. В мировоззренческие, расовые и политические задачи СС рейхсвер не вмешивается, но что касается их военных притязаний, то «солдат как представитель совокупных военных интересов государства и народа» должен потребовать:

- ограничения численности охранных отрядов показателями, которые позволят руководству СС держать всю организацию под своим контролем;

- ограничения имеющего военную подготовку руководящего состава рамками частей СС особого назначения;

- ограничения штатных единиц фюреров СС;

- запрета обмена командным составом между общими СС и частями особого назначения, командирами в которых должны быть главным образом офицеры резерва;

- ограничения обучения 25-тысячного ээсовского

корпуса усиления полиции строевыми занятиями, а также стрельбой из пистолета и винтовки¹².

Гиммлер настойчиво повторял, что параллели между СС и СА неуместны, охранные отряды никогда не превратятся в «побочную армию», ведь по приказу Гитлера части СС особого назначения подчинены министру рейхсвера во всех военных вопросах, он, рейхсфюрер, прочно удерживает руководство всей организацией в своих руках, командиры ССФТ — офицеры резерва — создадут тесную смычку между армией и СС, наконец, большинство эсэсовцев имеют гражданскую профессию и потому далеки от военных амбиций. Что касается увеличения частей особого назначения, то, по словам Гиммлера, Бломберг уже дал согласие на формирование разведывательного подразделения и саперного батальона, а формирование артиллерийских подразделений «в связи с временными трудностями» откладывается на два года¹³.

В октябре-ноябре в адрес Бека, Фрича и Бломберга поступали тревожные новости от начальников военных округов. Так, из VI военного округа сообщали, что части СС собираются сформировать артиллерийские подразделения, а начальник III военного округа жаловался на уклонение эсэсовцев от участия в охране границы. Министр рейхсвера упрекнул Гиммлера в том, что СС не выполняет своего обещания лояльно сотрудничать с армией, а 18 декабря 1934 года подписал подготовленные в Войсковом ведомстве «Директивы о сотрудничестве с СС», которые определили официальную линию рейхсвера. Руководство подготовкой частей особого назначения СС поручалось Войсковому ведомству, которое ежегодно определяет цель обучения, ответственность и право контроля на местах передавались начальникам военных округов, причем командиры эсэсовских формирований были обязаны поддерживать с ними постоянный контакт. Командование сухопутными войсками получило контроль и над военной подготовкой

общих СС, которые в случае мобилизации также поступали в его распоряжение¹⁴.

Но рейхсфюрер настаивал на своем, и 2 февраля 1935 года Гитлер подписал приказ, в котором устанавливалось, что части СС особого назначения помимо трех полков включают в свой состав саперный батальон и батальон связи, каждый из трех штандартов «с целью разведки и борьбы в случае внутренних беспорядков» располагает дорзорным взводом в составе двух средних и четырех легких броневигов. Гитлер, однако, запретил формирование артиллерийских и разведывательных подразделений (штабы, артиллерию, специальные подразделения эсэсовская дивизия в случае войны должна была получить от рейхсвера) и оставил под контролем министра рейхсвера кадровый состав, материальную часть эсэсовских полков и их военную подготовку¹⁵.

Контроль армии над вооружением и обучением частей СС позволял несколько затормозить процесс их превращения в полноценные боевые формирования. Фрич распорядился допускать фюреров СС к участию в штабных играх сухопутных войск, только «если они обладают соответствующей военной квалификацией». Эта оговорка по существу исключала появление эсэсовских командиров на таких играх. Кроме того, главнокомандующий сухопутными войсками предложил Бломбергу ограничить подготовку частей СС строевыми занятиями в составе не более роты и стрельбой. Фрич считал полевые упражнения «нецелесообразными» и предлагал «принципиально отказаться» от командирования армейских инструкторов в эсэсовские части. В апреле 1935 года он направил Бломбергу письмо, в котором указал на трудности в снабжении сухопутных войск артиллерийским вооружением. Это, как доказывал Фрич, служило достаточным основанием для отказа от формирования в случае войны эсэсовской дивизии. Полки СС, расквартированные в разных местах, главнокоман-

дующий сухопутных войск предложил передать в распоряжение начальников соответствующих военных округов¹⁶.

Начальник VII военного округа генерал-лейтенант Адам, проводивший в июне 1935 года инспекцию двух батальонов СС, сообщил Фричу, что внешний вид эсэсовских бойцов производит хорошее впечатление благодаря их физическим параметрам и хорошему обмундированию. Но в обучении солдат не хватает основательности и опыта, квалификация офицерского и унтер-офицерского звена, состоящего из бывших офицеров и унтер-офицеров императорской армии, австрийской армии, полиции и курсантов эсэсовских школ, невысока. Адаму не напрасно «внушала опасения» низкая дисциплина гиммлеровского войска, а его предположения о том, что «с укреплением военного воспитания и обучения нехватка дисциплинированности будет постепенно преодолена», не оправдались¹⁷.

В октябре 1935 года в учебном лагере сухопутных войск Альтенграбов произошло столкновение между эсэсовцами из лейбштандарта и военнослужащими. С первого дня пребывания в лагере эсэсовцы дебоширили, нарушали служебный распорядок, портили военное имущество, оскорбляли солдат и офицеров, называя их «кнехтами Фрича» и «носителями моноклей»¹⁸. Апогеем взаимного озлобления стала массовая драка во время киносеанса. Фрич расценил эти события не как стихийный инцидент, а как проявление целенаправленной политики Гиммлера, направленной на обострение отношений между частями СС особого назначения и армией. Командирам на местах было приказано в случае невозможности уладить конфликт на месте сообщать о нем непосредственно Фричу. Следовало обратить внимание и на эсэсовцев, проходивших службу в армии в качестве кандидатов в офицеры резерва. Командующий сухопутными войсками подозревал, что они используют пребывание в войсках для шпионажа и сообщают компрометирующие сведения в партийные инстанции и гестапо. Фрич представил военному министру

акты расследования инцидента в Альтенграбове и других происшествий и потребовал от него добиться расформирования частей особого назначения СС. Две недели спустя Бломберг вернул доклад с пометкой «Прошу впредь не представлять мне подобных предложений», ведь СС — «собственные войска фюрера». После этого Фрич обратился к Гитлеру и Гимmlеру. Фюрер ответил уклончиво, пообещав ему «справедливо разобраться в этом деле»¹⁹.

Тогда за своего главнокомандующего вступился Бек, потребовав от рейхсфюрера СС извинений: «Считаю своим долгом проинформировать Вас о том, что господин главнокомандующий по-прежнему ожидает от Вас отмежевания от высказываний, прозвучавших в его адрес во время инцидента в Альтенграбове, и сожаления по этому поводу. С другой стороны, он, разумеется, с самого начала не одобрял совершенно неверное поведение и ошибки военнослужащих сухопутных войск, допущенные во время этого инцидента. Его участники вскоре будут наказаны. После Вашего заявления господин главнокомандующий охотно высказал бы Вам свое сожаление по поводу этих ошибок военнослужащих сухопутных войск» и т.д. В тот же день Гимmlер специальным приказом напомнил солдатам частей СС особого назначения о том, что они являются только гостями на территории военного полигона: «Командному корпусу и рядовому составу СС должно быть ясно, что на полигоне они должны заботиться об упражнениях и обучении и ни о чем ином... Любое нарушение я буду наказывать исключением из СС». Инцидент был полностью исчерпан в конце января 1936 года, когда специальным приказом Фрич обязал всех военнослужащих уклоняться от любых провокаций со стороны эсэсовцев и выразил надежду на улучшение отношений с СС в будущем²⁰.

Не прошло и двух месяцев, как армии было нанесено новое оскорбление. По приказу Гитлера части СС особого назначения не только участвовали в оккупации демилита-

ризованной Рейнской зоны в марте 1936 года, но и первыми торжественно вступили в центр Рейнской области город Саарбрюкен. В феврале следующего года Гиммлер запросил согласия Фрича на увеличение численности частей особого назначения еще на пять тысяч человек, пообещав использовать их на пограничной службе с целью инфильтрации «коммунистов, саботажников и мятежников». Командующий сухопутными войсками наотрез отказался выполнить это унижительное требование, поэтому эсэсовский корпус пограничной стражи так никогда и не был сформирован. Рейхсфюрер не стал настаивать на своем, поскольку в это время он добивался расширения своих полномочий не в качестве командира вооруженных частей СС, а как главы полицейских сил рейха. В июне 1936 года Гитлер назначил его «рейхсфюрером СС и шефом германской полиции в имперском министерстве внутренних дел», что давало Гиммлеру возможность контролировать полицейскую деятельность по всей Германии. Полицейские полномочия были гораздо шире тех возможностей укрепить свое положение, которые предоставляли части СС особого назначения²¹.

К этому времени структура будущих войск СС обрела четкие контуры, и 1 октября 1936 года Гиммлер назначил командующего своей маленькой армией — инспектором частей СС особого назначения стал отставной генерал-лейтенант рейхсвера Пауль Хауссер, к тому времени дослужившийся в СС до чина бригаденфюрера (генерал-майора). Со второй половины 30-х гг. набирал силу и другой конкурент вермахта в эсэсовской униформе — вооруженные караульные команды концлагерей, 29 марта 1936 года переименованные в части «Мертвая голова» (ССТФ). Выступая в январе 1937 года перед слушателями «национально-политических курсов» вермахта, Гиммлер назвал местами их дислокации концентрационные лагеря Дахау, Заксенхаузен, Лихтенбург, Заксенбург и «еще несколько не столь крупных лагерей». Он признавался, что

численность отрядов «Мертвая голова» «сравнительно высока» — по его словам, на 8 тысяч заключенных приходилось 3,5 тысячи охранников. Рейхсфюрер объяснял это тем, что «никакая другая служба не является столь неприятной для этих частей, как охрана жуликов и преступников». Отряды «Мертвая голова» вооружались автоматическим оружием и в случае войны должны были составить костяк 30 особых штурмбаннов (батальонов) численностью 25 тысяч человек, предназначенных для обеспечения безопасности в тылу. Успокоить опасения офицерского корпуса были призваны заверения в тесной связи вермахта и СС, ссылки на коммунистическую угрозу и недопустимость повторения «удара кинжалом в спину»²².

В это время генералов больше увлекали внешнеполитические проблемы, вставшие перед Германией в связи с несанкционированным военным строительством, чем споры с СС. Позицию вооруженных сил по отношению к растущей власти Гимmlера адъютант Бломберга Штапф в мае 1937 года описал следующим образом: «Объединение вооруженных подразделений СС и полиции в руках рейхсфюрера СС создало основу для использования применяемых на полицейской службе сил в соответствии с потребностями вермахта. Поэтому главное командование сухопутных войск ходатайствует о точном установлении того, какие именно вооруженные формирования подчинены рейхсфюреру СС, чтобы воспрепятствовать нанесению дальнейшего ущерба потребностям вермахта... В первую очередь оно намеревается добиваться соответствующего приказа фюрера»²³.

Неизвестно, принимались ли Фричем и Бекком какие-либо меры, но никакого распоряжения Гитлера о взаимоотношениях вермахта и СС не появилось. Напротив, рейхсфюрер продолжал расширять свою империю, урезая полномочия вооруженных сил. В ноябре 1937 года министр внутренних дел подписал указ об учреждении в каждом военном округе в случае мобилизации постов высших фю-

реров СС и полиции. Им должны были подчиняться полиция порядка, полиция безопасности и части СС. Командование сухопутными войсками опасалось того, что дело дойдет до замены полицейских офицеров высшими фюрерами СС и полиции уже в мирное время, а стремление приравнять их к начальникам военных округов приведет к утрате последними всякого влияния и нанесет непоправимый ущерб мобилизации тыла. Начальник III военного округа процитировал в своем донесении и высказывание «третьей стороны», в соответствии с которым «настоящим оруженосцем нации являются СС, потому что они служат народу с оружием как во время войны, так и в мирное время, а вермахт — «только» во время войны, которая составляет значительно меньший период в истории нации, чем мир»²⁴.

Усиление вооруженных эсэсовских частей происходило на фоне прогрессирующей нацификации вермахта и утраты им своих политических позиций. В этих условиях командование сухопутными войсками настаивало на ужесточении законодательных ограничений в отношении СС. Военный министр, напротив, все больше склонялся к уступкам рейхсфюреру. Двадцать пятого января 1938 года Бломберг и Гиммлер издали совместные директивы об улаживании конфликтов между военнослужащими и эсэсовцами. Предполагалось всеми средствами избегать открытого судебного разбирательства, ближайшими инстанциями при возникновении конфликта выступали командир батальона и фюрер штандарта СС. В случае неудачи переговоров предусматривалось вмешательство вышестоящих начальников. В своих комментариях Бломберг пошел гораздо дальше «пакта о ненападении». На том основании, что судебные разбирательства наносят ущерб престижу вермахта и «подрывают единство государства», он призвал военнослужащих воздержаться от любых действий, направленных против эсэсовцев, и установить с ними «товарищеские отношения»²⁵.

Отставка Бломберга и Фрича, совпавшая с новыми агрессивными актами гитлеровского правительства, стала поворотным пунктом в отношениях вермахта и частей особого назначения СС. Историки считают, что новые руководители вооруженных сил шеф ОКВ Кейтель и командующий сухопутными войсками фон Браухич ни по своим личным качествам, ни по своим убеждениям не были достойными противниками СС. Аншлюс Австрии, судетский кризис и оккупация Чехословакии обострили опасность войны в Европе и показали необходимость мобилизации всех военных ресурсов Германии. В марте 1938 года моторизованная часть СС под командованием группенфюрера (генерал-лейтенанта СС) Дитриха участвовала в оккупации Австрии, после чего Гитлер приказал сформировать 4-й эсэсовский полк СС — «Фюрер» и увеличить численность отрядов «Мертвая голова» до 8,5 тысячи человек²⁶.

Чтобы успокоить генералов, фюрер неоднократно использовал тот же прием, что и во внешней политике в эпоху «мнимого миролюбия», всякий раз заявляя, что на этом расширение частей особого назначения СС закончено. Так, в апреле 1938 года он говорил Дитриху: «Строительство частей особого назначения СС завершено. Он желает сохранить эту «элиту» маленькой, иначе она больше не будет элитой. Это должны быть политические части государства, слепо преданные государству и фюреру. Если когда-нибудь возникнут беспорядки, то они будут жестоко подавлены этими частями. Он видит в них исключительно преторианскую гвардию, которая задушит любое сопротивление, в том числе и в собственных рядах. Поэтому необходимо их оснащение лучшим и самым современным оружием, в том числе танками, например в форме танковой бригады. Я очень обеспокоился таким развитием и доложил главнокомандующему сухопутных войск. Настанет время, когда и сухопутные войска создадут не-

что подобное», — записал в своем дневнике адъютант Гитлера от сухопутных войск майор Герхард Энгель²⁷.

А 17 августа Гитлер подписал секретный приказ, который в корне расходился с его прежними утверждениями. В общей части документа речь шла о том, что перед общими СС стоят политические задачи, для выполнения которых им не нужны ни военная структура, ни военное обучение. Для решения «особых внутривнутриполитических задач» в распоряжении рейхсфюрера находятся части СС особого назначения, юнкерские школы СС, части «Мертвая голова» и их полицейский резерв. Части СС особого назначения, говорилось в приказе, суть «вооруженные подразделения, находящиеся в моем единоличном распоряжении». Добровольцы призывного возраста, из которых формируются эти части, обязываются отслужить 4 года. К прерогативам главнокомандующего сухопутных войск диктатор отнес боевую подготовку эсэсовских формирований. Для достижения лучшего результата обучения Гитлер приказал осуществлять обмен командным составом между армией и СС, что противоречило прежней линии командования сухопутных войск. Изменились и указания о действиях частей СС особого назначения в случае мобилизации: теперь они не только поступали в распоряжение вермахта, но и по приказу фюрера могли использоваться внутри страны, оставаясь в подчинении Гимmlера. Пополнение командного состава эсэсовских формирований производилось за счет выпускников юнкерских школ, двухлетняя служба которых засчитывалась как отбытая воинская повинность. Гитлер изменил статус частей «Мертвая голова». Если раньше они выполняли только полицейские функции, то теперь превращались в кадровый резервуар частей особого назначения. Отряды «Мертвая голова», как говорилось в приказе, не являлись ни частью вермахта, ни частью полиции, а выполняли «особые полицейские задачи», поставленные перед ними лично фюрером. Поэтому в военное время охрана тюрем и концлагерей передавалась об-

щим СС, где служили немцы старше 45 лет. Пополнение в эти отряды должно было подбираться по мировоззренческим и политическим критериям НСДАП и СС на добровольной основе из мужчин, уже отбывших воинскую повинность. Вербовку на 12-летнюю службу было разрешено вести не только среди молодежи призывного возраста, но и среди солдат и унтер-офицеров в воинских частях²⁸. Приказ от 17 августа «наносил удар по офицерскому корпусу вермахта как социальной и политической элите государства», — считает Клаус Юрген Мюллер²⁹. Другой немецкий историк, Альфред Шикель, полагает, что в этом документе «Гитлер опять подтвердил свою тактику маскировки и двурушническую политику в отношении вермахта... Вермахт был еще нужен диктатору, чтобы использовать его для своей империалистической политики»³⁰.

Накануне оккупации Судетской области в октябре 1938 года все эсэсовские части были подчинены военному командованию. Полки «Адольф Гитлер», «Германия» и «Дойчланд» приняли участие в вводе войск, а подразделения полка «Обербайерн» («Мертвая голова») действовали на чехословацкой земле вместе с генлейновцами. Одновременно военные руководители пытались умалить роль частей СС. В указаниях для немецкой прессы, составленных начальником оперативного отдела ОКВ генералом Йодлем, говорилось об участии в оккупации только «сухопутных войск, люфтваффе и полиции», однако подписанный Гитлером и опубликованный в газетах приказ упоминал также партийные формирования: СА, СС и части особого назначения³¹. В марте 1939 года части СС приняли участие в оккупации Чехословакии, а 18 мая появился очередной приказ Гитлера, который предусматривал формирование дивизии СС численностью 20 тысяч бойцов и командиров, организованной и вооруженной по образцу моторизованной дивизии сухопутных войск. В ее составе создавался артиллерийский полк с орудиями на самоходных лафетах, вооружение для него предоставляло ОКХ, в сухопутных

войсках осуществлялось и обучение артиллеристов. Кроме того, рейхсфюрер СС теперь мог потребовать присутствия на учениях дивизии офицеров Генерального штаба, а эсэсовские фюреры после успешной сдачи экзаменов командировались для обучения в Военную академию. Приказ устанавливал численность отрядов «Мертвая голова» в 14 тысяч человек и предписывал оснастить каждый штандарт артиллерией — шестью легкими и девятью противотанковыми пушками. В случае мобилизации эти отряды служили основой для формирования подразделений полицейского резерва СС и резервуаром для восполнения потерь в частях особого назначения³².

Военное руководство уже не могло и не хотело оказывать серьезного сопротивления эсэсовской конкуренции. Генералы и Гиммлер обсуждали теперь не вопрос о внутреннем (полицейском) или внешнем (военном) использовании частей особого назначения, а только способ их военного применения. Рейхсфюрер настаивал на формировании армейского корпуса СС, ОКВ и ОКХ добивались как можно более полной интеграции имеющихся сил в действующую армию в случае войны. В приказе Кейтеля от 17 сентября 1938 года, подготовленном на случай мобилизации, говорилось, что «части особого назначения СС надо рассматривать... как часть сухопутных войск. Члены этих подразделений... имеют те же права и обязанности, что и солдаты, и, соответственно, чиновники вермахта». Шеф ОКВ распорядился, чтобы подразделения СС носили серую полевую униформу, а их командиры — погоны с соответствующими званиями армейских офицеров³³.

Ослабление позиций вермахта в борьбе с СС накануне войны ярко показывают директивы Браухича «Об укреплении сотрудничества» между сухопутными войсками, с одной стороны, и частями особого назначения СС и отрядами «Мертвая голова», с другой, подписанные 20 июня 1939 года. Солдатам и офицерам надлежало «принципиально улучшить» отношения с эсэсовцами, уже в мирное

время культивировать доверие и товарищество, «которые создадут предпосылки для совместной борьбы плечом к плечу». Конкретными формами сотрудничества должны были стать служебные и внеслужебные контакты: совместные учения местного и общегерманского масштаба, участие фюреров СС в обучении офицеров в гарнизонах (чтение докладов, военные игры, рекогносцировки местности), спортивные мероприятия. Перед военной и эсэсовской прессой (журналы «Die Wehrmacht» и «Das schwarze Korps») ставилась задача всячески подчеркивать плодотворное сотрудничество³⁴.

Незадолго до нападения Германии на Польшу, 19 августа 1939 года, Гитлер приказал подчинить части СС особого назначения главнокомандованию сухопутных войск. Полк «Дойчланд», артиллерийский полк СС, разведывательный батальон и батальон связи вошли в состав танковой дивизии генерала Вернера Кемпфа, полк «Германия» и лейбштандарт «Адольф Гитлер» были подчинены командирам других соединений сухопутных войск. В сентябре эсэсовские солдаты проявили себя не только как храбрые бойцы, но и как фанатичные приверженцы нацистской доктрины, совершив свои первые преступления по отношению к мирному населению³⁵.

Итак, к началу Второй мировой войны вермахт сохранил за собой только формальное право быть единственным «оруженосцем нации». На глазах генералов возник и укрепился конкурент вооруженных сил, претендовавший не только на роль ее «заместителя» в деле подавления внутренних беспорядков. В 1939 году части СС численностью чуть больше дивизии казались карликом по сравнению с армией. Сухопутные войска выросли за годы гитлеровской диктатуры с 10 до 58 дивизий, был значительно увеличен военно-морской флот, появилась третья составная часть вермахта — люфтваффе. Но чем многочисленнее становились вооруженные силы, тем больше они теряли свое значение как политический фактор, менялись

социальный состав и идеология офицерского корпуса. Вермахт быстро превращался из «внепартийного» инструмента государственной власти в «армию Гитлера». Эти условия позволили Гиммлеру заложить прочные основы эсэсовского войска вопреки сопротивлению вермахта.

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС МАССОВОЙ АРМИИ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Я охотнее буду опираться на 10 надежных, чем на 50 ненадежных людей... Наскоро сформированная 300-тысячная армия — это преждевременные роды со всеми их слабостями и недостатками.

*Генерал Л. Бек*³⁶

Постепенное подчинение вооруженных сил власти диктатора проявилось не только в создании «параллельной» армии в виде эсэсовских частей. Значительные изменения в 1933—1939 гг. произошли и в самом вермахте. Они затронули численность, профессиональный и социальный состав офицерского корпуса, принципы его пополнения. «Ни одна значительная социальная группа не претерпела столь масштабных перемен, как военные. Или можно сказать по-другому: изменение всего общества было в существенной мере обусловлено трансформацией военных и милитаризацией всего немецкого общества», — считает немецкий историк Йост Дюльффер³⁷.

Военные в Пруссии, а потом в Германии были более чем просто одной из правящих элит, они традиционно считались опорой государства, высший офицерский корпус экономически сливался с поместным дворянством и бюрократией в относительно однородный руководящий слой. Одним из способов сохранения исключительной роли офицерского корпуса в условиях индустриального об-

щества стало пополнение его из «социально желательных кругов». В 1899—1913 гг. 74—79% молодых офицеров происходили из семей офицеров, высших чиновников и помещиков. Техники-профессионалы, без которых была невозможна современная война, могли рассчитывать только на звания офицеров резерва. «Социальные претензии военных на исключительность не терялись даже тогда, когда эти претензии удовлетворялись в профессионально-технической сфере индустриального общества»³⁸.

В годы Первой мировой войны благодаря функциональному взаимодействию войск на поле боя стал возможен переход из одного рода войск в другой, возник единый офицерский корпус. Сначала казалось, что ноябрьская революция и Версальский договор приведут к дальнейшим изменениям в армии, но увольнение 88% офицеров, находившихся на действительной службе, давало военному командованию возможность отобрать наиболее подходящие кандидатуры. Отбор «лучших» офицеров по традиции оставался прерогативой командиров полков, которые в первую очередь оставляли в войсках кандидатов, имевших «солдатский образ мыслей» и происходивших из «социально желательных кругов». Предложения президента рейхстага Пауля Лёбе рассматривать кандидатуры в порядке очередности подачи заявлений (1926 год) и Немецкой демократической партии (НДП) об усилении влияния политических институтов на отбор солдат и создании с этой целью совместной комиссии по пополнению из гражданских и военных лиц (1927 год) не были воплощены в жизнь³⁹.

Начальник управления сухопутных войск генерал Ганс фон Сект (1920—1926) восстановил нарушенную во время мировой войны социальную однородность офицерского корпуса. В республиканском рейхсвере традиционные руководящие элиты — дворянство и буржуазия — были представлены даже больше, чем в старой императорской армии. В 1920 году доля офицеров дворянского происхождения в штабах составляла 26,4%, в пользовавшейся высо-

ким социальным престижем кавалерии — 47,3%, а в технически оснащенных транспортных подразделениях, напротив, только 5,1%. В это же время из дворян происходили все три генерала родов войск, 8 из 14 генерал-лейтенантов и 9 из 27 генерал-майоров. Во второй половине 20-х — начале 30-х гг. во главе рейхсвера стояли офицеры, которые начинали военную карьеру в прусской гвардии, частично даже в определенных гвардейских полках, и почти все прошли службу в Генеральном штабе. Все 28 генералов, находившихся на руководящих позициях в армии в 1934—1938 гг., во время Первой мировой войны служили в Генеральном штабе. Пятнадцать из них были дворянами, а 13 происходили из буржуазных семей. В рейхсвере одновременно служили шесть Шверинов, пять Штюльпнагелей, четыре Клейста, три Вишлебена, два Мантойфеля. Таким образом, элитный социальный состав офицерского корпуса был прочно законсервирован в республиканской армии⁴⁰.

Таблица 1

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ОФИЦЕРОВ
в 1913—1932 гг. (в %)⁴¹**

Годы	1913—1914	1926—1932
Дворяне	30	20
Сыновья офицеров	28	35—54
Сыновья высших чиновников, врачей, профессоров, адвокатов, духовенства	—	35—40
Всего офицеров из «социально желательных кругов»	—	87—92
Сыновья унтер-офицеров	—	1—8
Сыновья рабочих и крестьян	0	0

В Веймарской республике социальный престиж военной профессии несколько упал, ухудшились шансы продвижения по службе: чтобы дослужиться от лейтенанта до капитана, требовалось 14 лет, еще 10 лет было необходимо, чтобы стать майором. По другим данным, за восемь лет (1923—1931 гг.) генералы и штабные офицеры получали повышение по службе раз в четыре года. За это же время большинство войсковых майоров получило только одно повышение, а 20% капитанов вообще его не получили⁴².

«Эта замкнутая в себе часть общества получила поддержку и психологическую защиту в форме разнообразной символики и обычаев специфически военного характера, а также за счет социального окружения, представленного всевозможными традиционными организациями и союзами ветеранов («Стальной шлем» и др.), которые поднимали волны милитаристского духа и вселяли его в кадровых военных. Как раз благодаря контрактной системе комплектования офицерского состава и старослужащих солдат складывался некий кадровый рейхсвер, создававший хорошие условия для распространения прежнего менталитета путем воспитания и с помощью других мер, даже в условиях быстрого роста вооруженных сил»⁴³. Неспособный из-за своей малочисленности к эффективной защите государства от нападения извне, рейхсвер был мощным фактором силы внутри страны. Социальные корни и политические убеждения объективно превращали его в союзника правых, антиреспубликанских сил.

Рейхсвер оказался элитным не только по социальному составу, но и по профессиональной выучке. Офицерский корпус отличался высокой культурой и профессионализмом. Начальник вооружений РККА И.П. Уборевич сообщал в Москву в январе 1929 года: «Офицеры во взаимоотношениях с солдатами вежливы, спокойны, хладнокровны и очень настойчивы. Лучшей характеристикой всякого командира считается его спокойствие, вежливость, хладнокровие и настойчивость. Большой горячностью отлича-

ются только баварские части, где офицеры на занятиях иногда грубовато покрикивают. Офицерский корпус в германской армии... представляет собой исключительно интересную группу специалистов военного дела». Командующий Сибирским военным округом М.К. Левандовский четыре с половиной года спустя в письме К.Е. Ворошилову даже отмечал более высокий образовательный и культурный уровень офицеров рейхсвера по сравнению с командирами Красной Армии⁴⁴.

* * *

Несмотря на превосходную выучку, рейхсвер оставался слишком малочисленным даже для защиты собственных границ. Поэтому стремлением всех руководителей германских вооруженных сил после 1919 года было увеличение численности армии сверх квоты, установленной «версальским диктатом». Еще 7 ноября 1932 года министр рейхсвера генерал пехоты Курт фон Шлейхер утвердил план численного роста сухопутных сил до 144 тысяч кадровых военных и 425 тысяч призывников, состав которых должен был обновляться каждые 3 месяца. К началу 1938 года планировалось сформировать 570-тысячную армию⁴⁵.

Линия на увеличение численного состава рейхсвера была продолжена преемниками Шлейхера в Третьем рейхе. В декабре 1933 года Гитлер принял решение о формировании в течение следующих пяти лет 300-тысячной «армии риска». Хотя германские генералы приветствовали этот секретный план, они не могли не понимать, что его реализация поставит рейхсвер перед серьезной кадровой проблемой. Под угрозой оказались не только профессиональная квалификация, но и элитный социальный состав офицерского корпуса. Бломберг, очевидно, считал эти трудности преодолимыми. Он предложил покрыть потребность в офицерах путем снижения требований к образованию кандидатов на офицерские должности. «Аттестат

зрелости больше не является принципиальным требованием», — заявил он генералам на совещании в министерстве рейхсвера в декабре 1933 года. Министр предложил, кроме того, восстановить на службе офицеров запаса моложе 40 лет, присвоить лучшим унтер-офицерам офицерские звания, перевести штабных офицеров в воинские части и отозвать из штурмовых отрядов направленных туда кадровых военных. Предполагалось, что продвижение кадровых офицеров рейхсвера по службе от этого не пострадает, поскольку их вновь зачисленные товарищи не смогут получить звания выше майора⁴⁶.

Однако в действительности создание 300-тысячной армии было делом гораздо более рискованным, чем это доказывал Бломберг. Считалось, что для поддержания боеспособности армии офицеры должны составлять не менее 4% ее численности. Этот показатель не соблюдался уже в момент появления плана «армии риска»: вместо необходимых 4 тысяч в рейхсвере служило только 3,8 тысячи офицеров. По подсчетам начальника отдела кадров министерства рейхсвера, осенью следующего года эти цифры должны были составлять соответственно 9 и 5,8 тысячи и даже реализация предложений Бломберга могла увеличить офицерский корпус только до 7,3 тысячи человек. Требуемые 4% могли быть достигнуты только в 1940 году⁴⁷.

Более скептически к перспективе быстрого увеличения армии относился начальник Войскового ведомства генерал-лейтенант Бек. Он выступал за сохранение «здоровой» кадровой основы рейхсвера ради сохранения сплоченности офицерского корпуса. В период строительства «армии риска» офицеры должны были составлять не менее 3% ее численности, а в итоге их доля будет равна 7% (21 тысяча человек). Старослужащие солдаты и унтер-офицеры образуют треть сухопутных войск (93 тысячи человек), а доля призывников будет равняться 60% (186 тысяч человек). Бек считал главным источником пополнения офицерского корпуса призыв около 2 тысяч офицеров полиции и

офицеров запаса. Деятельность 4—5 офицерских школ и производство унтер-офицеров в офицеры должны были в течение 6—8 лет завершить комплектование 300-тысячной армии⁴⁸.

В мае 1934 года Бек отверг предложение начальника общевойскового управления (АХА) Фридриха Фромма о завершении формирования «армии риска» уже через год или даже через полгода, поскольку «ущерб несоизмерим с (предполагаемыми) выгодами». Предложенные темпы он охарактеризовал не как «формирование», а как «мобилизацию», которая оправдана только тогда, когда неизбежна война. Бек указывал не только на неминуемое обострение международной обстановки. Он обратил внимание на военно-технический и внутривластный аспект проблемы: «Неверно полагать, что такая наскоро сформированная армия более ценна, как инструмент государственной власти, чем вооруженные силы, построенные на солидной работе, но меньшие на одну треть или наполовину. Напротив, ненадежный инструмент власти может сам превратиться в угрозу. Тем самым вошедшее в него ядро прежней профессиональной армии окончательно потеряет свою ударную силу. Я охотнее буду опираться на 10 надежных, чем на 50 ненадежных людей... Наскоро сформированная 300-тысячная армия — это преждевременные роды со всеми их слабостями и недостатками»⁴⁹.

Но ни Гитлер, ни Бломберг, каждый по своим причинам, не прислушивались к предостережениям Бека. Шестнадцатого марта 1935 года фюрер восстановил всеобщую воинскую повинность, а 21 мая 1935 года был опубликован и вступил в силу Закон об обороне. Отныне воинская служба охватывала активную службу и службу в запасе. Сначала срочная служба составляла один год, а с августа 1936 года распоряжением Гитлера была продлена до двух лет. Служба в запасе подразделялась на *резерв* (уволненные с активной службы военнослужащие моложе 35 лет), *эрзац-резерв* (военнообязанные, которые по тем или иным

причинам не призывались на действительную службу), *ландвер* (все военнообязанные 35—45 лет) и *ландштурм*, который должен был формироваться в случае необходимости из мужчин старше 45 лет. Все служащие делились на солдат и чиновников вермахта, солдаты, в свою очередь, — на офицеров, унтер-офицеров и рядовой состав⁵⁰.

Чиновники вермахта отличались от своих гражданских коллег не только военной формой и особыми званиями. Они подчинялись военной юрисдикции и не могли вступать в брак без разрешения начальства. Чиновники чаще всего служили в штабах военных округов и занимались казначейской и административной деятельностью, ведали снабжением и лазаретами, были оружейными мастерами. Бломберг считал, что офицером имеет право называться только тот, кто командует солдатами в бою, и на этом основании в 1935 году отверг предложение о превращении военных чиновников в офицеров⁵¹. Для обеспечения бесперебойного поступления нового пополнения чиновников сухопутных войск в 1937 году в Мюнхене была открыта школа казначеев, проводились специальные учебные курсы в Ганновере и Дрездене. С целью обучения высших военных чиновников в том же году был организован полугодовой курс в Административной академии в Берлине⁵².

Особенностью республиканского рейхсвера и его преемника вермахта был многочисленный и высококвалифицированный унтер-офицерский корпус. Многие унтер-офицеры в период воссоздания массовой армии получили офицерские звания и оказали влияние на формирование нового облика немецкого офицерского корпуса. В одном из служебных предписаний германских сухопутных войск говорилось: «Помощниками офицеров в воспитании, обучении и руководстве войсками являются унтер-офицеры... Офицер должен полностью полагаться на них. Для солдата они должны быть справедливыми начальниками и товарищами, всегда готовыми прийти на помощь»⁵³.

Унтер-офицер был обязан владеть приемами строевой

и боевой подготовки, караульной службы, противохимической защиты, стрелковой подготовки, досконально знать правила ношения униформы и субординации, уметь обращаться с различным оружием и снаряжением, использовать и поддерживать в исправном состоянии средства передвижения. Капитан генерального штаба Эрих Томе требовал от унтер-офицера: «Все то, что унтер-офицер хочет воспитать в своих солдатах, он должен показать на своем личном примере. Стройная осанка, педантичная чистоплотность костюма, порядок, пунктуальность, свежая манера держать себя, ясность и краткость выражений, твердость по отношению к самому себе, физическая сила и ловкость — все это вещи, которые неразрывно связаны с понятием унтер-офицера. Но свой венец и одновременно свою несущую опору они получают благодаря несравненному осознанию ответственности и чувству долга, которые могут считаться главными качествами немецкого унтер-офицера»⁵⁴.

Согласно постановлениям Закона об обороне подавать заявление о добровольном вступлении в сухопутные войска имели право неженатые и не имеющие судимостей немецкие граждане в возрасте 21—25 лет, в исключительных случаях — 18—20 лет. Претенденты обещали «в любое время беззаветно выступить на защиту национал-социалистического государства», должны были предоставить документы об «арийском» происхождении и медицинской пригодности. Предпочтение отдавалось добровольцам, хорошо зарекомендовавшим себя в лагерях Имперской службы труда⁵⁵.

Казалось, Закон о введении всеобщей воинской повинности и Закон об обороне расставили все точки над «і». Тем не менее противники форсированного создания массовой армии не сдавались и по-прежнему стремились замедлить его темпы. Уже в июне 1935 года начальник управления личного состава сухопутных войск генерал-майор Виктор фон Шведлер направил Беку письмо, в ко-

тором призывал не проводить значительного увеличения сухопутных войск, по крайней мере, в следующем году. Шведлер ссылаясь на то, что набор офицеров запаса, унтер-офицеров и плохо обученных молодых офицеров размыл внутреннюю структуру офицерского корпуса: «Об «офицерском корпусе» в настоящем смысле слова можно будет опять говорить, если удастся дать армии хотя бы один год, чтобы сплотиться». Начальник отдела кадров обратил внимание и на профессиональную сторону вопроса: «Если сейчас послушать солдат в частях, то они большей частью не видели своего лейтенанта. На долгое время это нетерпимо», — писал он Беку. В заключение письма говорилось о том, что «нынешнее положение дел вредит дисциплине, как это видно по многочисленным случаям злоупотреблений со стороны унтер-офицеров и молодых офицеров и огромного числа самоубийств»⁵⁶.

Бек отклонил все возражения и предложил сформировать «армию наступления» из 36 дивизий (12 корпусов) к осени 1939 года, а к 1 апреля 1940 года создать вооруженные силы, способные к боевым действиям на нескольких фронтах. Он полагал, что замедление темпов роста армии не приведет к значительному улучшению положения с офицерами, которое было бы сопоставимо с выгодами достаточной обороноспособности. Например, формирование рамочных дивизий (то есть дивизий с полками двухбатальонного состава или с артиллерийскими полками, состоявшими из двух дивизионов) сэкономит в трех дивизиях только 150 офицеров⁵⁷.

План организационного отдела Генерального штаба предусматривал новую волну производства унтер-офицеров в офицеры, увеличение ежегодной квоты курсантов офицерских школ, перевод кандидатов в офицеры резерва в офицерский корпус, зачисление на действительную службу офицеров в отставке и офицеров резерва. При этом сознательно допускалось снижение качества подготовки офицерского корпуса. «К этому вынуждает потребность

времени, — с оптимизмом констатировал организационный отдел. — Этот недостаток удастся преодолеть благодаря совершенствованию воспитательной работы всех ответственных командиров». Но, как показывали приблизительные подсчеты того же организационного отдела, предложенные им меры не могли решить кадровую проблему. Для армии мирного времени было необходимо 33 950 офицеров, включая резервистов. В то же время к июню 1936 года имелось только 13 800, в том числе 5400 офицеров резерва. Даже при ежегодном выпуске из школ около 1600 фаненюнкеров и при условии, что ни один офицер не будет уволен, весной 1941 года сухопутные войска могли бы располагать только 21 800 офицерами. Но организационный отдел принимал в расчет увольнение за это время около 1000 офицеров и планировал подготовить недостающие 13 150 офицеров лишь к 1950 году⁵⁸.

Формирование массовой армии подтвердило самые скептические прогнозы: летом 1936 года офицеры составляли только 1,6% личного состава, их профессиональная квалификация понизилась, социальный состав офицерского корпуса изменился не в пользу «социально желательных кругов». Но создание вермахта по-прежнему шло форсированными темпами. Когда новобранцев стало не хватать, Гитлер издал распоряжение о призыве на действительную службу немецких граждан, проживавших за границей. Они должны были заполнить в германском консульстве анкету и постоянно сообщать о смене местожительства. Уклонение от регистрации или призыва влекло за собой штраф в размере 150 марок или арест, «если наложение более строгого наказания невозможно»⁵⁹. Призывались в армию и бывшие заключенные концентрационных лагерей. Учреждения вермахта просили гестапо заблаговременно сообщать дату и причину ареста военнообязанного и время его предполагаемого освобождения. В августе 1936 года вступило в силу распоряжение о создании в сухопутных войсках особых подразделений для проштра-

фившихся солдат, бывших узников, уголовников, гомосексуалистов. «Перевоспитание» в штрафных частях продолжалось три месяца и включало в себя исполнение различных работ и обучение стрельбе из винтовки. Осенью было сформировано 7 подразделений по 50—80 человек в каждом. Общая численность штрафников возросла с 500 в 1936 году до 664 в 1937-м и 1357 в 1938 году. В том же году появились штрафные части в люфтваффе и ВМФ⁶⁰.

С 1935 года военное министерство и ОКХ добивались ускорения зачисления в военные учебные заведения выпускников средних школ. После восстановления всеобщей воинской повинности многие ученики выпускных классов загодя подали заявления о приеме в военные школы, рассчитывая на зачисление в фаненюнкеры с 1 апреля 1936 года, а имперский министр воспитания Бернгард Руст специальным распоряжением перенес для них сдачу выпускных экзаменов на декабрь 1935 года. Выпускникам 1937 года тоже была предоставлена возможность начать обучение в военных школах не осенью, а весной, для чего выпускные экзамены вновь были перенесены, а полугодовая трудовая повинность сокращена до двух месяцев. Шестого июня 1936 года министерство воспитания издало распоряжение о проведении среди учеников старших классов вербовочной кампании с целью побудить юношей к поступлению в военные школы и на технические факультеты вузов ввиду острой нехватки инженеров в военно-воздушной отрасли и военном судостроении. Ввиду острой нехватки офицеров было принято решение о том, что представители трех составных частей вермахта будут выступать только перед директорами школ и учителями, на которых и возлагалось главное бремя пропагандистской работы. Тридцатого ноября 1936 года Руст подписал распоряжение о сокращении срока обучения в гимназиях с 13 до 12 лет, поскольку этого требует «выполнение Четырехлетнего плана, а также потребность в пополнении вермахта и академических профессий». В марте 1937 года ученики предвы-

пускных классов были выпущены из гимназий после изучения сокращенных курсов по немецкому языку, истории, географии, биологии, химии, физике и математике, которые прежде проходились на последний год обучения. А для юношей, прошедших полный курс обучения, письменный экзамен на аттестат зрелости был заменен устным. В результате в 1937 году в сухопутные войска было зачислено 2200 фаненюнкеров, что в 11 раз превышало показатели веймарского периода. Военно-морской флот, пополнение которого в 1931 году составило 58, а в 1932 году — 69 морских кадетов, теперь получил тысячу новых курсантов⁶¹.

Благодаря этим и другим совместным мерам правительства и военного руководства рейха к началу Второй мировой войны количество дивизий возросло с 10 до 58, а численность офицерского корпуса увеличилась с 4 до 24 тысяч человек. Стремление сохранить высокое качество подготовки офицеров в условиях массовой армии и технического переоснащения вызвало изменения в профессиональном составе офицерского корпуса вермахта.

* * *

Элитой прусско-германского офицерского корпуса считались *генштабисты*, проходившие службу в ОКХ, штабах дивизий и корпусов и помогавшие командирам этих соединений осуществлять руководство войсками. Частые переводы в разные рода войск и на разные должности повышали их профессиональную квалификацию. Офицеры, не прошедшие службу в Генеральном штабе, только в исключительных случаях достигали генеральских чинов. Образцами генштабистов считались Мольтке, Шлиффен, офицеры Первой мировой войны, Гинденбург и Людендорф. Отбор претендентов на обучение в Академии Генерального штаба (Военной академии), запрещенной Версальским договором и вновь открытой в 1932 году, проводился по строгим правилам. Ежегодно в каждом военном округе устраивался экзамен для всех офицеров 9—11-го

года службы, которые, как правило, находились в чине старшего лейтенанта. Жесткие требования, которым соответствовало только 15% претендентов, смягчался возможностью повторного экзамена. Ежегодно в Академию поступало 100—150 офицеров. Сначала учеба проводилась в течение двух, а с 1937 года — в течение трех лет. После полутора лет пробной службы треть курсантов переводилась в различные штабы, а с ростом потребности в офицерах Генштаба ускоренную подготовку стали проходить две трети слушателей каждого курса⁶².

Ответственность за подготовку офицеров Генерального штаба несли начальник академии генерал Курт Либман и начальник Генштаба Бек. Он стремился построить учебные планы на основе старых принципов прусской Военной академии, в соответствии с которыми общеобразовательные дисциплины играли подчиненную роль по сравнению со специальными предметами. Бек считал, что «способность давать оценки и воля» важнее, чем общеобразовательный уровень. Эти качества, писал он в директивах об обучении офицеров в Военной академии от 1 августа 1934 года, являются «отличительными чертами личности, способной отдавать приказы». Поэтому «контролировать развитие этих качеств и культивировать их является задачей всех преподавателей... Занятие должно быть свободным от принуждения, свойственного школе. На нем надо воспитывать не «всезнаек», а «личности командиров», которые верят в себя, потому что обладают мастерством. Принципы, которым следует обучить на военных занятиях, должны корениться на разумной почве практического вождения войск и технических возможностей». Будущие офицеры Генерального штаба должны были научиться четко формулировать приказы, овладеть ремеслом тактического командования дивизией, знать географию, историю и экономику. Напротив, стратегические проблемы в ходе обучения не обсуждались, знания по философии войны и дипломатическому искусству слушателям не давались, не изучалось даже наследие Клаузевица⁶³.

Выступая на торжествах по случаю 125-летия Академии Генерального штаба в 1935 году, генерал Бек следующим образом очертил цели обучения слушателей: «Неотъемлемым требованием является систематическая мыслительная работа, направленная на понимание военных вопросов вплоть до первопричин и их разработку в их взаимосвязи, постепенное проникновение в проблему при самом добросовестном сохранении уже достигнутого. Это требование сегодня следует предъявлять к каждому военачальнику строже, чем когда-либо. Нам нужны офицеры, которые систематически, путем логических заключений идут до конца к духовной самодисциплине, характер и нервы которых достаточно сильны, чтобы сделать то, что диктует разум»⁶⁴.

Менее трех лет, с 15 октября 1935-го по 31 марта 1938 года, просуществовала Академия вермахта, основанная для подготовки особо одаренных офицеров к службе на руководящих должностях в течение более краткого, одногодичного учебного курса. Очевидно, она не выполнила и другой своей задачи — укрепления связей между тремя составными частями вооруженных сил.

Подчеркнуть привилегированное положение офицерского корпуса и одновременно избежать недостатка командных кадров пытались путем создания особых групп офицеров. Например, оружие, снаряжение и амуниция в штабах и воинских частях находились в ведении *офицеров артиллерийско-технической службы*, контингент которых пополнялся исключительно за счет производства в офицерские чины старослужащих солдат. Ко всем воинским званиям офицеров артиллерийско-технической службы добавлялась буква «W» (от немецкого «Waffen-Offizier»). В 1939 году в вермахте появились офицеры *инженерной службы* — дипломированные инженеры или даже выпускники средних школ. В октябре 1933 года был создан офицерский корпус земельной защиты, позднее он стал называться корпусом службы комплектования, а к офицерским

званиям добавлена буква «Е» (от немецкого «Ergänzungsoffizier»). *Офицеры службы комплектования* служили в штабах крупных соединений и призывных учреждениях, командовали запасными батальонами, батареями, а также ротами, состоявшими из солдат старших возрастов. Их шансы продвижения по службе были несравненно хуже, чем шансы кадровых офицеров⁶⁵.

Потребность в младших офицерах привела к возрождению в вермахте института *офицеров резерва*, которые проходили действительную службу в течение двух лет и, как правило, становились командирами взводов. Участвуя в войсковых, а иногда и в штабных учениях, обладая законченным профессиональным образованием и высоким общественным статусом, они могли медленно продвигаться по службе. С 1937 года стало возможным получение звания лейтенанта резерва без законченного профессионального образования после третьего года действительной службы, и даже «чистота» происхождения больше не принималась в расчет. К офицерам резерва предъявлялись не столь высокие требования, как к остальным офицерам. Бломберг заявил крайсляйтерам НСДАП, что для выходцев из «низов» в Третьем рейхе открыт доступ к офицерской карьере и даже к маршальскому жезлу. Военный министр считал главным для офицера резерва не образование, а политические убеждения, выдвигая три принципа, выполнение которых открывало путь в офицеры «каждому соотечественнику, который здоров телом и духом»: руководящие способности, национал-социалистическое мировоззрение, членство в партии, ее подразделениях или союзах⁶⁶. В этой связи не вызывает удивления то, что в формировании офицерского корпуса резерва принимали участие заместитель фюрера по партии Рудольф Гесс, имперский трудовой фюрер Константин Гирль и гауляйтеры. Закономерно и то, что офицеры-резервисты были больше преданы нацистскому режиму, чем их остальные коллеги.

Гораздо строже военное командование следило за пополнением *кадрового офицерского корпуса*, но и здесь подыскивались новые, нетрадиционные пути формирования. Сначала в рейхсвер ежегодно зачислялось 180—200 офицеров, потом — 500, а в 1938 году — 2000. За первые два года диктатуры офицерские звания получили 1500 унтер-офицеров и около 300 дипломированных юристов. Кроме того, в вермахт было зачислено 2500 офицеров полиции и 1100 офицеров кайзеровской армии. Их отбор производился во время краткого учебного курса, который успешно проходило чуть больше половины слушателей. Критериями пригодности были не столько военные знания, сколько характер, сообразительность, дар руководителя, физическая форма. Новый набор в 1935 году, смягчение практики увольнений в связи со служебным несоответствием и включение 1600 офицеров австрийской армии в вермахт в 1938 году тоже не решали проблему кадров. В связи с присоединением Австрии нехватка командиров даже увеличилась, поскольку штаты германской армии на территории «Восточной марки» включали 2067 офицерских должностей⁶⁷.

В гитлеровской армии сохранилась традиционная практика рекрутирования войсковых офицеров, позволявшая пополнять их состав представителями «социально желательных кругов». Юноши 17—24 лет, желающие поступить в фаненюнкеры (курсанты), обращались к командиру полка, в котором они хотели бы служить. Следовательно, добровольцу предоставлялась возможность выбрать род войск, воинскую часть и даже гарнизон, где он будет проходить обучение, а позднее — и службу. Зачисление в фаненюнкеры проводилось в пехотных, горнострелковых, кавалерийских, немоторизованных артиллерийских, танковых, мотопехотных полках, саперных, разведывательных, мотоциклетных батальонах, батальонах самокатчиков и связистов, а также в противотанковых подразделе-

ниях и автомобильных частях. После производства в офицеры бывшего курсанта старались направить именно в ту часть, в которой он подавал заявление⁶⁸.

К заявлению о зачислении в фаненюнкеры прилагались аттестат зрелости, документы о немецком гражданстве и «арийском» происхождении. Заметим, что накануне войны вермахт отказался от высокого образовательного стандарта — «в исключительных случаях» в фаненюнкеры по окончании срочной службы зачисляли солдат, не имевших среднего образования⁶⁹. Претендент обязательно должен был быть холост, что позволяло командиру полка в будущем оказывать влияние на выбор жены. Наконец, было необходимо приложить подписанное отцом или опекуном обязательство предоставить к моменту завершения обучения сумму в 700—800 марок, необходимую для приобретения комплекта офицерского обмундирования. В воинской части назначалась комиссия в составе трех офицеров, задачей которой было составить представление о личности претендента, его воспитании, умственных способностях, отношении к воинской профессии, а также о физической форме. Зачисление в фаненюнкеры проводилось в октябре каждого года⁷⁰.

Обучение будущего офицера сухопутных войск продолжалось 2 ¹/₄ года и осуществлялось в три этапа. Первый состоял в прохождении службы в избранной воинской части и продолжался сначала в течение одного года, а с середины 1930-х гг. — нескольких месяцев. Ответственность за подготовку фаненюнкера нес командир роты, эскадрона или батареи, а во внеслужебное время курсантов опекал специально назначенный командиром полка или отдельного батальона офицер. Первое время курсанты проживали вместе с остальными новобранцами, затем их обучали командовать отделениями и взводами, а также обращаться с некоторыми видами оружия, например, в пехоте — с пехотными и противотанковыми орудиями. После этого фаненюнкеру поручались обязанности стар-

шего по казарме, он был обязан замещать командира роты во внутренней службе и помогать ему в обучении солдат. Кроме того, во время службы в воинской части фаненюнкер должен был получить имперский спортивный значок, а также свыкнуться с образом мышления и образом жизни офицерского корпуса. Для этого курсантов приглашали к участию в офицерских обедах, военных играх, оценке местности, офицерских стрельбах. Тех, кто не справлялся с обучением, время от времени вычеркивали из списков фаненюнкеров, остальным через несколько месяцев присваивали звание ефрейтора, а по истечении года (с 1939 года — 9 месяцев) службы по рекомендации командира полка или батальона направляли в военную школу в звании унтер-офицера⁷¹.

Сухопутные войска располагали четырьмя военными школами в Дрездене, Ганновере, Мюнхене и Потсдаме. В служебной инструкции говорилось, что «школа продолжает начатое в войсках воспитание и практическое обучение фаненюнкера. Перед ней поставлена задача дать обучаемым тот объем знаний из области военной науки, который нужен молодому офицеру любого рода войск для его профессии и в качестве основы для повышения его профессиональной и общей квалификации в будущем»⁷².

Второй этап обучения — учебный курс в военных школах — начинался в середине октября и завершался в августе следующего года. Здесь курсанты получали не только военные знания. В них воспитывались «солдатский образ мыслей» и нацистское мировоззрение, что должно было создать основу «для единого духа всего офицерского корпуса сухопутных войск». Учебный план военных школ включал тактику и топографию, военную историю, военное дело, оружейное дело, саперное дело, связь, автомобильный транспорт, авиацию, геодезию, военную медицину и ветеринарию. Весьма поощрялось участие в занятиях по иностранному языку: чешскому, польскому, итальянскому, русскому, венгерскому — для начинающих, фран-

цузскому и английскому — для «продвинутых». Практическая часть обучения состояла из общевойсковой службы, физических упражнений, вождения автотранспорта и верховой езды, которой придавалось особое значение. Ввиду того, что вопреки широко распространенному мнению об очень высокой степени моторизации германских вооруженных сил в вермахте использовались сотни тысяч лошадей, от курсантов, не связанных с кавалерией, требовалось умение «уверенно управлять лошадью на местности». Большое внимание в военных школах уделялось теннисному и лыжному спорту⁷³. Наконец, ознакомительные поездки формировали у курсантов представление о других родах войск и «солдатское мировоззрение, основанное на военных добродетелях чести, верности, повиновении, долге и самопожертвовании»⁷⁴.

Примерно после пяти месяцев обучения проводился промежуточный экзамен, от исхода которого зависело производство в фенрихи, а по окончании десятимесячного курса — письменный экзамен на звание офицера, включавший тактику, геодезию, военное дело, оружейное и саперное дело. Успешно выдержавшим его курсантам присваивалось звание обер-фенриха.

После этого начинался третий этап подготовки — двухмесячные специальные курсы по родам войск: пехотные и автомобильные — в Дёберице, артиллерийские — в Ютербоге, кавалерийские — в Ганновере, моторизованных войск — в Вюнсдорфе, саперные — в Рехаген-Клаусдорфе, связи — в школе связи сухопутных войск в Галле. После успешного участия в маневрах по окончании оружейной школы обер-фенрих возвращался в свою воинскую часть, где два месяца спустя все офицеры полка или батальона принимали участие в офицерских выборах. Если решение не было единогласным, то командир части был обязан направить рапорт главнокомандующему сухопутных войск, изложив свою позицию. В случае вынесения главнокомандующим положительного вердикта претенденту при-

сваивалось звание лейтенанта и следовало его назначение на должность командира взвода⁷⁵.

В 1933—1939 гг. количество курсантов офицерских школ было увеличено с 250 до 3000 человек, однако сухопутные войска стремились не снижать требований к подготовке будущих командиров, и ежегодно по причине непригодности из школ отчислялось до 30% фенрихов⁷⁶.

Подготовка офицерской смены в германском ВМФ и люфтваффе имела свои особенности. Будущий гардемарин (морской кадет) должен был заранее выбрать одну из пяти воинских специальностей: морского офицера, офицера инженерной, артиллерийско-технической, административной или медицинской службы кригсмарине. Морской офицер мог занимать должности вахтенного офицера, офицера-навигатора, торпедного офицера, артиллерийского офицера, первого офицера и командира корабля. Офицер инженерной службы отвечал за работу машин и механизмов морских судов, офицер артиллерийско-технической службы ведал артиллерийским или торпедным вооружением корабля, офицер административной службы был ответствен за выплату жалованья экипажу, обеспечение продовольственными и иными припасами. Бесплатное обучение морских кадетов, введенное еще в Веймарской республике, облегчало доступ на флот представителям менее обеспеченных социальных слоев. Однако одной лишь хорошей физической подготовки (наличие значка Имперской спортивной молодежи, Немецкого спортивного значка или Спортивного значка СА) и абсолютного зрения (ношение очков полностью исключало зачисление в гардемарини) было недостаточно для допуска к обучению. Однородный социальный состав морского офицерского корпуса обеспечивался образовательными критериями — кандидат в гардемарини должен был предъявить аттестат о среднем образовании и показать хорошие знания иностранных языков. Трехлетнее обучение начиналось в апреле с 5-месячной на-

чальной военной подготовки, после чего претендент должен был прослужить 4 месяца на учебном парусном судне. Затем молодого человека, произведенного в гардемарины, перевели на другой корабль, откуда он 8 1/2 месяцев спустя отправлялся в небольшой отпуск, сдав экзамен и получив звание фенриха цур зее (унтер-офицера флота). После отпуска кадет направлялся в военно-морскую школу в Мюрвике, обучение в которой через 7 месяцев заканчивалось экзаменом на звание морского офицера. Еще 11 месяцев занимали оружейные учебные курсы и служба на флоте, в течение которой гардемарин производился сначала в обер-фенрихи цур зее (обер-фельдфебель), а позднее — в лейтенанты цур зее. Обучение лейтенантов инженерной, артиллерийско-технической и административной службы ВМФ отличалось от обучения морских офицеров лишь некоторыми деталями, связанными с особенностями их воинской специальности⁷⁷.

Принятие в январе 1939 года плана «Z», который предусматривал значительное увеличение количества кораблей, вызвало расширение всех учебных учреждений ВМФ. В главном командовании военно-морского флота подсчитали, что в офицерские школы кригсмарине необходимо ежегодно зачислять 1 тысячу курсантов, в том числе 560 будущих морских офицеров. Для этого планировалось в марте 1942 года открыть вторую военно-морскую школу, пропускная способность которой составила бы 600 гардемарин. Правда, с началом Второй мировой войны этот план был похоронен⁷⁸.

На подготовку офицерских кадров для военно-воздушных сил наложили отпечаток ограничительные постановления Версальского договора, запрещавшие Германии иметь военную авиацию. В 1925—1933 гг. обучение летчиков осуществлялось в Липецке, где было подготовлено 120 пилотов и 100 штурманов. Офицеры зенитной артиллерии в обстановке глубокой секретности проходили обучение в

некоторых артиллерийских полках сухопутных войск, в которых с этими целями были сформированы специальные батареи⁷⁹. Только после прихода нацистов к власти в Германии возникли многочисленные летные школы. Отсутствие прусско-германской военной традиции и то обстоятельство, что военно-воздушные силы Третьего рейха находились под командованием «наци № 2» Германа Геринга, обусловили особенности требований, предъявлявшихся к претендентам на зачисление в офицерские школы люфтваффе. Молодые люди должны были обладать не только тренированным телом и школьным аттестатом, но и быть безоговорочными сторонниками «национал-социалистического государства и его фюрера». Те, кто удовлетворял поставленным условиям — возраст не старше 24 лет, немецкое гражданство, незапятнанная репутация и отсутствие судимостей, арийское происхождение, выдающиеся моральные, умственные и физические качества, пригодность к службе в вермахте и к полетам, рост 170—185 см, но не ниже 165 см и не выше 190 см, хорошие зубы, отсутствие подозрения на туберкулез, отсутствие жены, свидетельство об окончании гимназии или средней школы, — могли сделать выбор между карьерой офицера-летчика, зенитчика, офицера связи или военно-медицинской службы люфтваффе. Фаненюнкеры летных частей проходили обучение в военно-воздушных школах в Гатове под Берлином, Вильдпарк-Вердере под Потсдамом, в Дрездене и в Фюрстенфельдбруке под Мюнхеном, связисты — в Галле, а зенитчики — в подразделениях ПВО. Две последние группы курсантов также должны были пройти курс в одной из военно-воздушных школ на третьем году обучения. После успешной сдачи выпускного экзамена Геринг присваивал курсантам звание лейтенантов люфтваффе⁸⁰.

Специфика подготовки офицеров военно-медицинской службы всех трех составных частей вермахта и офи-

церов ветеринарной службы сухопутных войск состояла в том, что после короткой — примерно полгода — службы в войсках они направлялись в Берлинский университет или в Ветеринарную академию сухопутных войск в Ганновер, где должны были самостоятельно оплачивать учебу в течение 11 семестров. Расходы составляли примерно по 200 марок за семестр, включая все взносы и инструменты. К этому добавлялась оплата предварительного экзамена в сумме 88 марок и главного экзамена в сумме 252 марки. Единственным вспомоществованием от вооруженных сил была ежемесячная дотация на приобретение книг в размере 50 марок. После получения диплома врача или ветеринара курсанты должны были нести службу в лазаретах, воинских частях и пройти обучение в школах соответствующих родов войск. Присвоение звания лейтенанта медицинской или ветеринарной службы производилось примерно через 7 лет после начала учебы, но большие затраты времени на учебу компенсировались быстрым продвижением по карьерной лестнице: через 9 месяцев лейтенант получал звание старшего лейтенанта, а еще через два года становился капитаном⁸¹.

* * *

Одним из следствий становления вермахта как массовой армии стало омоложение офицерского корпуса. Еще в Веймарской республике министерство рейхсвера проводило кадровую политику, направленную на ускоренное продвижение по службе молодых офицеров. Действительно, многие из них быстро достигали генеральских чинов. Известно, что в 1932 году средний возраст офицеров при производстве в чин полковника составлял 52 $\frac{1}{4}$ лет, а при производстве в чин генерал-майора — 55 лет. К 1936 году тенденция к омоложению офицерского корпуса вермахта стала еще более ощутимой. В это время на действительной службе в сухопутных войсках и люфтваффе оставалось

только 17 генералов, которые закончили Первую мировую войну, имея старшее офицерское звание (от майора и выше): генерал-фельдмаршал фон Бломберг, генерал-полковник фон Фрич, генералы пехоты, кавалерии и артиллерии Бек, Либман, Адам, Рундштедт, фон Лееб, фон Бок, фон Браухич, Кнохенхауэр, Лист, генерал танковых войск Лютц, генерал-лейтенанты Карлевский и Файге, а также генералы авиации Каупиш, Вахенфельд и Хайм⁸².

Таблица 2

СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ ГЕРМАНСКИХ ОФИЦЕРОВ⁸³

Звание	1914 год	1930 год	1936 год
Лейтенант	19	22	19
Старший лейтенант	26	26 1/2	23
Капитан	30	34 1/2	26 3/4
Майор	35 1/2	41	36
Подполковник	39	47 1/2	39
Полковник	43	52 1/4	43 1/2
Генерал-майор	49	53	45 1/2
Генерал-лейтенант	53	54	48
Генерал пехоты, кавалерии, артиллерии	58	55	52 1/2

Создание массовой армии и снижение планки требований к профессиональной квалификации командиров открыло неслыханные шансы продвижения по службе для

кадровых офицеров, служивших еще в республиканском рейхсвере. Осенью 1936 года офицерский корпус сухопутных войск более чем наполовину состоял из новичков, а еще два года спустя только каждый седьмой офицер мог похвалиться тем, что начал свою карьеру до прихода Гитлера к власти. Вместе с тем теперь в быстрой профессиональной карьере играл роль не только стаж, но и способности. Если в соответствии с действовавшими правилами звание старшего лейтенанта могло присваиваться через 3—4 года после производства в офицеры, а звание капитана — еще через 8—9 лет, то в действительности наиболее способные лейтенанты могли получить следующий чин уже после нескольких месяцев службы, а через год-два стать капитанами⁸⁴.

Таблица 3

РОСТ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА СУХОПУТНЫХ ВОЙСК в 1932—1938 гг.

Звание	1.05.1932	1.10.1936	1.10.1938	Офицеры службы комплекто- вания
Генерал-фельдмаршал	—	1	—	—
Генерал-полковник	—	1	3	—
Генерал пехоты и др. родов войск	3	16	31	—
Генерал-лейтенант	14	41	87	—
Генерал-майор	27	91	140	14
Итого	44	150	261	44

досье / реина

Звание	1.05.1932	1.10.1936	1.10.1938	Офицеры службы комплекто- вания
Полковник	105	328	472	325
Подпол- ковник	191	421	872	448
Майор	374	1139	1303	1574
Капитан	1079	2466	3161	3031
Старший лейтенант	1275	1584	2006	43
Лейтенант	638	2366	8283	—
Офицеры медицин- ской службы	268	—	1574	—
Офицеры ветеринар- ной службы	183	—	590	—
Офицеры артилле- рийско- техниче- ской служ- бы*	—	—	678	—
Офицеры для служеб- ных пору- чений	—	—	181	—
Итого	3724	8454	16 358	5435

*Офицеры для служебных поручений (zur Dienstleistung) — отставные офицеры, вновь зачисленные на вакантные места без права повышения в чине. Числа, выделенные курсивом, не входят в общий итог.

Тем не менее ускоренное пополнение офицерского корпуса сухопутных войск отставало от стремительного роста вооруженных сил. Так как к 1938 году сухопутная армия Германии выросла в 7,6 раза, в ней должно было состоять 28 тысяч офицеров. В действительности в 760-тысячном вермахте служили только 21 600 офицеров, а накануне Первой мировой войны в кайзеровской армии численностью 751 тысяча человек проходили службу 29 тысяч офицеров и 106 тысяч унтер-офицеров. Рост технической оснащенности вооруженных сил за четверть века между двумя мировыми войнами и увеличение военно-административного аппарата еще больше подчеркивают разницу не в пользу гитлеровской массовой армии⁸⁵.

Офицерский корпус военно-морского флота увеличивался не столь быстрыми темпами, что объясняется подчиненными задачами, которые вплоть до января 1939 года ставились перед Кригсмарине.

Таблица 4

**РОСТ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА
ГЕРМАНСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА в 1935—1938 гг.⁸⁶**

Звание	1.11.1935	1.11.1936	1.11.1937	1.11.1938
Морские офицеры				
Гросс-адмирал	—	—	—	—
Генерал-адмирал	—	1	1	1
Адмирал	1	3	4	6
Вице-адмирал	5	4	8	10
Контр-адмирал	16	17	17	20
Капитан I ранга	48	57	71	82
Капитан II ранга	30	42	65	70
Капитан III ранга	142	159	159	150

Звание	1.11.1935	1.11.1936	1.11.1937	1.11.1938
Капитан-лейтенант	237	281	260	258
Старший лейтенант	171	101	203	294
Лейтенант	99	254	298	762
Всего	749	919	1086	1653
Остальные офицеры				
Офицеры службы комплектования	334	414	560	625
Офицеры инженерной службы	282	372	522	648
Офицеры медицинской службы	145	188	220	227
Офицеры артиллерийско-технической службы	118	166	201	264
Офицеры административной службы	117	189	215	261
Всего	996	1329	1718	2025

Что касается люфтваффе, то их кадровое ядро в 1933 году образовали около 350 офицеров, еще в веймарский период прошедших обучение в Липецке или в летных школах гражданской авиации в Германии. Поскольку формально они являлись офицерами сухопутных войск или ВМФ, их увольняли с действительной службы и зачисляли служащими в Германский союз воздушного спорта. В марте 1935 года, когда было объявлено о существовании в Германии военно-воздушных сил, их личный состав насчитывал 900 офицеров, 10 тысяч унтер-офицеров и солдат. В зенитной артиллерии проходили службу еще 200 офицеров и

7 тысяч солдат. С осени 1935 года начался призыв новобранцев в люфтваффе, кроме того на службу в военно-воздушные силы перешли свыше 13 тысяч солдат сухопутных войск. К концу 1938 года численность люфтваффе достигла 275 тысяч человек, а в случае мобилизации должна была возрасти до 370 тысяч, включая 15 тысяч офицеров, большинство которых были молодыми лейтенантами. Ежегодный прирост офицерского корпуса военно-воздушных сил в 1937—1939 гг. составлял около 2,5 тысячи человек, 70% из них являлись выпускниками военно-воздушных школ, 20% — восстановленными на действительной службе офицерами запаса (Е-офицеры), остальные 10% давало производство унтер-офицеров в звание лейтенанта. Еще острее ощущалась нехватка штабных офицеров, которую не могли устранить выпуски Военно-воздушной академии, открытой в 1935 году. Известно, что к началу Второй мировой войны половина из 300 штабных офицеров германских ВВС получила свое образование в сухопутных войсках еще до возникновения люфтваффе⁸⁷.

* * *

Американский историк Дэвид Шёнбаум назвал увеличение офицерского корпуса вермахта «тихой социальной революцией». Если в 1920 году в германской армии 61% генералов были дворянами, то в 1939 году только 27% генералов имели дворянское происхождение. Количество генералов после прихода Гитлера к власти увеличилось с 44 до 261, причем свои звания при нацистах получили все 3 генерал-полковника, 17 из 31 генерала родов войск, 58 из 87 генерал-лейтенантов, 90 из 140 генерал-майоров⁸⁸.

Зарубежные специалисты используют ряд критериев оценки социальных изменений в вермахте: социальный состав, способы и принципы отбора пополнения, селекция социального окружения офицеров, кодекс чести, ус-

ловия продвижения по служебной лестнице, наконец, мировоззрение⁸⁹. Немецкий историк Бернгард Крёнер считает рубежом в социальных преобразованиях в армии осень 1942 года. В это время из-за огромных потерь на советско-германском фронте Гитлер официально отменил требование среднего образования для претендентов на офицерские звания. Это открыло доступ в офицерский корпус представителям менее образованных, а значит, и менее состоятельных слоев общества⁹⁰. Другой германский исследователь, Юрген Фёрстер, относит переход к «национал-социалистической народной армии» к периоду после неудачного покушения на Гитлера в июле 1944 года⁹¹.

Хотя статистические данные об изменении социального состава офицерского корпуса вермахта в 1933—1939 гг. отсутствуют, можно предположить, что тенденция к сокращению доли дворян, прежде всего за счет увеличения доли недворянских имущих слоев, но также и среднего сословия и даже появления в офицерском корпусе выходцев из рабочих семей имела место и в период создания массовой армии. Эта тенденция была более заметна в составе младших офицеров и меньше проявлялась у старших офицеров и генералов. Генералитет вермахта состоял из представителей «социально желательных кругов», начинавших службу еще до Первой мировой войны. Здесь дворяне фон Рундштедт, фон Бломберг, фон Фрич, фон Браухич и другие по своему самосознанию составляли единое целое с выходцами из буржуазной среды Кейтелем, Йодлем, Канарисом, Бекком, Гальдером. Гитлер, несомненно, предусматривал социальные изменения в офицерском корпусе. Он не скрывал своего недоверия к аристократии и стремления создать в Германии «народное сообщество». Хотя фюрер полагал, что для достижения этой цели понадобится сто лет, в одном из выступлений перед командирами войсковых частей в феврале 1939 года он заявил, что этот процесс, «или, можно сказать, эта политика, уже сегодня может считаться удачной... Понятие народного сообщест-

ва все больше превращается из пропагандистской фразы в живую действительность»⁹².

Особый социальный статус офицера издавна подчеркивался специальными правилами поведения и вступления в брак. В литературе, предназначенной для молодых офицеров, в полном соответствии с прусско-германской милитаристской традицией говорилось, что «ношение гражданской одежды должно быть для офицера исключением... Военная форма — наша гордость». Предписания воинских начальников устанавливали правила, касающиеся свободного времени. «Офицер, который день за днем исполняет свой долг, который со своими солдатами уже идет по улицам, когда головы выпавшихся бюргеров только появляются из-за занавесок, который на ветру и по непогоде тяжело ступает по грязи учебного поля, пока другие сидят на теплых печках, имеет право на радостные часы после выполнения своего долга», — писал Герман Фёрч. Но пребыванию в пивных следовало предпочесть прогулку на свежем воздухе, а еще лучше — чтение. Строго-настрога запрещались любые связи с «распутными» женщинами. Нарушение данного офицером честного слова влекло за собой увольнение из вооруженных сил и утрату уважения окружающих. С другой стороны, приспособление вермахта к реалиям нацистского господства выражалось в призывах к офицерам отказаться от дружеского общения только с представителями высших слоев общества. «Предрассудки, которые основаны только на собственности и происхождении, больше не имеют оправдания... Тот, кто внутренне не принял идею народного сообщества, сам исключается из круга нашего общения. У вермахта нет повода обращать на него внимание. Вечеринки в офицерских домах служат наряду с товарищеским сплочением самого офицерского корпуса в первую очередь цели установления и поддержания более близких служебных и товарищеских связей с важными представителями новой Германии, особенно органов власти и партийных инстанций»⁹³.

В Веймарской республике в январе 1922 года было издано распоряжение, в соответствии с которым офицер не мог создать семью без согласия воинского начальника. Непременными условиями были определенный возраст офицера (не моложе 27 лет), отсутствие у жениха и невесты долгов и наличие доходов, позволяющих вести образ жизни, подобающий представителям элиты общества. Наконец, будущая супруга должна была обладать «безупречной репутацией» и происходить из «уважаемой семьи». Летом 1933 года в указанные правила было внесено дополнение об «арийском происхождении» невесты и ее лояльности в отношении нового режима. Контроль командира за брачно-семейной сферой жизни офицеров сохранялся и в дальнейшем. Следует отметить, что в 1935—1936 гг. расово-биологические критерии получили приоритет над социальными: «арийское происхождение» невесты заняло первое место в списке требований и было дополнено пунктом о «наследственном здоровье». Армия превращалась, следовательно, в инструмент нацистской расовой селекции. С другой стороны, возраст жениха был снижен до 25 лет, а для офицеров, начавших службу в 18-летнем возрасте, стало возможным создание семьи «уже» в 24 года⁹⁴.

Теперь воинские начальники могли помешать раннему вступлению офицеров в браки, действуя только методами убеждения. Например, в одной из книг подполковника Генерального штаба Фёрча говорилось: «В сущности солдатской профессии заложено, что жизнь среди товарищей играет особую роль. Взаимное воспитание такими же товарищами часто приносит лучшие плоды, чем воспитательная работа, проведенная начальником. Офицер не должен лишать себя этого круга общения из-за слишком ранней женитьбы. Национал-социалистическое мировоззрение включает требование о выполнении индивидом демографических обязанностей... Невыгоды слишком ранней женитьбы для офицера заложены в условиях его службы. Молодой офицер принадлежит своим солдатам и кругу друзей. Он еще встретит хлопоты жизни. Тот, кто хочет

жениться, должен подумать, что он как офицер создает связи, которые связывают с ним его жену. Офицер несет ответственность за свою жену. Она живет вместе с ним в обществе, подчиняющемся требованиям, которых не знают другие профессии. Это касается не происхождения и собственности. Каждая уважаемая девушка, которая соответствует расовым законам национал-социалистического мировоззрения, достойна быть женой офицера. Но жена офицера подчиняется этическому долгу мужа в той же мере и должна соответствовать духовным запросам, предъявляемым к ней профессией мужа. Там, где этого согласия не существует, офицер надевает оковы, которые не сможет нести долгое время»⁹⁵.

С социальным статусом офицера был связан уровень его доходов. По сложившейся традиции немецкий офицер тратил на соответствующий образ жизни больше, чем получал за военную службу. Поэтому позволить себе службу в армии могли только весьма состоятельные люди. Например, отец Вильгельма Кейтеля, брауншвейгский помещик, записал сына в артиллерию, потому что «служба сына в кавалерии была очень дорога». Кавалерийский офицер должен был сам приобретать себе лошадь, а в артиллерии ее предоставляло государство. Капитан-лейтенант Карл Дёниц, служивший в середине 1920-х гг. в главном командовании ВМФ в Берлине, получал скудное жалование и вел весьма скромный образ жизни. Имея троих детей, он путешествовал в вагонах четвертого класса и не мог позволить себе посещать театры и музеи⁹⁶.

В 1930-е гг. молодых офицеров вермахта убеждали в том, что в истории германской армии было немало «великих солдат германской армии, которые в молодости должны были обходиться небольшими средствами, голодали. Их жизнь — лучший урок. Большое имущество сегодня редкость. Война и инфляция поглотили почти все личные средства. Масса наших офицеров сегодня живет только на свое жалование. В этом нет ничего постыдного. Размеры этого жалования отнюдь не роскошны, но достаточны для

достойной жизни». Каждый офицер должен был опасаться только одного — долгов: «Офицер никогда не должен подписывать вексель, никогда он не должен отдавать себя в руки ростовщиков, он никогда не должен участвовать в азартных играх, служащих обогащению, но он никогда не должен покрывать товарища, который ступил на этот путь»⁹⁷.

Психологическая подготовка будущих офицеров к скромному образу жизни в будущем начиналась с момента их зачисления в курсанты. Фаненюнкеров и их родителей убеждали в том, что расходы на униформу — 150 марок — не превышают расходы на гражданскую одежду на один год, зато если с мундиром обращаться бережно, то его можно будет носить не только в течение более чем двух лет обучения, но и после производства в лейтенанты. Курсантам внушали, что они должны привыкать жить экономно, а родителей призывали присылать небольшие суммы, которые можно было бы расходовать на участие в офицерских обедах. С другой стороны, состоятельные семьи предостерегали от выдачи курсантам больших сумм, называя максимальную цифру — 30 марок в месяц. «Фаненюнкер должен запомнить действующий для каждого офицера закон о том, что сплоченный офицерский корпус в своих расходах должен ориентироваться на товарищей, располагающих самыми малыми средствами», — писал в брошюре для будущих офицеров капитан военного министерства Ганс Мартин⁹⁸.

В вермахте высокие доходы традиционно имели только генералы. В середине 30-х гг. ежегодный доход генерала составлял 24 тысячи марок, генерал-лейтенанта — 19 тысяч, генерал-майора — 16 тысяч марок. Полковник вермахта получал вознаграждение в сумме 12,6 тысячи марок в год, подполковник — 9,7 тысячи, майор — 7,7—8,4 тысячи, капитан — 4,8—6,9 тысячи, старший лейтенант и лейтенант — 2,4—4,2 тысячи марок⁹⁹. Несколько отличные, но ничего принципиально не меняющие данные приводятся в таблице:

**ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЖАЛОВАНИЕ
КУРСАНТОВ И ОФИЦЕРОВ ВЕРМАХТА В 1935—1937 гг.
(В МАРКАХ)¹⁰⁰**

Звание	Ежемесячное жалование
<i>Курсанты</i>	
Фаненюнкер	15,00
Ефрейтор	22,00
Унтер-офицер	118,70
Фенрих	158,78
Обер-фенрих	182,13
<i>Неженатые офицеры моложе 45 лет</i>	
Лейтенант (в зависимости от выслуги лет)	251,69—228,37
Старший лейтенант (в зависимости от выслуги лет)	321,48—243,76
Капитан (в зависимости от выслуги лет)	614,66—430,26
Майор (в зависимости от выслуги лет)	673,90—646,09
Подполковник	748,15
Полковник	948,70
Генерал-майор	1146,43
Генерал-лейтенант	1364,83
Генерал	1689,82

При этом материальное положение офицеров, без сомнения, оставалось привилегированным по сравнению с большинством населения страны. Примерно в это же время служащие получали в среднем 199 марок в месяц,

промышленные рабочие — 110 марок без учета государственных налогов. И только к 1939 году, когда рабочее время увеличилось с 41,5 до 48,5 часа в неделю, среднее жалование служащих выросло до 231 марки, а заработная плата — до 126 марок¹⁰¹. Продолжительность отпуска офицера также была больше, чем у служащих и промышленных рабочих: очередной отпуск не предоставлялся только на первом году службы, офицер второго года службы находился в отпуске 14 дней, 3—8-го года — 21 день, 9—14-го года — 28 дней, 15—20-го года — 35 дней, а офицеры, выслужившие 21 год и более, имели право на 45-дневный отпуск. Помимо того, офицеры получали отпуска поощрению, на некоторые церковные праздники, свадьбы и похороны, для участия в спортивных соревнованиях, изучения иностранного языка за границей, для освоения гражданской профессии перед увольнением в запас¹⁰².

Кроме того, отставные офицеры пользовались социальными гарантиями. Закон о социальном обеспечении вермахта, опубликованный 5 сентября 1938 года, соответствовал общим принципам социальных гарантий в нацистской Германии. Законодательство Третьего рейха делило всех граждан на способных и неспособных к производительному труду. Даже инвалидам, получившим увечья на военной службе, но еще способным работать, подыскивалось рабочее место, чтобы они чувствовали себя «полезными членами народного сообщества». Государственную пенсию могли получать только офицеры, совершенно неспособные заработать себе на жизнь или вышедшие в отставку в связи с преклонным возрастом. В то же время закон предусматривал трудоустройство офицеров и унтер-офицеров на чиновничью службу в государственный аппарат, выдачу денежных дотаций для организации предпринимательской или торговой деятельности. Это позволяет сделать вывод о более высокой степени социальной защиты офицерского корпуса по сравнению с другими категориями граждан¹⁰³.

Единственной организацией для офицеров в отставке с марта 1938 г. был Национал-социалистический имперский воинский союз, созданный на основе традиционного правого союза «Киффхойзер». Руководитель «Киффхойзера» генерал в отставке и группенфюрер СС В. Рейнхард был поставлен во главе новой организации с присвоением ему титула «имперского воинского фюрера». Еще в Веймарской республике «Киффхойзер» развернул активную деятельность на правом фланге политического спектра, был тесно связан с рейхсвером, а в мае 1933 года изменил свой устав, приспособив его к условиям однопартийной диктатуры. В соответствии с уставом социальное обеспечение было только одной и отнюдь не главной задачей союза, наряду с «поддержанием героического духа», нацистского воспитания и «укрепления обороноспособности». Создание Национал-социалистического имперского воинского союза стало шагом на пути сворачивания социальной деятельности этой организации. С 1938 года официальными задачами союза считались только нацистская и милитаристская пропаганда. Он проводил ежегодные соревнования по стрельбе и праздник День воина, выпускал свою газету, книги и кинофильмы. Тем не менее союз осуществлял и некоторую социальную деятельность. В нем состояло 326 тысяч бывших офицеров и около 2 млн бывших унтер-офицеров и солдат. 80% членов организации были участниками войн. Союз ежегодно расходовал свыше 2 млн марок на помощь 8 тысячам больных и ветеранам войн 1866-го и 1870—1871 гг., осуществлял социальное страхование и содержал 18 домов отдыха. В перспективе некоторые офицеры тогдашнего вермахта могли бы воспользоваться социальной помощью Имперского воинского союза¹⁰⁴.

Следовательно, в предвоенный период вермахт не смог остаться единственным «оруженосцем нации». Рядом с ним возникли и укрепились эсэсовские вооруженные части — отряды «политических солдат» Гитлера. Обеспокоен-

ность офицерского корпуса смягчалась благодаря тому, что части особого назначения СС казались карликом по сравнению с 760-тысячной армией. Но эта массовая армия существенно отличалась от прежнего рейхсвера. Вермахт превращался из элитного войска в «национал-социалистическую народную армию»: происходило не только увеличение численности офицерского корпуса, некоторое снижение образовательного уровня офицеров и ухудшение их профессиональной квалификации. Важными следствиями создания массовой армии были изменение социального состава офицерства, критериев отбора молодого пополнения, правил вступления в брак, условий получения очередных званий. Это сопровождалось изменениями в идеологии, предписаниях о чести, ритуалах и военной символике, которые будут проанализированы в следующей главе.

Глава 3

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ВЕРМАХТА К ВОЙНЕ ЗА МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО

«СОЛДАТСКИЙ ДУХ» И НАЦИСТСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В ИДЕОЛОГИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Я ожидаю от каждого военнослужащего сухопутных сил, в особенности от офицера, что он будет действовать согласно воззрениям Третьего рейха, даже если эти воззрения не зафиксированы в законодательных постановлениях, распоряжениях или служебных приказах.

Генерал В. фон Фрич¹

Война на уничтожение, задуманная Гитлером, требовала не просто послушного военного инструмента, а армии, готовой к выполнению задач, прежде несвойственных вооруженным силам. Личный состав рейхсвера, воспитанный на прусско-германских традициях, был подготовлен к ведению вооруженной борьбы против армии вероятного противника, но не к безжалостному преследованию и истреблению населения целых стран. Поэтому 1933—1939 гг. стали для германской армии не только временем численного роста и перевооружения, но и превращения из аполитичного инструмента государственного руководства в слепое орудие фюрера. Изменения в идеологии офицерского корпуса вермахта и эволюция воззрений военного руководства происходили в условиях сложных взаимоотношений военных и партийных инстанций и затронули такие сферы, как политическое обучение, военная периодика и литература, ритуалы и символика германской армии.

В Пруссии, а потом и в Германской империи было принято относиться к вооруженным силам не только как к защитнику государства от внешней опасности, но и как к педагогическому учреждению, предназначенному для воспитания всего мужского населения страны. Вильгельм II считал воинскую службу «лучшей школой для поднятия физического и нравственного уровня нашего народа» и «высоко ценил воспитательные задачи армии». Всеобщая воинская повинность, полагал он, сглаживает социальные противоречия, поскольку «сводит вместе богатых и бедных, сыновей деревни и города. Она заставляет молодых людей, жизненные дороги которых вообще расходятся далеко, знакомиться и понимать друг друга. Сознание, что они служат *одной* идее, объединяет их»².

«Самой большой школой немецкой нации», «олицетворением организованной силы и власти государства», опорой императорского трона называл кайзеровское войско и Гитлер. Он высоко оценивал воспитание в императорской армии, которое формировало чувство ответственности, личное мужество, самопожертвование ради общего блага. В отличие от императора Вильгельма, нацистский вождь поставил культивирование вооруженными силами социального мира на расовую основу: «Это была школа, которая еще учила отдельного немца, что благо нации надо искать не в лживых фразах о международном братстве негров, немцев, китайцев, англичан, французов и т. д., а в силе и сплоченности собственного народа». Армия, хотя и непоследовательно, воспитывала решительность, послушание приказу, идеализм, отдачу Отчеству и его величю, единство народа, не разделенного на классы. Главная заслуга императорского войска состояла, по мнению вождя нацистов, в выступлении против «еврейско-демократического» принципа слепого поклонения количеству и противопоставлении ему веры в личность. Армия Третьего рейха тоже была призвана воспитывать — формировать

привычку к повиновению и готовность командовать, обучать новобранцев военному ремеслу и закалять их физически. По окончании службы солдат должен был получать гражданские права и «аттестат здоровья», который давал разрешение на создание семьи. Фюрер давал негативную оценку только дворянскому составу офицерского корпуса рейхсвера³.

После прихода к власти Гитлер и его партия мало-помалу стали подвергаться критике и мировоззрение военных, их консерватизм. Широкую известность получило высказывание нацистского вождя о том, что вермахт состоит из прусских сухопутных войск, императорского военно-морского флота и национал-социалистических люфтваффе. Авторы партийных изданий критиковали офицерский корпус за его консерватизм и монархизм, за ошибочное представление военных о том, «что к войне можно подготовиться на казарменном дворе муштрой, военными упражнениями и гусиным шагом, маршировкой и стрельбой»⁴.

Анализ документов убеждает в том, что министерство рейхсвера и командование сухопутных сил болезненно реагировали на критику со стороны Гитлера и НСДАП. И Бломберг, и Фрич были готовы несколько изменить идеологические установки рейхсвера ради упрочения особого положения офицерского корпуса в новом государстве. Другая причина их готовности к сотрудничеству с нацистами в идеологической области объясняется частичным совпадением идеалов и ценностных ориентиров, на которое было указано выше. Зарубежные исследователи доказали, что министр рейхсвера был особенно склонен к уступкам нацизму, а командование сухопутных войск стремилось свести идеологическое влияние гитлеровской партии к необходимому, с его точки зрения, минимуму. Но расхождения между Бломбергом и Фричем имели не принципиальный, а тактический характер. В августе 1935 года главнокомандующий сухопутных войск направил начальникам военных округов специальное письмо, в котором

указывал на «полное взаимопонимание в принципиальных вопросах» и потребовал пресекать всякие слухи о противоречиях между ним и военным министром. «Я то и дело слышу, — писал Фрич, — что лица из кругов, с которыми поддерживает связи офицерский корпус, так выражают свое неудовольствие по поводу некоторых деталей современного развития: наша надежда — главнокомандующий сухопутных войск, уж он-то наведет порядок. При этом люди думают о совершенно разных вещах. Но несомненно, что некоторые думают о насильственных мерах. Могу сказать об этом только следующее: по моему твердому убеждению, будущее Германии на веки вечные тесно связано с национал-социализмом. Тот, кто наносит ущерб этому национал-социалистическому государству, — преступник. Если бы такого рода действия исходили от меня, то они были бы, кроме того, актом подлой неверности по отношению к личности фюрера. Фюрера, который постоянно оказывал и оказывает мне полное доверие. Могу только сожалеть о том, что находятся такие люди, которые приписывают мне такой поступок»⁵.

Фрич и Бек запретили офицерам всякую критику Гитлера, но одновременно пытались отделить и даже изолировать фюрера от НСДАП и других партийных организаций, интерпретировали национал-социализм как разновидность гитлеризма, старались перенести привязанность офицерского корпуса к кайзеру на привязанность к Гитлеру, а сам национал-социализм как бы вынести за скобки. Клятвы Фрича в «любви к народу, Отечеству и фюреру» вызывали ассоциацию со старой формулой о «кайзере, народе и Отечестве». В одном из частных писем Фрича говорится: «Несмотря на то, что основа наших сегодняшних сухопутных сил является и должна быть национал-социалистической, нельзя допускать никакого проникновения партийно-политического влияния в сухопутные войска, потому что такое влияние может оказать только разрушительное и разлагающее воздействие»⁶.

Все же командование сухопутных войск открыло доступ в офицерский корпус нацистской идеологии. Большую роль в этом сыграли приказы, директивы и распоряжения Фрича и Бека, которые, несомненно, оказывали воспитательное воздействие на солдат и офицеров. А эти документы одобряли действия гитлеровского правительства и затрудняли их правильную оценку военнослужащими из-за того, что построение фюрерской диктатуры трактовалось в них как возврат к традициям Пруссии и Германской империи.

Четырнадцатого июля 1933 года был опубликован и вступил в силу Закон против образования новых партий, закрепивший однопартийную систему в Германии. Фрич, командовавший тогда III военным округом (Берлин), в своем приказе выступил за «преобразование всех областей жизни», выдавал унификацию земель за осуществление «многовековой жажды всех немцев». Он трактовал роспуск всех политических партий как важный шаг на пути к единству рейха и воплощение слов Вильгельма II: «Я больше не знаю никаких партий, я знаю только немцев». В то же время Фрич подчеркивал, что в новом государстве должны остаться нравственные ценности прошлого, и осудил огульное исключение из «народного сообщества» тех немцев «с полноценной кровью», которые не приняли национал-социализм сразу и «не могут немедленно стать знаменосцами движения». Он подчеркивал, что ожидает от каждого офицера как сохранения традиций германской армии, так и поддержки политики НСДАП. «С одной стороны, — говорилось в приказе, — надо полностью признать большие заслуги национал-социалистического движения. С другой стороны, каждый офицер должен с гордостью сознавать, что армия в предшествующие 14 лет постоянно, зачастую в трудных обстоятельствах, была носителем и стражем национальной идеи и военной воли». Сочетая традицию и поддержку нового режима, Фрич

обосновывал роль армии как «главного представителя и помощника партии» и единственного оруженосца нации⁷.

В отличие от Фрича, Бломберг считал, что традиция состоит «не в повторении или возвращении истории, а в сознательном стремлении вперед и продолжении начатого дела со свежими силами и в условиях живой современности, которой мы служим. Так традиция становится мощным подтверждением формирующейся вокруг нас жизни и мостом в светлое будущее нашего народа»⁸. Менее чем через месяц после прихода к власти Гитлера министр рейхсвера дал ясно понять, что его цель состояла не в превращении армии «в партийные части», а в сохранении исключительного положения офицерского корпуса при новом режиме: «Мы, солдаты, стоим вне межпартийной борьбы. Мы не принадлежим ни к какой партии и ни к какому классу, мы принадлежим всему народу, мы служим обществу. Мы, солдаты, осознаем ответственность быть и оставаться единственной вооруженной силой»⁹. Два года спустя, зимой 1935 года, когда упреки со стороны НСДАП и СС в адрес руководителей рейхсвера участились, Рейхенау продолжал твердить, что армия — «единственная и последняя надежда фюрера». Он иначе обосновал требование невмешательства партии в дела рейхсвера: «Нам не нужно делать из солдат национал-социалистов. Мы — национал-социалисты и без партийного билета».

Взаимное невмешательство в период становления политического режима гитлеровской диктатуры облегчило нацистам развязывание массового террора и уничтожение своих политических оппонентов. Рейхенау так комментировал Закон от 24 марта 1933 года, предоставлявший правительству Гитлера чрезвычайные полномочия: «Надо понять, что происходит революция. Все прогнившее в государстве должно пасть, а это достигается только террором. Партия будет безжалостно действовать против марксизма. Задача армии — держать винтовки к ноге. Никакой поддержки преследуемым, если они будут искать убежища в

войсках». Выступая перед командирами дивизий в конце мая, Бломберг заявил, что «теперь неполитическое бытие позади и остается только одно — с полной отдачей служить национальному (гитлеровскому. — А.Е.) движению». Он положительно оценил «исчезновение» партии католического Центра и консервативного партнера рейхсвера — НННП и потребовал от слушателей налаживания «сердечных» отношений с имперскими наместниками, невзирая на их профессиональный уровень и моральный облик¹⁰.

Устранение оппозиционных партий быстро привело военных руководителей к необходимости все больше и больше приспособляться к условиям однопартийной диктатуры и культа вождя. С осени 1933 года министерство рейхсвера стало одним из творцов культа фюрера. Шестого сентября, выступая в Ульме в присутствии Гитлера, приехавшего на окончание осенних маневров, Бломберг говорил о восхищении и любви народа к фюреру. По словам министра рейхсвера, солдаты и офицеры видят «в этом человеке солдата, который во время мировой войны четыре года был фронтовым бойцом, который затем в течение четырнадцати лет возглавлял политическую борьбу за процветание Германии, а теперь стал вождем немецкого народа». От имени всех военнослужащих он посулил Гитлеру «полное доверие, безоговорочную преданность, непоколебимую веру в нашу прекрасную профессию» и поклялся жить, работать и, если потребуется, умереть за нацистское государство¹¹. Одновременно Бломберг начал кампанию за внедрение в офицерский корпус нацистского мировоззрения, стараясь связать отказ от индивидуальной свободы и «тотальность государства» с «солдатским духом». Историю республиканского рейхсвера он изображал как «вавилонское пленение» армии, из которого она была освобождена Гитлером¹².

Рейхенау приказал командирам дивизий в докладах перед офицерами особое внимание уделять пропаганде нацизма, особенно порекомендовав такие темы, как «На-

ционал-социалистическое мировоззрение», «Расовая и демографическая политика», «Обновление германского права», «Немцы за границей», «Германский трудовой фронт», а также освещение борьбы с безработицей и аграрной политики гитлеровского правительства. Для выступлений следовало приглашать и нацистских функционеров. Пропагандистская работа рейхсвера среди населения сосредоточивалась на заслугах армии в борьбе против коммунистов в период кризиса 1923 года, а также на постоянной помощи войск народному хозяйству и населению. Немцы должны были поверить в то, что рейхсвер уже «пронизан» идеологией национал-социализма¹³.

Новая кампания идеологической обработки армии была приурочена Бломбергом к 45-летию Гитлера. Приказ от 4 апреля 1934 года подтверждал намерения военного министра способствовать мировоззренческому воспитанию солдат и офицеров, а секретное распоряжение от 21 апреля призывало рейхсвер чаще выступать перед общественностью в роли единственного оруженосца нации и надежной опоры правительства Гитлера, которую планомерно воспитывают в духе национал-социализма. Казарма 1-го батальона 19-го пехотного полка в Мюнхене, в котором некогда служил нацистский вождь, была переименована в его честь, в воинских частях было приказано вывешивать «изречения фюрера». Двадцатого апреля во всех газетах были опубликованы поздравления Бломберга Гитлеру по случаю дня рождения. В военном еженедельнике «*Militärwochenblatt*» была помещена статья министра рейхсвера, в которой проводилась мысль о том, что национал-социализм вырос из солдатского, фронтового духа. Он конструировал эту искусственную связь между армией и национал-социализмом ради легитимации исключительного положения рейхсвера в Третьем рейхе: «солдатское содержание» нацистского мировоззрения и «солдатская структура» нового государства якобы обуславливают огромное значение «солдатского сословия», превращают его в глав-

ное средство и олицетворение власти, в ядро новой государственности¹⁴.

К этому времени расстановка сил в войсках уже изменилась не в пользу офицеров, сохранявших верность традициям и с осторожностью относившихся к фашизму. К декабрю 1934 года только в сухопутные силы и на флот было призвано около 200 тысяч новобранцев, более половины из которых состояли в НСДАП, СА, СС, НСКК, Гитлерюгенде, Имперской службе труда, Германском союзе воздушного спорта и других нацистских организациях. С 1 апреля была официально отменена 12-летняя служба для офицеров, закрепленная Версальским договором, а молодое офицерское пополнение, поступавшее в рейхсвер, было настроено позитивно по отношению к Гитлеру и нацистам. Один из офицеров элитного по социальному составу 9-го пехотного полка так оценил происходящее: «Это было концом нашей сплоченной и выдающейся профессиональной армии, наконец, это было началом конца достоинства и чести, престижа и всего того, что раньше давало нам выдержку и убежденность в том, что мы действуем правильно и тем самым служим Отечеству»¹⁵.

Эта ситуация подталкивала Бломберга призывать офицеров к «соединению традиции и прогресса», что на практике должно было выливаться в установление товарищеских отношений с унтер-офицерами и солдатами и в искоренении «предвзятых оценок, основанных на происхождении и образовании». «Я говорю не о попытке втереться в доверие, — гласил подписанный министром 18 декабря 1934 года секретный приказ об обязанностях молодого офицера, — и не хочу, чтобы офицер постоянно «контролировал» свое подразделение. Я требую не чего иного, как живого культивирования товарищества и чувства общности офицера и солдата. Ведь эти солдатские добродетели суть основа всех успехов в мирное и военное время. Алкоголь и брань в адрес учреждений и отдельных лиц — совершенно ненужные средства этой заботы о товариществе». Лиди-

рующее положение офицера основывалось отныне не на том, что он «держит дистанцию», а только на «ценности личности, умениях и знаниях»¹⁶.

С генералами в эти дни министр был еще более откровенен: «Много раз выдвигалось требование, что вооруженные силы должны быть аполитичными. До (Первой мировой. — А.Е.) войны политическая позиция вооруженных сил характеризовалась их верностью монархам (армия прошла свое основное политическое обучение, признав себя сторонницей князей). После войны вооруженные силы должны были изолироваться, они не могли и не должны были вставать на сторону какой-либо одной партии. Сегодня армия в высшей степени политизирована, если иметь в виду унификацию с национал-социалистическим мировоззрением. Она аполитична в смысле неучастия в повседневной политической борьбе. Новый рейх, в отличие от Второй империи, основывается на идее, важнейшими отличительными чертами которой являются: 1) авторитарное руководство государством; 2) преобладание государственных интересов над всеми остальными, особенно частными интересами; 3) братское народное сообщество. Вооруженные силы не могут стоять в стороне от мировоззрения. Тот, кто не может присоединиться к национал-социалистическому мировоззрению, нетерпим в рядах вооруженных сил и должен быть удален»¹⁷.

Для самого Бломберга приспособление к новым условиям закончилось слепым преклонением перед Гитлером, как это показывает его выступление в орденом замке Фогельзанг: «Нам повезло — нам не нужно возвращаться в прошлое на десятилетия или столетия, чтобы найти образец. Среди нас живет и создает человек, которому новая Германия, партия и вермахт обязаны своим существованием. Жить, следуя его примеру, идти за ним — самый элементарный долг благодарности и чести. По всей Германии у всех людей и организаций любого рода не должно быть иной возможности для честолюбия и соревнования,

нежели стремление максимально приблизиться к примеру Адольфа Гитлера. Вермахт тоже видит в этом свою задачу, и в этом он смыкается с Национал-социалистической немецкой рабочей партией»¹⁸.

Фрич, напротив, реагировал на изменение состава офицерского корпуса призывами к сохранению традиционных ценностей — аккуратности, скромности, трезвого образа жизни, рыцарского отношения к женщинам, товарищества. В подписанном им 21 декабря 1934 года приказе говорилось, что офицер — образец для подчиненных. «Он должен оберегать честь своего сословия, не впадая при этом в сословную темноту. Он должен гордиться своей профессией, не становясь заносчивым... Офицер должен быть строгим и справедливым по отношению к своим подчиненным и находить правильный тон в служебном и внеслужебном общении, не теряя дистанции. Не должны иметь места порочащие поступки и злоупотребления». Особое внимание Фрич обращал на семью офицера: «Должно разумеется само собой, что офицер ищет себе жену в арийских слоях народа, в которых высшими достоинствами считаются национальный образ мыслей, чувство чести и долга, хорошие манеры и нравственность. Офицер должен постоянно осознавать, что он несет ответственность за действия своей супруги. Он является образцом в семейной жизни и оказывает скромное гостеприимство». Уважение традиций сочеталось с лояльностью по отношению к Гитлеру и его режиму: «Всякую критику личности фюрера и верховного главнокомандующего, а также национал-социалистической формы правления, следует принципиально пресекать»¹⁹.

Введение всеобщей воинской повинности привело к складыванию в вермахте трех групп офицеров. Первая включала в себя главным образом офицеров старшего возраста, которые оставались верными традиции автономной армии с ее внепартийностью и самоотдачей на службе государству. Неуклонно росла вторая группа, состоявшая из

преданных фюреру «партийных солдат». Третью группу составляли «карьеристы» — военные профессионалы, равнодушные к политическим вопросам²⁰.

Превращение рейхсвера в вермахт вызвало новые уступки идеологическому проникновению НСДАП. Ссылаясь на гитлеровскую «Мою борьбу» и выступления фюрера, военный министр в секретном приказе от 16 апреля 1935 года подчеркнул, что «служба в вермахте является последней и высшей ступенью в общем процессе воспитания молодого немца, начиная от семьи и школы и заканчивая Гитлерюгендом и Службой труда. Целью воспитания в вермахте является не только основательно обученный боец и знаток оружия, но и человек, знающий свои народные корни и свои общие обязанности перед государством». Бломберг предупреждал командиров о том, что в вермахт приходит совсем иная молодежь, нежели несколько лет назад — «хорошо политически подготовленная, очень бдительная и способная к критике», оценивающая людей и события по своим меркам. Офицерам не рекомендовалось с ходу отбрасывать эти новые ценностные ориентиры, а присмотреться к ним. Военный министр предостерегал командиров от «неосторожных высказываний» в адрес Гитлера и «его политического инструмента» — НСДАП, поскольку трения, временами возникающие между вооруженными силами и партийными инстанциями, носят частный и временный характер. Методы воспитания в вермахте, продолжал Бломберг, «не нуждаются в принципиальной корректировке», но одновременно не ограничиваются «лишь подражанием традиционным формам», ведь новое время и новые люди требуют поиска новых путей обучения и воспитания. Пожалуй, в духе прусско-германской военной традиции звучало напоминание о том, что «личная честь новобранцев столь же значима, как и личная честь командира. Ругательства и унижительные формы обращения несовместимы с честью немецкого солдата»²¹.

В это же время изменились и критерии отбора офицеров запаса. В июне 1935 года военный министр потребовал, чтобы «обучаться на офицеров резерва и производиться в офицеров резерва могли только такие лица, которые внутренне являются сторонниками национал-социалистического государства, открыто выступают на его стороне, а не относятся к нему равнодушно или с неприязнью. Я прошу позаботиться о том, чтобы офицерский корпус запаса отбирался и комплектовался в соответствии с этими директивами»²².

Приказы войсковых командиров второй половины 30-х гг. сочетали традиционные ценности с требованиями гитлеровского государства. Указания на «любовь к фюреру», запрещение критики Гитлера и нацистских учреждений, борьба против «сословной темноты» соседствовали с поощрением так называемых «вторичных добродетелей»: «естественного сословного сознания», скромного образа жизни, физической подготовки, высокой требовательности по отношению к самому себе, скромности, нетерпимости к пьянству, «отчетливого чувства чести», исполнения долга, уважения женщины и матери, экономного ведения домашнего хозяйства. Особое внимание обращалось на круг знакомых и выбор пивных, предписывалось заботиться о ценностях немецкой культуры, не критиковать в присутствии иностранцев мероприятия и учреждения государства. В обязанности командира по-прежнему входила забота о выборе для своих подчиненных жен «из избранных и проверенных сословий, не отличающихся легкомыслием, недостатком такта и образования»²³.

Подчинение армии Гитлеру и крах доктрины «двух опор» в результате смещения Бломберга и Фрича немедленно отразились на идеологической обработке военно-служащих. В проекте приказа офицерскому корпусу, составленном в ОКВ, прямо говорилось о том, что вооруженные силы являются только послушным инструментом в руках политического руководства, а офицер не должен

заниматься политикой. То же требование содержалось и в секретном приказе фон Браухича. Гитлера он называл «гениальным фюрером», олицетворяющим одновременно «настоящего фронтового солдата» и национал-социалиста. Браухич грешил против истины, утверждая, что гитлеровские идеи с самого начала одобрялись офицерским корпусом. Наконец, новый главнокомандующий сухопутных войск отказался от традиционных критериев оценки профессиональных качеств офицера, поставив силу характера и способности выше происхождения и образования²⁴.

Десятого февраля 1939 года перед собравшимися в Берлине войсковыми командирами выступил сам верховный главнокомандующий вермахта — Гитлер. Он заявил присутствующим, что решить проблему жизненного пространства невозможно, если вооруженные силы рейха останутся аполитичными, ведь «война будущего станет чисто мировоззренческой войной, то есть войной народов и рас». Поэтому офицер сможет выиграть эту войну только тогда, когда он является для своих солдат не только военным командиром, но и мировоззренческим вождем. По словам фюрера, его целью всегда было сближение армии и офицерского корпуса с народом, более того, превращение офицера в представителя народа. «Народ должен быть убежден в том, что немецкий офицер, которому мы вверяем наших юношей, является типичнейшим представителем нашего мировоззрения. Тогда офицер получит в свои руки огромную силу. Он получит в свои руки солдат, которые по мировоззренческим причинам готовы пойти на смерть, в особой мере укрепленных убеждением в том, что командир, идущий впереди них с обнаженной шпагой, придерживается их убеждений, представляет их идеалы. А если солдат приходит к убеждению, что командир руководствуется иными идеалами, нежели солдат, то... возникает дистанция, возрастающая в час опасности». Указав на авторитарный характер современного государства и посвятив слушателей в свои намерения со временем отка-

заться от всяких выборов в представительные органы власти, диктатор напомнил, что «сохранение этого государства — задача вооруженных сил. Поэтому идентификация с идеями этого государства — долг всех представителей этих вооруженных сил». Он поведал офицерам, что поднялся на политический Олимп благодаря слепому подчинению членов нацистской партии его воле, и поставил такое же требование перед офицерским корпусом. Однако и этого было для Гитлера недостаточно: «Я должен потребовать от немецкого офицера: если весь народ бросит меня на произвол судьбы в моей борьбе за это мировоззрение, то чтобы тогда немецкий солдат, весь офицерский корпус, человек за человеком, встали рядом со мной. Я должен потребовать этого... особенно в самые тяжелые времена». Каждый немецкий офицер должен понять, что воевать «станет бесконечно легче в тот момент, когда офицер выступит во главе войск с мечом и мировоззрением, как раньше он выступал с мечом и Библией»²⁵.

По инициативе Браухича летом 1939 года были составлены тезисы для выступлений командиров крупных войсковых соединений по поводу 25-летия начала Первой мировой войны. Изложенная в них интерпретация недавнего прошлого и современного положения Германии по своей сути была партийной версией, призванной оправдать агрессивную политику Гитлера. Генералам предлагалось, используя какую-либо цитату из речей фюрера или из «Моей борьбы», убедить личный состав в том, что 25 лет назад страны Антанты вынудили немецкий народ начать «великую оборонительную борьбу за свои права». Командиры должны были указать на «беспримерные военные успехи и полководческое искусство» Германии и внушить, что немцы не были побеждены на поле боя. Вина за катастрофу 1918 года возлагалась на «слабое» политическое руководство, вражескую пропаганду и свободу прессы. Веймарский период — период «Системы» — следовало освещать как время унижительного Версальского догово-

ра, повсеместного обнищания и господства евреев. Положительно трактовались деятельность добровольческих корпусов, НСДАП и позиция рейхсвера. Создание Третьего рейха изображалось как победа фронтовых солдат, в заслугу Гитлеру ставилось строительство сильной государственной власти и преодоление экономического кризиса. Командиры должны были подчеркивать единство мировоззрения политического и военного руководства Третьего рейха, а также прочность позиций гитлеровской Германии по сравнению с неуверенностью, внутренней слабостью и раздробленностью ее противников²⁶. Таким образом, одобренные Браухичем тезисы ориентировали вермахт на новую войну и в полной мере показывали, что армия в канун новой всемирной катастрофы превратилась в послушный инструмент политического руководства.

* * *

Прямой запрет для офицеров на критику Гитлера, мероприятий и учреждений нового режима отнюдь не означал, что в нацистской Германии установились идиллические отношения между военными и партийными инстанциями. Напротив, жесткая конкурентная борьба между вермахтом и НСДАП распространялась и на сферу идеологической обработки военнослужащих. Военное руководство, стремясь сохранить воспитание личного состава в своих руках, умело использовало законодательство гитлеровского режима. Согласно Закону об обороне во время действительной службы членство в НСДАП и ее подразделениях приостанавливалось, военнослужащим запрещалось заниматься политической деятельностью²⁷.

Бломберг обещал партийным функционерам, что «вермахт Третьего рейха не потерпит в своей сфере ничего, что противоречило бы принципам национал-социалистической идеи», и требовал от них оказывать вооруженным силам «полное доверие». Сильно приукрашивая действи-

тельную ситуацию, он твердил, что военное руководство и верхушка НСДАП давно прониклись друг к другу «безграничным доверием». Одновременно военный министр жаловался на то, что «партийные организации занимаются вещами, которые по воле фюрера закреплены за вооруженными силами как единственным оруженосцем». Руководство НСДАП в первые годы диктатуры было готово идти навстречу генералам и стремилось придерживаться доктрины «двух опор». Циркуляр Гесса, направленный всем крупным партийным учреждениям в апреле 1935 года, объявлял партию «единственным представителем политической воли немецкого народа», а армию — «его единственным оруженосцем». «Заместитель фюрера» указывал на то, что обе «опоры» преследуют общие цели и возможные с обеих сторон ошибки не должны наносить ущерб сотрудничеству. Гесс требовал от партийных учреждений «поддержки армии во всех отношениях» и «проведения разъяснительной работы» в случае конфликтов. Представителей военного командования следовало приглашать на все партийные мероприятия и принимать соответствующие приглашения с их стороны²⁸.

Позиция Гесса быстро принесла первые результаты: в июле 1933 года нацистские организации получили право беспрепятственно распространять свои публикации и рекламный материал в казармах и других зданиях рейхсвера, в октябре рабочим и служащим рейхсвера было рекомендовано вступать в Национал-социалистическую организацию производственных ячеек (НСБО) а в ноябре — в ДАФ и КДФ. Поощрялось вступление демобилизованных солдат и офицеров в СА, одобрялось их сотрудничество с различными дочерними организациями гитлеровской партии. В течение одного только 1933 года во всех солдатских библиотеках появилась книга «Моя борьба», все воинские части и другие военные учреждения стали подписчиками газеты «Völkischer Beobachter», при проведении всех церемоний военные оркестры теперь исполняли не только

«Песню о Германии», но и партийный гимн «Хорст Вессель». Затем в офицерских казино рядом с портретами Гинденбурга появились портреты Гитлера, а самих офицеров обязали поддерживать знакомство с партийными функционерами. С 30 июля 1935 года военнослужащие должны были приветствовать политических руководителей НСДАП, потом им было разрешено вступать в Имперский союз ПВО (14 декабря 1934 года), Имперский колониальный союз (17 марта 1937 года), Национал-социалистический корпус летчиков (31 августа 1938 года)²⁹.

В 1937 году Бломберг пообещал присвоить крайсляйтерам НСДАП звания офицеров резерва, был учрежден пост офицера связи с имперским фюрером молодежи Бальдуrom фон Ширахом. Его занял будущий «Лис пустыни», а тогда — преподаватель военной школы в Потсдаме подполковник Эрвин Роммель. Фрич и Ширах подписали директивы о сотрудничестве, целью которых было воспитание у немецкой молодежи «солдатского духа, военной воли, готовности к самопожертвованию, товарищества и служения народу и Отечеству». Пожалуй, правы и те историки, которые видят цель вермахта в борьбе компетенций, и те, которые усматривают его стремления в подготовке к войне. Соглашение, несомненно, призвано было решать обе эти задачи³⁰.

В то же время многочисленные документы высшего военного и высшего партийного руководства 30-х гг. и сообщения иностранной прессы показывают, что местные военные и партийные учреждения неохотно следовали указаниям сверху. В этом отношении офицеры могли позволить себе определенную свободу. «Серая полевая форма сухопутных войск была защитой от жестокой тирании и мелочных преследований, которым подвергались обычные граждане Третьего рейха. Если военнослужащего сухопутных войск подозревали в «политической неблагонадежности», то, прежде чем можно было начать следствие, об этом следовало сообщать военным органам, а до этого

дело не доходило в девяти из десяти случаев», — пишет английский историк Джон Уиллер-Беннет³¹.

Многим офицерам претили безжалостное преследование инакомыслящих, слежка, доносительство, аресты, эскалация бесправия, хотя сам офицерский корпус пока был от этого защищен. Возмущение вызывали «кошунственная» и «глупая» антицерковная политика германского фашизма, а также преследования евреев, «духовное и моральное одичание молодежи». Наконец, в армии критиковали «ошибочную» кадровую политику нацистов — выдвижение на высокие посты в партии и государстве людей необразованных, вследствие чего в аппарате распространялись дилетантизм, произвол и некомпетентность. Неудивительно, что вражда сохранялась вплоть до начала войны и выражалась в неуважении знамен СА, драках между солдатами и штурмовиками и даже между функционерами СА и одетыми в штатское офицерами. Для улаживания этих инцидентов постоянно требовалось вмешательство высших военных и партийных инстанций. При каждом подобном случае со стороны НСДАП всегда высказывалось подозрение, что в армии есть «реакционные» идеи, нацисты, призванные в вермахт, несмотря на категорический запрет Гесса, докладывали в партийные инстанции о служебных делах, гестапо прослушивало даже служебные телефоны в военных учреждениях. Офицерский корпус расценивал эти факты как «возмутительные» и «оскорбительные», считал, что это подрывает авторитет воинских начальников и дисциплину в войсках³².

Штабы отдельных округов развивали собственные формы сотрудничества с НСДАП, что открывало поле деятельности сторонникам нацистов в армии. Так, командующий IX военным округом (Кассель) генерал Фридрих Дольман призывал всех офицеров своим поведением подтверждать, что они «стоят на почве национал-социалистического мировоззрения». Главной задачей начальников гарнизонов и командиров становилось не только поддер-

жание высокой боеготовности, но и политическое воспитание молодых офицеров личным примером. Дольман использовал тот же прием, что его начальники в военном министерстве и командовании сухопутных войск, пытаясь опереться на традицию и связывая национал-социализм с «солдатскими добродетелями»: чувством чести и долга, готовностью к самопожертвованию, чувством ответственности, верностью и товариществом. Демонстрации единства с НСДАП должны были служить политические занятия в воинских частях, участие в публичных мероприятиях и «товарищеские связи с представителями партии и ее дочерних организаций»: «Ведущее положение в обществе обязывает офицерский корпус распространить круг общения и на членов партии. Поэтому обязательно приглашать членов партии на *все* общественные мероприятия». В то же время офицеры должны были сохранять престиж вермахта, соблюдать принципы воинской дисциплины и порядка и заботиться о положении офицерского корпуса. Возникающие конфликты следовало держать в строгом секрете и улаживать только через начальника гарнизона³³.

Реорганизация высшего военного руководства и смена руководителей вермахта в феврале 1938 года не изменили взаимоотношений армии и партийных инстанций. Споры между солдатами и членами НСДАП, СА, СС по-прежнему рассматривались обеими сторонами не как отдельные происшествия, а как вопрос престижа и распределения сфер влияния.

Канун Второй мировой войны характеризовался ростом интереса военных руководителей Германии к работе с молодежью. Двадцать четвертого мая 1939 года, на следующий день после того, как Гитлер раскрыл военной верхушке свое намерение «при первом же подходящем случае напасть на Польшу», Браухич поставил перед командующими военными округами задачу «оказывать более сильное, чем прежде, влияние на школьное дело» и на всю работу с молодежью, чтобы обеспечить «подходящую смену»

для офицерского и унтер-офицерского корпуса и достойное пополнение рядового состава. Командующий сухопутными войсками составил своеобразный перечень задач молодежной политики армии, среди которых значились «создание единых основ знаний», «насаждение общего образования, отвечающего потребностям вооруженных сил», интеграция «материала, имеющего отношение к военной науке», в учебные планы начальных, неполных и полных средних школ, интенсификация вербовки среди школьников кандидатов в офицеры. Браухич ожидал, что прибывающая в сухопутные силы молодежь уже будет обладать «суммой воинских добродетелей»: прочным нацистским мировоззрением, настоящим интересом к военному делу, положительным отношением к солдатским традициям, признанием авторитета как необходимого явления в жизни, чувством долга, пунктуальностью и надежностью. С этой целью он призвал военные инстанции устанавливать более тесные контакты с органами образования, школами всех ступеней, учителями и учениками — через Национал-социалистический союз учителей (НСЛБ), Юнгфольк и Гитлерюгенд. Наконец, армия должна была оказывать влияние на содержание учебников, учебных фильмов, педагогических и методических журналов, фонды школьных библиотек. Координирующей инстанцией выступал начальник инспекции сухопутных войск по вопросам образования генерал-майор Ганс Фриснер. Инспекция отдавала предпочтение сотрудничеству с НСЛБ, потому что считала эту «политическую организацию» более эффективной, чем пронизанное бюрократизмом министерство воспитания. Именно в журнале НСЛБ «Немецкий воспитатель» Фриснер опубликовал статью «Школа и оборона страны», в которой пропагандировал ориентацию всех учебных предметов на «пробуждение» готовности к защите Германии и «овладение необходимыми знаниями и практическими умениями как подготовку к военной службе»³⁴.

Одной из важных областей деятельности военных инстанций была профессиональная подготовка офицерских кадров и обучение солдат. На специальных занятиях в рейхсвере изучалось не только военное дело, но и давались основополагающие политические, юридические, экономические знания. Приход нацистов к власти немедленно повлиял на содержание этих занятий. В 1933/34 учебном году в офицерских школах начали проводиться «национально-политические занятия», часто подменявшие такие предметы, как политическая экономия, государство и право, управление. За неимением специального учебника министерство рейхсвера издало «Временный сборник», включавший в себя государственные акты и изречения Гитлера и других видных нацистов. Четвертого апреля 1934 года министр рейхсвера распорядился о ежемесячном проведении «занятий по текущим вопросам национальной политики» в воинских частях, обосновав это «необходимостью пропитывания нации ведущими идеями национал-социалистического государства». Материал для занятий министерство рейхсвера регулярно издавало в виде директив³⁵.

В мае Бломберг подписал новую редакцию «Обязанностей немецкого солдата», которые сочетали традицию и приспособление к нацизму. Хотя солдат должен был защищать не только Германское государство и Отечество, но и «объединенный национал-социализмом народ и его жизненное пространство», армия объявлялась «оруженосцем немецкого народа», что ставило барьер перед милитаристскими амбициями СА. Корни боевой силы армии традиционно усматривались «в славном прошлом, в немецком народе, немецкой земле и немецком труде». Значительное место отводилось вторичным добродетелям солдата: мужеству, сознательности, скромности, повиновению, честности, верности, набожности, правдивости, немногословию и неподкупности. Говорилось, что «честь

солдата состоит в полном использовании своих сил для народа и Отечества вплоть до жертвования своей жизнью»³⁶. В соответствии с этими требованиями были изменены и обязанности офицера. В декабре министр рейхсвера потребовал от молодых командиров выполнения не только «чисто солдатской воспитательной работы», но и «не менее важной народно-воспитательной задачи». Рейхсвер должен был стать «плавильной печью» общества, для чего, конечно же, были необходимы «старые прусско-германские принципы» руководства подчиненными. Но они больше не считались достаточными, ведь Бломберг приказывал офицерам заимствовать методы воспитания нацистских организаций: Имперской службы труда, Гитлерюгенда, СА и СС³⁷.

Точка зрения военного министерства на вопросы воспитания в вермахте была выражена в статье майора Германа Фёрча, опубликованной в главном печатном органе НСДАП «*Völkischer Beobachter*»: «Национал-социалистическое мировоззрение неотделимо от солдатского мышления... Так в вермахте национал-социалистической Германии станет обязательным политическое воспитание в духе национал-социализма... По окончании срока службы казармы не могут покидать политически равнодушные или неблагонадежные люди, а только мужчины, которые вместе с военными навыками обладают убеждением в том, что вермахт и национал-социализм покоятся на одной и той же основе»³⁸.

Наконец, в 1935 году, когда «Временный сборник» уже выдержал шесть изданий, вышел специальный учебник для «национально-политических занятий», в котором нашли отражение главные идеи нацистского мировоззрения и история становления политического режима гитлеровской диктатуры. Этот учебник создал основу для единого политического обучения офицеров всех трех составных частей вермахта. С января 1936 года «национально-политическим занятиям», которые отныне стали обязательны-

ми, отводилось ежемесячно 2 часа. Предусматривалось изучение таких проблем, как «Народ и раса», «Народ и государство», «Народ и экономика», «Политическая история». Особое значение придавалось овладению нацистской расовой доктриной — с февраля занятия о «наследственном здоровье» должны были проводить войсковые и корабельные врачи. Хотя офицеры, которым поручалось обучение курсантов и слушателей военных академий, заканчивали специальные курсы и регулярно знакомились с новой литературой, Бломберг рекомендовал дополнительно приглашать для выступления с докладами нацистских функционеров³⁹.

Идеологическая обработка не миновала слушателей Военной академии и Академии вермахта. Бросается в глаза, что генерал Бек, исключивший из учебного плана Военной академии общеобразовательные дисциплины, распорядился о чтении для слушателей лекций о национал-социализме и проведении семинаров по истории и политике предвоенного (до 1914 года) периода. В августе 1934 года он приказал прочесть офицерам лекции по «расовой гигиене» и учению о наследственности, а в ноябре следующего года Фрич предложил пригласить для чтения лекций перед слушателями Геббельса, Геринга, Лея и других высокопоставленных партийных руководителей. Отчетливо представляя себе, что отдельные лидеры нацистской верхушки имеют свое видение различных проблем, он распорядился тщательно отбирать темы лекций, чтобы не запутать офицеров, и сам назвал несколько тем, по которым, как ему казалось, в окружении Гитлера царило единодушие: «История национал-социализма», «Борьба за немецкую расу» («Еврейский вопрос»), «Либерализм и марксизм», «Современная организация национал-социалистического государства». Бек поддержал это предложение, вспомнив, что «до (Первой мировой. — А.Е.) войны тоже читались доклады по общим наукам»⁴⁰.

Следующим этапом внедрения в вооруженные силы

политического обучения стало достижение договоренности между представителями военного министерства и «уполномоченным фюрера по контролю за всем духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием НСДАП» рейхсляйтером Альфредом Розенбергом об организации специальных национально-политических курсов для офицеров вермахта. Офицеры из военных школ, штабов и воинских частей были командированы в военное министерство для участия в курсах в январе 1937 года. В течение девяти дней они прослушали доклады, в том числе выступления видных партийных функционеров Гесса, Гимmlера, Геббельса и самого Розенберга. Выступавшие всячески старались склонить слушателей на сторону правительства. Так, Гесс напомнил офицерам о том, что Гитлер является сторонником мощной армии и не пожалеет на это средств: «Мне не нужно объяснять Вам, офицерам нашего вермахта, что сделал новый рейх для военной подготовки нации и вооружения ее солдат. Фюрер приказал позаботиться о том, чтобы если на нас действительно кто-то нападет, не нужно было проливать драгоценную кровь, потому что раньше сэкономили деньги. Экономить на вооружении — значит экономить не там, где следует. Эта бережливость может стать верхом расточительства. Экономия нескольких сотен миллионов марок здесь может означать проигрыш войны и растрату миллиардов материальных ценностей — не говоря уже о потере намного более ценного — миллионов лучших представителей нашего народа»⁴¹.

Приглашение в качестве докладчиков вождей нацистской партии свидетельствовало о том, что политическое воспитание в вермахте больше не было его внутренним делом. В то же время курсы продемонстрировали существование в офицерском корпусе реликтов традиционного мышления. Так, на фоне докладов ближайших сподвижников Гитлера диссонансом звучало выступление майора Штрайля из мюнхенской военной школы, заявившего,

что «солдаты и религия тесно связаны друг с другом. Солдат, который неделями находится под ураганным огнем, ищет своего Бога... Я знаю, что мы не пасторы, но наше предназначение состоит в том, чтобы лично воспитывать молодых офицеров, и мы должны хранить единство нравственно-этических основ и находить в христианской морали ценности, которые гарантируют это единство». Парадоксально, но этот доклад был опубликован тиражом 25 тысяч экземпляров наряду с некоторыми другими как материал для занятий и распространялся вплоть до командиров рот. Несмотря на этот и некоторые другие досадные инциденты, Бломберг и Кейтель были удовлетворены результатами курсов⁴².

Интенсивность идеологической работы в армии, несомненно, возросла после смещения Бломберга и Фрича. В мае 1938 года Бек распорядился о расширении тематики лекций в Военной академии: «Доклады должны касаться национал-социалистического мировоззрения как основной опоры немецкого государства и его вооруженных сил. Они должны углублять знания о партии, ее структуре и целях и формировать способность четко оценивать текущие политические события». Начальник Академии генерал-лейтенант Курт Либман планировал еженедельное чтение докладов на первом и втором курсах. План лекций на первом курсе включал такие темы, как «Ноябрьская республика», «Прорыв», «Третий рейх», «Вермахт и национал-социалистическое мировоззрение», «Сотрудничество вермахта и партии», «Гитлерюгенд», «Роль вермахта в национал-социалистическом воспитании», «СА», «Национал-социалистический корпус автомобилистов», «Национал-социалистический корпус летчиков», «СС», «Демографические факты», «Принципы национал-социалистической расовой политики». Для слушателей второго курса было запланировано чтение докладов о немцах за границей и германском вопросе в Восточной Европе, а также знакомство с темами «Большевизм», «Масонство», «Ми-

ровое еврейство», «Политическая церковь», «Борьба против врагов государства», «Военная пропаганда в мирное время», «Задачи национально-политического занятия в войсках», «Офицер и политика»⁴³.

План вводного национально-политического курса в Академии ВМФ предусматривал формирование понятий «народ» и «раса», чтение лекций по «расовой истории немецкого народа» с древнейших времен до современности. Изучение этого блока тем завершалось нацистским расовым законодательством. Второй блок, «Народ и государство», включал в себя понятие народа и определение государства, рассмотрение законодательной, судебной и административной функций государственной власти, а также исторически сложившихся форм государственного устройства. Блок «Народ и экономика» состоял из преподавания не только экономических, но и демографических и социологических вопросов. Весьма интересен последний комплекс проблем — «Политическая история». Он сводился главным образом к изучению немецкой политической истории и подразумевал краткое знакомство с историей первой Германской империи, созданием системы европейских государств, последствиями наполеоновских реформ, Венского конгресса, политикой Меттерниха, революцией 1848 года, политикой Наполеона III и Бисмарка, колониальной политикой императорской Германии, историей Первой мировой войны. Курс заканчивался лекциями по истории НСДАП и Германии после прихода к власти Гитлера, а также внешней политики великих держав после Первой мировой войны⁴⁴.

* * *

Большое значение для индоктринации вермахта и создания вооруженным силам имиджа одной из опор нацистского режима имела военная литература. Книжные прилавки Третьего рейха были полны книг, журналов и других

печатных изданий на военную тему. В отличие от остальной печатной продукции, насквозь пронизанной нацистскими идеями, произведения на военную тему пользовались спросом населения. Еще в 1935 году военный публицист Курт Гессе в книге «Солдатская служба в новом рейхе», издание которой было приурочено к восстановлению всеобщей воинской повинности, заявил, что «солдатская идея должна занять подобающее ей место в духовной и художественной жизни нации». Он потребовал от писателей так изображать «исторические достижения солдата», «чтобы их повторение казалось молодому поколению высшей целью». В связи с этим основным постулатом Гессе назвал те нормы (образцовость офицера, товарищество как слепое следование за коллективом), знания (овладение новой военной техникой) и образы врага, которые позднее читатель мог обнаружить в сотнях нацистских книг и брошюр по военной тематике⁴⁵.

Гитлеровское правительство всячески поощряло издание литературы, связанной с армией и войной. Так, в октябре 1936 года Национал-социалистическая культурная община и председатель Имперского союза жертв войны организовали в Берлине встречу с авторами, пишущими на военную тему, в ходе которой пятьдесят поэтов и писателей объединились в «команду военных писателей». Перед ними была поставлена задача увеличить выпуск произведений, посвященных войне. Задача была выполнена — известно, что только в последние месяцы 1938 года в продаже появилось более 20 военных романов.

Значительное место в поэтических и прозаических произведениях 1933—1939 гг. занимала тесная связь солдата с военной техникой, прежде всего самолетами, танками, броневиками и подводными лодками. Например, в изданной в 1938 году книге Франца Шаувекера «Броненосец. Военное плавание, борьба и гибель», в которой речь идет о событиях Первой мировой войны, техника оживлена и очеловечена. Автор пишет об «ударах пульса» кора-

бельных машин, а залпы орудий военного корабля изображает как «титаническое сердцебиение морской войны». Человек же полностью сливается с военной техникой, как это происходит с командиром броненосца во время героической гибели корабля: «Командир, как составная часть судна, стоял на виду у всех людей, которые еще были живы на борту». Другой излюбленной темой нацистской военной литературы было солдатское товарищество, особенно ярко отражавшееся в стихах и текстах песен. В стихотворении Гериберта Менцеля «Германия на марше» (1936 год) товарищество представлено как чувство связи между людьми, возникающее на основании совместных действий: на марше ритм движения и сердцебиения солдата сливаются с движением и сердцебиением идущих рядом молодых мужчин, которые становятся товарищами. Вместе с солдатами «ряд за рядом, шаг за шагом» марширует вся нация, и они ощущают себя частью одного гигантского «народного тела». Совершающаяся вслед за формированием товарищества идентификация с нацией, ее славной историей и героическими войнами находит свое воплощение в знамени. Знамя будто бы стирает все классовые и сословные противоречия. Если впереди строя развевается знамя, как говорится в стихотворении Вернера Альтендорфа «Поднимается молодой народ» (1935 год), то молодые солдаты перестают чувствовать себя бюргерами, крестьянами, рабочими и становятся товарищами. В конечном счете солдатское товарищество призвано оправдать убийство и смерть на войне: командир показывает своей смертью пример, а лучшим доказательством товарищества является готовность пожертвовать своей жизнью ради спасения другого. Смерть в бою есть смерть за Германию, и даже если отдельный человек погибает, народ, как религиозная величина, существует вечно. Каждый погибший на войне становится «семенем», из которого в будущем всходит богатый «урожай» для новых поколений. Смерть изображается как собственная противоположность, как

начало новой жизни и предпосылка процветания Германии. Героическая смерть в литературе Третьего рейха была представлена не как массовая гибель в результате действий анонимной военной машины, а как индивидуальный акт, свидетелями которого при самых невероятных обстоятельствах обязательно становятся другие люди. Такова, в частности, фабула рассказа Эрхарда Виттека «Приветствие летчика» (1936 год) о противоборстве немецкого и американского пилотов во время Первой мировой войны⁴⁶.

Разумеется, милитаристская печатная продукция предназначалась не только для населения. Главными читателями специальных военных журналов, брошюр и книг были, конечно же, солдаты и офицеры. Идеологическая подготовка Германии к агрессивной войне проявилась в увеличении ассортимента и тиража военной литературы. В 1936 году ее выпуск был поставлен под партийный контроль, и публикуемые материалы больше не выражали действительной точки зрения офицерского корпуса. Канцелярия военного министерства была уполномочена проверять все книги и брошюры офицеров и чиновников вермахта, предназначенные для публикации, если «их содержание является чисто военным, военно-техническим или историческим». После этого рукописи поступали в военно-политическое управление НСДАП, которое могло запретить издание работ, уже одобренных канцелярией военного министерства. Для публикации книг и брошюр на специальные военные темы требовалось согласие ОКХ, ОКМ, ОКЛ. С февраля 1938 года офицеры могли публиковать в периодической печати интервью, доклады, статьи только после того, как они будут одобрены командующим военного округа⁴⁷.

Главным периодическим органом вермахта был «Ежегодник германских сухопутных сил», на страницах которого помещались политические и пропагандистские материалы. Его редакторы Эдгар Рёрихт и Вальтер Йост не были безоговорочными сторонниками нацистского господства,

поэтому до введения цензуры журнал выражал не только нацистскую, но и традиционную прусско-германскую идеологию офицерского сословия. Так, в статье командующего сухопутными войсками Фрича «Что армия ожидает от народа», открывавшей ежегодник за 1936 год, содержался призыв к немецкой молодежи встать под знамена вермахта, а внешнеполитические успехи объяснялись не только «смелыми решениями фюрера», его волей и доверием немецкого народа к диктатору, но и «солдатским мировоззрением» вооруженных сил. Фрич рисовал картину единения вермахта и народа, необходимого для успешной защиты страны. Новая армия, писал главнокомандующий, нуждается не только в новых казармах, оружии и снаряжении, ей нужны доверие и понимание, любовь и жертвенность каждого немца⁴⁸.

Ежегодники военно-морского флота и люфтваффе содержали в основном технические статьи и предназначались для узкого круга специалистов. С ноября 1936 года дважды в месяц издавался общий для всех родов войск журнал «Wehrmacht», который был задуман Бломбергом как издание, имеющее более высокий статус, нежели ежегодники⁴⁹.

Большое влияние на воспитание офицерского корпуса вермахта оказывали книги некоторых офицеров, выдержавшие несколько изданий. Если в ВМФ трижды переиздавалась книга Зигфрида Зорге «Офицер ВМФ как командир и воспитатель» (1937—1944), в сухопутных силах популярностью пользовались работы Германа Фёрча и Фридриха Альтрихтера. Они и другие авторы доказывали, что «аполитичных вооруженных сил нет и никогда не было. Как старая армия довоенного времени была монархической, так сегодняшняя армия является и должна быть национал-социалистической». Это, однако, не означало, что солдат должен заниматься политической деятельностью. Его задача состояла в соединении традиции с требованиями национал-социализма. «Пример верховного главноко-

мандующего вермахта, фюрера и рейхсканцлера Адольфа Гитлера должен при этом постоянно быть для него образцом, напоминать о том, что фюрер вышел из солдатских рядов и навсегда останется солдатом». Широкое распространение получил апологетический тезис о том, что политика армии в отношении НСДАП до взятия власти вытекала из сущности рейхсвера как защитника государства и не имела ничего общего с внутренним неприятием целей партии. Напротив, между идеями нацизма и «солдатским образом мыслей» существует тесная связь, что обуславливает особое положение вооруженных сил в новом государстве⁵⁰.

В сознании прусско-германского офицерского корпуса большое место занимал образ боевого командира. Солдат олицетворял государство и стоял над другими гражданами, ближе к государственной власти, чем другие государственные учреждения, даже чем рейхстаг. В германской армии считали, что авторитет военного руководителя может покоиться не только на его власти отдавать приказы, но и на личном превосходстве и заботе о подчиненных. Книги для офицеров, особенно молодых, были насыщены примерами из древней истории, наполеоновских войн, истории Первой мировой войны и цитатами авторитетных германских полководцев прошлого — Мольтке, Шлиффена, Клаузевица. Командиров призывали постоянно повышать квалификацию — самостоятельно изучать военную историю, включая историю военной техники, военное право, психологию солдата, медицину и ветеринарию, географию и иностранные языки, педагогику и, разумеется, военное дело. «Полчаса, наполненные серьезными занятиями, намного полезнее, чем два часа игры в карты», — убеждал офицеров Фёрч⁵¹. «В эпоху тотальной войны, которая претендует на все силы нации, к этому добавляется многогранная и объемная область задач военной экономики», — подчеркивалось в одной из книг подполковника Альтрихтера. Главная же мысль книги состояла

в том, что офицер должен быть вождем солдат, а чтобы добиться этого — олицетворять собой «вечные солдатские добродетели»: повиновение, мужскую дисциплину, товарищество, мужество, храбрость, готовность к самопожертвованию⁵².

Аналогичные вторичные добродетели прославлялись как предпосылки успешной офицерской карьеры в других изданиях сухопутных войск. Наряду с названными можно встретить в литературе тех лет такие качества, как превосходство в знаниях и умениях, выдержка, решительность и смелость, скромность и твердость характера, любовь к порядку и готовность прийти на помощь, вежливость и пунктуальность, честность и чувство собственного достоинства. Часто делался акцент на товарищеском обращении с солдатами. Образцом для подражания всегда был «окопный лейтенант времен Первой мировой войны»⁵³. Главной же характеристикой офицера постепенно становилось его отношение к нацистскому мировоззрению и гитлеровскому режиму. «Тому, кто не поддерживает национал-социалистическое государство всем своим сердцем, равнодушно или враждебно относится к этому государству и мировоззрению, которое сформировало его и является его основой, нечего делать в качестве офицера в новом германском вермахте. Тот, кто не желает выступать в защиту этого государства и его фюрера в борьбе с оружием в руках, в воспитании своих солдат, должен держаться подальше от вооруженных сил», — внушалось офицерскому корпусу вермахта со страниц печатных изданий военного министерства⁵⁴.

В статье «Политика и вермахт», опубликованной в 1938 году, шеф абвера вице-адмирал Канарис сформулировал четыре «основных закона», определяющих положение офицерского корпуса в нацистской Германии: «1. Германский вермахт должен быть образцом воплощения национал-социалистического мировоззрения. 2. Германский вермахт должен быть образцом воплощения чистой идеи фюрерства. 3. Германский вермахт должен быть большой шко-

лой воспитания молодых солдат этого государства. 4. Германский вермахт должен олицетворять народное сообщество в образцовой форме». Адмирал, в это время принимавший участие в подготовке антигитлеровского заговора, в печати доказывал, что нацистские убеждения офицера опираются на традицию офицерского корпуса и фронтовой опыт: «Как офицер до мировой войны, естественно, был монархистом, как после мировой войны он, естественно, старался сохранить наследие фронтового опыта, так и сегодня, когда весь наш фронтовой опыт воплощается в национал-социалистическом государстве, вполне естественно быть национал-социалистом. Мы, как солдаты, счастливы, что можем признавать себя сторонниками этого в высшей степени солдатского мировоззрения». Канарис писал, что приостановка членства в гитлеровской партии на период военной службы не означает изоляции солдата и тем более офицера от «исторических и политических событий», военнослужащий поддерживает государство и его идеологию тем, что образцово выполняет свои служебные обязанности. Критикуя институт политических комиссаров Красной Армии и вооруженных сил Испанской республики, шеф абвера призывал немецкого офицера взять их функции на себя, осуществляя политическое воспитание подчиненных⁵⁵.

А майор люфтваффе Корс указывал, что офицер стоит последним в ряду воспитателей немецкой молодежи и потому должен завершить то, что начали НСДАП, Гитлерюгенд и Имперская служба труда. Очевидно, что под «воспитанием» Корс понимал только идеологическую обработку немецкой молодежи, ведь в приведенном им перечне воспитательных учреждений отсутствовали не только школа, но и семья. В эпоху развития военной техники решающим фактором победы остается человек, поэтому, считал он, немецкий офицер должен личным примером воспитывать в подчиненных стойкость, выносливость и слепое повиновение⁵⁶.

Во всех армиях мира большую роль играют символы, ритуалы, форма, почетные наименования. Они составляют важную часть военной традиции и солдатского самосознания. Хотя Бломберг не хотел принципиально менять военную традицию, но был готов дополнить ее некоторыми новшествами из гитлеровского арсенала. «Традиция состоит не в повторении или возвращении истории, — говорил он в 1935 году, — а, напротив, в сознательном стремлении вперед и в продолжении начатого дела со свежими силами и в условиях живой современности, которой мы служим»⁵⁷.

Гитлеру удалось с первых дней своего канцлерства поставить церемонии и ритуалы на службу своей диктатуре. Огромную роль в переориентации традиционных правых сил в пользу нацизма стала церемония открытия новой сессии рейхстага 21 марта 1933 года в гарнизонной церкви в Потсдаме. Этот день был приурочен к открытию рейхстага Бисмарком в 1871 году, а место напоминало о Фридрихе Прусском и освободительных войнах. Присутствие кронпринца Вильгельма и пустой трон Вильгельма II, а также участие СА и СС были символами полной интеграции армии в новую систему под патронажем Гинденбурга, который символизировал собой воинские традиции.

Директива министра рейхсвера от 11 апреля 1933 года обязывала вооруженные силы «всем своим поведением... подчеркивать национальную идею». День первого мая был объявлен для рейхсвера Днем весны, служебные здания следовало украшать зеленью. С этого времени поощрялось участие воинских частей в организуемых национал-социалистами массовых мероприятиях и привлечение военных оркестров к акциям благотворительности, траура и «национальным манифестациям», проводимым НСДАП и ее подразделениями. В соответствующем распоряжении Бломберга говорилось, что создание «национального правительства» Гитлера коренным образом изменило внутри-

политическую жизнь. «Мы все больше приближаемся к нашей цели — единству нации», — утверждал министр. Положение армии существенно упростилось: если раньше рейхсвер должен был стоять в стороне от межпартийной борьбы, то теперь он един с государством. Поэтому «внутриполитическая позиция каждого отдельного солдата должна определяться чувством единства и общности с каждым национально мыслящим и действующим немцем»⁵⁸. В соответствии с этими требованиями к традиционной милитаристской пропаганде была добавлена пропаганда национал-социализма.

В нацистской Германии вооруженные силы так часто контактировали с общественностью, как ни в какой другой стране. Особенно активно участвовали в различных мероприятиях сухопутные войска и ВВС. Ежегодно с участием воинских частей проводились День памяти героев в феврале, День военной свободы Германии (с 16 марта 1936 года), парады в Берлине и крупных гарнизонах по случаю дня рождения Гитлера (с 20 апреля 1935 года), 1 мая — День труда, Имперский день воина в июне, День вермахта на партийных съездах осенью, еще один День вермахта зимой, Праздник урожая. Например, в военном параде в Берлине по случаю дня рождения фюрера 20 апреля 1936 года участвовали подразделения 23-й пехотной дивизии, 3-й танковой дивизии, части охраны Берлина, курсанты офицерских школ, военные летчики и моряки. В праздничном шествии были задействованы 489 офицеров, 13 932 унтер-офицера и солдата, 977 лошадей, 1573 автомобиля⁵⁹.

Кроме того, население регулярно посещало казармы с целью сбора пожертвований «зимней помощи», а также многочисленные показы военной техники. Немцы наблюдали солдат и офицеров, преданных фюреру, во время государственных визитов иностранных гостей и траурных церемоний. На местных мероприятиях парад гарнизона, проводившийся после марша различных нацистских орга-

низаций, представлял собой кульминацию пропагандистского действия⁶⁰.

Несомненно, повышению престижа вооруженных сил способствовали XI Олимпийские игры, проводившиеся в столице Третьего рейха. Во-первых, воинские части оказали значительную помощь в строительстве Олимпийской деревни, которая произвела весьма благоприятное впечатление на участников соревнований. Во-вторых, военнослужащие-спортсмены принесли Германии, завоевавшей наибольшее количество олимпийских наград (33 золотых, 26 серебряных и 30 бронзовых), 12 золотых, 6 серебряных и 6 бронзовых медалей. Немецкая пропаганда в этой связи подчеркивала, что в вермахте отводится значительно меньше времени на физическую подготовку, чем прежде отводилось в 100-тысячном рейхсвере⁶¹.

За апрельской директивой Бломберга последовала серия шагов Гитлера и рейхсвера навстречу друг другу. Двенадцатого мая 1933 года рейхсканцлер подписал Закон о восстановлении военной судебной системы, упраздненной после ноябрьской революции. Показательно, что восстановление армейской судебной системы должно было проводиться в соответствии с распоряжением Вильгельма II от 1 декабря 1898 года и поручалось самому Бломбергу. Ответ военного руководства не заставил себя ждать. С 15 мая военнослужащие были обязаны отдавать честь членам НСДАП и ее подразделений, в августе было введено «немецкое (нацистское. — А.Е.) приветствие» для всех гражданских служащих армии, в сентябре это правило было распространено на одетых в штатское солдат и чиновников рейхсвера, а гражданский персонал получил право ношения партийной униформы. Солдаты и чиновники вооруженных сил в униформе должны были салютовать вытянутой рукой при пении государственного гимна и партийного гимна «Хорст Вессель», а также при встрече с фюрером. В служебной переписке вместо обычных форм вежливости разрешалось использовать формулировку

«Хайль Гитлер». Наконец, с марта 1937 года рабочим и служащим вермахта было разрешено вступать в СА, СС и НСКК, в отделе военного министерства «Инланд» были назначены офицеры связи с заместителем фюрера по партии Гессом и ответственным за мировоззренческое воспитание в НСДАП Розенбергом⁶².

В то же время руководство вермахта не желало утрачивать духовную связь со старыми вооруженными силами. Если в Веймарской республике ввиду малочисленности рейхсвера некоторым ротам рейхсвера вменялось в обязанность хранить традиции нескольких полков императорской армии, то в соответствии с распоряжением военного министра от 17 марта 1937 года вновь созданные воинские части должны были поддерживать традиции полков и батальонов кайзеровского войска, которые когда-то размещались в тех же самых населенных пунктах или поблизости от них. Военное руководство рассчитывало, что таким способом «живой дух славных полков мировой войны может культивироваться в подразделениях молодого вермахта»⁶³.

Выше уже указывалось на новые формулировки военной присяги, введенные при нацистах. Они имели не только конкретный политический смысл в соперничестве между рейхсвером и штурмовыми отрядами, но и оказывали долговременное влияние на всех военнослужащих. Отметим здесь только первое изменение текста, совершенное 2 декабря 1933 года по распоряжению Гинденбурга. Новая формулировка не содержала клятвы в верности президенту и стала промежуточным звеном к присяге лично Гитлеру, данной во время «ночи длинных ножей».

Приспособление армии к новому режиму ярко проявилось в постепенном изменении военной символики. В распоряжении Гитлера по поводу Дня народной скорби (в 1934 году переименован в День памяти героев), датированном 10 марта 1933 года, говорилось: «Так же, как солдаты старой армии прежде погибали под черно-бело-крас-

ным знаменем старого Германского Рейха, мы хотим, чтобы воздать им почести, позволить развеяться в этот день над всеми общественными зданиями рейха только этим, их тогдашним знаменам. Это — знамя старой армии и мировой войны». Гинденбург немедленно заменил черно-красно-золотую военную символику Веймарской республики на черно-бело-красную и приравнял партийное знамя со свастикой к государственным флагам. В рейхсвере вводились черно-бело-красные военные знамена с крестом в форме высшей военной награды кайзеровской империи — Железного креста — и кокарды. Кроме того, был изменен гюйс на флагах военных кораблей, а на стальных касках знак земли был заменен черно-бело-красным гербом. В одном из указов президента говорилось по этому поводу: «Германский рейхсвер, невзирая на все внешние оковы, в тяжелые послевоенные годы сохранил военную идею в немецком народе. Хотелось бы, чтобы эти внешние знаки связи со всем народом постоянно напоминали, что лучшее будущее не может быть достигнуто без воли к защите Родины. На службе старым солдатским добродетелям, ведомые единой волей народа, вооруженные силы должны и в будущем оставаться символом и гордостью нации». Многие офицеры считали восстановление старой символики компромиссом, который олицетворял независимость рейхсвера от нацистской идеологии. В действительности по мере роста зависимости армии от нацистов традиционная символика на знаменах заменялась гитлеровской. В октябре 1935 года железный крест на флагах вермахта был уменьшен в размерах и перемещен из центра полотнища в угол, а его место заняла большая свастика. Флаг военных кораблей вообще имел только свастику. Традиционные символы — железный крест и орел — соседствовали с фашистской свастикой и на штандартах — полевых знаменах моторизованных и конных соединений, заменивших привычные знамена полгода спустя⁶⁴.

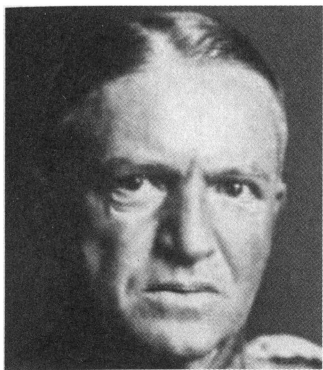
Однако Гитлер и позднее высказывал резкое недоволь-

ство воинскими знаменами. Так, в августе 1939 года он раскритиковал флаги сухопутных войск, пожалев о том, что в свое время «поддался рыданиям о традиции» и «передал все это дело Бломбергу». В результате нацистские эмблемы на этих знаменах якобы едва видны. «Он сам хотел ввести все знамена с национальными цветами. Тогда в углу или на ленте мог бы быть указан номер войсковой части. И в других странах можно видеть, что они делают вполне разумные вещи. Такие знамена у французов со времен Французской революции. К сожалению, его армия — отнюдь не революционная армия. Традиция тут, традиция там. Он не хотел бы, чтобы все забылось, но форма и содержание определяются современностью, иначе дело дойдет до того, что будут восстановлены знамена, обладатели которых бежали под Йеной и Ауэрштедтом. Это был очень неприятный разговор», — записал в своем дневнике Энгель. Борман воспользовался моментом и предложил на ближайшем съезде партии вручить воинским частям новые войсковые знамена, не отличающиеся от партийных знамен, а старые «отнести куда-нибудь в манеж»⁶⁵.

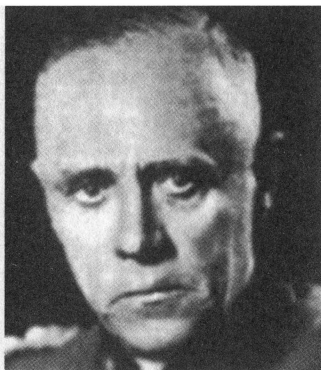
Еще в феврале 1934 года Гинденбург по предложению министра рейхсвера отдал распоряжение о ношении орла со свастикой на головных уборах и кителях, чтобы «выразить связь вооруженных сил с народом и государством». Застежка поясного ремня сохранила традиционную надпись «С нами Господь», но к орлу была добавлена свастика. Вскоре на военной форме появились почетные знаки и спортивные значки НСДАП, а затем обязательным стало ношение спортивных значков Гитлерюгенда, СА и других нацистских организаций⁶⁶. Одновременно развивалась и собственно военная составляющая символики вермахта. Так, 16 марта Гитлером и Бломбергом был подписан указ, введивший почетные нагрудные знаки для военнослужащих, безупречно прослуживших 4, 12, 18 и 25 лет⁶⁷.

Особую роль в воспитании офицерского корпуса тра-

диционно играли предписания о защите чести. «Честь солдата состоит в выполнении солдатского долга, которого требуют от солдата народ и Отечество... Честь солдата стоит не выше чести других профессий... Офицер должен иметь особенно сильное чувство чести, должен предъявлять особенно высокие требования к собственной совести и только по этой причине требовать от окружающих особой оценки», — писал Герман Фёрч⁶⁸. Офицер вермахта по-прежнему нес ответственность не только за свои поступки, но и за достойное поведение своей жены и должен был «всеми имеющимися в его распоряжении средствами сохранять или восстанавливать свою честь и честь своего дома». Хотя статья 105 Веймарской конституции отменяла офицерские суды чести, так как они считались «рассадниками кастового духа», в качестве органов командира были оставлены «советы чести». Офицер, считавший себя оскорбленным, должен был обратиться в этот совет или к своему командиру. Совет чести по указанию командира объяснял возможные действия по защите чести и вносил предложения по решению дела. Главной задачей командира провозглашалась забота о чести офицерского корпуса и проверка недостойных поступков офицеров. После проведения расследования проступка главнокомандующие составных частей вермахта принимали решение о том, достоин ли офицер оставаться в рядах вермахта. Военнослужащих призывали улаживать возникающие конфликты полюбовно, причем посредником в таком деле мог быть любой офицер, не являющийся дисциплинарным начальником одного из участников спора. От того, кого посредник признавал виновным, требовалось «не упорствовать в своей неправоте, а предложить руку для примирения. Тот, чья честь пострадала, не должен отвергать эту руку». Если же посредничество оставалось безуспешным или было заведомо невозможным из-за тяжести нанесенного оскорбления, то следовало немедленно сообщить командиру о готовящемся поединке. Командир обращался к совету

Генерал-полковник
Вильгельм Адам

Генерал-полковник
Вильгельм Адам

Военный министр
генерал-фельдмаршал
Вернер фон Бломберг

Главнокомандующий
сухопутных войск
генерал-фельдмаршал
Вальтер фон Браухич

Генерал-фельдмаршал
Эрнст Буш

Начальник
Генерального штаба
генерал-полковник
Франц Гальдер

Генерал-полковник Курт фон Гаммерштейн-Экворд
(в центре) и маршал Маннергейм (справа) проходят
перед строем почетного караула рейхсвера,
5 ноября 1932 г.

Главнокомандующий
люфтваффе
рейхсмаршал Герман
Геринг

Генерал-фельдмаршал
Герман Геринг
и адмирал Карлс
в Готенхафене

Один из создателей люфтваффе генерал-
фельдмаршал Эрхард, еврей по отцу, и генерал
авиации Вольфрам фон Рихтгофен

Генерал-полковник
Хайнц Гудериан —
создатель танковых
войск вермахта

Генерал-полковник
Фридрих Дольман,
1944 г.

Вице-адмирал
Бернхард Рогге, еврей
на четверть

Генерал танковых
войск барон Лео Гейр
фон Швеппенбург

Шеф абвера адмирал
Вильгельм Канарис

Генерал-фельдмаршал
Эвальд фон Клейст

Шеф ОКВ генерал-
фельдмаршал
Вильгельм Кейтель

Генерал-фельдмаршал
Вильгельм фон Лееб

Генерал-фельдмаршал
Эрих фон Манштейн

Генерал-фельдмаршал
Вальтер фон Райхенау,
фото 1937 г.

Командующий
кригсмарине гросс-
адмирал Эрих Редер

Командующий
кригсмарине адмирал
Эрих Редер принимает
военный парад в Киле

Генерал-фельдмаршал
Эрвин Роммель, 1944 г.

Генерал-фельдмаршал
Герд фон Рундштедт

Командующий
сухопутными войсками
генерал-полковник
Вернер фон Фрич

Генерал-полковник
Готтгард Хейнрици

Генерал пехоты
Карл Генрих фон
Штюльпнагель

Эрнст Рем в рабочем
кабинете, фото 1934 г.

Демонстрация силы: штурмовики проходят маршем
через Бранденбургские ворота в Берлине, 8 апреля
1933 г.

Гинденбург и Людендорф
во время Первой мировой
войны

Президент Гинденбург
в рабочем кабинете

Рейхсфюрер СС
Генрих Гиммлер

Плакат ваффен-СС,
предназначенный для
вербовки молодежи
в Имперской службе
труда, 1943 г.

Командир отделения
на учениях

Военный музыкант

Солдаты вермахта приносят присягу

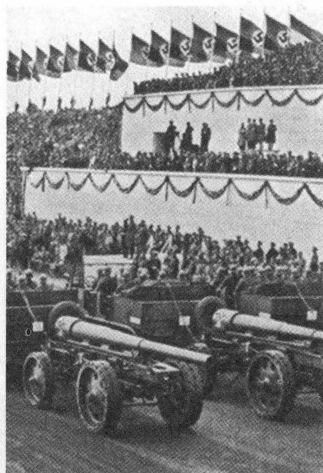
Солдаты рейхсвера
с ружьями на караул.
На касках — черно-
белая эмблема Пруссии

Солдат 32-го пехотного
полка, фото 1936 г.

Генерал-фельдмаршал императорской армии Альбрехт фон Макензен, Бломберг и Гитлер в День памяти павших героев в Берлине, 1935 г.

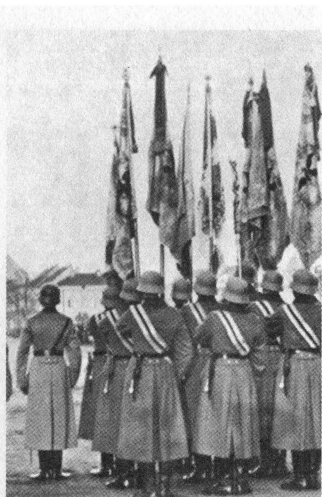
Тяжелая моторизованная артиллерия на съезде

Бломберг, Фрич и Редер на съезде НСДАП. Нюрнберг, сентябрь 1936 г.

Почтовая открытка
«Солдаты Третьего
рейха»

Знаменосцы вермахта

Плакат организации
«Зимняя помощь»,
приуроченный ко Дню
вермахта

Вербовочный плакат
вермахта «Офицеры
завтрашнего дня».
1939–1945 гг.

Геринг приветствует солдат легиона «Кондор». Знаменосец несет штандарт командующего люфтваффе с нацистской символикой. Гамбург, 1939 г.

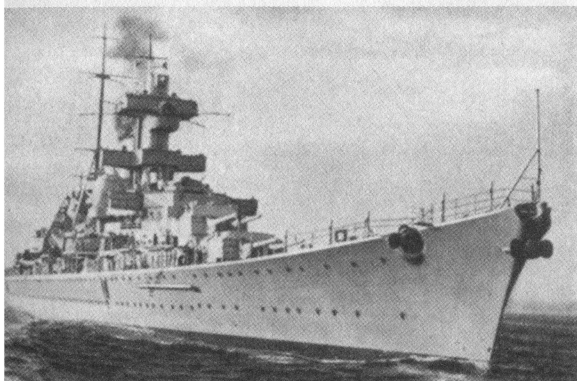
Золотой Испанский крест. Учрежден в апреле 1939 г., вручался военнослужащим вермахта, принимавшим участие в Гражданской войне в Испании

«Мы сражаемся в Испании» — специальный выпуск журнала «Die Wehrmacht», 1939 г.

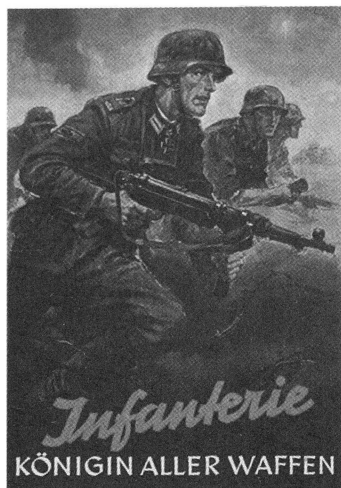
Оружие кригсмарине. Броненосец

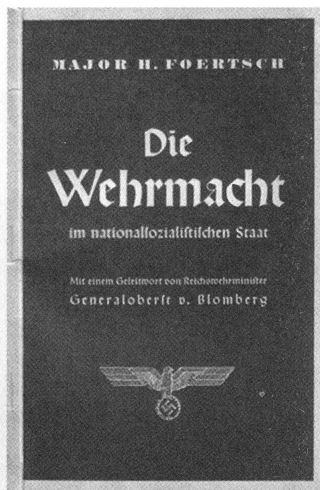
Оружие кригсмарине. Тяжелый крейсер

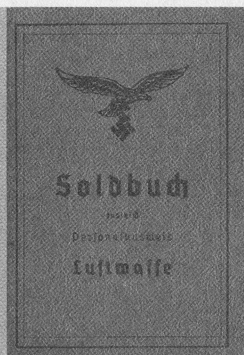
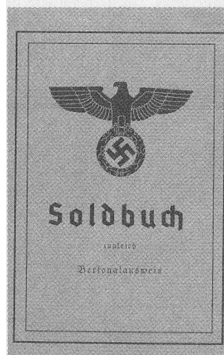
Оружие кригсмарине. Легкий крейсер

Плакат «Пехота — королева всех родов войск»

Обложка книги майора Генерального штаба Германа Ферча «Die Wehrmacht» с предисловием военного министра Бломберга, 1935 г.

Солдатские книжки сухопутных войск, люфтваффе и ваффен-СС

чести, экспертное заключение которого либо предлагало примирение сторон, либо объявляло его невозможным. В последнем случае решение передавалось главнокомандующему составной части вермахта, и вплоть до его принятия офицеры должны воздержаться от каких-либо действий. В случае конфликта между офицером и гражданским лицом офицер мог подать жалобу в суд, немедленно защитить свою честь от посягательства (что было чревато нарушением уголовного кодекса) или вызвать обидчика на дуэль. Дуэль было разрешено проводить только на пистолетах и следовало прекращать, как только один из участников утрачивал способность продолжать поединок⁶⁹.

В феврале 1937 года военное министерство издало правила вызова на дуэль и ее проведения. Поединок допускался как крайнее средство, «если личная честь, которой нанесен тяжелый ущерб, не может быть восстановлена решением начальников». Нацистское руководство было особенно обеспокоено тем, что правила допускали вызов на дуэль гражданских лиц — это делало весьма вероятными поединки между офицерами и членами гитлеровской партии. Поэтому с 31 августа 1939 года по соглашению между НСДАП и ОКВ дуэли были запрещены, вместо них двусторонний комитет на паритетных началах составлял экспертное заключение на основании согласованного решения соответствующего командира и функционера партии. Высшей инстанцией в вопросах чести становились Верховный суд партии и главнокомандующий вермахта. Особый раздел соглашения был посвящен чести членов НСДАП и ее подразделений, которые одновременно являлись офицерами резерва. Даже во время активной военной службы такие офицеры должны были решать в суде гау те дела чести, «которые не связаны со службой в вооруженных силах, с военным уголовным кодексом, порядком дисциплинарных наказаний вермахта или с интересами вермахта». Наконец, важная уступка вермахта состояла

в том, что исключение из партии автоматически влекло за собой изгнание из офицерского корпуса резерва⁷⁰.

Таким образом, под видом восстановления традиций кайзеровской армии в рейхсвер активно внедрялись нацистские ритуалы, церемонии, символика, а вместе с ними — образ мыслей. Маршируя под знаменами со свастикой, вермахт превращался из немецкой армии в армию Гитлера. Специфическая идеология вермахта, основанная на включении национал-социализма в прусско-германскую военную традицию, сформировалась в «эру Бломберга». В первый раз со времени монархии армия открылась для идеологии, созданной не ею самой, но это была идеология силы, централизации власти, униформирования всех немцев. Вермахт и партия создали новый образ солдата — послушного Гитлеру оруженосца нации, в котором соединяются нацистский и военный дух. «Слепое повиновение», которого добивался от офицеров фюрер, отличалось от «безусловного повиновения» XVIII и XIX вв. и устраняло офицера как фигуру самостоятельно мыслящую.

ВЕРМАХТ И АНТИСЕМИТСКАЯ ПОЛИТИКА НАЦИЗМА

В годы Второй мировой войны вооруженные силы Третьего рейха превратились в лояльного исполнителя нацистской программы геноцида евреев. Вчерашние «штатские» и кадровые военные, отдавая и исполняя преступные приказы, верша самочинный суд и расправу, руководствовались сформированными задолго до этого ценностными ориентирами и привычками, идеологией и образцами поведения. На Нюрнбергском процессе обвинитель от США У. Уолш предложил рассматривать преследование евреев как составную часть планирования и подготовки агрессивной войны⁷¹. Поэтому так важен взгляд на предысторию Холокоста, когда были заложены идейные и органи-

зационные предпосылки превращения вермахта в палача европейских евреев.

Долгое время было принято считать, что истребление евреев было делом рук узкой клики исполнителей, а немецкий народ пребывал в полном неведении об убийстве миллионов людей. Исследования последних лет свидетельствуют о том, что сотни тысяч немцев участвовали в уничтожении евреев, миллионы знали о нем или имели возможность узнать. «Без национал-социалистов и без Гитлера Холокост был бы невозможен. Но точно такой же важной была высокая степень готовности большинства обычных немцев сначала одобрить, поддержать свирепое преследование евреев в 30-е гг., часто даже активно содействовать ему и, наконец... участвовать в убийстве евреев. Без этой готовности режим не смог бы убить 6 млн евреев. Приход к власти национал-социалистов и готовность немцев последовать за антисемитизмом, ставшим государственной политикой, были в равной мере необходимыми предпосылками Холокоста», — пишет американский историк и политолог Дэниэл Голдхаген⁷².

Хотя к концу XIX века евреи заняли прочное положение в немецком обществе, искусстве и науке, многие немцы с неохотой взирали на «еврейское влияние» в экономической и культурной жизни и приветствовали постепенную отмену эмансипации и равноправия, коль скоро она совершалась «законным путем». Идеология антисемитизма базировалась на почве традиционной христианской враждебности по отношению к иудеям; национализма, который понимал немецкую нацию не как сообщество политических единомышленников, а как общность крови и происхождения; консервативного антимодернизма, который идентифицировал еврейство со всеми негативными сторонами тогдашнего промышленного капитализма и политического прогресса; наконец, на почве ненависти к чужакам и зависти, которая, особенно в периоды социаль-

но-экономических неурядиц, обвиняла в собственных неудачах «козла отпущения»⁷³.

«Соавторами» идеологии немецкого антисемитизма были не только Х.С. Чемберлен, Ж. Гобино, Ж. де Местр, Л. де Бональд, Р. Вагнер, Г. фон Тройчке, но и М. Лютер, И.Г. Гердер, И.Г. Фихте, Е. Дюринг, катедер-социалисты А. Вагнер и Ф. Лист, анархисты М. Штирнер и Г. Альвардт. За исключением Лессинга, Гете, Шеллинга и Гегеля «почти все крупные немецкие поэты и мыслители, даже если они не были явными антисемитами, часто неосознанно представляли антисемитский образ мыслей, который резко противоречил представляемой ими гуманистической философии», — сделал нелицеприятный для немецкой культуры вывод еще в начале 40-х годов американский политолог и историк Франц Нойман. Он отмечает, что «вместе с освободительными войнами антисемитизм в Германии стал постоянной политической силой, эра Бисмарка превратила его в народное движение». Хотя далеко не все ученые, деятели искусства, политики поддерживали антисемитские воззрения, задолго до прихода Гитлера к власти появились три тезиса, позднее заимствованные нацистским фюрером: первый идентифицировал еврейство и негативные стороны капитализма, второй провозглашал евреев вождями марксистского социализма, третий же говорил о всемирном еврейском заговоре, объявляя евреев вождями и мирового капитализма, и мирового социализма⁷⁴.

Антисемитские идеи прочно укоренились не только в немецком гражданском обществе, но и в армии. В начале XIX века в большинстве германских государств евреи получили гражданские права, в том числе и право отбывать воинскую повинность, от которой можно было откупиться, уплатив особый выкуп (Бранденбург) или «рекрутские деньги» (Позен). Прусский Закон об обороне 1867 года также не содержал никаких особых постановлений о евреях или лицах с примесью еврейской крови: все немецкие

граждане независимо от национальности отбывали воинскую повинность. Это не означало, однако, что евреи достигли полного равноправия в прусской армии — офицерский корпус решительно противился допуску евреев в свои ряды, отстаивая свою профессионально-сословную исключительность, руководствуясь религиозными и националистическими мотивами. Лишь в баварской армии евреи производились не только в офицеры резерва, но и зачислялись на действительную воинскую службу⁷⁵.

Это объясняет, почему накануне Первой мировой войны в кайзеровской армии не было ни одного офицера еврейской национальности, в то время как в австро-венгерских вооруженных силах их насчитывалось 2179, включая одного фельдмаршала, в Италии — 500, во Франции, несмотря на «дело Дрейфуса», — 720. И хотя в Германии во время Первой мировой войны в офицеры было произведено 2 тысячи евреев, процесс их эмансипации в военной среде воспринимался как временное явление. Именно немецкие евреи в ноябре 1916 года по приказу прусского военного министра подверглись возмутительной проверке «уровня патриотизма», который следовало оценить, установив численное соотношение призванных в армию евреев и всего еврейского населения Германии⁷⁶.

Приход к власти большевиков в России рассматривался военными сквозь призму старых антисемитских стереотипов, существовавших в немецкой армии, и привел к формированию нового образа врага — еврейского большевизма. Уже летом 1918 года один немецкий офицер приравнивал большевиков в России к «банде евреев» и мечтал увидеть несколько «этих еврейских парней» повешенными на кремлевской стене⁷⁷.

Веймарская республика и ее армия — рейхсвер также не гарантировали евреям равноправия. Ветеранов войны не принимали в такие популярные военизированные организации, как «Стальной шлем», многие генералы, как отставные, так и находившиеся на службе, не скрывали

своих антисемитских взглядов. Для защиты своих интересов ветераны-евреи были вынуждены объединиться в собственный Еврейский союз фронтовых солдат. Такое положение дел обуславливало трудности с зачислением в профессиональную 100-тысячную армию, тормозило и без того медленное продвижение по службе. Отметим, что официальный рейхсвер и его главнокомандующий президент Пауль фон Гинденбург осуждали антисемитизм, поэтому после прихода Гитлера к власти многие евреи надеялись если не на защиту со стороны армии, то, по крайней мере, на ее нейтралитет. Однако оказалось, что национал-социалисты могли проводить антисемитские мероприятия, не опасаясь противодействия со стороны рейхсвера. Многие офицеры приветствовали приход нацистов к власти и первые шаги гитлеровского правительства, надеясь, как писал в феврале 1933 года в частном письме подполковник Готтгард Хейнрици, что «мы, наконец, выберемся из этого марксистско-еврейского свинства»⁷⁸.

Терпимость офицерского корпуса к нацистской политике расовой дискриминации объясняется не столько бытовым антисемитизмом многих офицеров, сколько совпадением большинства ближайших и среднесрочных целей офицерства и нацистского фюрера. Как национал-социалисты, так и рейхсвер стремились демонтировать «Систему» — демократическую парламентскую республику — и создать на ее месте авторитарное государство, подавить рабочее движение и левые партии и добиться интеграции армии в современное общество, отменить «версальский диктат» и, восстановив всеобщую воинскую повинность, превратить Германию в ведущую военную державу Европы. Для достижения этих целей оба партнера были готовы на взаимные уступки. Гитлер формально признал традиционный прусский принцип дуализма политического и военного руководства, выдвинув доктрину «двух опор» национал-социалистического государства — НСДАП и армии. Рейхсвер, со своей стороны, допускал ограниченное

вмешательство партийных учреждений в пропагандистскую работу в войсках, произвел изменения в военной символике, униформе и ритуалах, изменил принципы кадрового отбора офицерского состава, молчаливо взирал на преследования нацистами католической и протестантской конфессий и даже стерпел физическую ликвидацию своих прежних руководителей — генералов фон Шлейхера и фон Бредова. Составной частью политики руководителей рейхсвера в Третьем рейхе было и молчаливое одобрение травли немецких евреев.

Начало притеснений не заставило себя ждать. Приход Гитлера к власти вызвал активные действия сторонников нацистов, прежде всего штурмовиков, на местах. Уверенные, что причиной всех социально-экономических катаклизмов являются евреи, штурмовики уже в марте 1933 года практиковали принудительные увольнения их с предприятий, нападения на еврейские лавки и универмаги, погромы адвокатских контор и врачебных кабинетов, осквернение синагог и отправку евреев в «дикие» концлагеря. Партийное руководство покрывало эти действия штурмовых отрядов и выдавало их за спонтанные проявления «народного гнева». Гитлер, не желая закрывать отдушину для своих сторонников и в то же время стремясь продемонстрировать способность нового правительства навести порядок, принял решение о проведении 1—3 апреля 1933 года бойкота еврейских гешефтов и издании первой серии антисемитских законов. Бойкот, пришедшийся на субботу, воскресенье и понедельник, свелся к пикетированию еврейских магазинов, адвокатских контор и медицинских кабинетов. Гораздо большее значение имело издание в течение апреля нескольких законодательных актов, в соответствии с которыми запрещалась профессиональная деятельность врачей больничных касс, судей, прокуроров и адвокатов еврейской национальности, для еврейских школьников и студентов были установлены квоты приема в учебные заведения⁷⁹.

В Закон о восстановлении профессионального чиновничества от 7 апреля был включен специальный «арийский параграф» (3), согласно которому чиновники «неарийского» происхождения подлежали увольнению в отставку. Исключение было сделано только для ветеранов Первой мировой войны (фронтовых бойцов), а также для отцов и сыновей погибших военнослужащих⁸⁰. «Неарийцами» считались чиновники, чьи родители или их родители были «неарийского» происхождения. К фронтовым бойцам причислялись участники сражений, боев, позиционной борьбы и осад, а также участники вооруженных столкновений в Прибалтике и Верхней Силезии, боев против спартаковцев, сепаратистов и «врагов национального возрождения». Четырнадцатого июня 1933 года начальник канцелярии министерства рейхсвера фон Рейхенау предложил считать ветеранами также солдат и чиновников ВМФ, которые служили на кораблях, участвовавших в сражениях, боевых походах, поиске и тралении мин, сопровождении подводных лодок. В то же время Рейхенау и Бломберг настаивали на том, что понятие фронтового бойца не может быть слишком широким — ветеранами считались только непосредственные участники боев, «которые прошли через ад из огня и железа». На многочисленные просьбы участников войны о расширении понятия ветерана или об отдельных исключениях министерство рейхсвера отвечало отказами⁸¹.

Летом 1933 года руководство рейхсвера включилось в кампанию официальной антисемитской пропаганды. В военном еженедельнике «*Militärwochenblatt*» была опубликована статья «Солдат и национальная революция», в которой говорилось о необходимости борьбы со всеми «расово чуждыми» и «неполноценными» с целью создания тотального государства как высшей формы объединения людей, родственных в расовом и мировоззренческом отношении⁸². Первого октября евреи были исключены из военного союза Киффхойзер. Чтобы избежать позорной процедуры из-

гнания, им был предложен добровольный выход или переход в Еврейский союз фронтовых солдат. Даже фон Бломберг указал руководству Киффхойзера на то, что подобные действия выходят за рамки действующего законодательства. Наконец, в начале 1934 года в прессе была развернута кампания по переоценке участия евреев в Первой мировой войне: в результате пересмотра официальных данных количество евреев — участников войны снижалось с 10 до 7 тысяч человек и делался вывод о том, что они уклонялись от выполнения долга перед родиной⁸³.

Историки полагают, что фон Бломберг сначала хотел удержать армию в стороне от разгула антисемитизма. На совещании командующих военных округов в июне 1933 года он объявил, что положения Закона о защите профессионального чиновничества не будут распространяться на военнослужащих и что в его намерения входит только изменение правил вступления в брак и правил зачисления новых офицеров, чтобы воспрепятствовать доступу в армию евреев в будущем. Возможно, на позицию министра рейхсвера влияло и отношение к проблеме президента Гинденбурга и консервативных партий, которые вместе с военным руководством составляли особый лагерь в коалиционном гитлеровском правительстве. Известно, что именно Гинденбург настаивал на льготах для ветеранов Первой мировой войны при применении «арийского параграфа». Благодаря этому в 1933 году продолжали заниматься профессиональной деятельностью 60% евреев-адвокатов, 50% судей и прокуроров, 75% врачей больничных касс⁸⁴.

Роспуск консервативных партий летом 1933 года привел к тому, что рейхсвер остался с гитлеровским движением один на один и мог отныне рассчитывать только на поддержку президента. К тому же стремление штурмовиков заменить профессиональную армию «народным войском» вызывало необходимость всеми возможными способами завоевать доверие Гитлера в преддверии возмож-

ного столкновения с СА. В этих условиях 28 февраля 1934 года Бломберг приказал распространить действие «арийского параграфа» на военнослужащих. Решение об увольнении солдат и офицеров, которые не могли документально подтвердить свое «арийское» происхождение, принимал министр рейхсвера или начальники военных округов. Всеобщую проверку и увольнения было приказано произвести до 31 мая 1934 года. Письменный протест президента Еврейского союза фронтовых солдат Лёвенштайна, направленный президенту, остался безуспешным. Более того, вскоре еврейским молодежным союзам было запрещено заниматься военным обучением своих членов⁸⁵.

В результате проверки «арийского происхождения» из рейхсвера было уволено 10 офицеров, 60 солдат, матросов и унтер-офицеров. Так как Закон о восстановлении профессионального чиновничества не распространялся на военнослужащих, то увольнения мотивировали «недостаточными способностями». Включение «арийского параграфа» в военное законодательство имело большое значение для развития отношений между рейхсвером и нацистским режимом: в святая святых армии — кадровую политику — был привнесен специфический нацистский принцип расового отбора. Представляется ошибочным мнение, что приказ Бломберга был воспринят в войсках болезненно и командующие военными округами и командиры воинских частей согласились с ним скрепя сердце. Эти утверждения основаны только на мемуарах бывших генералов вермахта, а иных доказательств массового протеста, несогласия или недовольства со стороны офицеров в архивах не обнаружено до сих пор. В то же время вполне справедливой представляется оценка ситуации, данная немецким военным историком Клаусом Юргеном Мюллером: включение в военное законодательство «арийского параграфа» было одним из проявлений политики сотрудничества офицерского корпуса с гитлеровским режимом и одновременно оборонительной акцией против тех отрядов нацистского

движения (СА, СС), которые ставили под вопрос политическую лояльность армии. Речь шла о самоутверждении рейхсвера, положение которого в Третьем рейхе оспаривалось руководителями СА. Многие члены НСДАП и других нацистских организаций сомневались в «расовой чистоте» офицерского корпуса и развернули кампанию критики военного руководства в прессе. В споре рейхсвера и штурмовиков Гитлер должен был поддержать только одну из сторон, поэтому любая критика в тот момент особенно нервировала военное руководство⁸⁶.

На фоне всеобщего молчаливого одобрения расового законодательства и равнодушия офицеров к судьбе бывших товарищей выделяется меморандум начальника штаба III военного округа (Берлин) полковника Эриха фон Манштейна, направленный шефу Войскового ведомства генералу Беку. Этот документ заслуживает обстоятельного анализа, поскольку проливает свет на подход к «еврейскому вопросу» тех, кто в годы Второй мировой войны отдавал приказы десяткам тысяч офицеров и солдат.

Манштейн не сомневался в справедливости применения «арийского параграфа» к вновь зачисляемым офицерам, но указывал Беку на вред придания этому постановлению обратной силы. Он поддерживал чистку среди судей, адвокатов, врачей, журналистов, деятелей искусства, так как в этой среде «все переполнено евреями» и «находится под еврейским влиянием». В армии же число евреев ничтожно, аргументировал он, поэтому и всякое «еврейское влияние» отсутствует. Дав присягу, солдат обязался пожертвовать жизнью за Германию, а значит, продемонстрировал «арийский» образ мыслей. *«Солдата юридически надо оценивать иначе, чем любого другого, так как он обещал рейху и народу не только свою рабочую силу, но и жизнь, потому что он был готов не только работать, как все остальные, но и сражаться и умереть за Германию».* Имея в виду штурмовиков, Манштейн напоминал Беку о том, что применение «арийского параграфа» задним чис-

лом есть стремление определенных элементов разрушить офицерский корпус, «чтобы самим занять его место». За этой уступкой военного руководства неизбежно последуют обвинения радикальных сил в «реакционности» армии, и так будет продолжаться до тех пор, пока штурмовики не вытеснят из рейхсвера кадровых офицеров. Наконец, в меморандуме указывалось на опасные симптомы разложения сплоченной офицерской касты.

Считая увольнение солдат и офицеров несовместимым с кодексом офицерской чести, Манштейн не возражал против расового принципа как такового, а рассматривал введение «арийского параграфа» с точки зрения групповой исключительности офицерского сословия: «Несомненно, мы все безоговорочно поддерживаем национал-социализм и расовые идеи... Вместе с тем мы не должны забывать о солдатской чести, которая до сих пор неразрывно связывала нас». Он предлагал решение, которое гарантировало бы офицерскому корпусу его привилегированное положение, но ни в коем случае не могло устроить нацистов, исповедовавших биологический расовый антисемитизм:

«Если офицерский корпус в результате обстоятельной проверки придет к заключению, что тот или иной офицер настолько доказал свой арийский образ мыслей, что, несмотря на отсутствие чисто немецкой крови, он все же может считаться полноценным немецким солдатом, то никто в Германском рейхе не должен больше отважиться нападать на этого офицера как на неарийца. Офицерскому корпусу должны быть предложены следующие вопросы о каждом офицере, подпадающем под действие арийского параграфа:

1. Всегда ли этот офицер проявлял себя своим образом мыслей и поведением как полноценный немецкий солдат?

2. Уверен ли офицерский корпус, что этот офицер из-за наличия чужеродной крови не имеет черт характера, свойственных чуждой расе, которые могут повлиять на его арийский настрой?

3. Считает ли офицерский корпус этого офицера пригодным к дальнейшей службе?»

Если на все три вопроса давался единогласный утвердительный ответ, то министр рейхсвера мог заменить этому офицеру отсутствующие документы об «арийском» происхождении на документ о признании его «арийцем» офицерским корпусом. Аналогичные комиссии предлагалось организовать для участников войны, для унтер-офицеров и солдат. Меморандум Манштейна был единственным протестом из рядов офицерского корпуса. Профессиональная солидарность и кастовые идеи не выдержали проверки на прочность. Большинство офицеров оправдывало параграф, хотя и сожалело о судьбе своих друзей и товарищей. Это открыло дорогу для использования расового принципа отбора при создании вермахта⁸⁷.

Шестнадцатого марта 1935 года в Германии была восстановлена всеобщая воинская повинность. Военная служба объявлялась почетной обязанностью каждого гражданина государства. По этому поводу Еврейский союз фронтовых солдат сделал специальное заявление, в котором объявил «неотчуждаемым правом немецких евреев» отбывать всеобщую воинскую повинность с оружием в руках. Разумеется, Гитлер и не помышлял об этом. Двадцать первого мая он подписал закон об обороне, в котором расовым вопросам организации вооруженных сил посвящался специальный параграф: «арийское происхождение» становилось условием для отбывания действительной воинской службы, исключения допускались только с разрешения министра внутренних дел и военного министра. Немцам «с примесью неарийской крови» было запрещено занимать в вермахте командные должности, вступление военнослужащих в брак с «неарийками» влекло за собой лишение воинского звания. Призыв «неарийцев» в армию допускался только в случае войны. В официальных комментариях к закону «неарийцы» делились на две группы. В первую входили евреи, негры и «их помеси», а во вторую —

все остальные немцы. К первой группе «арийский параграф» должен был применяться наиболее строго⁸⁸.

Летом 1935 года правительство организовало «спонтанные акции снизу» с целью подготовить население к новым притеснениям евреев и показать зарубежным наблюдателям, что нацистский режим способен законодательным путем гарантировать евреям определенное пространство для жизни. В парках, театрах и плавательных бассейнах появились таблички «Евреи нежелательны», «Евреи — вон», «Евреям доступ запрещен», «Для собак и евреев бассейн закрыт». В кампанию травли включился и вермахт. Специальным приказом Бломберга военнослужащим было запрещено делать покупки в еврейских гешефтах. Но подчас на специальных стендах вместе с антисемитской газетой «Der Stürmer» вывешивались фотоснимки не только штатских немцев, пренебрегавших бойкотом, но и военных. В этот момент руководство НСДАП не желало портить отношения с армией, и 27 августа заместитель фюрера Гесс отдал секретное распоряжение о немедленном удалении с этих стендов всех фотографий, которые свидетельствовали о посещении солдатами и офицерами еврейских магазинов⁸⁹.

Пятнадцатого сентября очередной съезд НСДАП одобрил предложенные Гитлером расовые законы «О защите немецкой крови и немецкой чести» и «О гражданстве рейха». Первый запрещал браки между евреями и гражданами «немецкой или родственной крови», а также внебрачные связи между ними. Евреям было запрещено нанимать женскую прислугу моложе 45 лет и вывешивать государственные флаги. До 31 декабря 1935 года надлежало уволить всех чиновников еврейского происхождения на пенсию. Второй закон проводил различие между жителями и гражданами рейха, которые имели гражданские права и обязанности⁹⁰. Дополнительные распоряжения, изданные несколько недель спустя, признавали евреем того, кто имел трех предков-евреев второго колена и одновременно при-

надлежал к еврейской религиозной общине. «Лица смешанного происхождения 1-й степени» (два предка второго колена) занимали промежуточное положение и потеряли все права к 1944 году. «Лица смешанного происхождения 2-й степени» (один предок второго колена) могли становиться чиновниками. В результате при поддержке и одобрении вермахта в Третьем рейхе вступило в силу законодательство, которое сделало немецких евреев «неприкасаемыми» и свело к минимуму их социальные контакты.

Тридцать первого декабря 1935 года по приказу Фрича из сухопутных войск были уволены ветераны Первой мировой войны, которые раньше пользовались льготами. При проверке их расового происхождения требования к документам были настолько жесткими, что в случае сомнения проверялись предки до третьего колена включительно. В то же время Фрич понимал, что травля евреев разлагает офицерский корпус. Он издал секретный приказ о пресечении любых слухов о «неарийском» происхождении кого-либо из офицеров или их жен. В случае установления «неарийского» происхождения военнослужащего надлежало строго доверительно доложить об этом командиру. Наконец, все документы о проверке «расовой чистоты» были причислены к секретным. При этом для Фрича речь шла только о сохранении сплоченности офицерского сословия, а не о вопросах совести, морали или личных убеждениях. В одном из частных писем, написанных три года спустя, он откровенно показывал солидарность с антисемитской политикой нацистов: «Вскоре после войны я пришел к убеждению, что надо выиграть три битвы, чтобы восстановить силы Германии: 1) битва против рабочего класса, ее Гитлер выиграл; 2) против католической церкви, лучше сказать — против ультрамонтанства и 3) против евреев. Эту борьбу мы еще ведем. И эта борьба против евреев — самая трудная. Надеюсь, тяжесть этой борьбы ясна всем»⁹¹.

Во второй половине 1930-х гг. в вермахте неукоснительно соблюдались расовые принципы нацизма. Так, с

июня 1936 года еврейские «полукровки» больше не могли быть унтер-офицерами в вермахте. Унтер-офицер — воспитатель солдат — по приказу Гитлера должен был отбираться «по строжайшим расовым принципам», а человек с примесью еврейской крови не мог командовать «арийскими» солдатами. После аншлюса Австрии в марте 1938 года все расовые правила вермахта были применены к военнослужащим австрийской федеральной армии⁹².

Нацистское расовое законодательство вторглось в принципы кадрового отбора прусско-германского офицерского корпуса еще одним путем. С незапамятных времен немецкое офицерство заботилось не только о своей профессиональной, но и о социальной исключительности, которая давала дополнительную легитимацию его вмешательству в государственные дела. Поэтому под строгим контролем командира находились не только образ мыслей и поведение каждого офицера, но и его семья. В Германской империи женитьба офицера была возможна только с согласия командира полка, то же правило сохранилось и в Веймарской республике. Согласно распоряжению о вступлении военнослужащих в брак от 5 января 1922 года, офицер мог получить разрешение командования на создание семьи только по достижении 27 лет в том случае, если он и его невеста не имели долгов и будущая семья хорошо обеспечена материально. Невеста должна была обладать безупречной репутацией и происходить из «уважаемой семьи», то есть иметь высокий социальный статус. Командующий военно-морским флотом адмирал Редер даже запрещал офицерским женам коротко стричь волосы, пользоваться косметикой, носить короткие юбки и красить ногти. Вскоре после установления гитлеровской диктатуры, 20 июля 1933 года, в прежнее распоряжение было внесено дополнение: от невесты требовались «арийское» происхождение и нетерпимость к «антигосударственному образу мыслей». То же требование содержалось и в законе об обороне, а новое распоряжение о вступлении военнослужащих в брак

от 1 апреля 1936 года вообще превращало «арийское» происхождение невесты в главное условие создания семьи⁹³.

Учитывая расовое законодательство вермахта 1934—1936 гг., нельзя согласиться с утверждением английского историка Джона Уиллер-Беннета о том, что расовые законы Третьего рейха применялись в сухопутных войсках «так мягко и в столь немногих исключительных случаях, что они практически не действовали», а выдающиеся офицеры «неарийского» происхождения без труда могли перейти на службу в люфтваффе, «где могущественное влияние Геринга, который никогда не воспринимал антисемитизм серьезно, если речь шла о технических способностях, могли найти лучшую защиту, чем в сухопутной армии»⁹⁴. Манфред Мессершмидт, напротив, доказывает, что в германских ВВС постановления «арийского параграфа» проводились в жизнь гораздо строже, чем в сухопутных войсках и на флоте, хотя именно Герингу приписывается высказывание «Я сам решаю, кто еврей!»⁹⁵.

Геринг, один из бесспорных лидеров Третьего рейха, в своем качестве главнокомандующего люфтваффе действительно пользовался несравненно большей свободой, чем его коллеги Фрич и Редер. Это позволило ему фальсифицировать свидетельство о рождении еврея по отцу Эрхарда Мильха (Геринг шутил: «Мы сделали из него ублюдка, зато ублюдка аристократического!»), назначить его статс-секретарем в министерстве авиации и произвести в 1940 году в фельдмаршалы. В то же время сам факт фальсификации документов доказывает, что даже всемогущий Геринг был бессилён сделать исключения в расовом законодательстве. О массовом допуске «неарийцев» в военную авиацию он и не помышлял. Военный флот также не мог предложить им защиту. По мнению американских историков, Редер «считал преследование нацистами евреев и других групп населения грязным делом, но, коль скоро это не касалось его ведомства, не проявлял никакого беспокойства по этому поводу. Но когда гонения все же затрагивали интересы флота, старик превращался в драчливого петуха». Стало

быть, и главком ВМФ руководствовался не соображениями гуманности или справедливости, а стремился, как Манштейн или Фрич, сохранить исключительное положение офицерского корпуса в государстве или, как Геринг, удерживать нужного специалиста. Успехи Редера на этом поприще также были ничтожно малыми: он сумел добиться от Гитлера продолжения выплаты пенсии контр-адмиралу в отставке К. Кюленталу, восстановить на службе во время войны двух изгнанных офицеров «неарийского» происхождения и защитить «несколько еврейских семей, которые он знал еще ребенком». Но, признаются Сэмюел Митчем и Джин Мюллер, склонные оправдывать адмирала, он «ничего не мог (вернее сказать, не захотел. — А.Е.) сделать для тех несчастных, которые не имели отношения к флоту или к нему лично»⁹⁶.

Пассивность высших военных руководителей, немногих из тех, кто обладал в стране реальной силой, к судьбе полумиллиона немецких евреев развязывала Гитлеру руки для ужесточения их социальной и экономической дискриминации, апогеем которой стала «имперская хрустальная ночь» — еврейский погром в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года. После него ОКВ достигла критика в адрес «еврейских чисток». Военно-экономическая инспекция XVII военного округа (Вена) сообщала, что очень большое число австрийцев не согласно с методами «удаления евреев». Хотя они не чувствовали особого сострадания «к этому еврею» и хотели лучше избавиться от него сегодня, чем завтра, все же «сожжение святилищ и избиение евреев было для них совершенно непонятным»⁹⁷.

Однако вермахт безмолвствовал. Из воспоминаний командующего военно-морским флотом гросс-адмирала Редера известно, что в его адрес поступили протесты от адмирала Конрада Патцига, капитанов первого ранга Гюнтера Лютенса и Карла Дёница. Известно и то, что расправа с евреями вызвала негативную реакцию командующего 1-й группой армий генерал-полковника Федора фон Бока⁹⁸. Но ни ОКВ во главе с Кейтелем и Йодлем, ни новый ко-

мандующий сухопутными войсками фон Браухич своего неодобрения не выразили. Пассивными остались и военные заговорщики, всего полтора месяца назад готовившие свержение Гитлера. Более того, на фазе непосредственной подготовки к развязыванию войны активизировалась антисемитская пропаганда в вермахте. По распоряжению ОКВ 1 декабря 1938 года была издана статья «Борьба еврея за мировое господство», в которой говорилось, что другие страны не имеют права «возмущаться оборонительной борьбой немцев против вековой воли еврейства к уничтожению... Только когда еврей будет отстранен от власти и в других странах, возникнет возможность взаимопонимания между народами, основанная на принципе справедливых претензий и свободы»⁹⁹.

Тридцатого января 1939 года в речи в рейхстаге Гитлер публично провозгласил одной из главных целей будущей войны уничтожение «мирового еврейства»: «Европа не сможет успокоиться, пока не будет решен еврейский вопрос... Если международному финансовому еврейству в Европе и вне ее удастся еще раз ввергнуть народы в мировую войну, результатом такой войны будет не большевизация мира и победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе!»¹⁰⁰

Военное командование послушно последовало за фюрером. Вскоре после его выступления ОКВ издало директивы с пояснениями и комментариями речи рейхсканцлера. В специальное пособие для солдат и офицеров по национал-социалистическому воспитанию была включена статья «Еврей в немецкой истории», в которой утверждалось, что рейх ведет «борьбу против мирового еврейства, которое стремится натравить все народы мира на Германию», что борьба против евреев будет продолжаться, даже если последний из них покинет Германию. В этом случае Третий рейх будет решать две задачи: «искоренение всех последствий еврейского влияния, прежде всего в экономике и духовной жизни» и «борьба против мирового еврейства, которое пытается настроить все народы мира

против Германии». В отличие от соперничества с другими европейскими народами, с которыми Германия ведет «рыцарский спор», с евреями борьба ведется как с «ядовитыми паразитами»¹⁰¹. Столь же откровенно звучало и выступление Редера по поводу Дня памяти павших героев 12 марта 1939 года, в котором был брошен «недвусмысленный и безжалостный вызов большевизму и международному еврейству... деяния которого мы достаточно почувствовали на собственном народном теле. Отсюда вытекает необходимость объединения со всеми нациями-единомышленницами, которые, как и Германия, не хотят позволить антинародным идеологиям и чужеродным паразитам разрушить силу, посвященную строительству и внутренней мирной работе»¹⁰².

Пожалуй, настроение тех офицеров, которые позднее командовали корпусами и армиями, отражают письма и дневниковые записи Готтгарда Хейнрици, в 1933—1939 г. продвинувшегося по службе от подполковника до генерал-лейтенанта. В марте 1933 года он сожалел о злоупотреблениях по отношению к знакомым с ним «честным» евреям, но одновременно оправдывал их указанием на 1919 год, «когда мы вернулись домой, а управляли матросы с красными повязками». Увольнение еврейских чиновников, служащих и врачей он приветствовал: «Я никогда не проклинал евреев всех вместе взятых, но очень хорошо, если они займут подобающее им место. Кажется, в школах уже проветривается». Бойкот еврейских гешефтов 1—3 апреля 1933 года он поначалу оценил как «очень несчастливое мероприятие, которое должно привести к многим несправедливостям и обидам... Было необходимо вытеснить евреев из их очень большой сферы влияния. Но средство для этого выбрано неверно». Однако через несколько дней он опять поставил «великое» на передний план, показал понимание «необходимых» принудительных мероприятий, «некоторой жесткости» и похвалил Гитлера и Геббельса за ловкость, с которой они «все же провернули ев-

рейский бойкот». Затем высказывания Хейнрици о политике по отношению к евреям становятся все реже и сдержаннее. «В Берлине, как и во всех остальных городах, разрушены еврейские гешефты и синагоги... Повсюду слышны сугубо отрицательные оценки всего того, что произошло», — писал он об «имперской хрустальной ночи». Но при этом лишение евреев их прав и преследование никогда не были для него решающим критерием оценки нацистского режима. Какое направление грозил принять нацистский антисемитизм, ему должно было стать известно из выступления идеолога гитлеровской партии Розенберга, на котором он присутствовал в январе 1939 года. Розенберг «говорил о мерзких евреях в течение часа. Еврейский вопрос будет решен, когда в Германии не останется ни одного еврея, и они полны решимости добиться этого. Лучше всего было бы вообще, если бы во всей Европе не было больше евреев»¹⁰³.

Так в период становления и укрепления нацистской диктатуры германские вооруженные силы поддерживали все антисемитские мероприятия гитлеровского режима, руководствуясь не только своими собственными взглядами на «еврейский вопрос», но и стремлением сохранить и по возможности упрочить исключительное положение прусско-германского офицерского корпуса в новом государстве. Однако тоталитарное господство принципиально исключает существование любого автономного фактора власти, поэтому нацистские власть имущие успешно использовали податливость военных в этом и других вопросах для превращения армии в инструмент своей политики. Путь к полной политической и моральной деградации вермахта лежал от изгнания из своих рядов «неарийских» сослуживцев, изменения принципов кадрового отбора военнослужащих, молчаливой поддержки дискриминации евреев внутри Германии до публичного одобрения гитлеровских целей войны против «мирового еврейства».

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ

Отправление религиозных культов издавна существовало в германской армии, как и в армиях других европейских стран. Религиозность военнослужащих была частью традиции прусско-германского военного сословия, большинство командиров рейхсвера были верующими. Веймарская конституция провозгласила свободу религиозных убеждений, но вооруженные силы республики сохранили институт военного духовенства. Духовенство рейхсвера состояло из военных священников, находившихся на службе в армии, и внештатных гарнизонных пасторов — гражданских лиц, исполнявших свои обязанности в войсках по найму. Невысокая численность рейхсвера и длительный срок службы солдат и офицеров создавали благоприятные возможности для религиозного воздействия на военнослужащих.

Политика гитлеровской диктатуры в области религии и церкви определялась взаимоисключающим характером христианского и нацистского мировоззрений, претензией национал-социализма на идеологическую монополию, тотальный контроль над внутренним миром человека. В программе НСДАП содержались высказывания о «свободе всех вероисповеданий в государстве, поскольку они не угрожают его существованию и не нарушают морального чувства германской расы» и неопределенные заявления о том, что «партия как таковая стоит на почве положительного христианства, не связывая себя с тем или иным определенным вероисповеданием»¹⁰⁴. В первые месяцы после прихода к власти Гитлер подчеркивал значение религии и церкви в новом государстве, утверждая, что его «правительство, преисполненное решимости вывести политический и моральный яд из нашей общественной жизни, создает и обеспечивает предпосылки для действительно глубокой, внутренней религиозности... Национальное правительство видит в обеих христианских конфессиях

важный фактор сохранения нашего народа... Их права не должны ущемляться... Правительство будет относиться ко всем другим конфессиям с объективной справедливостью... Национальное правительство предоставит и обеспечит христианским конфессиям подобающее им влияние в школе и воспитании. Его заботой будет искренняя совместная жизнь между церковью и государством»¹⁰⁵.

Однако вскоре выяснилось, что положения партийной программы и заверения нового рейхсканцлера были только тактическим ходом. Уже в июле 1935 года имперский министр внутренних дел Вильгельм Фрик потребовал «деконфессионализации всей общественной жизни»: «Какой смысл в существовании католических союзов чиновников? Нам не нужны католические и протестантские чиновники, нам нужен немецкий чиновник. Чем должна заниматься ежедневная католическая пресса? Нам не нужна никакая католическая и протестантская, нам нужна немецкая ежедневная пресса. Католические профессиональные и сословные союзы, союзы подмастерьев и католические молодежные союзы тоже больше не подходят нашему сегодняшнему времени. Эти организации во многом заняты в областях, на которые национал-социалистическое государство должно единолично претендовать для выполнения своих задач»¹⁰⁶.

В это же время было учреждено имперское министерство по делам церкви под руководством Ганса Керрля и предпринята попытка строительства государственной протестантской церкви «немецких христиан» (ДК). Нацистское наступление на религию и церковь выразилось в не только закрытии религиозных организаций, но и открытым судебном преследовании лиц духовного звания. Оно достигло апогея в 1937 году с активизацией атеистической пропаганды в прессе и образовательных учреждениях, а также кампанией выхода членов НСДАП из церквей, что вызвало нараставшую тревогу, а затем и сопротивление как протестантской, так и католической конфессий. При

этом сам Гитлер активно не вмешивался в религиозную сферу, предоставляя действовать Розенбергу, Гиммлеру, Шираху, Борману, гауляйтерам и позднее отложил решение о судьбе церкви до конца Второй мировой войны.

Противостояние национал-социализма и церкви представляло потенциальную опасность для военного духовенства, а значит и для сплоченности войск, но сначала и руководители вооруженных сил, и Гитлер стремились избежать конфликтов в области церковной политики. Двадцатого июля 1933 года между Третьим рейхом и Ватиканом был подписан Рейхskonкордат, 27-я статья которого признавала компетенцию рейхсвера в отправлении католического культа офицерами, чиновниками, солдатами католического вероисповедания и членами их семей. Руководство католическим военным духовенством возлагалось на католического военного епископа, назначение которого должно было производиться Святейшим престолом по согласованию с имперским правительством. Католический военный епископ назначал военных пасторов, кандидатуры которых были одобрены государственными органами¹⁰⁷. Рейхskonкордат, предоставивший католической церкви ряд важных прав, воспринимался как доказательство доброй воли нацистов в отношениях с церковью. Назначение военных пасторов военным епископом возводило военное духовенство в ранг чиновников рейхсвера. Это подчеркивалось и введением для них особой военной формы без погон. Несколько позднее все вопросы, связанные с деятельностью военных священников, начиная от материального снабжения и кончая замещением вакантных мест, были переданы в ведение «группы богослужения», включенной в ведомство службы комплектования в общевойсковом управлении главного командования сухопутных войск.

Ожесточенные споры между Ватиканом, немецкими епископами и германским правительством привели к тому, что католический военный епископ вермахта был назначен только 13 января 1936 года. Им стал Франц Юстус

Рарковский, происходивший из семьи восточнопрусского коммерсанта и получивший высшее теологическое образование в Швейцарии. На церемонии посвящения Рарковского в сан присутствовали только епископы Берлина и Мюнстера граф Конрад фон Прайзинг и граф Клеменс Август фон Гален. Раньше католические иерархи использовали любой удобный случай, чтобы продемонстрировать свою сплоченность перед лицом гитлеровского правительства, и их неучастие в посвящении католического военного епископа свидетельствовало о том, что Рарковский оказался в изоляции. Пользовавшийся авторитетом в кругах духовенства бывший председатель партии католического Центра Людвиг Каас считал его личностью посредственной и умственно заурядной, человеком, который не умеет хранить тайны. Поэтому Рарковскому было отказано в праве принимать участие в заседаниях высшего органа немецкой католической церкви — Фульдской конференции епископов, даже если на них рассматривались вопросы, связанные с деятельностью военного духовенства¹⁰⁸.

Связь между католическим военным епископом и военным министерством поддерживал генеральный полевой vikарий Георг Вертман — участник Первой мировой войны и бывший преподаватель церковной школы, известный своими антинацистскими настроениями. После разгрома германского фашизма именно он разработал концепцию деятельности военных священников в вооруженных силах ФРГ и стал первым генеральным полевым vikарием бундесвера¹⁰⁹.

Согласно установленной в 1929 году процедуре назначение на пост протестантского военного епископа производилось президентом по предложению военного министра, кандидатура предварительно согласовывалась с Евангелическим церковным комитетом. Д. Шлегель, назначенный на этот пост в декабре 1933 года, уже в апреле следующего года уступил свое место Д. Дорману. Он пользовался авторитетом и популярностью как у церковных сановников,

так и в армии. Будучи человеком образованным, работоспособным, бескорыстным, Дорман осознавал важность своего поста и шаткое положение военного духовенства в гитлеровском государстве. Он стремился обеспечить интересы протестантской церкви в рейхсвере на пути компромиссов, но в то же время не терял гражданского мужества и предостерегал против антихристианской политики нацизма. В своем приветственном послании протестантским военным пасторам он показал свое видение ситуации: «При моем предшественнике религиозная деятельность в армии была расширена и укреплена. Мы несем серьезную ответственность за то, чтобы она сохранилась в битвах нашего времени и чтобы она помогала духу немецкого солдата питаться из жизненной силы протестантизма, который мы должны возвещать»¹¹⁰.

В 1933—1934 гг. военные священники отмечали религиозный настрой солдат, указывали на рост популярности богослужений и праздников причастия. Так, в одном из гарнизонов с 1926 по 1934 год число солдат, принимавших причастие, возросло более чем в десять раз — с 68 до 710. На пользу церкви пошло и новшество, введенное военным руководством, так называемые казарменные часы. Солдаты использовали их не только для занятий спортом и экскурсий, но и для обсуждения проблем христианской антропологии и работы в христианских общинах. Однако в перспективе военное духовенство и богослужения в войсках создавали нацистам помехи в осуществлении политики унификации¹¹¹.

И военное министерство, и командование сухопутных войск наблюдали за развитием событий с растущей озабоченностью. Во-первых, они опасались раскола офицерского корпуса из-за религиозных споров. Во-вторых, военное духовенство, считавшееся гарантом сплоченности войск, могло втянуться в конфликт, вызванный гонениями нацистов на религию и церковь. Поддержку военному духовенству оказывали прежде всего сухопутные войска,

где примером религиозного воспитания являлся сам президент и в обиход вошло понятие «благочестие Гинденбурга». Среди высших офицеров сторонниками военной церкви и религиозного образа мыслей военнослужащих были генерал Фрич, адмиралы Канарис и Редер¹¹². Гитлер успокаивал их, заявляя, что его целью является «защита обеих крупных христианских конфессий, защита их учений от вмешательства и согласование их обязанностей с точкой зрения и потребностями современного государства. Я вижу в обсуждении спорных религиозных вопросов в армии опасность для ее дисциплины и боеготовности и поэтому считаю нежелательным также выход из церкви», — вторил он мыслям Бломберга и Фрича в своей знаменитой речи в Гамбурге 17 августа 1934 года¹¹³.

Поначалу Бломберг и Фрич старались защитить армейских священнослужителей, традиционные христианские ценности в армии и связь вооруженных сил с церковью. Например, в мае 1933 года министр рейхсвера разрешил участие военных музыкантов католического и протестантского вероисповеданий в процессиях праздника тела Христа. В 1934 году он объявил выход офицеров из церкви нежелательным, а участие в воскресных военных богослужениях — желательным. Одновременно он был готов и идти на некоторые уступки. Выступая перед офицерами 1 июня 1933 года, Бломберг, хотя и с жесткими оговорками, фактически провозгласил свободу церковного венчания: «Женитьба без церковного венчания: нельзя никого принуждать, церковное венчание следует рассматривать как формальность. Но пока эта формальность в таком обществе, как офицерский корпус, рассматривается как важная и необходимая, ни у кого нет права сознательно идти в этом отношении другим путем. Если он это делает, то должен отвечать за последствия. В таких случаях настоятельно необходимы предварительное вмешательство и совет командира»¹¹⁴. Несколько более жесткой позиции придерживался Фрич, считавший участие офицеров в

церковных службах обязательным и категорически запретивший выход из церкви¹¹⁵.

Нацисты, в свою очередь, все более ожесточенно критиковали офицерский корпус за консерватизм и принимали попытки развернуть в воинских частях агитацию за выход из церкви. Но рейхсвер не смог остаться в стороне от происходящего в стране. Командиры, чаще всего Редер и Канарис, получали просьбы о помощи от церковных сановников и населения, обеспокоенного антихристианской политикой режима. В некоторых гарнизонах образовались кружки офицеров, где обсуждались религиозные вопросы. Гражданские пасторы в своих проповедях знакомили военнослужащих с фактами притеснений церкви и верующих нацистами. Впрочем, раскол поразил и само духовенство, в том числе военное. Уже на конференции пасторов военных округов в мае 1934 года произошло столкновение между сторонниками «немецких христиан», составлявшими меньшинство, и аморфным большинством ортодоксальных протестантских пасторов.

В декабре 1934 года командующий артиллерией VII военного округа генерал-майор Франц Гальдер докладывал начальнику округа генерал-лейтенанту Адаму о росте напряженности в отношениях между офицерами и членами гитлеровской партии. Одной из причин этой ситуации, считал Гальдер, является конфликт между обеими христианскими конфессиями и НСДАП. Распространение среди руководителей нацистской партии идей Розенберга «постоянно дает питательную почву подозрениям в том, «что Движение угрожает основам христианского мировоззрения». В Баварии распространились слухи о том, что национал-социалисты наметили на январь следующего года аресты ведущих представителей евангелической церкви. По информации Гальдера, списки лиц, подлежащих репрессиям, уже переданы в Лигу Наций и известны «в широких кругах» населения Баварии. «Ведется поиск путей поставить фюрера и канцлера в известность об этих пла-

нах, которые он, конечно, не одобрит, и средства защитить людей, находящихся под угрозой. Эти вещи доходят и до гарнизонных старост, на которых возлагается последняя надежда. Если нет никакого сомнения в том, что армию следует удержать от участия в этом церковном конфликте, то все же развитие событий может очень быстро привести к границе, где вместо внутрицерковных вопросов на карту будет поставлен авторитет государства и тем самым будет затронут круг обязанностей начальников округов (например, гарнизонные старосты). Эта возможность должна учитываться командованием сухопутных сил и подчиненными штабами». Но Гальдер был готов выполнить приказ Рейхенау: «Никакой поддержки преследуемым, если они будут искать убежища в войсках». На все подобные просьбы он отвечал отказом: «На все обращения ко мне запросы о подготовке мер по защите руководителей церкви я отвечал ссылкой на то, что это — за исключением чрезвычайного военного положения — находится вне круга задач сухопутных войск, и советовал обратиться к господину имперскому наместнику». Несмотря на все происходящее, продолжал генерал, «войска не затронуты политической напряженностью. Доверие обеспокоенных кругов к армии — неограниченное. Признание себя сторонником христианства, выраженное в указах министра рейхсвера и в отправлении войсковых богослужений, встречает всеобщее уважение», — докладывал он Адаму¹¹⁶.

Несколько ранее католическая и протестантская церкви обратились к министру рейхсвера с предложением дать пояснения к новой присяге. Считая слова «перед лицом Господа приношу эту священную присягу» недостаточной гарантией положения церкви в армии, они настаивали на официальном заявлении министра об обязательной «христианской ориентации» командиров и солдат, а также рассчитывали создать препятствия выходу военнослужащих из церкви: «Зачисление на службу диссидентов допускает-

ся только в отдельных случаях, причем следует постоянно обращать внимание на то, чтобы оставалась вне опасности религиозно-нравственная основа солдатского воспитания и товарищества»¹¹⁷.

Восьмого декабря 1934 года Бломберг действительно приказал считать христианское вероисповедание обязательным условием приема в армию, но стоявшее в порядке дня введение всеобщей воинской повинности делало выполнение этого приказа невозможным, и в начале следующего года он был отменен. На совещании офицеров Генерального штаба в феврале 1935 года Рейхенау заявил, что «церковный спор не касается вооруженных сил. Но армия также не является поборником ортодоксальной христианской веры. Вера должна быть очищена от аксессуаров страны возникновения, чтобы быть понятной для нашего народа». Сравнив преследования религии и церкви нацистами с Реформацией, Рейхенау фактически призвал поддержать гонения: «Солдат присягает Богу и не связан с *определённым* (курсив наш. — А.Е.) христианским вероисповеданием»¹¹⁸. Следовательно, позиция военного министерства в церковных вопросах развивалась в общем русле сотрудничества с гитлеровским режимом. Теперь военное духовенство могло в лучшем случае рассчитывать на поддержку отдельных командиров, но не на официальную помощь вооруженных сил.

Вскоре в публикациях министерства рейхсвера, предназначенных для офицеров, появились рассуждения о том, что «религия... не имеет ничего общего с церковными и конфессиональными формами. Ей не нужны такие внешние доказательства, как посещение церкви или регулярные молитвы... Настоящий солдат немислим без мужской веры в Бога. Поэтому солдат приносит свою присягу «перед лицом Господа» как «священную» присягу. «Обязанности немецкого солдата» призывают его как «образец мужской силы» быть «богобоязненным». Решение о виде своей веры в Бога солдат и офицер должен принимать на-

едине со своей совестью, поэтому он не подлежит никакому конфессиональному принуждению к вере и никакому выведыванию его религиозных убеждений. Он должен уважать честные религиозные убеждения других и гнать от себя конфессиональное недоверие, личные подозрения и непочтительные насмешки»¹¹⁹.

В конце февраля 1935 года приказом Гитлера богослужения были введены в третьей составной части вооруженных сил — люфтваффе. По «соображениям бережливости и целесообразности» военнослужащие ВВС «включались» в существующие религиозные общины ВМФ и сухопутных войск. Специальные военные церкви для летчиков, зенитчиков и связистов люфтваффе учреждались только в отдаленных гарнизонах. На совещании представителей отдела военного духовенства ОКХ и министерства воздушного транспорта, проводившемся в сентябре 1938 года, было принято решение о том, что и в случае войны должности военных священников в люфтваффе учреждаться не будут, на тыловых аэродромах и во фронтовых частях будут проводить службы гарнизонные пасторы сухопутных войск. Источники позволяют сделать вывод о том, что поначалу в люфтваффе, офицерский корпус которых комплектовался за счет кадров сухопутных войск, подавляющее большинство офицеров, пожалуй, за исключением Геринга, были сторонниками деятельности военного духовенства. Так, по сообщению одного из окружных пасторов, командующий одного из военно-воздушных гау прямо-таки настаивал на том, чтобы тот лично посетил все гарнизоны и организовал в них деятельность священников¹²⁰.

Введение всеобщей воинской повинности 16 марта 1935 года заставило Бломберга стать еще более веротерпимым. Он отменил специальные увольнительные, дававшиеся солдатам для отправления религиозных культов, запретил деятельность военнослужащих в качестве церковных служителей в католической церкви (не только во

время пребывания в части, но и в период отпуска домой), участие воинских частей в гражданских богослужениях и вывешивание флагов на служебных зданиях в дни церковных праздников. Было запрещено помещать в прессе уведомления о церковных службах в воинских частях. Наконец, 6 декабря 1935 года военный министр отменил запрет на выход из церкви: «Настоящий солдат немислим без мужской веры в Бога. Солдат должен свободно принимать решение о форме своей веры в Бога в согласии со своей совестью и нести за это ответственность. Поэтому он не подчиняется никакому конфессиональному принуждению к вере»¹²¹. Военный министр не смущался тем, что его директивы почти буквально повторяли слова из статьи 141 Веймарской конституции о свободе вероисповедания в армии.

Между тем 19 сентября 1935 года, после согласования с правительством Германии, была подписана папская грамота, в которой речь шла о задачах и правах католического военного духовенства. В соответствии с содержанием статьи 27 Рейхskonкордата грамота предоставляла католическому полемому епископу право издавать распоряжения, касающиеся всех аспектов религиозной дисциплины военного духовенства и верующих, давать религиозные наставления военнослужащим католического вероисповедания, облегчать для них возможность принятия святых таинств и т.д. Военное духовенство должно было подчиняться не только общим, но и местным церковным правилам по месту своего пребывания. В назначении военных пасторов участвовали местные епископы, которые рекомендовали на эти должности священников, обладающих «испытанными добродетелями», или давали свое заключение по кандидатурам, рекомендованным другими инстанциями¹²².

Протестантская и католическая церкви пытались сохранить свое влияние на прихожан, призываемых в вермахт. Например, в 1935 году в Кельне была издана доволь-

но объемистая — 128 страниц — «Азбука католического христианина». Родителям призывников предлагалось купить ее за 1 марку и преподнести как «прощальный подарок» своим сыновьям. В 1936 году пасторам Кельнской епархии было указано на то, что официальную «Книгу католических военных молитв и песен» следует выдавать военнообязанным еще в родной общине, а тем, «у кого нет денег», предоставлять ее «за счет благотворительных средств». С 1935 года католическая церковь проводила специальные службы для призывников и их родителей, призванные укрепить религиозные чувства юношей и дать им силы «для защиты от антирелигиозных лозунгов», распространенных в армии. Эта активность церкви не осталась без внимания репрессивных органов режима. Прусское гестапо уже в октябре 1935 года сообщало Бломбергу и министру по делам церкви Керрлю о том, что «католическая церковь пытается во все более сильной мере охватить военнообязанных, которых старается собрать для упражнений еще до начала службы. Они предназначены для того, чтобы военнообязанные в течение срока своей службы не потеряли связь с католической церковью и оставались под ее влиянием. При этих обстоятельствах возникают опасения в том, что пасторы сухопутных войск предложат свои услуги для этого крайне одностороннего влияния». Керрль распорядился о том, чтобы подобные упражнения проводились только под контролем военных учреждений, а Бломберг допустил к руководству такими богослужениями только военных пасторов. Однако принятые политическим и военным руководством рейха меры не принесли желаемых результатов. В докладе Главного управления имперской безопасности (РСХА) за 1938 год, адресованном Гиммлеру, говорилось: «Насколько активно церковь старается оказывать свое влияние на членов национал-социалистических организаций и военнослужащих вермахта, показывают упражнения и дни открытых дверей для призывников вермахта и Службы труда, проводившиеся в

этом году с большей интенсивностью, чем прежде. Реклама в церковной прессе... имела такой успех, что некоторые помещения оказались слишком тесными для неожиданно большого количества участников и пришлось организовать параллельные и дополнительные курсы»¹²³.

Насколько вермахт был заинтересован в том, чтобы представить свои отношения с нацистами как «характеризующиеся взаимным доверием и общей созидательной волей», показывает стенограмма совещания офицеров Генерального штаба 15 октября 1936 года. Участникам было заявлено, что вооруженные силы должны проникнуться нацистским духом и оказывать всемерную поддержку НСДАП — политической и мировоззренческой основе немецкого государства. В этой связи «вермахт занимает нейтральную позицию во всех вопросах, касающихся религии, религиозных воззрений и веры. В любых обстоятельствах следует избегать возникновения даже видимости того, что вермахт использует свой авторитет в пользу определенного направления или определенного вероисповедания»¹²⁴.

В отличие от военного министра, Фрич все еще пытался выдержать традиционную линию. Он безуспешно добивался от Бломберга признания христианского вероисповедания обязательным условием службы каждого офицера, а на участвовавшие случаи выхода военнослужащих из церкви отреагировал приказом об увольнении в запас офицеров, отказавшихся от веры. В конце мая 1937 года командование сухопутными войсками совместно с военным министерством разработало приказ, являвшийся реакцией на слухи о скорой ликвидации института военного духовенства. Приказ хотя и ухудшал условия деятельности военного духовенства, но должен был сохранить его как таковое. Ценой дальнейшего существования института военного духовенства стало отделение военной церкви от гражданской. Военные руководители Германии учитывали, что именно гражданские пасторы находились под по-

стоянным контролем государственных и партийных инстанций Третьего рейха. Именно они чаще всего давали повод к спорам между вермахтом и НСДАП. Поэтому отныне отправление религиозных культов в войсках гражданскими пасторами ограничивалось, а количество военнослужащих, приходившихся на одного военного пастора, увеличивалось. Специальные пасторы оставались только в крупных гарнизонах, четыре-шесть небольших гарнизонов объединялись в округа, где службы проводил только один пастор. Наконец, вместо отдельных священнослужителей для сухопутных войск, флота и люфтваффе действовали «пасторы вермахта»¹²⁵.

Поскольку теперь следовало зачислить на штатные места 200 протестантских и 150 католических священников, постольку возникла острая нехватка кадров. Теперь Бломберг старался учреждать новые штатные места для военных капелланов, а Рарковский предложил назначать на эти места духовных лиц, «которые доросли до особых требований солдатского богослужения» и кажутся пригодными для этой службы «по своему пасторскому образу жизни, и душевным и прочим качествам»¹²⁶. Однако известно, что кадровая проблема так и не была решена до начала Второй мировой войны: в феврале 1939 года католический культ в вермахте отправляли 215 внештатных гарнизонных пасторов.

Иной способ сохранить военное духовенство нашел начальник общевойскового управления сухопутных войск генерал Фромм. Его меморандум показывает, что автор не понимал ни сути национал-социализма, ни особенностей положения церкви в нацистском государстве. Фромм предложил регулировать посещение военнослужащими церкви приказами, только такие религиозные таинства, как венчание, исповедь и причастие, остаются добровольными. Следовало позаботиться о том, чтобы при выборе текстов, используемых на церковных службах и во время казарменных часов, «учитывался особый национал-социа-

листический настрой немецкой молодежи». Этим шеф АХА надеялся не только смягчить различия между отдельными течениями протестантизма, но и даже различия между протестантизмом и католицизмом. По его мнению, следствием этого стали бы консолидация внутри страны и улучшение внешнеполитического положения Германии. Фромм не ожидал какой-либо инициативы от самой церкви, считая расхождения между «немецкими христианами» и «Исповедальной церковью» (БК), критиковавшей расизм, непреодолимыми. Он полагал, что можно, не улаживая основных политических и теологических противоречий, через единую церковь вермахта прийти к единой национальной церкви: «В стороне от теологических трудностей, конца которым пока не видно, делается тактический позитивный шаг в направлении желаемой единой немецкой государственной церкви. Отсутствие этой церкви в течение четырехсот лет было политической слабостью рейха. Ее становление не только создаст немецкую религию для каждого человека, но и обновленный инструмент власти для государства. Движение к этой церкви может быть планомерно ускорено, если в достойных подходящих случаях официально и при специально подчеркнутым участии руководителей государства будут выступать пасторы вермахта — и только они»¹²⁷. Фромм совершенно упустил из виду, что государственные руководители Третьего рейха одновременно были и руководителями НСДАП, а также то, что подобные действия полностью изолировали бы военную церковь как от католической, так и от протестантской конфессий.

Реакцией на притеснения военного духовенства стал рост религиозности военнослужащих во второй половине 1937 года. Офицеры демонстративно нарушали запрет на посещение гражданских богослужений и участие в церковных процессиях в военной форме. Командиры воинских частей объявляли богослужения обязательными для солдат и унтер-офицеров, приказывали пресекать всякую

антирелигиозную пропаганду и заблаговременно сообщать о намерении выйти из церкви. Офицеры, раньше не отличавшиеся набожностью, приходили в церкви с записными книжками, в которые заносили имена отсутствующих подчиненных. Было распространено убеждение в том, что выход из церкви наносит ущерб воинской дисциплине и что все «новейшие религиозные течения» чужды немецкому народу и выдуманы «так называемой интеллигенцией». В некоторых случаях и высшие военные начальники упорно сопротивлялись антицерковным тенденциям. Так, в секретном распоряжении командования XII армейского корпуса (военного округа), изданном 22 февраля 1937 года, командирам рот было приказано пресекать «недозволенную (антирелигиозную. — А.Е.) пропаганду» и споры по религиозным вопросам. Запрещалось распространение в воинских столовых и других учреждениях досуга произведений, «которые формируют пренебрежительное отношение к христианской религии и поливают грязью заслуженных людей (Гинденбурга)»¹²⁸.

А командир третьего батальона 118-го пехотного полка 22 ноября 1937 года подписал приказ, в котором говорилось: «Обо всех действиях, которые могут нанести вред сплоченности и дисциплине роты, следует немедленно сообщать командиру роты. Например, я больше не желаю получать от гарнизонного пастора сообщений о том, что тот или иной военнослужащий такой-то роты вышел из церкви, не посчитав нужным сообщить о своих намерениях ротному командиру... Хотя выход из церкви и не запрещен, он представляет постоянную опасность для дисциплины. Поэтому с точки зрения солдата его следует отвергать. Солдату нужна христианская церковь, чтобы обрести душевное равновесие в серьезном положении. Все великие немцы были религиозны... Я прошу господ командиров рот не менее одного раза в месяц настоятельно указывать своим подчиненным на значение выхода из церкви и

всеми средствами пресекать подобную пропаганду, в том числе устную»¹²⁹.

В XII военном округе в июле-августе 1938 года дело дошло до конфликта между командующим округом генералом пехоты Вальтером Шротом и баденским гауляйтером Робертом Вагнером. Вагнер получил от одного из крайсляйтеров сообщение о том, что солдатам 110-го пехотного полка приказывают посещать церковные службы. Шрот был возмущен тем, что гауляйтер отреагировал на анонимный донос, но приказал осторожно провести проверку в полку. Вагнеру он направил письмо, в котором изложил свою принципиальную позицию: «Обвинения одной государственной организации другой организацией без указания на свидетелей несостоятельны. Не может быть защиты анонимности в государственных органах... Терпимость к анонимным сообщениям из воинских частей или их поощрение были бы роковыми не только для вермахта. Следствием был бы рост неконтролируемого доношительства, подрыв авторитета и дисциплины и, наконец, подрыв доверия между военными учреждениями и партией. Единственный допустимый путь для настоящего солдата — жалоба по инстанции». Шрот сожалел о том, что не может наказать доносчика, и напомнил Вагнеру о распоряжениях заместителя фюрера Гесса, запрещавших членам партии делать анонимные доносы и призывавших к взаимной откровенности и доверию¹³⁰.

В самой острой форме сопротивление притеснениям церкви выразилось в меморандуме протестантского военного духовенства, подготовленном в ноябре-декабре 1937 года и предназначенном для передачи Гитлеру. Авторы резко высказались против антирелигиозной пропаганды нацистов: «Партия и государство сегодня борются не только с церквями. Они борются с христианством... Положение стало совершенно нетерпимым». Этот документ был опубликован за границей и значительно подмочил репутацию гитлеровского режима¹³¹.

Однако когда в начале августа 1938 года Борман сообщил Гитлеру о том, что многие военнослужащие сухопутных войск и ВМФ активно посещают церкви, фюрер отверг всякое вмешательство и пустился в рассуждения о планах создания «немецкой имперской церкви». В соответствии с дневниковыми записями адъютанта Гитлера от сухопутных войск майора Герхарда Энгеля рейхсканцлер заявил, что «еще не пришло время вмешиваться, но это время придет. Сейчас у него слишком много других проблем»¹³².

В то же время антицерковная позиция НСДАП встречала в войсках не только неприятие, но и понимание. В воинских частях имели место случаи оскорбления религиозных чувств верующих, а некоторые генералы открыто встали на сторону нацизма. Пожалуй, наиболее показательным является пример командующего IX армейского корпуса генерала артиллерии Фридриха Дольмана. Будучи католиком, он не стеснялся требовать от подчиненных ему католических капелланов позитивного отношения к гитлеровскому режиму: «Клятва, которую солдат приносит фюреру и верховному главнокомандующему вермахта, обязывает его жертвовать своей жизнью ради национал-социализма и нового рейха... Никаких сомнений не должно проистекать из ваших отношений к национал-социализму. Вермахт, один из столпов национал-социалистского государства, требует от вас, полевых священников, чистой и откровенной признательности фюреру, рейху и народу»¹³³.

Понимая, что офицерский корпус вермахта находится на грани раскола по религиозным вопросам, военный министр в июне 1937 года подписал специальный приказ, который призывал к религиозной терпимости и уважению религиозных чувств инакомыслящих: «Сегодня существуют различные религиозные воззрения. Вермахт как сообщество, служащее всему немецкому народу, не оказывает на своих военнослужащих никакого принуждения к вере.

Поэтому вермахт должен потребовать от каждого из своих военнослужащих полного уважения к религиозным чувствам инакомыслящих. Тот, кто меньше уважает другого человека из-за его веры или ставит его в невыгодное положение, нарушает законы товарищества, справедливости и внепартийности. В точности так же нельзя меньше уважать или ставить в невыгодное положение тех, кто меняет свое вероисповедание, даже если эта смена связана с выходом из церкви. Я запрещаю обсуждение спорных религиозных вопросов в вермахте, так как оно создает опасность для дисциплины и боеготовности. Участие солдат в военных церковных службах является добровольным. Командирование солдат запрещено. Добровольных прихожан следует направлять на службы группами. Женатым солдатам по-прежнему разрешено посещать церковные службы вместе со своими семьями. Военные праздники с религиозным освящением, например в военные годовщины при освящении памятников и т.д., являются служебными мероприятиями»¹³⁴.

После смещения Бломберга и Фрича положение военного духовенства и возможности отправления религиозных обрядов верующими военнослужащими продолжали ухудшаться. Приказ шефа ОКВ Вильгельма Кейтеля от 1 мая 1938 года гласил: «Принцип крайней сдержанности в религиозных вопросах исключает любое участие военнослужащих в процессиях в служебное время... Солдаты должны... двигаться отдельно от процессий. Участвующие в процессии или наблюдающие за ней солдаты не должны объединяться в группы». В ноябре ОКВ запретило участие войсковых частей в гражданских церковных церемониях, а с 30 марта 1939 года тексты выступлений военных капелланов перед гражданскими лицами должны были согласовываться с непосредственным военным начальником, а не с полевым епископом¹³⁵.

Однако военное руководство рейха стремилось сохранить христианскую традицию в вооруженных силах. В кон-

це августа 1939 года общевойсковое управление ОКХ без согласования с католическим и протестантским военными епископами разработало и распространило по всем военным учреждениям и воинским частям «Памятку о деятельности полевых военных пасторов», которая отражала прагматическое отношение ее составителей к религии и одновременно стремление найти компромисс с НСДАП. В документе подчеркивались как нейтралитет армии в религиозных вопросах, так и необходимость продолжения деятельности военного духовенства, которое призвано поддерживать боеспособность войск¹³⁶.

Следовательно, военная церковь в 1933—1939 гг. действовала в постоянно ухудшающихся условиях: молодые офицеры часто были равнодушны к религии, антицерковная деятельность НСДАП и ее подразделений на местах набирала обороты, у солдат и офицеров из-за постоянных учений не хватало времени на общение со священнослужителями и посещение религиозных церемоний, в новых гарнизонах не всегда были военные пасторы. Попытки самой церкви, а также военного командования решить проблему идейной сплоченности войск на основе компромисса с национал-социализмом были обречены на провал, поскольку германский фашизм претендовал на тотальный контроль над мировоззрением людей. Офицерский корпус столкнулся с еще одной стороной проблемы сохранения сплоченности войск, и здесь также не было найдено удовлетворительного решения — во-первых, армия раскололась и по религиозным вопросам, во-вторых, военнослужащие вермахта в годы Второй мировой войны стали активными соучастниками преступлений, несовместимых с христианским мировоззрением.

Глава 4

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

РОЛЬ ВОЕННОГО РУКОВОДСТВА В РЕВИЗИИ ВЕРСАЛЬСКОГО ДОГОВОРА (1933—1937 гг.)

Наши соседи могли в любую минуту... продиктовать нам свои условия! Армия не имела ни полного комплекта вооружения, ни танковых войск и тяжелой артиллерии; военно-морской флот никакой серьезной роли не играл, а люфтваффе пока находилась в процессе мучительных родов. Любая иностранная интервенция оказалась бы для противника детской игрой.

Генерал-фельдмаршал В. Кейтель¹

Одной из причин сотрудничества рейхсвера и нацистского фюрера в 30-е гг. было сходство их внешнеполитических программ. Как офицерский корпус, так и Гитлер стремились разрушить версальские ограничения, восстановить всеобщую воинскую повинность и превратить Германию в великую державу. Новый рейхсканцлер не афишировал, что эти требования были только частью его «поэтапного плана» на пути к главной цели — мировому господству. Однако разногласия между ним и частью офицерского корпуса по вопросам внешней политики постепенно нарастали и явились одной из причин образования в вермахте заговорщических групп, которые приступили к подготовке государственного переворота². Эта перемена в настроениях некоторых офицеров произошла в 1938 году, когда диктатор перешел от ревизии Версаля к агрессии в Европе. На первом же, «ревизионистском» этапе гитлеровской внешней политики Бломберг, Фрич и Бек часто

сами подталкивали Гитлера на рискованные шаги и пренебрегали международными осложнениями ради создания оснащенной по последнему слову техники современной массовой армии. Основой сотрудничества генералов с фюрером в этой области стала программа, разработанная самим рейхсвером.

В «эру Секта» (1920—1926) в Германии не велось никакой систематической подготовки к мобилизации, потому что строгий контроль победителей делал ее невозможной. Специалисты рейхсвера подсчитали, что в 1927 году всего накопленного снаряжения и боеприпасов хватило бы только на один день боев. С целью улучшить эту катастрофическую ситуацию 29 сентября 1928 года была утверждена первая программа вооружения, которая предусматривала оснащение снаряжением и боеприпасами армии в составе 16 дивизий (армии «А») к 1932 году. На эти цели предполагалось израсходовать 350 млн марок. Бюджет вооруженных сил в 1928 году составлял 726,5 млн марок (8,6% всего государственного бюджета), поэтому сумма в 70 млн марок, которые предполагалось ежегодно инвестировать в вооруженные силы, казалась сравнительно незначительной. В основу расчетов был положен конфликт Германии с Польшей без вмешательства западных держав³.

Уже весной 1932 года командование сухопутными войсками, министр рейхсвера и имперский кабинет одобрили вторую программу вооружений. В соответствии с ней в период с 1 апреля 1933-го по 31 марта 1938 года планировалось израсходовать 400 млн марок (по 80 млн марок в год) на обеспечение оружием, снаряжением и боеприпасами, а также необходимыми запасами на срок 6 недель полевую армию в составе 21 дивизии, достаточную для ведения войны на два и даже три фронта. Хотя центр тяжести этой программы находился в области боеприпасов и производственной подготовки жизненно важных областей снабжения, уже было запланировано производство некоторого количества танков и самолетов. К 1 октября 1932 года в

рейхсвер было зачислено большее количество кандидатов в офицеры, а продолжительность обязательной службы для вновь принимаемых солдат вопреки статьям Версальского договора была сокращена с 12 до 3 лет. Предусматривалось, что «новая армия мирного времени» будет образована из существующей профессиональной армии и «милиции», причем профессиональную армию следовало в течение пяти лет поэтапно увеличить со 100 до 144 тысяч человек. Кроме того, с 1 апреля 1934 года предполагалось ежегодно проводить трехмесячное обучение 85 тысяч резервистов, что позволило бы Германии весной 1938 года выставить 570-тысячную полевую армию⁴.

Гитлер понимал, что воссоздание массовой армии возможно только в сотрудничестве с опытными специалистами, и в апреле 1933 года распорядился о реализации этой программы, а также предоставил рейхсверу независимость от бюджетного контроля. Это означало, что наращивание военной мощи будет производиться под руководством офицерского корпуса, а не новой партийной элиты. Превращение рейхсвера из инструмента обороны страны в инструмент агрессии не затрагивало существа программы вооружения, а только ускоряло ее реализацию. Планы военного руководства рейха на 1933 год предусматривали первоочередное формирование зенитных, артиллерийских подразделений и частей связи, что увеличивало численность сухопутных войск на 14 тысяч человек. Для ежегодного набора 85 тысяч солдат в каждом из семи военных округов учреждались по три специальных управления. Наконец, планировалось создание пограничных учебных батальонов, которые во взаимодействии с учебными подразделениями отдельных родов войск в ходе двухнедельных курсов должны были подготовить сотни тысяч добровольцев для подразделений пограничной стражи⁵.

Воссоздание массовой армии сблизило офицерский корпус и фюрера и одновременно способствовало нарастанию разногласий военного руководства с естественны-

ми союзниками рейхсвера — представителями консервативных элит в министерстве иностранных дел. В то время как некоторые генералы настороженно относились к идее форсированного строительства вермахта по кадровым соображениям, они, в отличие от чиновников МИДа, были готовы пренебречь международными последствиями несанкционированного вооружения. Напротив, прогнозы немецких дипломатических работников были далеки от оптимизма. Так, в меморандуме статс-секретаря МИДа Бернхарда фон Бюлова, направленном министру иностранных дел 13 марта 1933 года, говорилось: «Ввиду возрастающего значения военной техники наша военная слабость такова, что мы не намереваемся когда-либо в обозримое время восстанавливать паритет с Францией на пути гонки вооружений. При наших ограниченных денежных источниках и технических трудностях построения вооруженных сил нам понадобится около пяти лет, чтобы достичь военного равновесия с Польшей. К этому добавляется необходимость проводить немецкое вооружение сравнительно медленно и по возможности незаметно, чтобы избежать вмешательства, превентивных акций и внешнеполитических потрясений. Это касается армии, военно-морского флота и полиции, но особенно — военно-воздушных сил, которым зарубежные страны придают исключительное значение». Бюлов считал, что ревизия версальских военных ограничений «чревата опасностью тотальной неудачи». Столь негативная оценка шансов Германии строилась на основании анализа финансового, торгового и внешнеполитического положения страны. Статс-секретарь призывал отказаться от заключения союзов с другими странами, которые поставят рейх в подчиненное положение, и рекомендовал действовать в одиночку, поддерживать хорошие отношения с Антантой, успокаивать Францию, сохранять дружеские отношения с Венгрией, Литвой и Советским Союзом. «Мы не можем позволить себе потерять русское тыловое прикрытие против Поль-

ши. Особое значение при этом имеют наши хорошие отношения с русской армией», — подчеркивалось в меморандуме. Напротив, полагал Бюлов, достижение взаимопонимания с Польшей «невозможно и нежелательно»: «Мы должны сохранить известную меру германо-польской напряженности, чтобы заинтересовать остальной мир в наших ревизионистских требованиях и подавить Польшу политически и экономически». Особое значение придавалось дальнейшему участию страны в Лиге Наций, выход из которой значительно затруднил бы вооружение Германии⁶.

Неоправданный риск несанкционированного вооружения и смены внешнеполитических приоритетов осознавали и некоторые трезво мыслящие представители офицерского корпуса. В эти же дни начальник Войскового ведомства генерал-лейтенант Адам составил специальный меморандум о военном положении, в котором говорилось, что «сейчас мы не можем вести никакой войны. Мы должны сделать все, чтобы избежать ее, даже ценой политических поражений. Мы должны уберечься от фанфар, которые напрасно раздражают врага и опьяняют наш собственный народ. Упорной, терпеливой и осторожной работой мы должны укреплять нашу обороноспособность и готовить народ к часу испытаний. Но даже если мы сделаем все, чтобы избежать войны, и не дадим врагу никакого повода к ней, мы не сможем избежать превентивной войны, если другие пожелают ее начать. Составлять планы операций и развертывания войск на этот случай не имеет смысла»⁷.

Начальник военно-экономического управления генерал-майор Томас по возвращении из Советского Союза попытался убедить Гитлера в необходимости поддержания отношений с Москвой. В ответ рейхсканцлер заявил, что Россия способна только создавать «потемкинские деревни» и всегда будет разрушительной силой. Было отвергнуто и пожелание Томаса об укреплении торговых отношений с Китаем. Гитлер заявил, что его интересует только

«реальная политика», основанная на представлениях о конфликтах между славянами и германцами в былые времена. Славяне были врагами, а Великобритания, Италия и Япония — союзниками⁸.

Бюлов, Адам, Томас и их единомышленники оказались в меньшинстве. Когда в сентябре было прекращено военное сотрудничество Германии с Советским Союзом, решающую роль в этом сыграли не идеология Гитлера, а мнение министерства рейхсвера о том, что тайная разработка оружия за границей больше не является эффективной. Кроме того, под давлением военных рейхсканцлер принял внезапное решение о срыве Женевской конференции по разоружению и выходе из Лиги Наций⁹. Военное руководство сознательно шло на риск потерять все ради достижения военного равноправия, не уступая в авантюризме новому канцлеру. Бломберг опасался, что выход из Лиги Наций и отказ от участия в переговорах по разоружению могут привести к военным санкциям держав-победительниц. Предполагалось, что участвовать в военных действиях против Третьего рейха могут Франция, Польша, Бельгия и Чехословакия. Министр рейхсвера приказал «организовать локальное сопротивление всяким вражеским действиям... даже если шансы на военный успех невелики», и не исключал нарушений Версальского договора, предусмотрев ввод немецких войск в демилитаризованную Рейнскую зону и применение бомбардировочной авиации¹⁰.

В то же время сопряженный с риском войны выход из Лиги Наций давал рейху только потенциальную свободу вооружения. Поэтому Гитлер в сотрудничестве с Бломбергом, которого он не посвящал в свои действительные намерения, в октябре-ноябре предложил Великобритании и Франции взаимное ограничение вооружений и попытался добиться их согласия на формирование 300-тысячной германской армии мирного времени. Фюрер давал понять, что вооружение рейха уже началось, но провал Германией

Женевской конференции не является началом неконтролируемой милитаризации. Франко-германские переговоры в апреле 1934 года закончились безрезультатно, англо-германские переговоры завершились в следующем году заключением воздушного пакта и военно-морского соглашения¹¹.

В декабре 1933 года Гитлер принял решение об увеличении сухопутной армии втрое — с 7 до 21 дивизии (300 тысяч человек) в течение пяти лет. По мнению фюрера и рейхсверовских генералов, сформированная на ее основе армия военного времени была бы в состоянии отразить интервенцию других держав, в первую очередь участниц Версальского и Локарнского договоров. Бек писал: «Наше военно-политическое положение требует *быстрого* устранения состояния полной незащитности. Нападение должно стать для наших соседей риском». С его легкой руки в официальных документах 300-тысячное войско стали называть «армией риска». Начальник Войскового ведомства рассчитал, что для обороны границ рейха «с некоторыми шансами на успех» будет достаточно 33 полевых дивизий и 30 дивизий ополчения — ландвера. Создать такую армию было можно только на основе всеобщей воинской повинности, восстановить которую Бек предложил с 1 октября следующего, 1934 года. Предложение начальника управления общих дел сухопутных войск полковника Фридриха Фромма о формировании «армии риска» уже в 1935 году было отвергнуто Бекем, опасавшимся понижения боеспособности наскоро сколоченной, но необученной армии¹².

Флот и авиация весной-летом 1934 года также наращивали свою мощь, их руководство поставило цель добиться паритета с соседями на континенте, который рассматривался как предпосылка для создания в будущем наступательных вооруженных сил. В течение нескольких лет ВМФ должен был произвести замену устаревших кораблей новыми, получив 8 броненосцев, 18 крейсеров, 48 эс-

минцев, 3 авианосца и 72 подводные лодки, а люфтваффе начала реализовывать программу строительства 17 015 самолетов¹³.

МИД продолжал настаивать на осторожности в политике ревизии Версаля. После провала нацистского путча в Австрии в июле 1934 года Бюлов попытался согласовать с рейхсвером позицию по вопросам вооружения. Он убеждал Бека в том, что зарубежные страны располагают точной информацией о вооружении Германии, доверие к Гитлеру и Бломбергу поколеблено, а Герингу за границей не верят совсем. «Наше внешнеполитическое положение безнадёжно, — доказывал Бюлов. — На карту поставлено все, в особенности все вооружение. Все достигнутое с большими затратами времени и труда потеряно. Все державы, которых это касается, против нас». Статс-секретарь полагал, что существовало два варианта дальнейших действий: пассивно дожидаться насильственных мер великих держав и Польши и проиграть борьбу, или уступить без боя. «В обоих случаях Третий рейх в большой опасности», — считал он. Через полгода Бюлов повторно попытался сдерживать рискованную гонку вооружений и убедить Бека «не переусердствовать», поскольку оздоровление экономики и укрепление финансов Германии не смогут идти в ногу с вооружением. «В конце концов, мы хорошо вооружимся, но окажемся неспособными к обороне и нападению, потому что для любой войны нужны союзники, а мы из-за чрезмерного вооружения создадим вокруг себя коалицию противников». Бек настаивал на изменении статуса Рейнской зоны, аргументы Бюлова, что это лишит Германию защиты Локарнского договора и сблизит бельгийцев с французами, его не переубедили. Он соглашался с тем, что пока рейхсвер не закончил вооружение, нельзя допускать никаких провокаций, подобных путчу в Австрии. Но в то же время начальник Войскового ведомства требовал от МИДа создать дипломатическое прикрытие для вооружения, подчинить внешнюю политику интересам рейхсвера¹⁴.

Аналитикам Войскового ведомства внешнеполитическое положение Германии представлялось не столь угрожающим. В сентябре 1934 года начальник отдела «Иностранные армии» (Т—3) полковник Карл Генрих фон Штюльпнагель докладывал Фричу и Беку, что при оценке текущего внешнеполитического положения страны главным является вопрос о том, «пожелают или нет партнеры по «версальскому диктату» насильственными мерами помешать вооружению Германии». Даже для Франции — главного антагониста рейха — решение о начале вооруженного конфликта будет трудным, как показывает ее пассивность при выходе Германии из Лиги Наций и во время нацистского путча в Австрии. Французы использовали действия немецкого правительства «только для того, чтобы потребовать от народа еще большего вооружения и надеются спокойно дождаться краха немецкой правительственной системы. После того как эта надежда оказалась ложной, соответствующие ожидания касаются будущего экономического упадка... Все поведение Франции показывает, что ее руководители, как и французский народ, настолько высоко оценивают потребность всего мира в мире, что одного только прежнего уровня вооружения Германии недостаточно для оправдания войны», — полагал Штюльпнагель. Великобритания не готова одобрить военные санкции Франции, «заботы Англии состоят не в том, располагает ли Германия несколькими сотнями тысяч солдат больше. Но когда ей покажется, что немецкие военно-воздушные силы обретают размеры, вызывающие в Англии опасения, немедленно с французской помощью последует изменение этой политической позиции». Великобритания будет и впредь укреплять свое положение мировой державы с помощью старого союзника — Франции и не пойдет более опасным путем приобретения нового союзника в лице Германии, более того, Англия, если ей представится удобный случай, не откажется от своевременного подавления будущего соперника. «То же самое

относится к России, — продолжал Штюльпнагель. — Цель Франции достигнута и здесь. Россия стала еще одним союзником Франции в качестве постоянного члена Совета Лиги Наций. Далее, Россия исключена как поставщик сырья для Германии, а новое сближение между Россией и Германией в обозримое время невозможно. Большого Франция и не требует... Впрочем, не следует упускать из виду, что взоры России по-прежнему направлены на Дальний Восток».

Однако французские успехи в Италии представлялись начальнику отдела «Иностранные армии» куда скромнее. Хотя нацистский мятеж в Австрии способствовал франко-итальянскому сближению, но Италия не может рассчитывать на что-то большее, чем незначительные колониальные приращения, поскольку Франция не пожертвует Югославией, что означало бы распад Малой Антанты, и не пойдет на паритет в морских вооружениях на Средиземном море. Значит, Италия снова задумается об антифранцузском союзе с Германией. «Бельгия тоже больше не относится к государствам, на которые Франция, безусловно, может рассчитывать. Если когда-либо представится возможность, то она попытается остаться нейтральной». Наконец, Штюльпнагель предлагал «с некоторой вероятностью» считаться с тем, что участие в действиях западных держав против Германии может принять и Польша. Он пришел к выводу о том, что «ни одно из влиятельных государств не желает поддерживать усиление Германии, но ряд крупных государств примирились с ним. К ним относятся Польша и — несмотря на все разногласия — Италия. Англию тоже можно было бы причислить к ним, если бы удалось рассеять ее опасения по поводу немецких воздушных вооружений. Тогда Франция, в конце концов, оказалась бы в изоляции, и именно этой ситуации Франция пытается избежать. Если же это случится, то Франция не сможет предпринять против Германии ничего серьезного». Штюльпнагель предлагал поддерживать дружест-

венные отношения с Польшей, добиваться улучшения отношений с Италией и рассеять опасения Великобритании, причем «об отказе от всякого дальнейшего развития воздушных вооружений не может быть и речи, в Англии это было бы воспринято только как признак слабости», нужно только «вбить клин между общественным мнением и взглядами правительства». Если же эти намерения реализовать не удастся, считал полковник, то мир можно сохранить, избегая любых агрессивных действий со стороны Германии. «События последнего года показали, как велика потребность в покое во всем мире и как переплетаются интересы соседних государств. Оба эти фактора — самые крепкие опоры немецкой политики»¹⁵.

В действительности начатое по инициативе военного руководства одностороннее вооружение значительно ухудшило внешнеполитическое положение Германии. Осенью 1934 года в Лондоне и Париже вышла книга секретаря английской Лиги демократического контроля Дороти Вудман, в которой убедительно доказывалось, что Третий рейх тайно воссоздает массовую армию для новой мировой войны. Появление книги было отмечено всей европейской печатью и произвело на общественность западных стран впечатление разорвавшейся бомбы¹⁶. Франция и Великобритания заявили о своей готовности ответить политическими и военными средствами на немецкий вызов. Париж намечал модернизацию и увеличение своих вооруженных сил, пытался расширить свою восточноевропейскую систему союзов и привлечь Советский Союз в антигерманскую коалицию. Особое беспокойство в западных столицах вызывала разведывательная информация о воздушных вооружениях Германии. Двадцать шестого февраля 1935 года люфтваффе были объявлены третьей составной частью немецких вооруженных сил, а после того, как 4 марта британская Палата общин предложила увеличить расходы на оборону, рейх официально заявил, что уже располагает собственными военно-воздушными силами¹⁷.

В это же время Войсковое ведомство рекомендовало германской делегации на конференции по разоружению добиваться соглашения, «которое гарантирует *безопасность* нашего жизненного пространства». Указав на увеличение вооружений зарубежных стран за последний год, немецкие представители должны были потребовать «*неограниченного принципиального признания немецкого равноправия*». «При этом не нужно особо доказывать, что это равноправие не должно ограничиваться только определенной численностью, а охватывать все вопросы организации, вооружения, воинской повинности, срока службы и подготовки кадровых и материальных резервов, то есть Германия должна иметь полную свободу организации в рамках достигнутой численности армии», — считали в Войсковом ведомстве. Делегации предстояло добиваться отмены ограничений на строительство укреплений, ремилитаризации Рейнской зоны и разрешения на подготовительные мобилизационные мероприятия. Соглашение, минимальный срок действия которого должен был составлять 5 лет, разрешало бы рейху создать такую армию мирного времени, из которой в случае войны можно сформировать вооруженные силы, достаточные для обороны от возможного нападения на суше. В качестве вероятных противников Войсковое ведомство рассматривало Францию, Чехословакию, Бельгию и Польшу. Предполагалось, что другие страны будут соблюдать нейтралитет. По расчетам генералов, эти вероятные противники в случае войны будут располагать 170 пехотными и 14 кавалерийскими дивизиями. Для успешной обороны немцам, как полагали генштабисты, была необходима армия мирного времени, состоящая из 63 дивизий (38 на Западе и 25 на Востоке), а при условии сохранения Рейнской демилитаризованной зоны — 73 дивизий. По существу это означало бы полное восстановление военного равноправия Германии. Если накануне Первой мировой войны она имела 1,8 млн солдат, то реа-

лизация предложений Войскового ведомства дала бы Гитлеру армию в 1,45 млн человек¹⁸.

Гитлер не стал дожидаться результатов конференции и 16 марта 1935 года, в день ратификации французской Палатой депутатов закона о продлении срока службы призывников с полутора до двух лет, издал распоряжение о восстановлении всеобщей воинской повинности. Сухопутные войска должны были состоять из 36 дивизий, объединенных в 12 корпусов¹⁹. По словам Джона Уиллер-Беннета, «это был надгробный камень немецкого разоружения. Время дипломатических уловок и обмана миновало. Германия восстановила военный суверенитет, и с этого момента речь шла не о равенстве, а о превосходстве». Гитлер принял это решение, не посоветовавшись ни с руководством рейхсвера, ни с командованием сухопутных войск. Министр рейхсвера был поставлен в известность о намерениях фюрера только 14 марта. На заседании кабинета министров, проводившемся на следующий день, Бломберг отмалчивался, и только «гражданские» министры одобрили предложение Гитлера. Командующие военных округов узнали о восстановлении всеобщей воинской повинности по радио²⁰. Следует подчеркнуть, что первая негативная реакция офицерского корпуса была связана только с внезапностью гитлеровского решения. Целесообразность этой меры как таковой никогда под сомнение не ставилась. Во-первых, немецкая военная традиция со времен Шарнхорста придавала всеобщей воинской повинности самостоятельное нравственное значение: оборона национального государства силами самой нации одобрялась и широкими слоями населения. Во-вторых, за полгода до того военным специалистам стало ясно, что увеличивать армию на основе добровольного найма больше невозможно.

Восстановление всеобщей воинской повинности прервало англо-германский диалог. Великобритания, Франция и Италия, к которым присоединились малые страны Европы, выразили свой протест, одновременно дав по-

нять, что переговоры о вооружениях, коллективной безопасности и оживлении Лиги Наций не должны прерываться из-за односторонних шагов Германии, вооруженные силы которой к этому моменту уже насчитывали 280 тысяч человек. На конференции в Стресе в апреле 1935 года великие державы повторно осудили действия Гитлера, но предложили рейху вернуться в Женеву для продолжения переговоров о Восточном пакте, Дунайском пакте и разоружении.

Конференция в Стресе и протест Лиги Наций, также обнародованный в апреле, мало обеспокоили рейхсканцлера. Фрич и ОКХ, напротив, воспринимали положение очень серьезно. Прогноз отдела «Иностранные армии» подтверждал худшие опасения. «Вооруженный конфликт в ближайшее время застанет Германию в положении, которое во многом хуже, чем в 1914 году», — писал Штюльпнагель. Он сравнивал финансовую и экономическую ситуацию страны с положением Германии в конце Первой мировой войны и отмечал, что Франция, защищенная Рейнской зоной, располагает моторизованными силами, через несколько месяцев на немецкой границе она разместит еще 13 дивизий, увеличит гарнизоны и проведет моторизацию 10 дивизий. Даже увеличение армии не позволит рейху быстро преодолеть свою уязвимость на западе. Угрожающе выглядел и перечень сил вероятных противников, которые «ревностно стараются использовать это преимущество перед Германией»: предполагаемый нейтралитет Польши и Великобритании не мог бы спасти Германию в борьбе с вооруженными силами СССР, Франции, Чехословакии, других стран Малой Антанты, Италии и Бельгии. «Это означает, — подводил итог Штюльпнагель, — что 30 немецким дивизиям противостоят около 100 французских, 30 чешских, 70 итальянских дивизий (включая дивизии резерва). На военную помощь мы рассчитывать не можем». В этой ситуации предлагалось «избегать военного конфликта, не предпринимать никаких

провокаций в Австрии и Рейнской зоне, улучшать отношения с Италией» и «предотвратить окружение даже ценой жертв»²¹.

Единственным осязаемым результатом протестов против разрыва Германией Версальского договора стало заключение в мае франко-советско-чехословацкого пакта о взаимной помощи. Именно этот пакт через год стал для Гитлера поводом для ввода войск в Рейнскую область. И здесь первостепенную роль сыграли соображения военной целесообразности. Немецкие историки доказали, что оккупация Рейнской области была предрешена еще программой увеличения вооруженных сил, принятой германскими генералами в декабре 1933 года. Предусмотренная ею армия в составе 63 дивизий была бы боеспособной только в том случае, если будет в наличии соответствующее количество оружия, снаряжения, боеприпасов, а также создан их достаточный запас. Условием боеспособности вооруженных сил была и промышленная база, достаточная для снабжения войск. Именно поэтому в докладе ответственного за материальное оснащение сухопутных войск главы оружейного управления генерал-майора Лизе перед руководством рейхсвера в мае 1934 года был сделан акцент на том, что Рурская область, традиционная кузница оружия, большей частью расположена в демилитаризованной зоне и «в серьезном случае» окажется в крайне опасном положении. Бломберг, хорошо понимая это, еще в ноябре 1933 года нарушил Локарнский договор и отдал приказ о создании усиленной службы пограничного контроля (ФГАД) на западной границе рейха²².

В апреле 1935 года Бек предложил распространить на Рейнскую демилитаризованную зону действие всеобщей воинской повинности. «Решение в этом вопросе должно и может быть принято только ответственным политическим руководством рейха. Дело солдата — примириться с тем или иным решением», — писал начальник Генерального штаба. Одновременно он драматизировал ситуацию, ут-

верждая, что без предлагаемых шагов укомплектовать вермахт будет невозможно²³. В декабре Бек выдвинул идею превращения «армии риска» в «армию наступления», что предполагало активное использование танковых войск. Концепцию самостоятельных танковых соединений, применяемых в оперативных целях, еще в 1929 году разработал Гудериан. На маневрах в июле 1935 года действия танков получили высокую оценку Фрича, и уже 15 октября были сформированы три танковые дивизии (12 батальонов), расположенные в Веймаре, Вюрцбурге и Берлине. Считая, что «стратегическая оборона успешна только тогда, когда она ведется путем наступления», начальник Генерального штаба выступил за увеличение количества танковых и моторизованных частей. Он предложил придать каждому из двенадцати армейских корпусов танковую бригаду в составе четырех батальонов. Формирование этих 48 батальонов Бек предполагал закончить к 1 октября 1939 года, допуская, что кадровые, материальные и технические проблемы могут привести к продлению этой программы до октября 1940 года. Танкам предполагалось придать подвижные пехотные соединения. В меморандуме перед танковыми войсками ставились три главные задачи: поддержка наступления пехоты, защита от танков противника, «самостоятельное оперативное применение в соединениях с другими моторизованными родами войск (в настоящее время — танковая дивизия)». Третьей задаче Бек уделил особенно много места и пришел к выводу о том, что фронтальная атака против равноценного и численно равного противника без содействия танков «вряд ли может принести успех». При «далеко идущих наступательных целях» речь может идти только об использовании танковой дивизии, причем состав существующей танковой дивизии еще надо перепроверить, считал начальник Генерального штаба²⁴.

Ратификация советско-французского пакта о взаимной помощи 27 февраля 1936 года стала для Гитлера поводом к

дальнейшей ревизии Версальского и Локарнского договоров. По словам самого фюрера, он планировал нарушить статус Рейнской зоны только весной 1937 года, но решил использовать благоприятную ситуацию годом раньше. Еще 23 февраля он вызвал для консультаций посла в Италии Ульриха фон Хасселя, которому заявил, что западные державы, видимо, ограничатся экономическими санкциями против Германии. Но диктатор сам признавал, что в пользу отсрочки ввода войск в демилитаризованную зону свидетельствует тот факт, что «Германия в военном отношении еще не готова и в 1937 году будет значительно сильнее. Далее, в будущем вероятен русско-японский конфликт, который разгрузил бы Германию. Но в этом он не уверен, а что касается соотношения военных сил, то и силы других стран, особенно русских, возрастут. Но сейчас Россия жаждет покоя на западе, Англия в военном отношении слаба и накрепко связана другими проблемами, Франция распадается изнутри. В обеих странах сильны противники пакта с русскими, что идет нам на пользу. Он не верит, что на такой шаг Германии будет дан вооруженный ответ, правда, возможны экономические санкции, но их невзлюбили сателлиты великих держав, служащие мальчишками для битвы». Наконец, Гитлер считал, что возможно склонить Муссолини к денонсации Локарнского договора, указав ему на франко-советское сотрудничество. Хасселя эти аргументы не убедили, и он выступил против оккупации Рейнской области, попытавшись заручиться поддержкой Фрича. Генерал, хотя и осознавал опасность гитлеровского плана, не пожелал отговаривать фюрера: «Давайте надеяться, что все пройдет хорошо». Бломберг же покорно довел до войсковых командиров решение Гитлера, прекрасно понимая, что возможность военного столкновения с Францией очень велика²⁵.

Когда Франция действительно отреагировала на оккупацию левого берега Рейна сосредоточением войск вблизи границы, Фрич и Бек убедили военного министра попро-

свить Гитлера отвести назад части вермахта. Диктатор проигнорировал эту просьбу. В эти дни Штюльпнагель писал своему другу, германскому военному атташе в Лондоне барону Лео Гейру фон Швеппенбургу: «Конечно, я ничего не знал о том, что произошло. Но еще несколько недель назад я почувствовал, что в воздухе нависло нечто такое, о чем мы, солдаты, не должны были знать. Я считаю положение очень серьезным. Надеюсь, что удастся начать переговоры, которые затянутся, пока не успокоятся умы. Надеюсь, что дело не дойдет до соответствующих санкций». До санкций западных держав дело действительно не дошло, но нерешительность военного министра бросилась многим офицерам в глаза. «Все сорвалось из-за Бломберга, который действует беспомощно», — отметил Штюльпнагель²⁶.

Историки не без оснований считают, что оккупация Рейнской области была не только внешнеполитической победой фюрера, но и его триумфом над генералами. Они действовали вопреки своей воле, они были пораженцами, а Гитлер доказал, что верно оценивал обстановку. Судить об отношении к фюреру, установившемся с тех пор в войсках, позволяет выдержка из статьи полковника Генерального штаба Германа Фёрча, опубликованной три года спустя: «Именно ввод войск в Рейнскую область завоевал для фюрера сердца всех солдат и увлек с собой всех нерешительных людей. Ведь в этом проявились не только его прозорливость государственного деятеля и политика, но и его солдатское дарование принимать и выполнять необходимые военные решения в нужный момент. Восстановление военного суверенитета над Рейнской областью является исключительно заслугой политика и солдата Адольфа Гитлера. И эти решения принимались и выполнялись последовательно и окончательно установили военный суверенитет Германии. Здесь олицетворяются старые солдатские добродетели: сделать все необходимое и использовать неожиданность как важное средство успеха. Этот

пример военно-политических действий ясно показывает и другое: решения и мероприятия, которые необходимы для безопасности страны, не должны наталкиваться на препятствия в виде парламентских дебатов или межпартийных споров, а должны быть решениями фюрера»²⁷.

С того времени военные специалисты больше не могли уверенно протестовать против других шагов вождя. Ремилиитаризация Рейнской области ознаменовала поворот в отношениях между диктатором и армией: рейхсканцлер утратил остатки своего уважения к генералам, их неспособность понять политические нюансы, недостаток доверия и инициативы, их уныние все больше раздражали его²⁸.

Успех в Рейнской зоне спровоцировал военное руководство на очередное ускорение перевооружения. В августе 1936 года Фрич распорядился об осуществлении нового плана, подготовленного Генеральным штабом. В соответствии с ним армия мирного времени должна была состоять из 36 пехотных дивизий, в том числе 4 моторизованных, 3 танковых дивизий, 3 легких дивизий, горнострелковой дивизии и кавалерийской бригады. Генеральный штаб рассчитал общую численность сухопутных войск, включая невооруженный персонал, в 793 410 человек, в том числе 33 943 офицера. В мобилизационном 1940/41 году должно было в основном завершиться формирование армии военного времени, причем только полевая армия состояла из 72 пехотных, 3 танковых, 3 легких дивизий, 21 дивизии ландвера, а также 7 танковых, одной кавалерийской и 2 горнострелковых бригад. Через четыре года, в 1940 году, Германия смогла бы выставить армию военного времени в составе 102 дивизий (более чем 2,6 млн человек), в то время как отмобилизованное войско Германской империи в 1914 году насчитывало лишь 2,1 млн солдат²⁹.

Динамично развивался и военно-морской флот: в 1934 году со стапелей сошел крейсер «Нюрнберг», в 1935-м — десять подводных лодок, в январе 1936 года ВМФ пополнился броненосцем «Адмирал граф Шеер», а 3 октября и 8

декабря были спущены на воду линкоры «Шарнхорст» и «Гнейзенау» водоизмещением 26 тысяч тонн каждый, заменившие устаревшие линейные корабли «Эльзас» и «Гессен». Командование ВМФ запланировало постройку авианосца, линкора водоизмещением 35 тысяч тонн, тяжелого крейсера водоизмещением 10 тысяч тонн, 6 эскадренных миноносцев водоизмещением по 1811 тонн каждый, а также 8 подводных лодок³⁰.

В пропагандистской литературе вермахта утверждалось, что главная задача флота состоит только в защите побережья Северного и Балтийского морей протяженностью полторы тысячи километров от вражеского вторжения. Помимо того, флот был необходим для охраны морских коммуникаций Германии и поддержания связи с Восточной Пруссией, а также с немцами, проживающими в разных странах мира, помощь немецким рыбакам³¹. В действительности командование ВМФ во главе с адмиралом Редером давно занималось оперативными разработками войны на несколько фронтов и видело свою задачу прежде всего в активной защите торговых морских коммуникаций, причем в поле его зрения попадали и отдельные аспекты ведения войны в Атлантике. Исследователи отмечают, что неизбежное, характерное для каждого процесса планирования расхождение между реальными условиями и будущими возможностями приобрело в ВМФ особенно опасные масштабы. Требование вооружения ВМФ сводилось к формуле «паритет с Францией», которую ведущие морские офицеры считали главным противником Германии. В случае войны германский флот должен был защитить собственные морские коммуникации и помешать переброске французских войск из Северной Африки в Европу. После заключения франко-советского пакта о взаимной помощи в 1935 году ОКМ переключило свое основное внимание на Балтийское море³².

Большие усилия по оснащению Третьего рейха современными военно-воздушными силами прилагали импер-

ский министр авиации Геринг и его статс-секретарь Эрхард Мильх. Преимущество люфтваффе перед двумя другими составными частями вооруженных сил состояло в том, что Геринг занимал одно из ведущих мест в нацистском движении. В марте 1935 года германские военно-воздушные силы располагали 800 боевыми самолетами, а уже осенью их количество возросло до тысячи. Одновременно развивались оперативные и тактические принципы действий военной авиации, формировался однородный по составу, технически квалифицированный офицерский корпус, росло количество специализированных наземных служб ВВС. По самым скромным подсчетам, с 1934 года люфтваффе ежегодно инвестировали в авиационную промышленность не менее 1 млрд марок³³.

Стратегические замыслы Верховного командования люфтваффе (ОКЛ) заимствовали отдельные элементы теории, выдвинутой после Первой мировой войны дивизионным генералом итальянской авиации Джулио Дуэ. В соответствии с «теорией Дуэ» бомбардировщики должны были нанести по вражеским военным и гражданским объектам удар такой силы, чтобы навязать противнику свою волю. Не уничтожение вражеской армии и флота, а только разрушение его промышленных сооружений, путей сообщения, и прежде всего жилого фонда, должно было принудить противника к капитуляции. Стратегия ОКЛ исходила из того, что германские военно-воздушные силы будут взаимодействовать с сухопутными войсками и флотом и уничтожать вооруженные силы противника. Влияние «теории Дуэ» выразилось в планировании внезапных бомбовых ударов для уничтожения ВВС противника и разрушения их баз. Только после этого люфтваффе должны были оказать прямую поддержку сухопутным силам, совершая постоянные налеты на цели в ближайшем тылу врага. Сухопутные войска, со своей стороны, настаивали на подобной поддержке с самого начала боевых действий. ОКЛ и без того всерьез не рассматривало возможность бомбар-

дировок промышленных объектов противника, а налеты на жилые кварталы считало только мерой устрашения врага³⁴.

Дальнейшие замыслы военного руководства рейха были связаны с меморандумом Гитлера о Четырехлетнем плане, который был утвержден в начале сентября 1936 года. Причиной его появления был сырьевой и валютный кризис, вызванный стремительным вооружением. Здесь, как и в августовском плане Фрича, конечным рубежом был 1940 год. В меморандуме провозглашалось намерение поставить экономику на службу вооружению и подготовке к войне: «Если не удастся в короткое время превратить германский вермахт в первую армию мира по обучению, численности, вооружению, и прежде всего — по духовному воспитанию, Германия проиграет войну!.. То, что потеряно за месяцы мира, не может быть наверстано в течение столетий. Поэтому надо полностью подчинить этой задаче все другие желания... Короче говоря, я считаю необходимым, чтобы отныне с железной решимостью осуществить 100-процентное самообеспечение во всех областях, в которых это возможно». Задача плана сводилась к формулировке: «Немецкая армия за четыре года должна стать боеспособной. Немецкая экономика за четыре года должна подготовиться к войне»³⁵.

Экономически несостоятельные планы создания массовой армии в середине 30-х гг. привели руководство вермахта к конфликту с министром экономики (1934—1937) и президентом рейхсбанка (1933—1939) Яльмаром Шахтом. Шахт предложил свой план финансирования вооружения: государственное распределение сырья и ресурсов рабочей силы в рамках всей экономики, ориентация немецкого хозяйства на мировой рынок. Он настаивал на форсировании вооружения только после создания необходимой материальной базы, но вермахт и военная промышленность, опираясь на помощь Геринга и Гитлера, выступали за примат интересов вооружения в экономической политике. Осенью 1935 года Шахт потерпел первое серьезное поражение: были отменены все ограничения на

кредитование вооружения. С этого момента он не мог мешать генералам получать столько денег для производства оружия, сколько они хотели. Результатом же Четырехлетнего плана стала нехватка денег, сырьевых ресурсов и рабочей силы. Альтернатива была такова: или ввести вермахт в действие, или снизить темпы вооружения.

Угроза срыва перевооружения по экономическим причинам осознавалась и высшими военными руководителями. Четвертого июня 1936 года начальник общевойскового управления генерал-майор Фромм представил Фричу доклад, в котором говорилось, что планы увеличения сухопутных войск встретят «серьезные трудности... в области бронированных автомобилей и поставок боеприпасов, а при покрытии мобилизационной потребности в грузовых автомобилях и при непредвиденных обстоятельствах — в области сырья, машин и обученных рабочих». По подсчетам Фромма, получалось, что по сравнению с планом 1935 года отныне расходы сухопутных войск возрастут на гигантскую сумму в 21,882 млрд марок:

Бюджетный год	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Потребность по плану 1935 года (в млрд марок)	3,575	3,675	3,859	3,439	2,584	2,584	2,584	2,584	2,584
Потребность по плану 1936 года (в млрд марок)	8,882	8,979	8,885	4,669	4,294	3,499	3,469	3,469	3,169
Дополнительные расходы (в млрд марок)	5,307	5,304	5,026	1,230	1,710	0,950	0,885	0,885	0,585

Фромм заявлял о том, что «формирование и снабжение требуемых сухопутных войск в мирное и военное время... чисто теоретически» можно обеспечить, если в распоряжение армии «своевременно» поступят требуемые денежные средства и валюта. Однако только из-за расходов, связанных с поддержанием боеготовности огромной армии, возникала совершенно нетерпимая ситуация, и начальнику общевойскового управления не оставалось ничего иного, как сделать вывод: «Вскоре после окончания периода вооружения (в 1940 году. — А.Е.) должен последовать ввод вермахта в действие. В противном случае надо добиваться улучшения ситуации, снизив требования к уровню боеготовности»³⁶.

Немногим более года спустя Фрич выступил за продление сроков создания массовой армии. В письме военному министру он указал на то, что весной 1937 года началось отставание от запланированного темпа, поэтому армию мирного времени можно будет сформировать только к 1 октября 1940 года, а армию военного времени — к 1 апреля 1943 года. Трудности возникли с автотранспортом, оружием, снаряжением, боеприпасами. Вместо запланированного запаса на 40 дней боев мог быть накоплен запас только на 30, а по отдельным видам боеприпасов — на 15 дней. «Катастрофическое положение» складывалось со строительством сооружений и военных укреплений. Сроки окончания строительства укреплений были перенесены с 1942-го на 1948-й, а потом на 1959 год. И даже реальность этого последнего срока вызывала у Фрича сомнения. Наконец, для мощной военной промышленности не хватало сырья, многие заказы были перенесены с 1937-й на 1938 год. Рабочее время сокращалось, специалисты увольнялись, поэтому в случае мобилизации ожидалось снижение производительности и длительные сроки перевода предприятий на выпуск военной продукции, превышавшие изначально запланированные 5 месяцев³⁷.

В начале сентября 1937 года Бломберг попытался до-

биться от уполномоченного по Четырехлетнему плану Геринга увеличения поставок железа и стали для нужд вооруженных сил. Военный министр писал, что ежемесячные поступления 310 тысяч тонн стального проката недостаточны для достижения поставленных фюрером целей вооружения и в этой области складывается прямо-таки «бедственное положение». Действительные потребности вермахта составляют 415,72 тысячи тонн стали в месяц, в том числе 266 тысяч тонн для сухопутных войск, 71,27 тысячи для флота, 62,5 тысячи для люфтваффе. Однако, убеждал Бломберг, и этих контингентов не хватит, чтобы реализовать планы улучшения радиосвязи сухопутных войск и танковую программу (58,5 тысячи тонн), усиления ВМФ (13 тысяч тонн), оснащения люфтваффе моторизованной зенитной артиллерией (12 тысяч тонн), а также создания сети оперативной почтовой связи (8 тысяч тонн). Получалось, что общая ежемесячная потребность вермахта в стали составляла 507,22 тысячи тонн. Специалисты вермахта подсчитали, что действующие объемы поставок приведут к передвижке строительства укреплений на 5 лет, переносу строительства казарм с октября 1937-го на лето 1938 года, срыву планов создания запасов снаряжения в сухопутных войсках, строящиеся боевые корабли будут спущены на воду с шестимесячным опозданием, а из шести запланированных броненосцев к 1 апреля 1944 года будут построены только четыре. Военный министр не забыл указать Герингу — командующему люфтваффе — и на помехи в строительстве военно-воздушных сил: их переоснащение новыми самолетами отодвигалось более чем на год, а реализация программы по зенитной артиллерии — даже на более продолжительный срок³⁸. Но сигнал бедствия, поданный военным министром, возымел мало действия — стального проката в рейхе не хватало, а эффективному распределению имеющихся контингентов стали препятствовала борьба между тремя составными частями вермахта.

Опасности, которым подвергались страна и вермахт

вследствие форсированного вооружения, нашли отражение в подготовленной в январе 1936 года и направленной Беку анонимной записке, автором которой, вероятно, был один из представителей консервативной антифашистской оппозиции. В документе говорилось, что положение армии в государстве совершенно иное, чем в период монархии. «Тогда она стояла вне всех политических течений и соображений, а командная власть императора защищала ее внутреннее строительство от любого парламентского и иного политического вмешательства. Все попытки партий подчинить армию своему влиянию терпели крах ввиду негибкого сопротивления короны, здесь со времен Бисмарка был построен непреодолимый вал... Ответственность за политику рейха, за войну и мир армии не касалась». Теперь же положение принципиально изменилось, и *«армия несет стопроцентную ответственность за все возможные военные осложнения»*. Анонимный автор осознал, что «современная война — это тотальная война. Мобилизация охватывает все *военные, экономические и духовные факторы* народа», поэтому армия ответственна не только за военную сферу. Сравнение положения Германии в 1914 и 1936 годах подводило к неутешительным выводам: «Когда мы в 1914 году втянулись в войну, мы располагали огромными резервами богатой страны, за счет которых могли в течение более чем 40 лет мира беспрепятственно накапливать запасы. Если бы это делалось планомерно, мы были бы непобедимы. Третий рейх с большой энергией взял экономическое строительство в свои руки и, напрягая все силы, устранил безработицу и обеспечил социальное успокоение... Но наши резервы сырья, продовольствия и валюты полностью израсходованы. Промышленность перебивается с хлеба на квас, для всех стремлений к самообеспечению нужно время... Мы постоянно зависимы от экспорта марганцевой руды, меди, нефти, хлопка и т.д. Из-за нашего темпа вооружения стало невозможным не только создание каких-либо запасов, но и исчезли на-

ши небольшие резервы. Специалисты заявили, что положение 1936 года точно такое же, как в 1917 году. Вероятно, еще серьезнее продовольственное положение». Из приведенного анализа вытекал вывод о том, что «если бы в мае или июне 1937 года дело дошло до военных осложнений, то наше положение было бы неопишваемым. Так как военная и экономическая мобилизация неотделимы друг от друга, то из этого вытекает вся мера ответственности армии».

Не лучше обстояло дело и с настроением населения, оценивая которое автор вновь опирался на катастрофический опыт Первой мировой войны: «Наш народ с завидной храбростью годами переносил лишения этой войны, только в 1918 году наступило истощение». Сегодня же массы обеспокоены, «они боятся войны» и «все попытки успокоить людей, подчеркнуть волю фюрера к миру наталкиваются на глухую оборону, против которой нельзя применить меры принуждения. Напротив, они только усилили бы это настроение. Внимательный наблюдатель должен со всей серьезностью констатировать милитаризацию умов в Англии и Франции, в этом году настроение там поразительно переменялось. В Германии настроение народа неудержимо двигается в обратном направлении». Армия пользуется почти неограниченным доверием населения. В глазах немцев она приравнивается к народу и государству, но не к партии, поэтому народ возлагает ответственность за все только на вермахт, и «если, боже упаси, дело дойдет до военных осложнений, то моральное воздействие на армию будет огромным. Немцы знают, что начинается война. Но они знают еще больше — знают, что мы к ней не готовы. В 1914 году народ вступил в войну с гордым сознанием того, что все было в порядке. Сегодня известно, что далеко не все в порядке, что во многом стало еще тяжелее, чем два года назад. Если после этого дело дойдет до военной катастрофы, первой со времен Иены и Ауэрштедта, то ореол армии... будет окончательно утрачен. Если армия не сможет помешать этому несчастью,

она станет козлом отпущения. Тогда окончательно рухнет величайшая традиция немецкой истории»³⁹.

Следовательно, после ремилитаризации Рейнской области Третий рейх оказался в сложном положении: с одной стороны, стратегическое положение вермахта значительно улучшилось, армия быстро увеличивалась, с другой стороны, развитие вооруженных сил шло «вширь», а не «вглубь», внутренняя структура армии разрушалась, боеспособность снижалась, внешняя торговля находилась в кризисе, валюты и сырья не хватало. В результате в 1936—1937 гг. Германия была не в состоянии выдержать даже короткую войну. Пройти эту «опасную зону» как можно быстрее стремились все военные и политические руководители рейха, но взгляды дипломатов отличались от планов военных, а те, в свою очередь, — от намерений Гитлера. При этом разногласия вызывали не цели внешней политики и перевооружения, а методы их достижения.

Внешнеполитическая концепция офицерского корпуса вермахта была основана на принципах Бисмарка и Секта и включала в себя дружбу с СССР и Китаем, недоверие к Японии, низкую оценку военной мощи Италии, бдительный нейтралитет в отношении Великобритании и Франции, ненависть к Польше. Нацистская политика прямо противоречила всему этому. Периодические авантюры Гитлера могли рано или поздно спровоцировать контрудар Англии и Франции, а улучшение отношений с Японией и итало-германская интервенция в Испании — вызвать конфликт с Советским Союзом. Перед генералами вырисовывался новый призрак безнадежной войны на два фронта⁴⁰.

В канун нового 1937 года Штюльпнагель, назначенный командиром формирующейся 30-й пехотной дивизии в Любеке, поделился с Бекком своими страхами по поводу стремительного и несанкционированного вооружения Германии: «Множество крупных успехов ограничиваются недоверием, страхом и ненавистью, которые мы вызываем. Могу честно сказать: я рад, что мне больше не нужно

составлять об этом никакого реферата и вызывать раздражение в качестве человека, высказывающего ненужные предостережения, и пессимиста... Пожалуй, мы можем еще долгое время беспокоить остальной мир, но однажды его терпение лопнет и он призовет нас к порядку»⁴¹. Но внешнеполитический процесс в 1937 году развивался в интересах Гитлера быстрее, чем экономическая и военная мобилизация внутри страны. Позиции Франции были поколеблены англо-германским сближением, Советский Союз отвлекся от международной политики из-за внутрипартийной борьбы, Красная Армия была ослаблена репрессиями, Италия намеревалась присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, Венгрия активизировала военное сотрудничество с нацистами, Югославия стала привилегированным торговым партнером Третьего рейха, Польша проявила заинтересованность в ревизии границы с Чехословакией. Наконец, фюрер с надеждой следил за внутривосточным развитием в Австрии и Чехословакии.

СУДЕТСКИЙ КРИЗИС И «СЕНТЯБРЬСКИЙ ЗАГОВОР» 1938 ГОДА

Граница вашего солдатского повиновения проходит там, где ваши знания, ваша совесть и ваша ответственность запрещают выполнять приказ.

Генерал Л. Бек

Гитлер понимал, что вермахт и экономика страны не подготовлены к войне, но решил использовать благоприятное внешнеполитическое положение, рассчитывая, что с началом войны экономическая ситуация в Германии улучшится. Двадцатого октября 1937 года рейхсканцлер впервые высказался в пользу скорого решения проблемы Австрии и Чехословакии, а 31 октября заявил партийным пропагандистам, что не проживет долго, поэтому «необхо-

димо как можно скорее решить проблемы, которые должны быть решены (жизненное пространство!), пока он еще жив. Грядущие поколения не смогут этого сделать. Только он в состоянии сделать это»⁴².

Пятого ноября фюрер созвал совещание с участием Бломберга, Фрича, Редера, Геринга и Нейрата. Протокол было поручено вести военному адъютанту Гитлера полковнику Фридриху Хоссбаху⁴³. Диктатор объявил верхушке дипломатического и военного руководства, что «цель германской политики — обеспечение и сохранение народной массы и ее увеличение. Таким образом, речь идет о проблеме жизненного пространства». Германская «народная масса» численностью 85 млн. человек имеет право «претендовать на гораздо большее, чем у других народов, жизненное пространство». Решить проблему «жизненного пространства» надо в течение жизни одного-трех поколений. Это решение не может быть достигнуто ни путем хозяйственной автаркии из-за отсутствия сырья и продовольствия, ни путем участия в мировом хозяйстве. Остается только одна возможность: «Единственной, кажущейся нам даже фантастической помощью здесь явилось бы приобретение большего жизненного пространства — стремление, которое во все времена было причиной образования государств и переселения народов». По мнению диктатора, это пространство следует приобретать в Европе, а не в колониях. «Два ненавистных противника» Германии — Великобритания и Франция — отнюдь не являются несокрушимыми. «Для решения германского вопроса может быть только один путь — это путь насилия, а он никогда не бывает без риска», — убеждал Гитлер своих слушателей. Он рассматривал три варианта времени и способов завоевания «жизненного пространства». Первый вариант — начало действий в 1943—1945 гг. — фюрер отверг, потому что к этому времени рейх ослабнет, а его противники усилятся. Второй вариант связывался с внутриполитическим кризисом во Франции, и Гитлер планиро-

вал «в любой момент» использовать сложившееся положение «для удара по Чехии». Наконец, в случае войны Франции с каким-либо другим государством следовало «еще в 1938 году» приступить к «решению чешского и австрийского вопросов»⁴⁴.

Реакция Бломберга и Фрича изложена в протоколе Хоссбаха сжато, что позволяет давать их позиции противоположные оценки. В соответствии с показаниями Хоссбаха на Нюрнбергском процессе, критика генералов «не оставила камня на камне» от аргументации фюрера. Военные специалисты высоко оценили чехословацкие пограничные укрепления, а в способности вермахта вести войну на Западе, напротив, усомнились. Бломберг, Фрич и министр иностранных дел Нейрат не верили в то, что Франция в случае войны с Италией не сможет выступить против рейха и что Чехословакию можно победить «молниеносно». Они сомневались и в том, что Англия не вступит в войну против Германии и что назревает англо-франко-итальянский конфликт. Гитлер реагировал на критику повторением стереотипного и неубедительного утверждения о том, будто Англия и Франция в защиту Чехословакии не выступят⁴⁵.

На состоявшемся вслед за этим совещании Нейрата, Фрича и Бека министр иностранных дел предложил отговорить Гитлера от его намерений и получил поддержку обоих генералов. Фрич еще раз высказал диктатору свои возражения, но только разозлил его. Двенадцатого ноября Бек, проинформированный Хоссбахом о совещании, составил меморандум, в котором разбил аргументацию Гитлера пункт за пунктом. Бек был согласен с фюрером в том, что существует проблема «жизненного пространства», что три великие державы — Великобритания, Франция и Германия — имеют право распоряжаться судьбой других государств и народов и что нужно решить «чешский вопрос». Начальник Генерального штаба в принципе не исключал и ограниченной войны. Но Бек высказался против социал-дарвинистского утверждения Гитлера о

праве немцев на расширение своей территории, не считал все возможности достижения политической договоренности с Великобританией и Францией исчерпанными и полагал, что могущество Англии отнюдь не поколеблено и что она сможет приобрести союзника в лице США. Он не согласился и с конкретными вариантами, предложенными Гитлером: решение «проблемы пространства» в 1943—1945 гг. не обосновано расчетами военных специалистов и экономистов, дестабилизации внутривойсковой обстановки во Франции не произойдет, и даже если эта страна втянется в серьезную войну, она всегда «будет располагать достаточными силами против Германии»⁴⁶. Хотя Бек оперировал не моральными, а только деловыми аргументами, даже такая критика шла вразрез с гитлеровскими представлениями об истории и всем его мировоззрением. Диктатор был разочарован в своих военных руководителях и использовал первый же удобный случай не только для их замены, но и для реорганизации руководства вермахтом⁴⁷.

* * *

После ремилитаризации Рейнской области присоединение Австрии стало непременным условием дальнейшего вооружения и приобретения «жизненного пространства». Исследователи считают, что по сравнению с этим политические, национальные и идеологические мотивы играли подчиненную роль. Они совершенно не имели значения для решений Гитлера, Геринга, МИДа и руководства вермахта. Обладание Австрией открывало для Третьего рейха возможность наладить тесное военное сотрудничество с Муссолини, но еще важнее она была с точки зрения агрессии против Чехословакии. Йодль писал после присоединения Австрии к Германии: «Аншлюс... укрепил нашу обороноспособность, существенно улучшив наше стратегическое положение. В то время как раньше чехословацкое пространство угрожавшим образом вдавалось в Гер-

манию (осиная талия по направлению к Франции и воздушная база для союзников, особенно для России), теперь Чехия, напротив, попала в тиски. Ее собственное стратегическое положение сейчас стало таким неблагоприятным, что она падет жертвой энергичного нападения прежде, чем дождется действенной помощи с Запада». Не меньшее значение Австрия имела для немецкой военной экономики. Эта страна располагала запасами железной руды, магнетита, дерева и водной энергии. Немецкий военно-экономический штаб исчислял ее валютные запасы суммой 240 млн марок, а 400 тысяч безработных представляли собой резервуар рабочей силы для промышленности рейха. Немаловажными были и австрийские предприятия, которые можно было быстро перевести на выпуск военной продукции. Штаб военной экономики насчитал 12 таких предприятий, 8 из которых оценивались как перворазрядные. Наконец, Гитлер полагал, что аншлюс позволит рейху сформировать 12 новых дивизий⁴⁸.

В конце ноября появились первые признаки того, что немцы готовят удар против Австрии. Геринг не скрывал, что аншлюс произойдет до середины марта. На безнадежное положение Австрийской Республики указывали отказ зарубежных инвесторов от предоставления кредитов, бегство капитала и эмиграция венских евреев. Канцлер Австрии Курт фон Шушниг чувствовал, что остался с нацистами один на один, и согласился на переговоры с Гитлером в Берхтесгадене в феврале 1938 года. Ход и результаты переговоров подробно описаны в отечественной литературе, поэтому здесь целесообразно ограничиться только указанием на то, что шеф ОКВ Кейтель сыграл ключевую роль в гитлеровском политическом шантаже⁴⁹.

Еще во время переговоров с Шушнигом Кейтель распорядился о проведении военных учений вблизи австрийской границы и о начале кампании дезинформации. Одиннадцатого марта Гитлер издал директиву о вторжении в Австрию на следующий же день, «если другие средства не

приведут к цели». В качестве целей агрессии диктатор назвал установление там «конституционных порядков» и пресечение «дальнейших актов насилия» над настроенным в пользу Германии населением. Он приказывал войскам «действовать с учетом того, что мы не хотим вести войну с братским народом. Мы заинтересованы в том, чтобы вся операция прошла без применения силы, как мирное вступление в страну, население которой приветствует наши действия. Поэтому избегать всяких провокаций. Но если будет оказано сопротивление, то сломить его с полной беспощадностью силой оружия»⁵⁰. Эта директива была подготовлена без сотрудничества ОКХ и являлась первой попыткой ОКВ провести самостоятельное стратегическое и оперативное планирование. Тринадцатого марта соединения вермахта под командованием генерала Федора фон Бока без сопротивления оккупировали Австрию. Успех этого предприятия поразил даже Гитлера: австрийское население приветствовало части вермахта и нацистских вождей. Для сухопутных войск эта операция стала проверкой, результаты которой оказались неутешительными: частичная мобилизация происходила с перебоями, снабжение войск на марше функционировало с недостатками, многие танки останавливались из-за нехватки бензина или поломок и были доставлены в Вену по железной дороге. Военные специалисты считали эти факты доказательством того, что вермахт был не в состоянии провести блицкриг против Чехословакии⁵¹.

* * *

Тем не менее безнаказанный аншлюс Австрии подтолкнул Гитлера к подготовке агрессии против Чехословакии. Эти события всегда привлекали пристальное внимание историков, которые досконально изучили малейшие перемены в настроении нацистского фюрера, все нюансы его внешнеполитической стратегии и тактики. Но в отече-

ственной историографии действия высших офицеров вермахта в канун оккупации Судетской области освещались скупое, подчеркивалось согласие военной верхушки Германии с гитлеровскими планами вооруженной агрессии⁵². Такая трактовка оправдана, когда имеется в виду послушное большинство генералитета. Но в период судетского кризиса в руководстве вермахта заявили о себе и критически мыслящие офицеры. Зарубежные ученые видят в разногласиях между ними и Гитлером весной-осенью 1938 года одну из важнейших причин возникновения военного Сопротивления, апогеем которого стал заговор «Валькирия»⁵³. Следовательно, было бы упрощением изображать всех военных руководителей как безоговорочных сторонников гитлеровской авантюры, историческая действительность была более сложной и противоречивой.

Чехословакия давно рассматривалась германскими генералами как потенциальный объект для нападения. Однажды Бек в разговоре с начальником венгерского генерального штаба отметил, «что пока в Центре Европы существует это «бельмо», Чехия, Германия едва ли сможет вести войну». Второго мая 1935 года, в день подписания советско-французского договора о взаимопомощи, Бломберг приказал Генеральному штабу сухопутных войск разработать план «стремительного удара» против Чехословакии под кодовым названием «Шулунг»: «Подготовку к операции вести решительно, несмотря на недостаточно высокий в настоящее время уровень нашей военной промышленности. Всякое улучшение ее состояния обеспечит расширение подготовительных мер и тем самым более благоприятные условия для достижения успеха». При планировании вторжения следовало учесть, что «времени на доукомплектование сил, принимающих участие в операции, за счет мобилизационных контингентов не остается; ввиду это действовать в том численном составе и с той техникой, которые предусмотрены штатами мирного времени»⁵⁴.

Из директивы видно, что Бломберг отдавал себе отчет в

том, что ни экономика Германии, ни вермахт к войне не готовы. Неудивительно, что Бек направил командующему сухопутными войсками письмо с угрозой подать в отставку, если нападение намечается на ближайшее время. «Распоряжение господина министра не содержит ничего о военной цели, которую ставит главнокомандующий вооруженных сил перед командующим полевой армией на основании общей цели войны, обозначенной государственным деятелем», — справедливо замечал начальник Генштаба, указывая, что в этом случае нельзя высказать целесообразных и верных стратегических и тактических соображений. «В любом случае при выполнении операции «Шулунг» не обойтись одним днем, — продолжал Бек, — а значит, надо считаться с тем, что она не останется *изолированными действиями двух противников*. Напротив, надо принять в расчет то, что при сохранении нынешнего военно-политического положения, по меньшей мере, противники на Западе и Юге как можно быстрее пустят в ход против нападающего свои намного превосходящие военные машины». Успешная оборона против противников на Западе может быть обеспечена только в случае предварительного или одновременного с ударом против Чехословакии выхода вооруженных сил Германии на линию Рейн — Шварцвальд. Для того чтобы продержаться на этой линии в течение 8 дней, вермахт должен располагать не менее чем 30 полевыми дивизиями. Но такими силами Германия будет располагать только в 1937/38 мобилизационном году, если развитие сухопутных войск будет происходить намеченными темпами. Далее, для проведения молниеносного удара против Чехословакии необходимы мобильные соединения, но кавалерию было решено ликвидировать уже к 1 апреля 1936 года, а три первые танковые дивизии будут в распоряжении вермахта не ранее 1 апреля 1937 года. На этом основании Бек делал вывод: «Если военно-политическое положение в целом не изменится, то о такой операции нельзя думать ранее 1939/40 мобилизационного го-

да». В нынешней ситуации нападение Германии вызовет вмешательство Великобритании и Франции, вермахт, не накопивший сил для успешной обороны на западе и не сформировавший танковые дивизии для проведения быстрых операций, неминуемо потерпит поражение, и великие державы вновь продиктуют рейху свои условия мира⁵⁵.

С тех пор вооруженное выступление против Чехословакии связывалось с завершением создания вермахта — массовой армии, оснащенной новейшими вооружениями. И Гитлер, и военное руководство считали, что такая армия будет в их распоряжении не ранее 1943—1945 гг. В директивах Бломберга «О единой подготовке вермахта к войне» от 24 июня 1937 года Генштабу было приказано разработать два возможных варианта войны, оба — на два фронта: «Рот» с главной кампанией на Западе и «Грюн» с главными боевыми действиями на Востоке. Генералы рассчитывали, что Третий рейх будет сражаться без союзников, возможно, одновременно против Франции, Чехословакии и СССР. Ожидался нейтралитет Польши и Литвы и благожелательный нейтралитет Австрии, Италии и Югославии; непременным условием начала военных действий считался нейтралитет Великобритании. Целью военной операции был быстрый разгром чехословацкой армии и захват Богемии и Моравии. Конечная цель сухопутных войск состояла в «стратегическом нападении на Чехословакию, которое неожиданно преодолет ее укрепления, окружит и разгромит ее вооруженные силы еще во время мобилизации и... за короткий срок парализует Чехословакию. Военные предпосылки такого нападения появятся вместе с полным укомплектованием танковых соединений и достижением ими полной боеспособности». Следовательно, война с Чехословакией в этой директиве по-прежнему рассматривалась как дело неопределенного будущего⁵⁶.

После ноябрьского совещания 1937 года Генеральный штаб по приказу Бломберга подготовил новые директивы относительно Чехословакии, но и они полностью исклю-

чали военные действия в 1938 году. Осуществление плана «Грюн» до полного вооружения вермахта считалось возможным только в том случае, если возникнет франко-итальянский конфликт в Средиземноморье, а Великобритания утратит интерес к событиям в Центральной Европе. Если же «благоприятная для нас обстановка не возникнет или если она будет развиваться в нашу пользу медленно, тогда осуществление нами плана «Грюн» должно быть отложено еще на несколько лет». Однако директивы обозначали переход от оборонительной к наступательной стратегии. В разделе «Предпосылки» говорилось: «Когда Германия достигнет полной готовности к войне во всех областях, будут созданы военные предпосылки для победоносного окончания наступательной войны против Чехословакии и тем самым — для решения проблемы немецкого странства и в том случае, если та или иная великая держава выступит против нас». Директивы совершенно игнорировали возражения, сделанные Фричем Гитлеру 5 ноября, и содержали приказ усовершенствовать укрепления на западной границе настолько, чтобы их можно было «долгое время удерживать слабыми силами против многократно превосходящих сил противника». Страх перед вероятной катастрофой приглушался тем, что «государственное руководство сделает все возможное, чтобы уберечь Германию от риска войны на два фронта и избежать такого положения, при котором Германия в нарушение здравого смысла была бы поставлена в невыносимые военные и экономические условия»⁵⁷.

В марте 1938 года, когда мир еще не свыкся с мыслью об аншлюсе Австрии, Гитлер поинтересовался у Кейтеля, как можно спровоцировать конфликт с Чехословакией. По свидетельству адъютанта фюрера от вермахта Шмундта, Гитлер и шеф ОКВ обсуждали вопрос о том, что больше подойдет в данном случае: внезапное нападение или тщательно подготовленный инцидент. Когда диктатор напомнил Кейтелю, что война в 1914 году началась после

покушения, тот даже не понял, что задумал Гитлер. А он планировал использовать убийство немецкого посла в Праге для нападения на Чехословакию⁵⁸.

В конце апреля началась новая фаза германской агрессии, которая характеризовалась развязыванием судетского кризиса. Двадцать первого апреля Гитлер приказал Кейтелю подготовить план немедленного нападения на ЧСР. Бек, пытаясь изменить решение Гитлера, 5 мая представил меморандум «Анализ современного военно-политического положения». В первой его части, посвященной расстановке сил в Европе, речь шла о том, что в настоящее время между Великобританией и Италией достигнута договоренность, которая освобождает Англию от заботы о предстоящей войне с итальянцами и предотвращает непосредственную опасность для британских морских коммуникаций в Средиземноморье. Это предоставило Великобритании свободу действий в Европе. Японо-китайская война даже в случае успеха Японии опять-таки идет на пользу Британской империи, освобождая часть ее сил на Дальнем Востоке. Кроме того, Англия и Франция активизировали военные контакты, направленные, как предполагал начальник Генерального штаба, в первую очередь против Германии. Напротив, Италия на некоторое время утратила интерес к военному сотрудничеству с Третьим рейхом. О позиции Советского Союза Бек высказался следующим образом: «Россию всегда следует рассматривать как самого ярого врага Германии. Следует допустить, что она примет немедленное участие в войне против Германии силами своих военно-воздушных сил и своего флота. Вопрос об участии ее сухопутных войск открыт, но в случае продолжительной войны его надо принять в расчет, приняв во внимание ее собственное политическое давление и помощь других государств, ведущих войну против Германии». Позиция Бельгии и Голландии зависит от Великобритании и Франции, и если война примет затяжной характер, то они откажутся от нейтралитета и выступят на

стороне западных держав. Начальник Генерального штаба предполагал, что прибалтийские государства, Румыния, Югославия и Польша не изменят своей выжидательной позиции, хотя давлению Англии и Франции со временем могут поддаться Румыния и Польша.

Во второй части документа речь шла о позициях Великобритании и Франции. Бек констатировал, что Англия до сих пор пыталась всеми средствами воспрепятствовать возникновению новой европейской войны, но ее успехи в перевооружении и связанные с подготовкой к войне материальные трудности, которые испытывает ее население, могут усилить антигерманские настроения. Франция тоже не желает новой войны, но ее стремление к миру не безгранично — политика Германии в последние годы воспринималась во Франции как задевающая ее честь и национальную гордость, а французская армия продолжает оставаться «самой сильной армией в Европе». Как Великобритания, так и Франция будут отстаивать свои позиции в Европе военными средствами: «Надо считаться с тем, что если Франция по собственной инициативе выступит в интересах Чехословакии против Германии, то Англия, в конце концов, присоединится к Франции. Правда, сегодня наиболее вероятно, что она встанет на сторону Франции уже в первые дни». При этом влияние Великобритании и заинтересованность Франции в том, чтобы избежать больших человеческих жертв со своей стороны, приведут к тому, что «Франция и Англия перенесут центр тяжести военных действий на морскую и воздушную войну, а наступательные операции на суше сначала не будут предусмотрены или будут проводиться только с ограниченными целями (например, левый берег Рейна)». Бек полагал, что ради полного разгрома Германии западные державы будут готовы допустить временную оккупацию немцами Чехословакии и ее последующее восстановление, как во время Первой мировой войны они поступили с Сербией. А в своей окончательной победе Англия и Франция не сомневаются.

ся, «если Америка их поддержит, даже если эта поддержка будет состоять только в поставках вооружения, сырья и продовольствия».

Последняя, третья часть меморандума касалась Германии. Хотя она, несомненно, значительно усилилась в последние годы, констатировал Бек, она не столь сильна, как все противостоящие ей державы, которые в последние годы также вооружались. Географическое положение Третьего рейха невыгодно для ведения войны, а надежда на всех союзников, за исключением Венгрии, невелика. Столь же мала надежда и на нейтральные страны. Поэтому «уже из-за недостатка территории Германия не выдержит длительной войны». Военно-экономическое положение страны хуже, чем в 1917—1918 гг., и тоже свидетельствует о неготовности рейха к затяжной войне. Следовательно, подводил промежуточный итог начальник Генштаба, «Германия в нынешнем военном, военно-политическом и военно-экономическом положении не может подвергать себя опасности длительной войны. Но европейская война с самого начала планируется и будет проводиться нашими противниками как длительная война». В этом году «нет надежды военными средствами решить чешский вопрос без участия Англии и Франции... Англия готовится бросить меч на чашу весов в том случае, если Германия попытается вынудить ее к неприемлемому решению чешской проблемы». С учетом этой крайне неблагоприятной для Третьего рейха расстановки сил Бек призывал добиваться политического решения чехословацкого вопроса на путях договоренности с Великобританией⁵⁹.

Новый главнокомандующий сухопутных войск фон Браухич отважился передать Гитлеру только третью часть документа, в которой речь шла о специальных военных вопросах, но и этого оказалось достаточно, чтобы привести его в ярость. В эти дни фюрер сказал Энгелю, что Бек «является офицером, находящимся в плену идей 100-тысячного войска, для него турнир кажется важнее окопов. Против него лично он ничего не имеет, ведь его лич-

ные впечатления, например по ульмскому процессу, очень хорошие. Но он не хотел бы использовать людей, у которых нет веры, а потому дни Бека сочтены»⁶⁰.

Двадцатого мая ввиду подготовки Германии к войне чехословацкое правительство объявило мобилизацию, западные державы официально предостерегли Гитлера от военной акции. Через два дня статс-секретарь германского МИДа Эрнст фон Вайцзеккер записал в своем дневнике: «Военные не хотят выступать, ведь последствия коалиционной войны против нас достаточно очевидны»⁶¹. В этот период в Генеральный штаб продолжала поступать информация о том, что войны с Великобританией и Францией еще можно избежать. Двадцать седьмого мая германский военный атташе в Париже генерал-майор Кюленталь докладывал четвертому обер-квартирмейстеру Курту фон Типпельскирху: «Надо ясно представлять себе серьезность положения, но сейчас не предпринимается никаких иных мер, кроме усилий добиться ослабления напряженности. В таком положении все в решающей мере зависит от того, какой оборот примут события в Чехии. Если эти события приведут к военной интервенции Германии, хотя, по мнению французского и английского правительств, со стороны чешского правительства сделано все возможное, то вмешательства Франции не избежать»⁶².

Однако 28 мая на совещании руководителей вооруженных сил и дипломатического корпуса Гитлер заявил, что Чехословакия должна быть «разрушена» при первой же благоприятной возможности, поскольку повышение урожайности в Германии больше невозможно и для существования немцев нужно жизненное пространство в Европе и колониях. При этом он не исключал и войны с западными державами за побережье Бельгии и Голландии. Фюрер дал понять генералам, что рассматривает «решение чехословацкого вопроса» только как предпосылку для будущей европейской войны⁶³. Бек соглашался с Гитлером в том, что Германии необходимо «жизненное пространство» как в Европе, так и в колониях, что приобрести его можно

только военным путем и что Чехословакия «нетерпима» для Германии, является очагом постоянной опасности для нее и следует найти способ ее «устранить», возможно, и военным путем. Начальник германского Генерального штаба мыслил категориями традиционной великодержавной политики, которые господствовали тогда во внешнеполитическом мышлении всех государственных и военных деятелей Европы. Он был согласен и с тем, что ряд факторов побуждают к скорейшему решению «чехословацкого вопроса»: рост чехословацких укреплений на границе, перевооружение Англии и Франции, напряженные отношения между Италией и западными демократиями. Другие утверждения фюрера вызвали несогласие генерала. Во-первых, Германия сейчас отнюдь не сильнее, чем в 1914 году: ее вооруженные силы не подготовлены к войне, ее территория сократилась, возросшая угроза воздушной войны сильнее скажется на населении, чем в 1914—1918 гг., финансы, продовольственные возможности и положение с сырьем в настоящий момент даже хуже, чем в 1917—1918 гг., а население психологически не готово к войне. Во-вторых, внешнеполитические успехи, достигнутые Гитлером в предшествующие пять лет, не являются доказательством того, что и впредь все пойдет столь же хорошо. Сейчас Германии противостоит коалиция в составе Чехословакии, Франции, Англии и США, взаимодействие которых является более тесным, чем в 1914 году. В-третьих, диктатор недооценил военные силы Франции и Англии, «Германия в одиночку или в союзе с Италией не в состоянии одержать военную победу над Англией или Францией». Главное же, по мнению Бека, состояло в том, что нападение на Чехословакию приведет к европейской или даже к новой мировой войне, в которой решающую роль сыграют не первые «молниеносные» победы, а людские и материальные ресурсы сражающихся сторон. Анализ катастрофического состояния немецкой экономики и финансов, настроения населения приводил начальника Генштаба к

выводу о том, что страна не готова к войне на два фронта, возможно, против коалиции противников⁶⁴.

Тридцатого мая Гитлер подписал новые директивы к плану «Грюн», разработанные не в Генеральном штабе, а в ОКВ. Этот документ историки считают образцом стратегии блицкрига. Директивы ориентировали вермахт на проведение приготовлений к нападению в ближайшее время: «Моим непоколебимым решением является то, что Чехословакия в ближайшее время должна быть разбита в результате военных действий... Неизбежное развитие условий внутри самой Чехословакии или другие политические события в Европе, которые, возможно, больше никогда не создадут такой ситуации, могут меня заставить выступить раньше намеченного срока... Самым благоприятным в военном и политическом отношении моментом является молниеносный удар на почве какого-нибудь инцидента, которым будет спровоцирована Германия в самой резкой форме, что морально оправдает военные мероприятия в глазах хотя бы части мировой общественности». Фюрер отчетливо осознавал риск, связанный с вступлением в войну западных держав, и призывал всех военачальников к «решительным и смелым действиям» с целью недопущения «европейского кризиса». Избежать его, как рассчитывал Гитлер, помогут «серьезные успехи в результате сухопутных операций»⁶⁵. В дипломатическом ведомстве и Генеральном штабе опасность войны вызвала новый всплеск активности. Вайцзеккер попытался убедить министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа в том, что «у нас нет рецепта военной победы над Англией и Францией»⁶⁶, а военный атташе в Лондоне Антон фон Бехтольсхайм 6 июля сообщил в Генштаб, что войну еще можно предотвратить: «Официальная британская политика Чемберлена и Галифакса еще стремится к достижению компромисса с Германией... Но чувствуется, что эта готовность не сохранится долго... Полагать, что Англия, еще не закончившая перевооружение, в ближайшее время не будет ввязываться в войну из-за Чехословакии, значит недо-

оценивать британскую решимость. Англия сознательно ориентирована на продолжительную войну и подготовлена к войне, в которой будут использованы все резервы этой мировой империи и резервы Соединенных Штатов. Первоначальные поражения ничего в этом не изменят»⁶⁷.

Но Гитлер приказал использовать для нападения на Чехословакию первый удобный случай, начиная с 1 октября. Его оппонентам в вермахте и МИДе стало ясно, что фюрер основывает свои решения не на трезвом анализе ситуации, а на убеждении, что западные державы не выступят в защиту Чехословакии. Шестнадцатого июля Бек направил Браухичу очередной меморандум, в котором предложил добиваться у Гитлера отказа от «насильственного решения чехословацкого вопроса до того времени, когда военные предпосылки для этого не изменятся основополагающим образом»⁶⁸. После ознакомления с соображениями Бека фюрер заявил, что начальник Генерального штаба «еще живет идеями... того времени, когда создавали рейхсвер и использовали его для поддержания внутреннего спокойствия и порядка. У него не хватает смелости принять ту идею, что мы в ближайшие годы можем оказаться вовлеченными в крупные судьбоносные сражения в Европе. Европа или попадет под немецкое руководство, или падет жертвой большевизма». Начальнику строительной службы Фрицу Тодту, своему адъютанту от вермахта Рудольфу Шмундту и Энгелю Гитлер охарактеризовал меморандум как «лживый листок бумаги, но его ничто не может ввести в заблуждение. Ребьяческий расчет сил. В то время как у французов в соотношении сил приводятся мобильная гвардия, полиция и жандармерия, в немецких формированиях совершенно умалчивается о численности СА, СС и т.д. Не упоминается даже полиция. Бек не должен считать его глупцом. Он сделает собственную диспозицию и сунет этому господину под нос»⁶⁹.

Бек полагал, что германская агрессия «автоматически приведет к европейской или мировой войне», которая, «по всей вероятности, закончится для Германии не только

военной, но и всеобщей катастрофой». Шестнадцатого июля он предложил Браухичу создать единый фронт высшего генералитета и под угрозой коллективной отставки принудить Гитлера «приостановить военные приготовления и отсрочить насильственное решение чешского вопроса до тех пор, пока военные предпосылки для этого не изменятся коренным образом». Три дня спустя Бек высказался за то, чтобы в случае отказа фюрера изменить внешнеполитический курс осуществить реформу политического режима, направленную не против самого диктатора, а против «радикалов» в его окружении: «Пожалуй, в последний раз судьба предоставляет удобный случай освободить немецкий народ и самого фюрера от кошмара ЧК и от проявлений бюрократизма, которые разрушают целостность и достояние государства, создавая соответствующее настроение в народе, и способствуют возрождению коммунизма». Бек рассчитывал на поддержку «серьезных людей» в НСДАП — гауляйтера Силезии Йозефа Вагнера и имперского наместника в Вене Йозефа Бюркеля, а также некоторых генералов сухопутных войск и люфтваффе. Насколько слабо разбирался начальник Генерального штаба в сущности нацистского режима, свидетельствуют предложенные им лозунги, реализация которых привела бы не к «чистке», а к полному разрушению основ тоталитарного господства: «За фюрера!», «Против войны!», «Против бюрократии!», «Примирение с церковью!», «Свобода мнений!», «Долой методы ЧК!», «Восстановить право в государстве!», «Снижение всех налогов наполовину!», «Никакого строительства дворцов!», «Жилищное строительство для соотечественников!», «Прусская простота и чистота!»⁷⁰. Так в мировоззрении Бека борьба против политики Гитлера соединилась с борьбой за влияние и роль офицерского корпуса в Третьем рейхе.

Четвертого августа Браухич и Бек организовали совещание высшего генералитета сухопутных войск. Присутствующим был зачитан меморандум Бека от 16 июля, генерал Адам сделал доклад о неудовлетворительном состоя-

нии укреплений на Западе. За исключением генералов фон Рейхенау и Эрнста фон Буша все участники совещания согласились с тем, что война в настоящих условиях стала бы «концом германской культуры», но Браухич так и не отважился довести их мнение до фюрера. Все-таки Гитлера обеспокоила возможность «генеральской фронды». Десятого августа в Оберзальцберге он выступил перед начальниками штабов армейских групп и корпусов с трехчасовой речью, пытаясь переубедить высшее руководство сухопутных войск профессиональными военными аргументами. Начальник штаба западной армии генерал Густав фон Витерсгейм, имевший репутацию специалиста по моторизованным операциям, подчеркнул, что если бросить войска против Чехословакии, то Германия окажется беззащитной на Западе и не сможет противостоять Франции, поскольку западный вал не устоит больше трех недель. Но никто из участников совещания не заявил об уходе со своего поста, Бек оказался в изоляции и 18 августа подал в отставку, которую Гитлер принял три дня спустя⁷¹.

В докладе, написанном в ноябре, бывший шеф Генерального штаба дал высокую оценку пятилетних усилий политического и военного руководства рейха по созданию вооруженных сил, отметив, что произошел перелом: «Нехватка военной силы преодолена, Германии больше не нужно опасаться применения военной силы как инициативного действия других стран». Одновременно Бек предостерегал от переоценки военной мощи страны: «Но если Германия, со своей стороны, хочет принудить противника к выполнению своей воли путем применения силы, то есть военным путем, то этого можно добиться, только разрушив вооруженные силы противника. Другие средства поставить противника на колени Германии недоступны. Подавление противника имеет предпосылкой нападение. Но наступательные действия, которые должны привести к прочным успехам, имея предпосылкой равноценные силы у противника, требуют явного превосходства нападающего. Нельзя отказываться от предусмотрительной проверки

того, насколько велико и какого рода должно быть это превосходство... Различия мнений о соотношении политики и ведения войны, а также отсутствие тождества между политическими притязаниями и целями, с одной стороны, и военной мощью государства, с другой, может стать первым и, возможно, решающим шагом, который приведет к проигрышу войны»⁷².

* * *

Вокруг Бека стали объединяться другие оппозиционно настроенные офицеры, дипломаты и чиновники, ставившие своей целью подготовку государственного переворота. Одним из главных заговорщиков стал преемник Бека на посту начальника Генштаба генерал Франц Гальдер. Это было серьезным отступлением от традиций прусско-германского офицерского корпуса, так как Генеральный штаб впервые за его более чем 280-летнюю историю возглавил баварец и католик. Гитлер «на основании своих наблюдений на маневрах вермахта высоко оценил генерала Гальдера из-за его современных взглядов, и он думает, что стал бы с ним работать с гораздо большей охотой, чем с генералом Бекем», — записал в своем дневнике Энгель⁷³. Но Гальдер быстрее, чем Бек, понял бесперспективность попыток легального воздействия на политику Гитлера, осознал, что именно фюрер, а не его партийное окружение является самым радикальным элементом в нацистской системе. Еще на осенних маневрах сухопутных войск 1937 года он предложил Фричу организовать насильственные действия против Гитлера, а вступая в должность начальника Генерального штаба 1 сентября 1938 года, заявил Браухичу, что он, как и его предшественник, не одобряет военные планы диктатора и полон решимости «использовать все возможности борьбы против Гитлера, которые предоставляет его нынешняя должность»⁷⁴. В беседе с Гизевиусом Гальдер назвал фюрера «душевнобольным», «преступником» и «кровопийцей», желающим развязать войну

вследствие своей «сексуально-патологической предрасположенности» к кровопролитию⁷⁵.

Подготовку плана переворота взял на себя сотрудник абвера подполковник Ганс Остер, а его практическая реализация была поручена командующему III военным округом (Берлин) генералу Эрвину фон Вицлебену, которому удалось привлечь на свою сторону Вальтера фон Брокдорф-Алефельда, командира 23-й пехотной дивизии, расквартированной в Потсдаме. Шеф абвера адмирал Канарис⁷⁶ и группа заговорщиков в германском МИДе должны были создать политические условия для государственного переворота, добившись благожелательного отношения к заговорщикам британского правительства. В середине августа по заданию Бека в Лондон отправился Эвальд фон Клейст-Шменцин, получивший такое поручение: «Привезите мне точное подтверждение того, что Англия желает сражаться, если мы нападём на Чехословакию, и я покончу с этим режимом». Однако беседы Клейста с лордом Ллойдом, Робертом Ванситтартом и Уинстоном Черчиллем не принесли ожидаемого заговорщиками результата⁷⁷.

Позиция британских политиков затрудняла действия заговорщиков в Германии, потому что мышление военных участников оппозиции определялось «теорией поражения» Третьего рейха в результате ответного вооруженного удара западных стран. В изложении Гальдера эта теория выглядела следующим образом. Гитлер еще имеет в народе слишком глубокие корни, чтобы можно было попытаться свергнуть его с некоторыми видами на успех. Конечным результатом любой попытки государственного переворота явилась бы полная противоположность — дальнейшее укрепление коричневой системы. «Порукой тому не в последнюю очередь — солдаты. Они благодарны диктатору за все, они с ликованием воспринимают его как своего героя. Только горький опыт смог бы открыть армии глаза. И только явное, не поддающееся никакому пропагандистскому затушевыванию поражение позволило бы рассчитывать на то, что вермахт даст вовлечь себя в желаемую

акцию чистки». Так как террор коренится в самой гитлеровской системе власти, то этого поражения во внутренней политике ожидать нельзя. Поэтому остается «стиснуть зубы», вооружаться, уйти в укрытие и ждать, пока западные державы не объявят Германии войну. Начальник Генерального штаба «был скорее склонен принимать в расчет риск первых военных действий, в том числе и бомбежек, нежели допустить опасность распада армии при гражданской войне. Пожалуй, рассуждал Гальдер, парочка неожиданных ударов была бы наименьшим злом. До тех пор, пока народ на собственной шкуре не осознает кровавую серьезность положения, в том состоянии опьянения, в каком он находится, на его отрезвление рассчитывать нельзя. Пока за Гитлера стоит подавляющее большинство рабочих и солдат. Если он призовет их к тому, они будут защищать коричневую систему с оружием в руках... Дело не в том, как думает тот или иной генерал. Решающим для любой акции, носящей характер государственного переворота, остается позиция младших офицеров, составляющих большинство офицерского корпуса, ибо там следует искать самый тесный контакт с главными силами войска, а тем самым — с широкими народными массами»⁷⁸.

Участники заговора в ходе обсуждения на квартире Остера 20 сентября договорились по сигналу Гальдера занять все центры массовой информации, важнейшие здания и площади Берлина, главные опорные пункты СС и гестапо. Ударная часть добровольцев под командованием капитана Фридриха Вильгельма Хайнца должна была напасть на имперскую канцелярию и, подавив сопротивление эсэсовской охраны, захватить Гитлера, а потом доставить его на автомобиле в надежное место. Решение о судьбе фюрера принято не было, поскольку многие военные заговорщики боялись мифа о фюрере и страшились пятна позора за соучастие в его свержении. Гальдер был сторонником организации «несчастливого случая» или «вражеской бомбежки» через несколько дней после объявления войны, а Вицлебен предложил объявить фюрера психически ненор-

мальным. Сразу после ухода Вишлебена Хайнц заявил, что арестовать и судить Гитлера недостаточно. Даже обвиняемый диктатор будет сильнее, чем они все, включая Вишлебена со всем армейским корпусом. Поэтому во время ареста надо затеять драку и застрелить Гитлера. После некоторого колебания Хайнца поддержал Остер. Руководители заговора предполагали сначала установить военную диктатуру, а вскоре восстановить «конституционное состояние»⁷⁹.

Арест Гитлера намечалось произвести после его возвращения из Нюрнберга с очередного партийного съезда. Но когда стало известно о намеченной на конец сентября встрече рейхсканцлера с Невиллом Чемберленом и Эдуардом Даладье, заговорщики решили дождаться ее результатов. Мюнхенское соглашение, подписанное 30 сентября, оказалось для них полной неожиданностью. Гражданские участники заговора Карл Гёрделер и Ульрих фон Хассель говорили: «Чемберлен спас Гитлера». Гальдер понимал, что в условиях внешнеполитического триумфа диктатора население не поддержит заговор против него. Все планы и разработки были уничтожены, связь между отдельными группами оппозиции прервана, и вскоре организация заговорщиков полностью распалась. Мюнхенское соглашение явилось не только дипломатическим триумфом Гитлера, но и его победой над собственными генералами, которая позволила ему беспрепятственно развязать войну за мировое господство. Моральный дух оппозиционно настроенных военных был подорван, некоторые из них поверили в «гений фюрера», другие убедились в безнадежности противодействия диктатору.

Тем не менее немецкие историки считают «сентябрьский заговор» 1938 года «важнейшим фактом в истории немецкой военной оппозиции после 20 июля 1944 года»⁸⁰. Они дают различные оценки деятельности военных заговорщиков. Одни делают акцент на том, что во время судетского кризиса в руководстве вермахта наконец-то образовалась «антивоенная партия». Другие обращают вни-

мание на тот факт, что генералы выступали не против целей Гитлера и даже не против его методов, а только стремились избежать неоправданного риска. Действительно, причиной заговора явилась угроза военной катастрофы, целью его была замена тоталитарного режима авторитарным, при котором было бы восстановлено положение офицерского корпуса как социальной и политической элиты общества. Наконец, не в пользу оппозиционеров говорит и очень непродолжительный период их деятельности.

Противоречивый характер немецкого антигитлеровского Сопrotивления некоторые исследователи объясняют с помощью теории «национал-социалистической социальной революции». Гитлер изображается ими как «революционер поневоле», а любое противодействие ему объявляется «контрреволюционным». В то же время подчеркивается моральная оправданность Сопrotивления: оно приняло в Германии «гуманные формы», а гитлеровская диктатура — «сатанинские»⁸¹. Слабость военной оппозиции состояла в том, что именно традиционные элиты привели Гитлера к власти, многие цели и ценности национал-социализма и традиционного национализма совпадали. Весьма вероятно, что добросовестное выполнение заговорщиками своих служебных обязанностей было продиктовано не только мотивами самосохранения и специфическим пониманием солдатского долга перед Германией, но и принципиальным согласием с ближайшими целями фюрера. Наконец, заговорщики представляли собой ничтожно малую часть офицерского корпуса и не могли быть уверены в том, что вермахт в решающий момент последует за ними.

Но заговорщиков, безусловно, отличали смелость и гражданское мужество. Оппозиционные действия, вполне допустимые при другом политическом режиме, расценивались в Третьем рейхе как государственная измена, общество обожествляло диктатора и было парализовано страхом перед созданными им репрессивными органами. Военное Сопrotивление было частью общегерманского Сопrotивления, разделяло его сильные и слабые стороны.

В немецком обществе не было традиции противодействия государственной власти, а существовала давняя традиция повиновения ей, которая глубоко укоренилась именно в прусско-германском офицерском корпусе⁸². Для всех оппозиционных социальных и политических групп в нацистской Германии было характерно колебание между сотрудничеством с режимом и противостоянием ему. Часто оппозиция защищала узкую сферу собственных интересов, но одновременно одобряла мероприятия нацистов в других областях. Эти «родимые пятна» несло и военное Сопротивление, которое не было монолитным и изначально антагонистичным режиму. Цели оппозиционных офицеров за время судетского кризиса прошли эволюцию от защиты собственных привилегий под лозунгом «чистки» гитлеровского режима до попытки его свержения.

ГЕРМАНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ И РАЗВЯЗЫВАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Один успех следовал за другим, и число их было необозримо... Все эти успехи были достигнуты без войны. Почему, спрашивали мы себя, на этот раз дело должно было обстоять иначе?

*Генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн*⁸³

Гитлер не скрывал, что воспринимал Мюнхенское соглашение как поражение, ему был нужен военный триумф, которой фюрер энергично готовил в течение нескольких месяцев. Не была достигнута главная цель — разрушение Чехословакии. Частичные решения больше не могли удовлетворить диктатора. Сложилась парадоксальная ситуация: Гитлер получил часть Чехословакии мирным путем, но он хотел войны. Поэтому Мюнхен стал не концом агрессивной политики фюрера, а исходным пунктом для новых авантюр. Небывалый рост собственного престижа диктатор использовал для нового наступления

на вермахт. Еще в сентябре он заявил, что не потерпит больше в ОКВ ни одного офицера, «который раздражается критикой, возражениями и нытьем». Гитлер упрекал генералитет сухопутных войск в трусости и грозил передать командование войсками гауляйтерам. Он уволил ряд нелюбимых генералов, таких как Адам, Либман, Гейер и Улекс, которые являлись потенциальной помехой его планам. В приказе офицерскому корпусу, проект которого загодя подготовил Кейтель в октябре 1938 года, фюрер утверждал, что «условиями политических и военных успехов государства являются повиновение, верность подчиненных и вера народа и вооруженных сил в свое руководство. Без них — это знает каждый офицер — войска ничего не стоят. Равнодушного и тем более неохотного повиновения недостаточно. Из него не может вспыхнуть то вдохновение, возникнуть та готовность пойти на жертвы и самоотдача, которые становятся тем нужнее, чем труднее поставленная задача». Гитлер пытался вселить в офицеров оптимизм, заявляя, что Германия всегда боролась с превосходящими силами противников, что неверие в самого себя, недооценка собственных сил и переоценка сил противника суть «несолдатские явления и признаки неправильного военного воспитания» и что стратегические оценки — дело не военного специалиста, а политика. «Если бы он захотел дожидаться, когда его армия будет полностью готова к войне, то он никогда не начал бы действовать, ведь вооруженные силы никогда не бывают и не могут быть готовы»⁸⁴.

С января по август 1939 года Гитлер выступал перед офицерским составом вермахта шесть раз. В речи перед войсковыми командирами в Берлине 10 февраля 1939 года диктатор напомнил о своих внешнеполитических успехах предшествующего года и негативно отозвался о позиции офицерского корпуса, который не доверял его политическому гению, проявляя если не скепсис, то осторожность. Этот упрек понадобился фюреру для того, чтобы убедить присутствующих в обоснованной социал-дарвинистскими и расистскими представлениями необходимости дальней-

шего риска, который, вероятно, приведет к войне. Гитлер сообщил, что 85-миллионный немецкий народ — самый многочисленный не только в Европе, но и в мире. Германия, плотность населения в которой составляет 140 человек на квадратный километр, перенаселена и не может обеспечить себя сырьем. К сырьевым запасам страны он отнес достаточные запасы угля, незначительные залежи железной руды, руд благородных металлов и запасы древесины. Неразрешимой, по его словам, была продовольственная проблема: даже хороший урожай обеспечивает только 80% потребности страны в продуктах питания, а при плохом самообеспечении достигает лишь 10—15%. Между тем рост численности населения на 500—600 тысяч человек в год через десять лет приведет к тому, что «и хорошего урожая практически больше не хватит, чтобы прокормить наш народ». Ограничение рождаемости Гитлер решительно отверг по той причине, что оно сократит возможности отбора, а эмиграцию назвал «смертью народа», так как «самые энергичные элементы покидают родину и пытаются добыть себе новые источники существования на чужбине. Это — процесс отбора, который неизбежно уводит самые деятельные натуры с родины в другой мир». Следовательно, рассуждал диктатор, остаются только два пути: первый — обеспечение импорта необходимого продовольствия и сырья, второй — «вместо того чтобы приспособливать народонаселение к жизненному пространству, приспособить жизненное пространство к народонаселению. Это путь, по которому до сих пор шли все великие народы мира... Я знаю только этот второй путь». Фюрер, страдая отсутствием самокритики и переоценкой собственной личности, убеждал офицеров в необходимости немедленно сделать новые шаги в указанном направлении: «Я не думаю, что кто-то в ближайшие 50 или, может быть, 100 лет будет пользоваться большим авторитетом у немецкого народа, чем я. Не могу себе этого представить». Гитлер успокаивал присутствующих тем, что его целью является не ведение войны, а решение проблемы жизненного

пространства политическими средствами. Однако если политические средства окажутся исчерпанными, то он не остановится и перед достижением своих целей «посредством меча». Фюрер прямо сказал, что намерен в ближайшее время пуститься на новые авантюры, пообещав тщательно обдумывать все свои действия на международной арене и попросив офицеров «не удивляться» и «безоговорочно верить» в него⁸⁵.

Двадцать первого октября 1938 года Гитлер распорядился о подготовке вермахта к «окончательной ликвидации остальной части Чехословакии» и «овладению Мемельской областью»: «Необходимо обеспечить возможность в любой момент разгромить оставшуюся часть Чехии, если она попытается проводить враждебную Германии политику... Цель нападения: быстро овладеть территорией Чехии и выставить заслон на ее границе со Словакией. Подготовку вести так, чтобы одновременно было возможно также выполнение требований плана «Оборона границ на Западе», — говорилось в указаниях верховного главнокомандующего. Гитлер опять сделал ставку на невмешательство западных держав и приказал готовиться к оккупации силами мирного времени: «Также и вне Германии всем должно быть ясно, что осуществляется лишь умирительная акция, а не военная кампания»⁸⁶. Одновременно была ускорена разработка планов нападения на Польшу (план «Вайс»), на Францию (план «Рот») и начал разрабатываться план нападения на Англию (план «Блау»). Готовился военный и экономический потенциал для ведения агрессивной войны, на производство военной продукции переводилась промышленность Судетской области. Пропаганда готовила население к будущей войне.

Военные заговорщики в этой ситуации оставались пассивными. Гальдер считал, что возможностей для государственного переворота нет. Армия не желает войны, но будет послушна любым приказам фюрера. Когда он узнал о намерении Гитлера захватить «остаток Чехословакии», то посчитал, что западные державы опять не выступят, и по-

этому отказался от подготовки заговора. Действительно, очередной триумф рейхсканцлера, вызванный бескровной оккупацией «остатка Чехии» 15 марта 1939 года, поднял его престиж. Чехословакия, которую французский министр воздушного транспорта Пьер Кот называл авианосцем, расположенным вблизи промышленных центров Германии, исчезла с карты Европы. Гальдер заявил, что из возможной вооруженной борьбы выбыли не менее 40 дивизий численностью 11—13 тысяч человек каждая, оснащенных очень хорошей артиллерией. Действительно, по оценкам Генерального штаба сухопутных войск, данным по состоянию на 28 сентября 1938 года, Чехословакия могла поставить под ружье 562 тысячи человек: 17 пехотных дивизий (221 тысяча), 4 подвижные дивизии (44 тысячи), 6 дивизий резерва (72 тысячи), части охраны укреплений (100 тысяч), штабы армий и корпусов, иные подразделения и тыловые службы (125 тысяч). В течение 30-х годов чехословацкая армия заменяла трофейное вооружение времен Первой мировой войны и устаревшие образцы французской техники новыми артиллерийскими орудиями собственного производства, которые немецкие военные специалисты считали «первоклассными»⁸⁷.

Офицеры видели и другие дипломатические успехи фюрера, улучшавшие стратегическую ситуацию: 22 марта германские войска заняли Мемельскую область Литвы, торговый договор с Румынией открыл рейху доступ к нефтяным ресурсам Юго-Восточной Европы, 22 мая был подписан «Стальной пакт» — военный союз с фашистской Италией⁸⁸.

В это же время стремительно совершалось втягивание вермахта в подготовку нападения на Польшу. По словам Манштейна, командование вооруженными силами раньше и не обсуждало вопроса о нападении на Польшу, так как агрессия против нее неминуемо закончилась бы для Германии войной на два фронта. Поэтому до весны 1939 года все военные приготовления на Востоке имели «чисто оборонительный характер»⁸⁹.

Однако психологически германский генералитет был готов к агрессивной войне против Польши, о чем свидетельствует высказывание главнокомандующего рейхсвера генерал-полковника Ганса фон Секта, сделанное еще в 1920-х гг.: «Существование Польши невыносимо, несовместимо с условиями жизни Германии. Она должна исчезнуть и исчезнет из-за собственной, внутренней слабости и из-за России — с нашей помощью... Польша никогда не сможет предложить Германии каких-либо выгод, ни экономических, ведь она не способна к развитию, ни политических, ведь она вассал Франции»⁹⁰.

В штабах уже разрабатывался план агрессии, а Гитлер 25 марта 1939 года заявил Браухичу, что «пока не намерен решать польский вопрос. Но нужно подготовить планы. Если решение и произойдет в ближайшем будущем, то только при благоприятных политических условиях. Польшу следует сокрушить настолько, чтобы в ближайшие десятилетия ее можно было не учитывать как политический фактор... Фюрер не хочет вторгаться на Украину. Может быть, можно создать украинское государство. Но и эти вопросы еще открыты». Но через несколько дней фюрер уполномочил ОКВ изменить план «Вайс» так, чтобы войска были готовы к нападению, начиная с 1 сентября 1939 года⁹¹. Одиннадцатого апреля Гитлер подписал «Директиву о единой подготовке вермахта к войне на 1939—1940 гг.», где говорилось о возможности «решить проблему Польши окончательно» в недалеком будущем. Он уповал на то, что скоро возникнет кризисная ситуация во Франции, и Англия поэтому будет вынуждена проводить сдержанную политику. «Содействие России, если она вообще окажется на него способной, Польша никак не сможет принять, — предсказывал он, — поскольку это означало бы ее уничтожение большевизмом». Залог невмешательства западных стран виделся ему, как и во время планирования военной акции против Чехословакии, во «внезапных мощных ударах» и «быстрых успехах» вермахта. Главное же состояло в том, что, в соответствии с планами диктатора, «главное на-

правление строительства вооруженных сил по-прежнему будет определяться соперничеством западных демократий. Операция «Вайс» составляет лишь предварительную меру в системе подготовки к будущей войне»⁹².

Два дня спустя Гальдер выступил с доверительным докладом перед генералами и офицерами Генерального штаба в Военной академии. Будучи в прошлом одним из руководителей антигитлеровского заговора, он начал свою речь с того, что призвал слушателей к лояльности нацистскому режиму и отказался от самостоятельной политической роли армии: «Германский вермахт должен владеть мечом, но он не должен принимать решение о том, нужно ли его применять и когда им воспользоваться. Я знаю, что среди нас есть люди, которые в вещах внешней политики, а может быть, и мировоззрения, мыслят иначе, чем нынешнее государственное руководство. Но я не хотел бы упускать предоставленную мне возможность и предостеречь от того, чтобы члены офицерского корпуса занимались вещами, далекими от задач, которые поставлены перед вооруженными силами рейха»⁹³.

Гальдер заявил офицерам и генералам, что «дружественные отношения» с Польшей были не по душе обеим сторонам, а теперь «у нас отлегло от сердца. Польша, так сказать, вступила в ряды наших противников». Британские гарантии Польше, убеждал он присутствующих, скорее всего останутся на бумаге, но если Англия вмешается в события, то будет действовать на Западе и в Средиземноморье, а значит, не спасет Польшу от поражения. Вермахт должен не просто нанести поражение польской армии, а уничтожить Польское государство «в кратчайшие сроки», «поставить рекорд скорости», иначе Советский Союз окажется перед большим искушением вступить в войну⁹⁴. Разговор о Великобритании и СССР как о вероятных противниках должен был удивить слушателей, потому что до сих пор планирование Генштаба касалось только разработки вариантов войны против Польши, Чехословакии и Франции.

Молниеносный разгром Польши представлялся начальнику Генерального штаба вполне осуществимым: «Мы знаем, кто встанет перед нами, когда пробьет час: небольшая, действительно храбрая, но плохо вооруженная маневренная армия, без достаточной огневой поддержки войск, без или почти без моторизованных войск, с отсталыми военно-воздушными силами — то есть примерно румынская армия плюс польская храбрость. То есть отнюдь не серьезный противник для нас!» О польской армии Гальдер говорил как о «большой толпе едва обученных солдат, у которых в войне против сухопутных сил рейха нет никаких шансов». Плохо обученный польский солдат — «самый тупой в Европе, если пренебречь, например, Румынией». Позднее эти констатации были подтверждены оценкой личного состава польской армии, данной Генеральным штабом 1 августа 1939 года: «Рядовой состав, если иметь в виду поляков, обладает хорошими солдатскими задатками: любовью к родине, мужеством, терпением и большой выносливостью. Но при своем недостаточном общем образовании и несамостоятельности они нуждаются в постоянном командовании. Войска будут сражаться, применяя примитивные формы боя, и понесут тяжелые потери. Качества польского национального характера легко могут привести к крайним настроениям»⁹⁵.

Абсолютная техническая отсталость польской армии, продолжал Гальдер, делает ее почти беспомощной: танковые войска Польши — «только игрушка», а «военно-воздушные силы ни по количеству, ни по качеству недостаточно велики, чтобы вообще пытаться проявить себя серьезно. К тому же у польского бомбардировщика очень низкая грузоподъемность, а бомбовый залп всего бомбардировочного флота Польши настолько мал, что не следует опасаться никаких неожиданностей, например внезапных воздушных налетов на наш тыл». Наконец, в качестве аргументов Гальдер привел слабость польского военного потенциала, обусловленную низким уровнем развития воен-

ной промышленности, и несовершенную стратегию и тактику польского командования⁹⁶.

Вернувшись к возможности войны на два фронта, начальник Генерального штаба попытался выдать за действительность пропагандистские мифы о «непреодолимом западном вале» и германских люфтваффе, которые могут быть введены в действие немедленно и «путем уничтожения Парижа и Лондона подорвать боевой дух противника». В это время «с юга выступит итальянская армия, усиленная немецким армейским корпусом, через Ниццу и Модену, а из Триполи — итальянская колониальная армия против Туниса — и, возможно, против Египта». Это лишит Великобританию и Францию, войска которой «спрячутся за линией Мажино», возможности оказать эффективную помощь Польше⁹⁷.

Перспектива войны с несколькими противниками рисовалась Гальдеру следующим образом: «Будет зависеть от русских, станет восточный фронт судьбой Европы или нет. В любом случае потом победоносная армия, преисполненная духом выигранных сражений, будет готова к тому, чтобы выступить или против большевизма, или, используя преимущества внутренней линии, устремиться на Запад, чтобы там основательно решить исход сражения»⁹⁸.

Гальдеру было известно, что к этому моменту германские сухопутные войска являлись, пожалуй, самой оснащенной и боеготовой армией мира. В соответствии с данными начальника военно-экономического штаба ОКВ генерал-майора Георга Томаса, сухопутные войска Третьего рейха занимали первое место в мире по стрелковому и основному артиллерийскому вооружению, совершенно новым типом соединений являлись танковые дивизии. Стратегическая и легкая конница, а также легкие дивизии тоже получили высокую оценку генерала. К этому моменту сухопутная армия мирного времени насчитывала 18 корпусных управлений, 39 пехотных дивизий (в том числе 4 моторизованных), 3 горные, 5 танковых, 4 легкие дивизии и

22 пулеметных батальона. На рубежах страны было расположено значительное количество пограничных частей⁹⁹.

Значительно вырос и военно-морской флот, получивший с 1933 года надводные и подводные корабли общим водоизмещением 231 тысяча тонн: два линкора водоизмещением по 35 тысяч тонн, 2 линкора водоизмещением по 26 тысяч тонн, 2 броненосца по 10 тысяч тонн, 4 тяжелых крейсера такого же водоизмещения, авианосец, 22 эскадренных миноносца, 54 подводные лодки. Воссозданные военно-воздушные силы рейха насчитывали 260 тысяч человек личного состава, 240 эскадрилий самолетов, объединенных в 21 авиационную эскадру, 300 зенитных батарей, оснащенных самыми современными орудиями¹⁰⁰.

Только в 1936—1939 гг. на изготовление вооружения, создание запасов снаряжения и боеприпасов, строительство военных объектов было израсходовано 24 млрд марок¹⁰¹, в 1939 году вермахт использовал 30% всей производимой в Германии стали, 20% меди, 45% цемента, 14% каучука, 24% строительного леса и 14% потребляемого в стране жидкого топлива¹⁰².

Запись ОКХ от 15 апреля 1939 года показывает, что полевая армия действительно имела все запасы оружия и снаряжения, но 34 пехотные дивизии были только частично оснащены требуемым оружием и снаряжением, армия резерва располагала лишь более чем 10% запланированных винтовок и пулеметов, а норматив наличия на складах боеприпасов был снижен менее чем до 15 дней боев. Это дало ОКХ повод провести тревожные параллели между 1914 и 1939 годами: «Сегодняшнее положение, возникшее из-за нехватки сортового проката, в известной мере соответствует положению в канун (Первой) мировой войны. Тогда формирование трех армейских корпусов, отсутствие которых не позволило добиться победы на первом году войны, потерпело крах из-за отказа парламента выделить денежные средства. Сегодня сухопутным войскам не дают в необходимых количествах сталь, нужную для его оснащения современным наступательным оружием»¹⁰³.

Другие документы убеждают в том, что вооружение трех составных частей вермахта в 1938—1939 гг. действительно не поспевало за агрессивными планами Гитлера. Еще 31 мая 1938 года общевойсковое управление Генерального штаба сухопутных войск подготовило докладную записку о завершении подготовки к мобилизации армии к 1 апреля 1939 года. В документе предусматривалось, что созданных запасов вооружения должно хватить на 3 месяца, а боеприпасов — на 30 дней боев. Особое значение придавалось оснащению сухопутных войск броневедомствами, строительству военных укреплений на границе с Францией и казарм, наращиванию автомобильного парка. Для этих целей требовалось 1,26 млн тонн стали, однако даже при предполагаемом росте ее производства с 30 тысяч тонн в октябре 1938-го до 600 тысяч тонн в марте 1939 года выполнение пожеланий сухопутных войск оказывалось возможным только за счет сокращения поставок стального проката на иные потребности¹⁰⁴.

Гитлер поддался давлению генералов и в июне 1938 года установил новые контингенты поставок стали для вермахта. Из 500 тонн, ежемесячно поступавших в распоряжение вооруженных сил, сухопутные войска получали 190 тонн, флот — 74 тонны, люфтваффе — 94 тонны. Кроме того, 100 тонн стали расходовалось на строительство укреплений, а 42 тонны — на совершенствование сети железных дорог, развитие сети оперативной связи, строительство складов. «Я распоряжаюсь об использовании этих дополнительных поставок в соответствии с моими указаниями господам главнокомандующим составных частей вермахта для неотложного увеличения вооружения, боеприпасов, автомобилей, самолетов, для ускорения программы строительства кораблей и для ускоренного строительства укреплений на Западе», — говорилось в подписанной фюрером директиве¹⁰⁵.

В феврале 1939 года Браухич доложил Гитлеру, что нехватка стального проката не позволяет сухопутным войскам достичь всех поставленных целей. Главнокомандую-

ший сухопутными войсками предложил отказаться от формирования четырех дивизий и 5 артиллерийских полков, прекратить строительство продовольственных складов, а также сократить нормативы запасов вооружения до 2 месяцев боев, а боеприпасов — до 15—20 дней боев (поскольку вследствие нехватки меди на многих гильзах отсутствовали ведущие пояски и капсюли, часть этих боеприпасов в действительности использовать было нельзя). Это позволило бы в предусмотренном объеме обеспечить армию автомобилями, продолжить строительство казарм, укреплений на западной границе и изготовление танков, строительство промышленных предприятий в Бранденбурге и Шпандау. Браухич потребовал выделить сухопутным войскам 23 млрд марок, поставив Гитлера в известность о том, что в противном случае армия не сможет выполнить даже эту урезанную программу вооружения¹⁰⁶.

Нехватка экономических ресурсов в последние предвоенные месяцы обострила борьбу между военно-морским флотом и люфтваффе. В январе 1939 года Гитлер утвердил составленный ОКМ план «Z», который ввиду наметившейся морской войны с Великобританией предусматривал увеличение военно-морского флота в два этапа:¹⁰⁷

Типы кораблей	1943 год	1947 год
Линкоры	6	10
Броненосцы	3	10
Авианосцы	2	4
Тяжелые крейсера	3	—
Легкие крейсера	3	12
Дозорные крейсера	2	20
Эсминцы	44	58
Миноносцы	44	78
Подводные лодки	161	249

Но если разработчики плана намечали спустить на воду эти корабли к концу 1947 года, то фюрер приказал выполнить его уже в 1945 году. За счет отказа от строительства броненосцев и дозорных крейсеров в программу были включены еще три линкора. Предполагалось, что на эти цели будет израсходовано 35 млрд марок и в результате ограничения строительства торговых кораблей военно-морское командование получит флот водоизмещением 2 млн тонн с более чем 200 тысячами моряков¹⁰⁸.

Принятие плана «Z» означало, что военно-морской флот получил приоритет над сухопутными войсками и военно-воздушными силами. Однако 18 мая 1939 года Геринг созвал совещание с участием представителей экономического штаба вермахта и ВМФ. Главнокомандующий люфтваффе заявил, что военно-морской флот еще недостаточно силен, а поэтому против Великобритании будут применяться в первую очередь военно-воздушные силы. Но план «Z» — размещение поставок на предприятиях Цейса, Крупа и Рейнметалла — делает невозможным выполнение программы люфтваффе по строительству 370 бомбардировщиков «Юнкерс-88» в месяц. Поэтому флоту следует ограничиться изготовлением 4—5 кораблей и строительством шлюзов для уже имеющихся судов. На реплику представителя флота о том, что план «Z» выполняется по приказу фюрера, Геринг возразил, что люфтваффе и сухопутные войска получили от Гитлера столь же категоричные приказы, а упорство командования ВМФ «означает войну частей вермахта друг против друга, причем, конечно, руки у него окажутся длиннее». Уже весной 1940 года военно-воздушные силы будут располагать 2 тысячами бомбардировщиков «Юнкерс-88», а военные корабли будут готовы только через 4—5 лет. Конфликт, победу в котором действительно одержал Геринг, прекратился только в августе 1939 года¹⁰⁹.

Тем временем в военном планировании нападение на Польшу постепенно приобретало значение флангового сражения в войне с Великобританией и Францией. На за-

седании в имперской канцелярии 23 мая фюрер объявил Кейтелю, Браухичу, Редеру, Герингу и начальникам штабов трех составных частей вермахта, что «спустя шесть лет положение сегодня таково: национальное объединение немцев за немногими исключениями осуществлено. Дальнейшие успехи без кровопускания достигнуты быть не могут... Речь для нас идет о расширении жизненного пространства на Востоке и о продовольственном обеспечении, а также о решении проблемы Балтики. Обеспечение продовольствием возможно только оттуда, где плотность населения мала». Поскольку Польша всегда останется врагом, продолжал Гитлер, «вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, отпадает и остается решение при первом же подходящем случае на нее напасть. О повторении Чехии нечего и думать. Дело дойдет до борьбы. Задача — изолировать Польшу. Задача изоляции Польши имеет решающее значение». За этим последовало объявление о крутом повороте в военном планировании. Вместо того чтобы избегать большой войны с западными демократиями, генералам было предложено «напасть на Запад и при этом одновременно ликвидировать Польшу». Базой для войны с главным европейским врагом — Великобританией — должны были стать оккупация Голландии и Бельгии, а также разгром Франции. Ставка опять делалась на внезапный уничтожающий удар, «при этом вопрос о праве или произволе, а также ссылки на договора никакой роли не играют»¹¹⁰.

«Нам было известно о гарантиях, которые Великобритания дала Польше... Никто из нас, солдат, не был настолько самоуверенным, легкомысленным или близоруким, чтобы не видеть в этой гарантии исключительно серьезное предупреждение», — вспоминал Манштейн¹¹¹. Но действовать решились немногие офицеры. Адмирал Канарис и руководитель экономического отдела ОКВ генерал-майор Томас пытались помешать развязыванию войны, убедив фюрера в том, что потенциал Германии существенно уступает потенциалу ее вероятных противни-

ков. Томас составил памятную записку, «из которой четко вытекало, что захватнические планы Гитлера должны привести к мировой войне, которая превратилась бы в длительную войну техники и материалов, и что выдержать эту войну Германия по причине нехватки сырья и продовольствия без сильных союзников не смогла бы». В середине августа 1939 года он сделал соответствующий доклад шефу ОКВ Кейтелю, но тот, не дослушав до конца, прервал начальника военно-экономического отдела и заявил, что «Гитлер никогда до мировой войны дело не доведет. Никакой опасности нет, поскольку, согласно взглядам Гитлера, французы — окончательно опустившийся пацифистский народ, англичане — слишком погрязли в декадансе, а Америка не пошлет в Европу ни одного человека, чтобы таскать для Англии и даже Польши каштаны из огня»¹¹².

Гитлеру было предложено самостоятельно провести военную игру и убедиться в своих заблуждениях. Он, со своей стороны, пытался убедить армию, что Англия и Франция не выступят в защиту Польши. Рейхсканцлер дважды собирал высших офицеров, чтобы доказать им свою правоту. Семнадцатого августа фюрер вызвал двух главных представителей сухопутных сил — Браухича и Гальдера и начал доказывать им, что успеха не бывает без политического и военного риска, а в данном случае риск войны на два фронта невелик: «Все говорит в пользу того, что Англия и Франция в войну не вступят, так как в этом для них нет никакой необходимости». Англия на опыте Первой мировой войны убедилась в том, что в ходе длительной войны она потеряет больше, чем сможет приобрести в результате победоносного мира. К тому же в Великобритании нет политиков крупного масштаба: «Люди, с которыми я познакомился в Мюнхене, не затеют новой мировой войны». «За что Англия должна сражаться? — спрашивал Гитлер. — За союзника не умирают». Франция не заинтересована во вступлении в войну, а Советский Союз «и не подумает таскать для Англии каштаны из огня и будет избегать войны. Проигранная война опасна для Сталина

точно так же, как и (собственная) победоносная армия. Самое большее, в чем он заинтересован, — прибалтийские государства». Затем диктатор начал убеждать Браухича и Гальдера в низкой боеспособности вероятных противников и назвал первым условием успеха быстрый разгром Польши: «В течение 8—14 дней миру должно стать ясно, что Польша готова рухнуть. Конечно, сама операция может продолжаться и дольше (6—8 недель)»¹¹³.

Свое четырехчасовое выступление перед генералами и адмиралами на секретном совещании в Оберзальцберге 22 августа Гитлер начал с «обстоятельств персонального значения»: «Ввиду моих политических способностей все в значительной мере зависит от меня, от моего существования. Ведь это факт, что никто не пользуется таким доверием немецкого народа, как я. В будущем, вероятно, никогда не будет другого такого человека, который имел бы больший авторитет, чем имею я. Следовательно, мое существование есть фактор огромного значения. Но я могу быть в любой момент уничтожен каким-нибудь преступником, каким-нибудь идиотом». В противовес к этому в Англии и Франции «личностей крупного масштаба нет». «Наши противники — мелкие черви. Я видел их в Мюнхене». Гитлер указал также на поддержку Италии и нейтралитет франкистской Испании, которыми тоже руководят «крупные» личности — Муссолини и Франко. Затем слушателям было указано на приближение экономического краха рейха: «Нам принимать решения легко. Нам терять нечего, мы можем только приобрести. Наше экономическое положение в результате наших ограничений таково, что мы сможем продержаться лишь несколько лет. Геринг может это подтвердить». Особое значение фюрер придавал еще не заключенному советско-германскому пакту: «Поворот в отношении России я провел постепенно. В связи с торговым договором мы вступили в политический разговор. Предложение пакта о ненападении. Затем от России поступило универсальное предложение. Четыре дня назад я предпринял особый шаг, который привел к то-

му, что вчера Россия ответила, что готова на заключение пакта. Установлена личная связь со Сталиным. Фон Риббентроп послезавтра заключит договор. Итак, Польша находится в таком состоянии, в каком я хотел ее видеть... Нынешнее опубликование пакта о ненападении с Россией подобно разорвавшемуся снаряду. Последствия необозримы. Сталин тоже сказал, что этот курс пойдет на пользу обеим странам. Воздействие на Польшу будет чудовищным». Западные державы, утверждал диктатор, к войне не готовы, и если они и выступят против Германии, то не решатся на большее, чем разрыв дипломатических и торговых отношений. Но «нам нечего бояться блокады. Восток поставляет нам пшеницу, скот, уголь, свинец, цинк». Проницательный слушатель должен был понять, что за всеми действительными и мнимыми аргументами в пользу немедленной войны стоит только гитлеровский авантюризм. «Мы должны с безоглядной решимостью пойти на риск. Политик точно так же, как полководец, должен брать на себя риск. Мы стоим перед лицом суровой альтернативы: либо нанести удар, либо быть раньше или позже уничтоженными» — таков был один из доводов диктатора¹¹⁴. После перерыва, во время которого присутствующих угощали черной икрой, выяснилось, что гитлеровская альтернатива не оставляла офицерам иного выбора, кроме соучастия в попрании общечеловеческой морали и норм международного права: «Я дам пропагандистский повод для развязывания войны, все равно, правдоподобный или нет. Позднее победителя не спросят о том, сказал он правду или нет. При начале и ведении войны дело идет не о праве, а о победе»¹¹⁵.

Манштейн, находившийся среди слушателей, считает, что данная фюрером оценка положения западных держав казалась тогда «логичной и во многих пунктах правильной». В то же время он добавляет: «Я все же не думаю, что слова Гитлера окончательно убедили собравшихся. Британские гарантии, правда, были почти единственным аргументом, который можно было противопоставить выска-

званиям Гитлера, но все же и он был весьма веским!»¹¹⁶ Адъютант фюрера от вермахта Шмундт поторопился распространить слух о том, что выступление Гитлера произвело на генералов «очень большое впечатление», они «убеждены в необходимости предстоящих шагов» и «с уверенностью приступают к решению новых задач». Другой участник событий, Энгель, придерживался иного мнения. Разумеется, выступления диктатора исключали всякую дискуссию, и никто из генералов не стал ничего обсуждать. Перед их глазами был пример: возражения генералов Бека и Адама привели к их отставке. Многие офицеры полагали, будто рейхсканцлер в очередной раз блефует, другие опасались того, что Гитлер на этот раз намерен во что бы то ни стало решить конфликт вооруженным путем. Сам фюрер в тот день отметил, что «выступать перед генералами — весьма своеобразно. Он думает, что он действительно хороший психолог народа и на своих собраниях, все равно, перед народом вообще или перед товарищами по партии, он всегда знает, воодушевляют ли и насколько воодушевляют его слова. У офицеров старшего возраста это совершенно иначе, они делают застывшую, похожую на маску мину, по которой никогда ничего не поймешь. Так это было и сегодня»¹¹⁷.

Двадцать пятого августа в войска поступил приказ о нападении на Польшу рано утром следующего дня. Однако еще вечером 25-го числа было объявлено о демонстративной ратификации англо-польского союзного договора. Как вспоминал офицер связи ОКХ при Гитлере подполковник Николаус фон Форман, диктатор, возбужденно расхаживая по комнате, сказал ему: «Теперь мы должны быть хитрыми, как лисицы. Но я не Бетман-Гольвег». Позднее появился вызванный Гитлером Браухич и заявил: «Я уже докладывал Вам, что сухопутные войска не готовы, что мы вынуждены начинать нападение с немобильными, слишком слабыми соединениями. По достоверным сообщениям, у Польши может оказаться 60 дивизий... Если Вы дадите мне восемь дней времени для планомерного прове-

дения мобилизации и выдвижения войск, то в моем распоряжении окажется более 100 дивизий... Так Вы получите время для своей политической игры». Гитлер немедленно согласился, и присутствующим офицерам стало ясно, что он потерпел тяжелое дипломатическое поражение¹¹⁸. Некоторые высокопоставленные и хорошо информированные военные, например Канарис и Остер, полагали даже, что от этого удара Гитлеру «не оправиться никогда» и «мир спасен на двадцать лет»¹¹⁹.

Но скептическое и пессимистическое настроение в ОКХ в августовские дни 1939 года не привело, как год назад, к выдвижению оппозиционных планов. Офицерский корпус чувствовал свое полное безвластие и безвыходность положения, среди офицеров царил фатализм. Попытка Бека склонить к активным действиям Гальдера провалилась. Начальник Генерального штаба признал правильность аргументов своего предшественника: «Да, конечно, диктатура гестапо невыносима. Да, разумеется, Вторая мировая война означала бы конец Германии. Яволь, Гитлера следует убрать, иначе не будет мира ни для Германии, ни для Европы». Однако Гальдер считал, что и потом «будет еще достаточно времени», чтобы свергнуть диктатора. «Установление новой восточной границы было бы бессмысленно; Данциг — германский город; стоит англичанам предоставить Гитлеру свободу рук на Востоке, и он никогда мировой войны не затеет. Почему же не дать диктатору провести некоторые неотложные меры по ликвидации чересполосицы в Польше?» — рассуждал он¹²⁰.

Тридцать первого августа Гитлер подписал директиву № 1 о ведении войны: «После того как политические возможности мирным путем устранить нетерпимое для Германии положение на ее восточной границе исчерпаны, я решил пойти на решение этого вопроса силой». Наступление было назначено на 4.45 первого сентября. «На Западе задача заключается в том, чтобы однозначно переложить ответственность за начало боевых действий на Англию и Францию»¹²¹. Надежда на мирное разрешение кризиса не

исчезла и с началом военных действий. Только 3 сентября, после объявления войны Англией и Францией, эта последняя надежда рухнула.

Таким образом, после Мюнхенского соглашения военная элита больше не могла оказывать влияния на принятие политических решений. Некоторые представители офицерского корпуса осознали авантюризм внешней политики Гитлера, но не предприняли серьезных попыток помешать будущей катастрофе. К началу Второй мировой войны командование вермахта превратилось в исполнительный орган гитлеровской диктатуры. Союз политического и военного руководства, который должен был гарантировать право голоса военного командования в важных сферах политики, и прежде всего во внешней политике, перестал существовать. Хотя Гитлер сотрудничал с руководством вермахта, это не означало, что он готов был предоставить ему особую роль в государстве. Фюрер использовал «доктрину двух опор» для привлечения армии на свою сторону, для завоевания доверия в офицерском корпусе. Тоталитарное государство в принципе не допускало существования какой-либо политической силы помимо НСДАП. Офицерский корпус, озабоченный только защитой собственных кастовых интересов, не осознал этого вовремя. Результатом стало развязывание Германией Второй мировой войны, которая привела к полному краху ее вооруженных сил.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ истории германских вооруженных сил показывает, что с первых дней гитлеровской диктатуры начался процесс превращения малочисленной, стоявшей вне политики кадровой армии в инструмент войны за мировое господство. Идеальным орудием в руках фюрера была бы проникнутая нацистским духом, тесно связанная с создававшимся на расовой основе «народным сообществом» массовая армия. Исследователи убеждены, что процесс ее становления не был завершен не только до начала Второй мировой войны, но и на ее последнем этапе. Несмотря на это, изучение политических, идеологических и социальных изменений, произошедших в вермахте в 1933—1939 гг., позволяет сделать некоторые обобщения.

Идейное родство традиционного консерватизма и национал-социализма обусловило частичное совпадение их целей во внутренней и внешней политике. Именно на этой основе покоился политический союз между руководством рейхсвера и Гитлером, который сделал возможным формирование правительства «национальной концентрации» во главе с нацистским фюрером. Но если настроенный в основном монархически и авторитарно офицерский корпус рассчитывал в результате сотрудничества с гитлеровским движением упрочить свое привилегированное положение в государстве и обществе, а также добиться восстановления Германии как мощной военной державы, то вождь национал-социалистов стремился к радикальному

преобразованию государственного устройства и созданию однородного в расовом отношении «народного сообщества», которое осуществляет господство над всем миром. Приспособление двух партнеров друг к другу выразилось в том, что рейхсвер одобрял действия Гитлера, направленные на демонтаж демократических институтов в Германии, а тот, в свою очередь, сохранил дуализм политического и военного руководства страны, выдвинув доктрину «двух опор».

С первых дней национал-социалистической диктатуры давала о себе знать общая черта всех тоталитарных режимов — нетерпимость власти к существованию в государстве и обществе какой-либо автономной силы. Поскольку особое положение рейхсвера в государстве подчеркивалось его монополией на обладание оружием, именно эта монополия подверглась атаке со стороны самой радикальной и хорошо организованной на тот момент части гитлеровского движения — штурмовых отрядов. Устранение СА как самостоятельного политического фактора и конкурента вооруженных сил было тактическим ходом фюрера, обусловленным отнюдь не его убеждениями, а конкретной расстановкой политических сил в Германии и пониманием того, что быстро создать эффективный военный инструмент на основе штурмовых отрядов невозможно. Но накануне войны вермахт уже не был единственным «оруженосцем нации», при поддержке Гитлера были сформированы, оснащены и обучены с помощью сухопутных войск преданные диктатору альтернативные боевые отряды — части СС особого назначения. Наконец, унижение офицерского корпуса в результате позорной отставки Бломберга и Фрича и переход руководства вермахтом в руки самого фюрера в феврале 1938 года подвели черту под претензиями военной элиты на самостоятельную политическую роль в Третьем рейхе.

Армия при тоталитарном гитлеровском режиме претерпела глубокие внутренние изменения. Традиционная идеология германских вооруженных сил пополнилась

новшествами, взятыми из арсенала национал-социализма. Очевидный отказ от традиционных ценностей представляли собой предписания о свободе вероисповедания для военнослужащих и товарищеских отношениях с представителями нацистской политической элиты — выходцами из низов общества, запрет на проведение дуэлей и поощрение браков офицеров с девушками «из народа». Напротив, насаждение в армии радикального антисемитизма облегчалось наличием в офицерском корпусе давней враждебности по отношению к евреям, а присяга на верность не народу и государству, а лично фюреру ассоциировалась у офицеров с прежней клятвой верности кайзеру. Попытка найти компромисс с фашизмом оказалась несостоятельной не только в политической области, но и в сфере идеологии. Результатом индоктринации вермахта стало пренебрежение международно-правовыми нормами и даже общечеловеческими моральными ценностями после начала Второй мировой войны и соучастие генералов, офицеров и солдат в преступлениях невиданного масштаба.

Не следует забывать и того, что вооруженные силы Третьего рейха изменились в социальном плане. Анализ роли национал-социализма в модернизации немецкого общества крайне затруднен ввиду незначительности двенадцатилетнего отрезка истории по сравнению с длящимися многие десятилетия социальными процессами. В частности, это касается и армии. Одни историки считают социальные сдвиги в вермахте наиболее ярким примером нацистской модернизации общества. Они доказывают, что «соотечественники в униформе» были переходной ступенью между офицерами элитного по своему составу и самосознанию дворянско-буржуазного войска и военнослужащими современного бундесвера — «гражданами в униформе». Другие обращают внимание на то, что при нацистах, как и до их прихода к власти, вермахт рекрутировал свои офицерские кадры в основном из «социально желательных кругов». Существующий общественный по-

рядок с его классовой структурой, как полагают эти исследователи, был законсервирован национал-социалистами, а потому ни о какой гитлеровской «социальной революции» не может быть и речи¹. По мнению автора, многократное увеличение численного состава офицерского корпуса имело неизбежным следствием определенные перемены в его социальном составе. Этому способствовали снижение требований к общеобразовательному уровню будущих офицеров, новые критерии отбора пополнения, вызванное стремительным ростом вермахта ускоренное производство офицеров в очередные звания, призыв на действительную службу офицеров резерва, а также основанные не на социальном статусе, а на расовых принципах правила вступления в брак.

Документы свидетельствуют, что военные руководители являлись инициаторами одностороннего вооружения Германии и поддержали не своих естественных союзников — осторожных представителей консервативных кругов в министерстве иностранных дел, а авантюристический внешнеполитический курс Гитлера, чреватый коалиционной войной западных держав против Третьего рейха. Возражения военных против стремительного темпа вооружения не носили принципиального характера, а диктовались боязнью того, что будет размываться элитный социальный состав офицерского корпуса и снизится профессиональная квалификация командиров и солдат. Понимая катастрофические последствия быстрого создания массовой армии для экономики, генералы сознательно готовились избежать экономического краха путем агрессивной

¹ Первой точки зрения придерживается, например, Бернгард Крёнер, второй — английский историк Ян Кершоу. См.: *Kroener B. R. Strukturelle Veränderungen in der militärischen Gesellschaft des Dritten Reiches; Kroener B. R. Auf dem Weg zu einer «nationalsozialistischen Volksarmee». Die soziale Öffnung des Heeresoffizierkorps im Zweiten Weltkrieg; Kershaw I. Der NS-Staat. Geschichtsinterpretationen und Kontroversen in Überblick.* Hamburg, 1988. S. 250—266.

войны. Однако высшее военное руководство разошлось с фюрером в вопросе об оптимальных сроках ее начала, поскольку иначе оценивало непростую международную обстановку и степень готовности рейха и его вероятных противников к боевым действиям. Подчинив вермахт своей власти в результате реорганизации высшего военного руководства, диктатор беспрепятственно продолжил намеренный курс и развязал войну тогда, когда посчитал нужным.

Непродолжительное сопротивление ничтожного меньшинства офицеров гитлеровской политике возникло отнюдь не из-за несогласия с ее целями. Причиной заговорщической деятельности была боязнь потерять в результате военного поражения то, что было уже достигнуто. Обращает на себя внимание и тот факт, что участники антигитлеровской фронды одновременно образцово выполняли свои прямые обязанности и радовались получению следующих чинов и новых должностей. Столь двоядушное отношение военных заговорщиков к выполнению своих служебных обязанностей не имеет прецедента в истории Германии и ее вооруженных сил. С другой стороны, постоянные колебания между сотрудничеством с тоталитарным режимом и противостоянием ему были характерны не только для офицерского корпуса, но и для всех остальных социальных групп немецкого общества. Это позволяет усомниться в справедливости уничижительных оценок, дававшихся участникам военного Сопротивления в советской историографии, и утверждать, что заговорщикам нельзя отказать ни в развитом чувстве гражданского долга, ни в личном мужестве.

История немецких вооруженных сил в 1933—1939 гг. еще раз подтверждает, что сотрудничество той или иной социальной группы или государственного института с тоталитарным режимом ради достижения собственных целей бесперспективно. Напротив, за согласием на уничтожение руками радикального движения политических оппонентов следует предательство близких по убеждениям

партий и родственников по социальному происхождению групп и, наконец, подчинение безжалостному диктатору. После ликвидации или лишения реальной власти остальных политических сил вождь и его партия с легкостью отказываются от политических и социальных обещаний, данных временным союзникам, и осуществляют только собственную программу. Будучи нереальной, эта программа противоречит интересам всех слоев общества. Пример германского вермахта убеждает в том, что уделом армии в тоталитарном государстве являются уход в политическое небытие и моральная деградация, а в перспективе — сокрушительное поражение на поле боя.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. См.: *Dülffer J.* Vom Bündnispartner zum Erfüllungsgehilfe im totalte Krieg. Militär und Gesellschaft in Deutschland 1933—1945 // *Der Zweite Weltkrieg. Analysen. Grundzüge. Forschungsbilanz.* Hrsg. von W. Michalka. München, Zürich, 1989. S. 286—287.

2. См.: *Мельников Д.Е.* Заговор 20 июля 1944 г.: Легенда и действительность. 2-е изд. М., 1964; *Мильштейн М.А.* Заговор против Гитлера (20 июля 1944 г.). М., 1962; *Безыменский Л.А.* Германские генералы — с Гитлером и без него. 2-е изд. М., 1964; *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Двудесятилетний адмирал. Главарь фашистской разведки Канарис и его хозяева. М., 1965; *Галкин А.А.* Германский фашизм. М., 1967; *Прозатор Д.М.* Оруженосцы Третьего рейха: Германский милитаризм 1918—1939 гг. М., 1971.

3. Обзор советской и российской историографии вермахта за 1985—1997 гг. сделал М.Г. Лещин, по подсчетам которого за этот период было опубликовано около 400 работ. См.: *Lešin M. G.* Die Wehrmacht in der sowjetischen und russischen Historiographie 1985—1997. Ein Literaturbericht // *Militärgeschichtliche Mitteilungen.* 1998. Heft 1 (57). S. 181.

4. См.: *Прокопьев В.П.* Государство и армия в истории Германии X—XX вв. Калининград, 1998. С. 517—518, 524, 526.

5. К такому выводу пришел М.Г. Лещин. *Lešin M. G.* Op. cit. S. 197.

6. Так, авторы насыщенной интересным фактическим материалом биографии адмирала Канариса в заключении своей книги указывают, что абвер не был ни всезнающим, ни всемогущим, а его успехи в первые годы войны были следствием некомпетентности советской контрразведки. См.: *Волков А., Славин С.* Адмирал Канарис — «Железный» адмирал. М., Смоленск, 1998. С. 548—552. Однако низкие оценки деятельности абвера были

характерны для советской историографии и недавно еще раз подтверждены. См.: *Гиленсен В.М.* Адмирал Канарис // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 185, 198. Противоречит фактам, неоднократно приводимым и самими авторами, вывод о том, что Канарис не вел «никакой борьбы с гитлеризмом» (с. 548—552). Адмирал, несомненно, участвовал в заговорщической деятельности, а его консервативные убеждения отнюдь не исключают антигитлеровского настроения.

7. В одной из отечественных биографий главнокомандующий германскими люфтваффе рейхсмаршал Герман Геринг, приговоренный к смерти как главный нацистский военный преступник, изображается как человек тщеславный и трусливый, но одновременно одаренный, добрый и великодушный. См.: *Протов Г.* Герман Геринг — маршал рейха. Смоленск, 1998. С. 438—441. Автор, кажется, забыл, что Геринг был одним из ближайших соратников Гитлера и его официальным преемником, что он участвовал не только в создании германских военно-воздушных сил, но и являлся создателем гестапо и организатором преследований инакомыслящих в первые месяцы «национальной революции», гонений на немецких евреев накануне войны и физического истребления европейских евреев в годы войны, отвечал за экономическую подготовку Третьего рейха к войне и т. д. В книге уделено больше внимания личной жизни Геринга, чем этим мрачным страницам его биографии.

8. См.: *Фёрстер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шнитцер Г.* Прусско-германский генеральный штаб. 1640—1945. К его политической роли в истории. М., 1966; *Kern W.* Die innere Funktion der Wehrmacht 1933—1939. Berlin, 1979; *Sturz ins Dritte Reich. Historische Miniaturen und Porträts 1933/35.* Leipzig, Jena, Berlin, 1983; *Финкер К.* Заговор 20 июля 1944 г. Дело полковника Штауффенберга. М., 1975.

9. См.: *Безыменский Л.А.* Указ. соч. С. 401; *Gerstenberger F.* «Heeres-Elite» und nationalsozialistische Herrschaft // Normalität oder Normalisierung?: Geschichtswerkstätten und Faschismusanalyse. Hrsg. von H. Gerstenberger und D. Schmidt. Münster, 1987. S. 103—104. Следует заметить, что уже в 50-е гг. в ФРГ были опубликованы исследования британских историков: *Liddel-Hart B.* Jetzt dürfen sie reden. Hitlers Generale berichten. Stuttgart, 1950; *Wheeler-Bennett J.W.* Die Nemesis der Macht. Die deutsche Armee in

der Politik 1918—1945. Düsseldorf, 1954; *Craig G.A.* Die preubetaisch-deutsche Armee 1640—1945. Staat im Staate. Düsseldorf, 1980.

10. См.: *Berghahn V.R.* Wehrmacht und Nationalsozialismus // Neue Politische Literatur. 1970. Heft 1. S. 44—45.

11. См.: *Buchheit G.* Soldatentum und Rebellion: Die Tragödie der deutschen Wehrmacht. Rastatt, Baden, 1961; *Schüddekopf E. O.* Die Wehrmacht im Dritten Reich 1934—1945. Hannover, 1962.

12. *Wohlfel R.* Wehr-, Kriegs-, oder Militaergeschichte // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1967. № 1. S. 28—29.

13. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Die Zeit der Indoktrination. Hamburg, 1969. S. 1, 5, 480—491.

14. См.: *Darendorf R.* Gesellschaft und Demokratie in Deutschland. München, 1965; *Schönenbaum D.* Die braune Revolution. Eine Sozialgeschichte des Dritten Reiches. Köln, Berlin, 1968.

15. *Müller K.-J.* Das Heer und Hitler. Stuttgart, 1969. S. 11.

16. Из многих сотен монографий и статей автор воспользовался следующими изданиями этого периода: *Deutsch H.C.* Das Komplott oder Die Entmachtung der Generale. Blomberg-und Fritsch Krise. Hitlers Weg zum Krieg. München, 1974; Handbuch zur deutschen Militärgeschichte 1648—1939. Bd. VII. Wehrmacht und Nationalsozialismus 1933—1939. München, 1978; Tradition in deutschen Streitkräften bis 1945. Herford, Bonn, 1986; *Kroener B.R.* Auf dem Weg zu einer «nationalsozialistischen Volksarmee». Die soziale Öffnung des Heeresoffizierkorps im Zweiten Weltkrieg // Von Stalingrad zur Währungsreform. Zur Sozialgeschichte des Umbruchs in Deutschland. Hrsg. von M. Broszat, K. D. Henke, H. Woller. München, 1988. S. 651—682; *Schickel A.* Wehrmacht und SS. Eine Untersuchung über ihre Stellung und Rolle in den Planungen der nationalsozialistischen Führer // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1970. Heft 10. S. 581—606.

17. Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Freiburg, 1993. Bd. 1; *Janssen K. H., Tobias F.* Der Sturz der Generale. Hitler und die Blomberg-Fritsch-Krise 1938. München, 1994; *Dülffer J.* Vom Bündnispartner zum Erfüllungsgehilfe im totalen Krieg. Militär und Gesellschaft in Deutschland 1933—1945 // Der Zweite Weltkrieg. Analysen. Grundzüge. Forschungsbilanz. Hrsg. von W. Michalka. München, Zürich, 1989. S. 286—300; *Förster J.* Vom Führerheer der Republik zur nationalsozialistischen Volksarmee. Zum Strukturwandel der Wehrmacht 1933—1945 // Deutschland in Europa. Kontinuität

und Bruch. Gedektschrift für Andreas Hillgruber. Hrsg. von J. Dülffer, B. Martin, G. Wollstein. Frankfurt— Berlin, 1990. S. 311—328; *Gerstenberger F.* «Heeres-Elite» und nationalsozialistische Herrschaft // Normalität oder Normalisierung?: Geschichtswerkstätten und Faschismusanalyse. Hrsg. von H. Gerstenberger und D. Schmidt. Münster, 1987. S. 97—114; *Kroener B.R.* Strukturelle Veränderungen in der militärischen Gesellschaft des Dritten Reiches // Nationalsozialismus und Modernisierung. Hrsg. von M. Prinz, R. Zitelmann. 2. Aufl. Darmstadt, 1994. S. 267—296; *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat // Deutschland 1933—1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Hrsg. von K. D. Bracher, M. Funke, H. A. Jacobsen. Bonn, 1993, S. 377—403.

18. Хотя история национал-социализма изучена достаточно глубоко, это не исключает дискуссий, выявления новых аспектов, выхода отдельных тем на новый виток. Подробнее см.: *Корнеева Л.Н.* Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945—1990-е годы). Учебное пособие. Кемерово, 1998. С. 108.

19. *Hitler A.* Mein Kampf. 620. Aufl. München, 1941; *Раушинг Г.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993; *Якобсен Г. А.* Вторая мировая война: хроника и документы // Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995; *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932—1945. München, 1965. Bd. II.

20. Конституции буржуазных стран. М., Л., 1935. Т. 1; Reichsgesetzblatt, 1919, 1933—1939. Далее: RGBl. Wehrgesetz und Wehrmacht. Text der wichtigsten der Wehrmacht betreffenden Gesetze nebst Erläuterungen sowie Arbeitsdienstgesetz. Hrsg. von F. Stuhlmann und H. Stange. Berlin, 1935.

21. Официальные документы военных инстанций и руководители опубликованы главным образом в следующих сборниках: Das Dritte Reich und seine Diener. Dokumente. Hrsg. von L. Poliakov und J. Wulf. Berlin — Grunewald, 1956; Ursachen und Folgen. Berlin, 1975. Bd. X; Armee und Drittes Reich 1933—1939. Darstellung und Dokumentation. Hrsg. von K. J. Müller. Paderborn, 1987; Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Freiburg, 1993. Bd. 2; Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., 1991. Т. 2, 3, 5; *Якобсен Г. А.* Указ. соч.

22. *Hartmann Chr., Slutsch S.* Franz Halder und die Kriegsvorbereitungen im Frühjahr 1939 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1997. Heft 3. S. 467—495; Das Dritte Reich und seine

Diener. Dokumente. Hrsg. von L. Poliakov und J. Wulf. Berlin-Grunewald, 1956; Ursachen und Folgen. Berlin, 1975. Bd. X; Armee und Drittes Reich 1933—1939. Darstellung und Dokumentation. Hrsg. von K. J. Müller. Paderborn, 1987; Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Freiburg, 1993. Bd. 2.

23. В книге использовались следующие учебные издания вермахта 1933—1939 гг., предназначенные для курсантов и офицеров: *Altrichter F.* Der soldatische Führer. Oldenburg (i.O./Berlin), 1938; Das neue Deutschland im Werden. Bausteine für nationalpolitischen Unterricht an den Fachschulen der Wehrmacht. Hrsg. von V. Beyer. Berlin, 1941; *München T.* Das Volk als Wehrgemeinschaft. Berlin, 1942; *Rehdans, Dombrowski, Kersten.* Das Recht der Wehrmacht. Wehrwille, Wehrkraft und Wehrrecht. Ein Hand— und Lehrbuch für aktive Offiziere, Offiziere des Beurlaubtenstands, Wehrmachtbeamte, Offiziersanwärter, Fähnrich, Kriegsschüler und Studierende des Rechts. Berlin, 1936. Изученная пропагандистская литература, авторами которой являлись в основном офицеры трех составных частей вермахта, предназначалась как для военнослужащих, так и для молодежи — потенциальных призывников — и всей читающей публики: *Der Soldat in neuem Reich.* Heer. Kriegsmarine. Luftwaffe. Berlin, 1936; *Foertsch H.* Wehrpflichtfibel. 2.Aufl. Berlin, 1935; *Holm N.* Ich werde Soldat! Alles wissenswerte vom Heer für den wehrpflichtigen Deutschen. Hamburg, 1936; *Martin H.* Wie werde ich Offizier im Heere? Berlin, 1937; *Giese F.* Wie werde ich Offizier der Kriegsmarine? Berlin, 1937; *Adler H.* Wie werde ich Offizier der Luftwaffe? Berlin, 1937; *Haid G.* Der Offizierberuf // Ein Buch vom neuen Heer. Hrsg. von G. Haid. 21. —25. Aufl. Stuttgart, 1939. S. 60—61; *Reinhard W.* Der NS-Reichskriegerbund // Das Dritte Reich im Aufbau. Übersichten und Leistungsberichte. Hrsg. von P. Meier-Benneckenstein. Bd.3. Teil II. Berlin, 1939. S. 129—170; *Wedel H. von.* Das Grobetadeutsche Heer // Das Dritte Reich im Aufbau. Übersichten und Leistungsberichte. Hrsg. von P. Meier-Benneckenstein. Bd. 3. Teil II. Berlin, 1939. S. 9—42; Wehrmacht und Partei. Hrsg. von R. Donnevert. Leipzig, 1938.

24. *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Неизвестные документы. М., 1992.

25. Правда. 1938; Völkischer Beobachter. 1935, 1938.

26. Выдержки из частной переписки офицеров и генералов опубликованы в изданиях Armee und Drittes Reich 1933—1939. Darstellung und Dokumentation. Hrsg. von K. J. Müller. Paderborn,

1987, и Кейтель В. Размышления перед казнью: Воспоминания, письма и документы начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта. М., 1998.

27. Геббельс Й. Дневники 1945 года. Последние записи. М., 1993; Heeresadjutant bei Hitler 1938—1943. Aufzeichnungen des Majors Engel. Hrsg. von H. von Kotze. Stuttgart, 1974; Armee und Drittes Reich 1933—1939; Ursachen und Folgen. Bd. X.

28. Белов Н. фон. Я был адъютантом Гитлера. 1937—1945. Смоленск, 2003; Галланд А. Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. 1941—1945 гг. М., 2004; Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1999; Кейтель В. Указ. соч.; Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск, 1999; Мюллер В. Я нашел подлинную Родину. Записки немецкого генерала. М., 1974; Дёниц К. Подводный флот рейха. Смоленск, 1999; Лизевиус Г.Б. До горького конца. Записки заговорщика. Смоленск, 2002; Керстен Ф. Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача. 1940—1945 гг. М., 2004.

Глава 1

1. Fest J. Das Gesicht des Dritten Reiches. München, 1963. S. 324.

2. Вильгельм II. События и люди 1878—1918: Воспоминания. Мемуары. Мн., 2003. С. 152, 153, 154.

3. Craig G. Op. cit. S. 506.

4. Müller K. J. Das Heer und Hitler. S. 21.

5. Bracher K. D. Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart, Düsseldorf, 1955. S. 283—284.

6. Jacobsen H. A. Militär, Staat und Gesellschaft in der Weimarer Republik // Die Weimarer Republik 1918—1933: Politik — Wirtschaft — Gesellschaft. Hrsg. von K. D. Bracher, M. Funke, H. A. Jacobsen. 3. Aufl. Bonn, 1998. S. 368.

7. Цит. по: Gembruch W. Zur Gleichschaltung der bewaffneten Macht unter der Herrschaft des Nationalsozialismus // Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1958. S. 84.

8. Weltgeschichte im Aufriß. Arbeits— und Quellenbuch. Bd. III. Von der Französischen Revolution bis zur Gegenwart. Hrsg. von H. Meyer und W. Langenbeck. 13. Aufl. Frankfurt am Main, Berlin, Bonn, München, 1966. S. 171—173.

9. Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 121.

10. См.: Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Bd. I. S.

324—325; *Hillgruber A.* Die weltpolitische Lage 1936—1939: Deutschland // Hauser O. (Hrsg.). Weltpolitik 1933—1939. Frankfurt, Zürich, 1973. S. 274; Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 122—123.

11. Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 124.

12. *Müller K. J.* Op. cit. S. 26; Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Bd. I. S. 324—325.

13. Цит. по: *Beck L.* Studien. Stuttgart, 1955. S. 53—54.

14. Ibid. S. 57—58.

15. Ibid. S. 61.

16. Впервые термин «частичная идентичность целей» употребил Манфред Мессершмидт. Одновременно к выводу о частичном совпадении целей рейхсвера и вождя нацистов пришел Клаус Юрген Мюллер. См.: *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969, S. 1, 5, 19; *Müller K. J.* Op. cit.

17. Используются личная переписка, мемуары и высказывания генерал-фельдмаршалов Вильгельма Кейтеля, Эриха фон Манштейна, Максимилиана фон Вейхса и генералов Людвиг Бека, Ганса Остера, Вернера фон Фрича, Дитриха фон Холтица, Рудольфа Кристофа фон Герсдорфа. См.: *Кейтель В.* Размышления перед казнью: Воспоминания, письма и документы начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта. М., 1998. С. 48—50; *Armee und Drittes Reich. Dok. 1—4, 11—13.* S. 139—146, 150—152; *Müller K. J.* Op. cit. S. 40—42.

18. *Armee und Drittes Reich. Dok. 14.* S. 152.

19. Цит. по: *Müller K. J.* Op. cit. S. 63—64.

20. *Armee und Drittes Reich.* S. 49; Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 21.

21. Цит. по: *Fest J.* Staatsstreich. Der lange Weg zum 20. Juli. Berlin, 1994. 416. S. 44.

22. Ursachen und Folgen. Bd. XI. Dok. 2354. S. 114.

23. Цит. по: *Foertsch H.* Schuld oder Verhängnis. Die Fritsch-Krise im Frühjahr 1938 als Wendepunkt in der Geschichte der nationalsozialistischen Zeit. Stuttgart, 1951. S. 33.

24. Цит. по: Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 24—25.

25. См.: *Buchheit G.* Op. cit. S. 4; *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. S. 4; Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 16; *Armee und Drittes Reich. Dok. 105.* S. 245; *Мутчем С.* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998. С. 21—58.

26. *Liddel-Hart B.* Op. cit. S. 41.

27. Heeresadjutant bei Hitler 1938—1943. Aufzeichnungen des Majors Engel. Hrsg. von H. von Kotze. Stuttgart, 1974. S. 20.
28. Armee und Drittes Reich. Dok. 22. S. 159.
29. *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 323.
30. Armee und Drittes Reich 1933—1939. S. 33.
31. Немецкий историк Ганс Буххайт называет его «самым демократическим из всех рейхсверовских генералов». См.: *Buchheit G.* Op. cit. S. 1, 5; *Müller K. J.* Op. cit. S. 58—60; *Fest J.* Staatsstreich. Der lange Weg zum 20. Juli. Berlin, 1994. S. 49.
32. Цит. по: *Craig G.* Op. cit. S. 512.
33. Armee und Drittes Reich 1933—1939. Dok. 105. S. 245.
34. *Berthold J.* Das neue deutsche Heer und seine Führer. Paris, 1936. S. 90.
35. *Гудериан Г.* Указ. соч. С. 34.
36. *Berthold J.* Op. cit. S. 91.
37. *Гудериан Г.* Указ. соч. С. 35—37.
38. *Гизевуис Г.Б.* Указ. соч. С. 247—248.
39. Armee und Drittes Reich. Dok. 25. S. 160—161.
40. *Дьяков Ю.Л., Бушужева Т.С.* Указ. соч. С. 325.
41. Цит. по: *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 323—324.
42. *Гизевуис Г. Б.* Указ. соч. С. 145—146.
43. *Дьяков Ю., Л., Бушужева Т. С.* Указ. соч. С. 305—306.
44. Там же. С. 282—283.
45. *Buchheit G.* Op. cit. S. 10.
46. Цит. по: *Deutsch H.* Op. cit. S. 25.
47. См.: *Handbuch zur deutschen Militärgeschichte.* S. 61; *Fest J.* Staatsstreich. Der lange Weg zum 20. Juli. Berlin, 1994. S. 48.
48. *Ibid.* S. 62—65; Ursachen und Folgen. Bd. X. S. 127—128.
49. Следует заметить, что СА можно назвать и молодежной организацией, поскольку большинство штурмовиков находилось в возрасте 18—25 лет, а большинству командиров не было и 30. Такой возрастной состав подталкивал рейхсверовское руководство к борьбе за влияние на военное обучение «коричневой армии» Рёма. См.: *Handbuch zur deutschen Militärgeschichte.* S. 66.
50. Цит. по: *Ibid.* S. 62.
51. *Раушинг Г.* Указ. соч. С. 124.
52. Статья опубликована в июне 1933 года. Ursachen und Folgen. Bd. X. Dok. 2363, S. 130—132.
53. *Fest J.* Staatsstreich. Der lange Weg zum 20. Juli. Berlin, 1994. S. 47.
54. *Раушинг Г.* Указ. соч. С. 122.

55. Kern W. Op. cit. S. 49—50.
56. Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat. S. 26.
57. Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 69; Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat. S. 26—27.
58. Müller K. J. Op. cit. S. 93—94.
59. Armee und Drittes Reich. Dok. 11. S. 150.
60. Reynolds N. Beck. Gehorsam und Widerstand. Das Leben des deutschen Generalstabschef 1935—1938. München, 1976. S. 40.
61. Kern W. Op. cit. S. 54—55.
62. Примером может служить обращение министра рейхсвера к Гитлеру с просьбой в очередной раз призвать штурмовиков к порядку, датированное 18 января 1934 года: Armee und Drittes Reich. Dok. 56. S. 192.
63. Kern W. Op. cit. S. 56.
64. Frei N. Der Führerstaat. Nationalsozialistische Herrschaft 1933—1945. München, 1993. S. 9.
65. Раушинг Г. Указ. соч. С. 125.
66. См.: Ursachen und Folgen, Bd. X, Dok. 2365, 2366, S. 133—135; Armee und Drittes Reich. Dok. 20. S. 64.
67. Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Bd. 2. Dok. 733 a. S. 321.
68. Цит. по: Müller K. J. Op. cit. S. 95—97.
69. Armee und Drittes Reich. Dok. 57. S. 192—195.
70. См.: Раушинг Г. Указ. соч. С. 126.
71. Ursachen und Folgen. Bd. X. Dok. 2367 a. S. 135—136; Armee und Drittes Reich. Dok. 58. S. 195.
72. Цит. по: Fest J. Staatsstreich. Der lange Weg zum 20. Juli. Berlin, 1994. S. 51.
73. Ursachen und Folgen, Bd. X. Dok. 2367 b. S. 136—137.
74. Armee und Drittes Reich. Dok. 62. S. 198—199.
75. Kern W. Op. cit. S. 69.
76. См., например, протест Бломберга против формирования штабной стражи СА, направленный Гитлеру 2 марта 1934 года: Armee und Drittes Reich. Dok. 59. S. 196.
77. Reynolds N. Op. cit. S. 41.
78. Weltgeschichte im Aufriß. S. 209—210.
79. Müller K. J. Op. cit. S. 122.
80. Ursachen und Folgen. Bd. X. Dok. 2377. S. 167—168.
81. Reynolds N. Op. cit. S. 42.
82. Kern W. Op. cit. S. 229; Ursachen und Folgen, Bd. X. Dok. 2362. S. 125—127.

83. Armee und Drittes Reich. Dok. 67. S. 201.
84. *Frei N.* Op. cit. S. 28.
85. Armee und Drittes Reich. Dok. 65, 67, 67 e. S. 200—203.
86. *Мюллер В.* Указ. соч. С. 257.
87. См.: Ursachen und Folgen, Bd. X. Dok. 2382. S. 194—195; Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 73; *Deutsch H.* Op. cit. S. 26—27; *Kern W.* Op. cit. S. 50, 80.
88. *Foertsch H.* Der Führer und seine Wehrmacht // Das deutsche Heer. Hrsg. von W. Jost. Breslau, 1939. S. 11—12.
89. *Галланд А.* Указ. соч. С. 27—28.
90. *Reynolds N.* Op. cit. S. 41—42.
91. Цит. по: *Bücheler H.* Carl-Heinrich von Stülpnagel: Soldat — Philosoph — Verschwörer; Biographie. Berlin, 1989. S. 127.
92. Ursachen und Folgen. Bd. X. Dok. 2380 a, 2380 c, 2383, 2385 b. S. 186, 188, 195, 198—199; *Frei N.* Op. cit. S. 28.
93. *Гизевуус Г.Б.* Указ. соч. С. 133.
94. Там же. С. 144.
95. *Wheeler-Bennett J.* Op. cit. S. 351.
96. Цит. по: *Bücheler H.* Op. cit. S. 128.
97. *Мюллер В.* Указ. соч. С. 260, 263.
98. Ursachen und Folgen. Bd. X. Dok. 2386. S. 199—201.
99. См.: *Wheeler-Bennett J.* Op. cit. S. 360; Ursachen und Folgen, Bd. X. Dok. 2380 d, S. 188—189; Armee und Drittes Reich. Dok. 71. S. 207.
100. См.: RGBl. 1919, S. 1419; RGBl. 1933, S. 1016; RGBl. 1934, S. 785.
101. *Гудериан Г.* Указ. соч. С. 38—39.
102. Armee und Drittes Reich. Dok. 73, 74. S. 208; Ursachen und Folgen. Bd. X. Dok. 2380 c. S. 187—188.
103. См. письма и донесения Франца Гальдера за вторую половину 1934 года: Armee und Drittes Reich. Dok. 93—94. S. 229—231.
104. *Frei N.* Op. cit. S. 35.
105. *Гудериан Г.* Указ. соч. С. 61.
106. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. S. 215.
107. *Janssen K. H., Tobias F.* Op. cit. S. 32—35.
108. Ibid. S. 37.
109. *Deutsch H.* Op. cit. S. 39—41.
110. *Wheeler-Bennett J.* Op. cit. S. 387; *Schramm M.* Der Gleichhaltungsprozeß der deutschen Armee 1933 bis 1938. Kulminationspunkte und Linien. Diss. München, 1990. S. 191—192.
111. *Janssen K. H., Tobias F.* Op. cit. S. 38—40.

112. Ursachen und Folgen. Bd. XI. Dok. 2600 a, 2600 c. S. 557, 563.

113. Цит. по: *Schramm M.* Op. cit. S. 193. До сих пор среди исследователей нет единства в вопросе о том, отражало ли досье действительное положение дел или было гестаповской провокацией. В отечественной историографии утвердилась последняя точка зрения. Причем, в отличие от западных ученых, советские историки называли в числе организаторов провокации и Гитлера. За рубежом считают, что досье было для него полной неожиданностью. См.: *Wheeler-Bennett J.* Op. cit. S. 388—389; *Janbetaen K. H., Tobias F.* Op. cit. S. 46—49; *Butler R.* Die illustrierte Geschichte der Gestapo. S. 84—85; *Прозектор Д.М.* Оруженосцы Третьего рейха. С. 137; *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Империя смерти. С. 82—83.

114. Heeresadjutant bei Hitler 1938—1943. S. 21.

115. Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 196; *Wheeler-Bennett J.* Op. cit. S. 389—390.

116. Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 205; Ursachen und Folgen. Bd. XI. Dok. 2600 c. S. 561—563; *Деларю Ж.* История гестапо. Смоленск, 1993. С. 204—207; *Butler R.* Op. cit. S. 82; *Wheeler-Bennett J.* Op. cit. S. 389, 391.

117. *Janssen K.H., Tobias F.* Op. cit. S. 141—143.

118. Цит. по: *Мельников Д.Е.* Заговор 20 июля 1944 г.: Легенда и действительность. М., 1964. С. 98.

119. Heeresadjutant bei Hitler 1938—1943. S. 21.

120. *Janssen K. H., Tobias F.* Op. cit. S. 144—145.

121. Ursachen und Folgen. Bd. XI. Dok. 2600 b. S. 557—560; Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 206. Полковника Хоссбаха оставили служить в ОКХ, в конце войны он был уже генералом пехоты и командующим 4-й армией. Гитлер отстранил его от командования 28 января 1945 года. См.: *Wheeler-Bennett J.* Op. cit. S. 390—392.

122. *Гузевуис Г. Б.* Указ. соч. С. 183—184.

123. *Wheeler-Bennett J.* Op. cit. S. 399; Ursachen und Folgen. Bd. XI. Dok. 2602. S. 566; *Butler R.* Op. cit. S. 82—83.

124. Armee und Drittes Reich. Dok. 112. S. 256—257.

125. Цит. по: *Buchheit G.* Op. cit. S. 142.

126. *Wheeler-Bennett J.* Op. cit. S. 402; Ursachen und Folgen. Bd. XI. Dok. 2602 a, 2602 b. S. 566.

127. Цит. по: *Fest J.* Staatsstreich. S. 65.

128. Цит. по: *Buchheit G.* Op. cit. S. 142.

129. Armee und Drittes Reich. Dok. 117. S. 261—262.
130. Ursachen und Folgen. Bd. XI. Dok. 2600 c. S. 562.
131. Белов Н. фон. Указ. соч. С. 91.
132. Armee und Drittes Reich. S. 90.
133. См.: Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибель. С. 196; Безыменский Л.А. Германские генералы — с Гитлером и без него. С. 98; Галкин А.А. Указ. соч. С. 135.
134. Подробнее документы о совещании 5 ноября 1937 года будут рассмотрены ниже. См.: Butler R. Op. cit. S. 80—81; Deutsch H. Op. cit. S. 67; Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник номер один. С. 301; Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Империя смерти. С. 82. Заметим, что некоторые исследователи датируют начало разногласий между Гитлером и верхушкой вермахта более ранним сроком. Так, Жак Деларю утверждает, что источником недовольства Гитлера стал меморандум Бломберга от 24 июня 1937 года, в котором военный министр выступил против агрессивного внешнеполитического курса Германии. См.: Деларю Ж. Указ. соч. С. 203—204.
135. Wheeler-Bennett J. Op. cit. S. 386—387.
136. Якобсен Г. А. Указ. соч. Док. 2. С. 74—84.
137. Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибель. С. 115; Галкин А.А. Указ. соч. С. 135.
138. Janssen K. H., Tobias F. Op. cit. S. 10—21.
139. Белов Н. фон. Указ. соч. С. 91—92.
140. Кейтель В. Указ. соч. С. 94—95.
141. Janssen K. H., Tobias F. Op. cit. S. 199.
142. Кейтель В. Указ. соч. С. 95. См. также: Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 207; Митчем С. Указ. соч. С. 59—102.
143. Ursachen und Folgen. Bd. XI. Dok. 2600 c. S. 561—563; Janbetaen K. H., Tobias F. Op. cit. S. 203, 222.
144. Heeresadjutant bei Hitler 1938—1943. S. 19.
145. Гизевуис Г.Б. Указ. соч. С. 226.
146. См.: Armee und Drittes Reich. Dok. 106. S. 250—251; Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибель. С. 117; Wendt B. J. Das nationalsozialistische Deutschland. S. 188.
147. Гизевуис Г.Б. Указ. соч. С. 262.
148. См.: Janssen K. H., Tobias F. Op. cit. S. 213—219.
149. Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 389.
150. Правда. 1938. 3 февраля.
151. Völkischer Beobachter. 1938. 5. Februar.
152. Ursachen und Folgen. Dok. 2601 d. S. 565.
153. Ibid. Dok. 2601 a, 2601 b. S. 564—565; RGBI. 1938. S. 215.

154. Митчем С., Мюллер Дж. Командиры Третьего рейха. Смоленск, 1995. С. 21.
155. Правда. 1938. 6, 7, 8 февраля.
156. Armee und Drittes Reich. Dok. 109, 110. S. 254.
157. Ibid. Dok. 111, 115, S. 256, 260—261.
158. Wheeler-Bennett J. Op. cit. S. 396.
159. Правда. 1938. 6 февраля.
160. Гизевуис Г.Б. Указ. соч. С. 245.
161. Armee und Drittes Reich. S. 37—38.
162. Ibid. Dok. 116. S. 261.
163. Буллок А. Указ. соч. Т. 2. С. 171.
164. Frei N. Op. cit. S. 130.

Глава 2

1. Armee und Drittes Reich. Dok. 95 a. S. 234.
2. Stein G.H. Geschichte der Waffen-SS. Düsseldorf, 1967. S. 255.
3. Геббельс Й. Указ. соч. С. 316.
4. Керстен Ф. Указ. соч. С. 337.
5. Раушнинг Г. Указ. соч. С. 127.
6. Höhne H. Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Gütersloh, 1967. S. 407.
7. Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat. S. 121—122.
8. Таково было официальное название — SS-Verfügungstruppe (SSVT). Более известное наименование «ваффен-СС» впервые появилось в приказе Гимmlера 7 ноября 1939 года. Гитлер первый раз использовал его в речи в рейхстаге 19 июля 1940 года. См.: Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932—1945. München, 1965. Bd. II. S. 1549.
9. Armee und Drittes Reich. Dok. 75. S. 209—210.
10. Wegner B. Hitlers politische Soldaten: Die Waffen-SS 1933—1945. Leitbild, Struktur und Funktion einer nationalsozialistischen Elite. 3. Aufl. Paderborn, 1988. S. 86—88.
11. Armee und Drittes Reich. Dok. 76, 78. S. 210—211, 213—214.
12. Ibid. Dok. 77. S. 212.
13. Ibid. Dok. 78. S. 213—214.
14. Reynolds N. Op. cit. S. 50—51.
15. Armee und Drittes Reich. Dok. 79. S. 214.
16. Ibid. Dok. 80, 81. S. 215—216.
17. Ibid. Dok. 82. S. 216—217.
18. Фрич уже в молодости был близорук, и ношение монокля

стало условием его зачисления на службу в артиллерию в 1898 году. Это условие он выполнял и в республиканском рейхсвере, и в вермахте Третьего рейха.

19. *Мюллер В.* Указ. соч. С. 269—270; *Armee und Drittes Reich.* Dok. 84. S. 218.

20. *Reynolds N.* Op. cit. S. 55.

21. Ibid. S. 56.

22. *Ursachen und Folgen.* Bd. XI. Dok. 2486. S. 17—25.

23. Цит. по: *Reynolds N.* Op. cit. S. 56.

24. *Armee und Drittes Reich.* Dok. 85. S. 218—220.

25. Ibid. Dok. 86. S. 220—221.

26. *Stein G.H.* Op. cit. S. 17.

27. *Heeresadjutant bei Hitler 1938—1943.* S. 19—20.

28. По сведениям Бернда Вегнера, проект приказа был составлен Гиммлером. См.: *Wegner B.* Op. cit. S. 103.

29. *Armee und Drittes Reich.* S. 76—77.

30. *Schickel A.* *Wehrmacht und SS. Eine Untersuchung über ihre Stellung und Rolle in den Planungen der nationalsozialistischen Führer // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht.* 1970. Heft 10. S. 589.

31. *Stein G.H.* Op. cit. S. 21—22.

32. *Armee und Drittes Reich.* Dok. 90. S. 226—228.

33. Цит. по: *Wegner B.* Op. cit. S. 119.

34. *Kern W.* Op. cit. Dok. 12, 13. S. 243—245.

35. *Höhne H.* Op. cit. S. 420.

36. *Armee und Drittes Reich.* Dok. 124. S. 279.

37. *Dülffer J.* *Vom Bündnispartner zum Erfüllungsgehilfe im totalen Krieg. Militär und Gesellschaft in Deutschland 1933—1945 // Der Zweite Weltkrieg. Analysen. Grundzüge. Forschungsbilanz.* Hrsg. Von W. Michalka. München, Zürich, 1989. S. 286.

38. Ibid. S. 289.

39. *Jacobsen H. A.* *Militär, Staat und Gesellschaft in der Weimarer Republik.* S. 355.

40. *Armee und Drittes Reich.* S. 24; *Schoenbaum D.* Op. cit. S. 299; *Прозектор Д.М.* *Оруженосцы Третьего рейха.* С. 26; *Dülffer J.* Op. cit. S. 290.

41. Составлено по: *Armee und Drittes Reich.* S. 24; *Schoenbaum D.* Op. cit. S. 299; *Dülffer J.* Op. cit. S. 290.

42. *Schoenbaum D.* Op. cit. S. 304; *Jacobsen H. A.* Op. cit. S. 355.

43. *Dülffer J.* Op. cit. S. 290.

44. *Дьяков Ю.Л., Бушуйева Т.С.* Указ. соч. С. 225, 284—285.

45. *Kern W.* Op. cit. S. 36.

46. Armee und Drittes Reich. Dok. 123. S. 274—278.
47. Ibid. S. 277.
48. Ibid. Dok. 122, 124. S. 272—274; 278—279.
49. Ibid. Dok. 124. S. 279.
50. См. пп. 8—11 Закона об обороне: Wehrgesetz und Wehrmacht. S. 58—62.
51. См.: *Stehli H.* Etwas über Aufgaben und Laufbahn der Wehrmachtbeamten (Heer) // Ein Buch vom neuen Heer. Hrsg. von G. Haid. 21. —25. Aufl. Stuttgart, 1939. S. 153—158.
52. *Rühle G.* Das Dritte Reich. Dokumentarische Darstellung des Aufbaues der Nation. Das fünfte Jahr 1937. Berlin, 1938. S. 272—273.
53. Цит. по: *Thomee E.* Das Unteroffizierkorps // Das deutsche Heer. Hrsg. von W. Jost. Breslau, 1939. S. 18.
54. Ibid. S. 25.
55. Wehrgesetz und Wehrmacht. S. 170—171.
56. Armee und Drittes Reich. Dok. 133. S. 291—293.
57. Ibid. Dok. 134. S. 293—294.
58. Ibid. Dok. 139. S. 302—303.
59. Распоряжение рейхсканцлера от 31 января 1936 года. См.: RGBI. T. I. S. 65—71.
60. *Kern W.* Op. cit. S. 125—127.
61. *Kersting F.W.* Wehrmacht und Schule im «Dritten Reich» // Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 439—448.
62. Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 367; *Haid G.* Der Offizierberuf // Ein Buch vom neuen Heer. Hrsg. von G. Haid. 21. —25. Aufl. Stuttgart, 1939. S. 62.
63. *Reynolds N.* Op. cit. S. 62.
64. Цит. по: *Hesse.* Kriegsschule — Kriegsakademie — Wehrmachtakademie // Das deutsche Heer. Hrsg. von W. Jost. Breslau, 1939. S. 31.
65. Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 368—369.
66. Armee und Drittes Reich. Dok. 43. S. 176—179.
67. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии (1933—1945). Т. 1. С. 331; Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 370.
68. *Martin H.* Op. cit. S. 10—11.
69. Wehrgesetz und Wehrmacht. S. 171—174; *Haid G.* Op. cit. S. 61—62.
70. *Martin H.* Op. cit. S. 16—17.
71. Ibid. S. 23—24.
72. Цит. по: *Hesse.* Op. cit. S. 29.
73. *Martin H.* Op. cit. S. 25—26.
74. *Hesse.* Op. cit. S. 30.

75. *Martin H.* Op. cit. S. 28.

76. *Petter W.* Militrische Massengesellschaft und Entprofessionalisierung des Offiziers // Die Wehrmacht. Mythos und Realitt. Mnchen, 1999. S. 364.

77. *Giese F.* Op. cit. S. 14—28; Der Soldat in neuem Reich. S. 82—84.

78. Grundzge der deutschen Militrgeschichte. Bd. I. S. 367.

79. Ibid. S. 371.

80. *Adler H.* Op. cit. S. 11—17.

81. См.: *Giese F.* Op. cit. S. 15; *Adler H.* Op. cit. S. 19; *Martin H.* Op. cit. S. 29—36.

82. *Berthold J.* Op. cit. S. 46.

83. Ibid. S. 44.

84. Handbuch zur deutschen Militrgeschichte. S. 370—372; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. V/1. Stuttgart, 1988. S. 733.

85. Handbuch zur deutschen Militrgeschichte. S. 373.

86. Grundzge der deutschen Militrgeschichte. Bd. II. S. 353.

87. Ibid. Bd. I. S. 370.

88. *Schoenbaum D.* Op. cit. S. 304.

89. См.: *Kroener B.R.* Auf dem Weg zu einer «nationalsozialistischen Volksarmee». Die soziale ffnung des Heeresoffizierkorps im Zweiten Weltkrieg // Von Stalingrad zur Whrungsreform. Zur Sozialgeschichte des Umbruchs in Deutschland. Hrsg. von M. Broszat, K. D. Henke, H. Woller. Mnchen, 1988. S. 651—682.

90. См.: *Kroener B.* Strukturelle Vernderungen in der militrischen Gesellschaft des Dritten Reiches // Nationalsozialismus und Modernisierung. Hrsg. von M. Prinz, R. Zitelmann. 2. Aufl. Darmstadt, 1994. S. 267—296.

91. См.: *Frster J.* Vom Fhrerheer der Republik zur nationalsozialistische Volksarmee. Zum Strukturwandel der Wehrmacht 1933—1945 // Deutschland in Europa. Kontinuitt und Bruch. Gedeksschrift fr Andreas Hillgruber. Hrsg. von J. Dlffer, B. Martin, G. Wollstein. Frankfurt am Main, Berlin, 1990. S. 319.

92. Цит. по: *Frster J.* Op. cit. S. 317.

93. *Foertsch H.* Der Offizier der neuen Wehrmacht. Eine Pflichtlehre. 2. Aufl. Berlin, 1936. S. 27, 58—61.

94. Grundzge der deutschen Militrgeschichte. Bd. 2. Dok. M 721 a. S. 310—311; Wehrgesetz und Wehrmacht. S. 81.

95. *Foertsch H.* Der Offizier der neuen Wehrmacht. Eine Pflichtlehre. 2. Aufl. Berlin, 1936. S. 61—62.

96. *Кейтель В.* Указ. соч. С. 13; *Гёрлиц В.* Карл Дёниц, гросс-адмирал // Соратники Гитлера. Ростов-на-Дону, 1998. С. 186.
97. *Foertsch H.* Der Offizier der neuen Wehrmacht. Eine Pflichtlehre. 2. Aufl. Berlin, 1936. S. 60—61.
98. *Martin H.* Op. Cit. S. 37.
99. *Rehdans, Dombrowski, Kersten.* Das Recht der Wehrmacht. Wehrwille, Wehrkraft und Wehrrecht. Ein Hand— und Lehrbuch für aktive Offiziere, Offiziere des Beurlaubtenstands, Wehrmachtbeamte, Offiziersanwärter, Fähnrich, Kriegsschüler und Studierende des Rechts. Berlin, 1936. S. 177.
100. Составлено по: *Martin H.* Op. Cit. S. 39; Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Bd. 2. Dok. 725 a. S. 317.
101. Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Bd. 2. Dok. 725 b. S. 317.
102. *Holm N.* Op. cit. S. 84.
103. *Wedel H. von.* Das Grobeteutsche Heer // Das Dritte Reich im Aufbau. Übersichten und Leistungsberichte. Hrsg. von P. Meier-Benneckenstein. Bd.3. Teil II. Berlin, 1939. S. 28—29.
104. *Reinhard W.* Der NS-Reichskriegerbund // Das Dritte Reich im Aufbau. Übersichten und Leistungsberichte. Hrsg. von P. Meier-Benneckenstein. Bd.3. Teil II. Berlin, 1939. S. 129, 141—145, 159—162.

Глава 3

1. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 82.
2. *Вильгельм II.* Указ. соч. С. 152, 153.
3. *Hitler A.* Mein Kampf. S. 306—308, 459, 580, 647.
4. *Deutsch H.* Op. cit. S. 46; *Volkman-Leander B. von.* Soldaten oder Militärs? Ein Buch zum Nachdenken. München, 1935. S. 86—89.
5. Armee und Drittes Reich. Dok. 41. S. 173—174.
6. Ibid. Dok. 38, 105. S. 170—171, 245.
7. Ibid. Dok. 16. S. 153—155.
8. Цит. по: Unsere Wehrmacht. 185 Bilddokumente aus Heer, Kriegsmarine und Luftwaffe. Hrsg. von H. Foertsch. Berlin, 1936. S. 8—9.
9. Выступление перед войсками в Мюнхене 23 февраля 1933 года. Armee und Drittes Reich. Dok. 23. S. 160. См. также: *Foertsch H.* Wehrpflichtfibel. S. 20.
10. Armee und Drittes Reich. Dok. 24. S. 160; Ursachen und Folgen. Bd. X. Dok. 2357 a. S. 117—118.
11. Ursachen und Folgen. Bd. X. Dok. 2357 b. S. 119.

12. См. выступление Бломберга перед офицерами по окончании осенних маневров 15 сентября 1933 года. *Armee und Drittes Reich. Dok. 29. S. 163.*

13. Соответствующие директивы вышли в ноябре 1933 года. *Ibid. Dok. 30. S. 164.*

14. *Armee und Drittes Reich. Dok. 31, 36. S. 164, 168—169; Ursachen und Folgen. Bd. X. Dok. 2360. S. 123—124.*

15. Цит. по: *Petter W. Militärische Massengesellschaft und Entprofessionalisierung des Offiziers // Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 359.*

16. *Armee und Drittes Reich. Dok. 37. S. 169—170.*

17. *Ibid. Dok. 95 b. S. 235—236.*

18. Цит. по: *Foertsch H. Der Führer und seine Wehrmacht // Das deutsche Heer. Hrsg. von W. Jost. Breslau, 1939. S. 11.*

19. *Armee und Drittes Reich. Dok. 38. S. 170—171.*

20. *Craig G. Op. cit. S. 522—523.*

21. *Armee und Drittes Reich. Dok. 39. S. 171—172.*

22. *Ibid. Dok. 40. S. 173.*

23. См.: Секретное распоряжение командира 1-й танковой дивизии генерала от кавалерии барона Максимилиана фон Вейкса от 2 марта и распоряжение командующего VII армейским корпусом генерала от артиллерии фон Рейхенау от 30 июня 1937 года: *Ibid. Dok. 42, 44. S. 174—176, 179.*

24. *Ibid. Dok. 45—46. S. 179—182.*

25. *Ibid. Dok. 167. S. 365—375.*

26. *Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 237.*

27. *Wehrgesetz und Wehrmacht. S. 78—81.*

28. *Armee und Drittes Reich. Dok. 21, 95 a. S. 157—158, 233—235.*

29. *Ibid. Dok. 43. S. 177—179; Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 54; Messerschmidt M. Op. cit. S. 96.*

30. *Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 107—108; Kern W. Op. cit. S. 103.*

31. *Wheeler-Bennet J. Op. cit. S. 364.*

32. *Armee und Drittes Reich. Dok. 2, 98, 101—103. S. 140—141, 238—242; Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Bd. 2. Dok. M 734 b. S. 323.*

33. Секретное распоряжение «О сотрудничестве с НСДАП», апрель 1938 года. Цит. по: *Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 107—108.*

34. *Kersting F.W. Op. cit. S. 449—450.*

35. Armee und Drittes Reich. Dok. 35. S. 168.
36. Wehrgesetz und Wehrmacht. S. 45—46.
37. Armee und Drittes Reich. Dok. 37, 42. S. 169—170, 174—176.
38. *Foertsch H.* Die Wehrmacht im NS-Staat // *Völkischer Beobachter*. 1935. 14 Juni.
39. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 64; *Handbuch zur deutschen Militärgeschichte* S. 52—53.
40. *Reynolds N.* Op. cit. S. 63.
41. *Rühle G.* Das Dritte Reich. Dokumentarische Darstellung des Aufbaues der Nation. Das fünfte Jahr 1937. Berlin, 1938. S. 264—265.
42. См: *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 67—73.
43. Ibid. S. 220.
44. Ibid. S. 64—65.
45. *Ehrke-Rottermund H.* Die Wehrmacht als Gegenstand der Literatur während des «Dritten Reiches» // *Die Wehrmacht. Mythos und Realität*. München, 1999. S. 687.
46. Ibid. S. 690—694.
47. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 150—154.
48. Цит. по: *Dirks C., Janbetaen K. H.* Der Krieg der Generale. Hitler als Werkzeug der Wehrmacht. Berlin, 1999. S. 236—237.
49. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 159.
50. *Foertsch H.* Wehrpflichtfibel. S. 29—34; *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 155; *Kern W.* Op. cit. S. 30.
51. *Foertsch H.* Der Offizier der neuen Wehrmacht. Eine Pflichtlehre. 2. Aufl. Berlin, 1936. S. 50.
52. *Altrichter F.* Der soldatische Führer. Oldenburg (i.O./Berlin), 1938. S. 11—12, 40.
53. *Haid G.* Op. cit. S. 60—61; *Foertsch H.* Der Offizier der neuen Wehrmacht. S. 57.
54. *Foertsch H.* Der Offizier der neuen Wehrmacht. Eine Pflichtlehre. 2. Aufl. Berlin, 1936. S. 14.
55. См.: *Wehrmacht und Partei*. S. 44, 48, 50, 52.
56. См.: Ibid. S. 83—96.
57. *Tradition in deutschen Streitkräften bis 1945*. Herford, Bonn, 1986. S. 271.
58. Armee und Drittes Reich. Dok. 26. S. 161.
59. *Rühle G.* Das Dritte Reich. Dokumentarische Darstellung des Aufbaues der Nation. Das vierte Jahr 1936. Berlin, 1937. S. 95.

60. Tradition in deutschen Streitkräften bis 1945. S. 264—265.
61. *Rühle G.* Das Dritte Reich. Dokumentarische Darstellung des Aufbaues der Nation. Das vierte Jahr 1936. Berlin, 1937. S. 212.
62. Ursachen und Folgen. Bd. X. Dok. 2356, 2357 c. S. 116, 119—120; Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 49.
63. *Rühle G.* Das Dritte Reich. Dokumentarische Darstellung des Aufbaues der Nation. Das fünfte Jahr 1937. Berlin, 1938. S. 273—274.
64. Ursachen und Folgen. Bd. X. Dok. 2355 a-b, 2359 b. S. 115, 122—123; RGBl. 1935. S. 1285, 1342.
65. Heeresadjutant bei Hitler 1938—1943. S. 57—58.
66. См.: Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 48; *Maier A.* Die verfassungsrechtliche und staatspolitische Stellung der deutschen Wehrmacht. Ein Überblick über die Jahre 1919—1934. Diss. Berlin, o. J. S. 314; Tradition in deutschen Streitkräften bis 1945. S. 270.
67. *Rühle G.* Das Dritte Reich. Dokumentarische Darstellung des Aufbaues der Nation. Das dritte Jahr 1935. Berlin, 1936. S. 95.
68. *Foertsch H.* Der Offizier der neuen Wehrmacht. S. 20.
69. Ibid. S. 22—26.
70. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 87—89.
71. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М., 1991. Т. 5. С. 635.
72. *Goldhagen D.* Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin, 1996. S. 9.
73. *Wendt B.J.* Deutschland 1933—1945: Das «Dritte Reich». Handbuch zur Geschichte. Hannover, 1995. S. 160, 161.
74. *Neumann F.* Behemoth. Struktur und Praxis des Nationalsozialismus 1933—1944. Frankfurt am Main, 1984. S. 143—146.
75. *München T.* Das Volk als Wehrgemeinschaft. Berlin, 1942. S. 79—81.
76. См.: *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat // Deutschland 1933—1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Hrsg. von K.-D. Bracher, M. Funke, H. A. Jacobsen. Bonn, 1993. S. 384; Armee und Drittes Reich 1933—1939. S. 189; *Petter W.* Wehrmacht und Judenverfolgung // Die Deutschen und die Judenverfolgung im Dritten Reich. Hrsg. von U. Büttner. Hamburg, 1992. S. 163.
77. *Foerster J.* Wehrmacht, Krieg und Holocaust // Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 949.
78. *Hürter J.* «Es herrschen Sitten und Gebräuche, genauso wie im 30-jährigen Krieg». Das erste Jahr des deutsch-sowjetischen Krieges in Dokumenten des Generals Gotthard Heinrici // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 2000. № 2. S. 339, 340.

79. *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. Die Entfesselung der Gewalt: Rassismus und Krieg. Frankfurt am Main, 1996. S. 76, 77.
80. Конституции буржуазных стран. М. —Л., 1935. Т. 1. С. 132.
81. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 41.
82. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Bonn, 1993. S. 385.
83. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 42, 44.
84. Ibid. S. 43; *Herbst L.* Op. cit. S. 78,79.
85. *Armee und Drittes Reich 1933—1939.* S. 183; *Der Angriff auf die Sowjetunion.* Frankfurt am Main, 1991. S. 526.
86. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Bonn, 1993. S. 386; *Handbuch zur deutschen Militärgeschichte.* S. 57, 58; *Armee und Drittes Reich 1933—1939.* S. 57.
87. *Armee und Drittes Reich 1933—1939.* S. 183—189.
88. Ibid. S. 189; *Wehrgesetz und Wehrmacht.* S. 65—67.
89. *Armee und Drittes Reich 1933—1939.* S. 189.
90. *Reichsgesetzblatt 1935. Teil I.* S. 1146.
91. *Armee und Drittes Reich 1933—1939.* S. 190, 191.
92. *Foerster J.* Wehrmacht, Krieg und Holocaust. S. 951.
93. См.: *Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Bd. 2.* S. 310, 311; *Wehrgesetz und Wehrmacht.* S. 81.
94. *Wheeler-Bennett J. W.* Op. cit. S. 364—365.
95. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 46.
96. *Groehler O.* Erhard Milch. Perspektivischer Luftkrieg // *Sturz ins Dritte Reich. Historische Miniaturen und Porträts 1933/35.* Leipzig, Jena, Berlin, 1983. S. 232—233; *Митчем С., Мюллер Дж.* Указ. соч. С. 264—266, 287, 317—318.
97. *Foerster J.* Wehrmacht, Krieg und Holocaust. S. 951.
98. *Fest J.* Staatsstreich. S. 107.
99. См.: *Ueberschär G.R.* Ansätze und Hindernisse der Militäropposition gegen Hitler in den ersten beiden Kriegsjahren (1939—1941) // *Aufstand des Gewissens. Militärischer Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime 1933—1945.* Berlin, Bonn, Herford, 1994. S. 369; *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 356, 357.
100. *Das neue Deutschland im Werden.* S. 179, 180.
101. Цит. по: *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 354.

102. Das Dritte Reich und seine Diener. S. 447.
103. *Hürter J.* Op. cit. S. 341.
104. Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 183.
105. Weltgeschichte im Aufribeta. Bd. 3. Teil I. S. 397.
106. Ibid.
107. Ursachen und Folgen. Bd. IX. Dok. 2240 c. S. 567, 570.
108. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 179—180.
109. *Güsgen J.* Die Bedeutung der Katholischen Militärseelsorge in Deutschland von 1933—1945 // Die Wehrmacht. Mythos und Realität. Hrsg. von R.-D. Müller und H.-E. Volkmann. München, 1999. S. 517—518.
110. Цит. по: *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S.178.
111. Ibid. S.173—174.
112. По словам его американских биографов, Редер «вел не утихавшую ни на минуту борьбу с министром пропаганды Геббельсом и гестапо за флотских священников, которых поддерживал, как только мог». *Митчем С., Мюллер Дж.* Указ. соч. С. 318.
113. Armee und Drittes Reich. Dok. 97. S. 237.
114. Ibid. Dok. 27. S. 162.
115. Ibid. Dok. 92. S. 229.
116. Ibid. Dok. 94. S. 231—232.
117. Цит. по: *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 176.
118. Armee und Drittes Reich. Dok. 95 а, 96. S. 235, 237.
119. *Foertsch H.* Der Offizier der neuen Wehrmacht. Eine Pflichtlehre. 2. Aufl. Berlin, 1936. S. 28.
120. *Güsgen J.* Op. cit. S. 509.
121. Цит. по: *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 184—185, 189.
122. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 179.
123. *Güsgen J.* Op. cit. S. 508.
124. Ibid. S. 504.
125. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 189—190.
126. *Güsgen J.* Op. cit. S. 506—507.
127. Цит. по: *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 191.
128. *Criag G.* Op. cit. S. 530; Grundzüge der deutschen Militär-

geschichte. Bd. 2. Dok. 722 b. S. 314; Armee und Drittes Reich. Dok. 97. S. 237—238.

129. Armee und Drittes Reich. Dok. 97. S. 239.

130. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 193—194.

131. *Criag G.* Op. cit. S. 530.

132. Heeresadjutant bei Hitler 1938—1943. S. 30—31.

133. Цит. по: *Митчем С., Мюллер Дж.* Указ. соч. С. 198.

134. Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Bd. 2. Dok. 722 a. S. 313.

135. *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Hamburg, 1969. S. 189, 198.

136. *Güsgen J.* Op. cit. S. 519—520.

Глава 4

1. *Кейтель В.* Указ. соч. С. 83.

2. *Müller K. J.* Über den «militärischen Widerstand» // Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Hrsg. von P. Steinbach, J. Tuchel. Bonn, 1994. S. 272.

3. *Deist W.* Militär, Staat und Gesellschaft: Studien zur preubertaisch-deutsche Militärgeschichte. München, 1991. S. 297.

4. Ibid. S. 298—300.

5. Ibid. S. 304.

6. Armee und Drittes Reich. Dok. 119. S. 264—271.

7. Ursachen und Folgen. Bd. X. Dok. 2320. S. 29.

8. *Гёрлиц В.* Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657—1945. М., 2005. С. 268—269.

9. См.: Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 112—113; Armee und Drittes Reich. Dok. 120, 121. S. 271—272.

10. Директива относительно действий вооруженных сил в случае применения санкций, 25 октября 1933 года. Ursachen und Folgen. Bd. X. Dok. 2328 a, b. S. 46—49.

11. Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 116.

12. Меморандум Бека от 14 декабря 1933 года. Armee und Drittes Reich. Dok. 122, 124. S. 272—274, 278—279.

13. *Geyer M.* Deutsche Rüstungspolitik 1860—1980. Frankfurt am Main, 1984. S. 145.

14. Armee und Drittes Reich. Dok. 125, 128. S. 280—281, 286.

15. Ibid. Dok. 126, 127. S. 281—286.

16. Вскоре книга была издана и в СССР. См.: *Вудман Д.* Германия вооружается. М., 1935.

17. Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 134—136.
18. Armee und Drittes Reich. Dok. 129. S. 287—288.
19. RGBl. 1935. S. 375.
20. *Wheeler-Bennett J.* Op. cit. S. 361.
21. Armee und Drittes Reich. Dok. 132. S. 290—291.
22. *Deist W.* Op. cit. S. 319—320.
23. Armee und Drittes Reich. Dok. 131. S. 289—290.
24. Ibid. Dok. 136. S. 295—298. Гудериан считает, что Бек тормозил развитие бронетанковых войск. Все же в октябре 1935 года был сформирован танковый корпус, состоявший из трех дивизий, а в 1936—1937 гг. разработаны основные принципы организации танковых войск. См.: *Гудериан Г.* Указ. соч. С. 41, 45—58.
25. Armee und Drittes Reich. Dok. 138. S. 300—302; Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 380—381.
26. Цит. по: *Bücheler H.* Op. cit. S. 132.
27. *Foertsch H.* Der Führer und seine Wehrmacht // Das deutsche Heer. Hrsg. von W. Jost. Breslau, 1939. S. 9—10.
28. См.: *Wheeler-Bennett J.* Op. cit. S. 375—378; *Craig G.* Op. cit. S. 526—527.
29. *Deist W.* Op. cit. S. 326.
30. *Rühle G.* Das Dritte Reich. Dokumentarische Darstellung des Aufbaues der Nation. Das vierte Jahr 1936. Berlin, 1937. S. 210.
31. Der Soldat in neuem Reich. S. 77.
32. *Deist W.* Op. cit. S. 311.
33. См.: *Deist W.* Op. cit. S. 312—313; *Geyer M.* Op. cit. S. 146.
34. Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Bd. I. S. 372.
35. Armee und Drittes Reich. S. 101.
36. Ibid. Dok. 140. S. 303—304.
37. Ibid. Dok. 141. S. 305—308.
38. *Dirks C., Janbetaen K. H.* Op. cit. S. 238—240.
39. Armee und Drittes Reich. Dok. 137. S. 298—300.
40. *Wheeler-Bennett J.* Op. cit. S. 379.
41. Цит. по: *Bücheler H.* Op. cit. S. 135.
42. Цит. по: Handbuch zur deutschen Militärgeschichte. S. 185.
43. 10 ноября Хоссбах на основании своего конспекта сделал подробную запись. Он исходил из того, что Гитлер прочтет и подпишет документ, поскольку фюрер придавал ему значение «библейского наследия». Но диктатор не проявил интереса к этому протоколу, и Хоссбах сдал его в военное министерство. В 1943 году была изготовлена машинописная копия документа, которая и

находится в распоряжении исследователей. Попытки оспорить подлинность «протокола Хоссбаха» в результате проверки стилия документов и сопоставления фактов оказались несостоятельными. См.: *Handbuch zur deutschen Militärgeschichte*. S. 185.

44. *Якобсен Г. А.* Указ. соч. Док. 2. С. 74—83.

45. Там же. С. 83—84.

46. *Armee und Drittes Reich*. Dok. 146. S. 323—324.

47. См. главу 1. В германской историографии господствует мнение, что причиной смещения Бломберга и Фрича было именно их несогласие с намерением Гитлера начать войну в ближайшем будущем. Пожалуй, единственным исключением является исследование К. Х. Янсена и Ф. Тобиаса: *Janssen K. H., Tobias F.* Op. cit.

48. *Handbuch zur deutschen Militärgeschichte*. S. 213.

49. Подробнее о ходе и итогах переговоров в Берхтесгадене см.: *Мельников Д. Е., Черная Л. Б.* Преступник номер один. С. 303—308; *Прозэктор Д. М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. С. 118—119.

50. Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 625—626.

51. *Handbuch zur deutschen Militärgeschichte*. S. 218.

52. *Мельников Д. Е.* Заговор 20 июля 1944 года в Германии. С. 70—77; *Прозэктор Д. М.* Оруженосцы Третьего рейха. С. 145—157; *Прозэктор Д. М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. С. 120—155.

53. Этот термин применяют все немецкие исследователи. Гельмут Краузник говорит также о «буржуазно-консервативной оппозиции». Манфред Мессершмидт и Клаус Юрген Мюллер одновременно пользуются понятием «национально-консервативная оппозиция», но считают его более описательным, чем содержательным. См.: *Krausnick H.* Zum militärischen Widerstand gegen Hitler 1933—1938 — Möglichkeiten, Ansätze, Grenzen und Kontroversen// *Aufstand des Gewissens. Militärischer Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime 1933—1945*. Berlin, Bonn, Herford, 1994. S. 336; *Messerschmidt M.* Militärgeschichtliche Aspekte der Entwicklung des deutschen Nationalstaates. Düsseldorf, 1988. S. 221; *Müller K. J.* Über den «militärischen Widerstand». S. 266.

54. Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 376—377.

55. *Armee und Drittes Reich*. Dok. 143. S. 310—311.

56. *Ibid.* Dok. 144. S. 311—316.

57. Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 400.

58. *Гёрлиц В.* Указ. соч. С. 314.

59. *Armee und Drittes Reich*. Dok. 149. S. 326—329.

60. *Heeresadjutant bei Hitler 1938—1943*. S. 24.

61. Armee und Drittes Reich. Dok. 151. S. 332—333.
62. Цит. по: *Bücheler H.* Op. cit. S. 146.
63. Armee und Drittes Reich. Dok. 152. S. 333—335.
64. Ibid. Dok. 153. S. 335—338.
65. Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 630—634.
66. Armee und Drittes Reich. Dok. 155, 156. S. 339—344.
67. *Bücheler H.* Op. cit. S. 145—146.
68. Armee und Drittes Reich. Dok. 158. S. 348.
69. Heeresadjutant bei Hitler 1938—1943. S. 27.
70. Armee und Drittes Reich. Dok. 159, 160. S. 349—351.
71. См.: *Гёрлиц В.* Указ. соч. С. 317.
72. *Beck L.* Op. cit. S. 58—60.
73. Heeresadjutant bei Hitler 1938—1943. S. 24.
74. Цит. по: *Fest J.* Staatsstreich. S. 90.
75. *Гизевуис Г.Б.* Указ. соч. С. 263.
76. В работах зарубежных историков Канарис предстает как инициатор и руководитель «бесчисленных акций Сопротивления», обманувший «врожденный инстинкт» Гитлера и успешно скрывавший от него свою заговорщическую деятельность. Советская и современная российская историография, напротив, отрицает важную роль «двуликого адмирала» в военной оппозиции. См.: *Абжаген К.Х.* Адмирал Канарис. Ростов-на-Дону, 1998. С. 181—192; *Deutsch H.* Op. cit. S. 51; *Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Двуликий адмирал. С. 10; *Волков А., Славин С.* Указ. соч. С. 291—302.
77. *Fest J.* Staatsstreich. S. 78.
78. *Гизевуис Г.Б.* Указ. соч. С. 266—268.
79. См.: *Fest J.* Staatsstreich. S. 94—95.
80. *Krausnick H.* Op. cit. S. 346.
81. *Darendorf R.* Op. cit. S. 442—443.
82. *Hoffmann P.* Der militärische Widerstand in der zweiten Kriegshälfte 1942—1945 // Aufstand des Gewissens. Militärischer Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime 1933—1945. Berlin, Bonn, Herford, 1994. S. 395.
83. *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 20—21.
84. Armee und Drittes Reich. Dok. 45. S. 179—180.
85. Ibid. Dok. 167. S. 365—375.
86. Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 640—644.
87. *Hartmann Chr., Slutsch S.* Op. cit. S. 480.
88. Высокую оценку этим успехам давал, например, полковник Генерального штаба Эдуард Вагнер, занимавший в 1939 году

пост генерал-квартирмейстера сухопутных войск. См.: *Armee und Drittes Reich. Dok.* 169. S. 376—377.

89. *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 21—22, 24.

90. *Rabenau F. von.* *Seekt. Aus seinem Leben 1918—1936.* Leipzig, 1941. S. 316.

91. *Armee und Drittes Reich. Dok.* 168, 170. S. 375—378.

92. Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 219—224.

93. *Hartmann Chr., Slutsch S.* *Op: cit.* S. 479.

94. *Ibid.* S. 484—485.

95. *Ibid.* S. 485.

96. *Ibid.* S. 485—488.

97. *Ibid.* S. 489.

98. *Ibid.* S. 495.

99. Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 448.

100. Там же. С. 449.

101. *Geyer M.* *Op. cit.* S. 146.

102. Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 458.

103. Цит. по: *Deist W.* *Op. cit.* S. 334.

104. *Dirks C., Janbetaen K. H.* *Op. cit.* S. 240—242.

105. *Ibid.* S. 243.

106. *Ibid.* S. 244—247.

107. *Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Bd. I.* S. 365.

108. *Дениц К.* Указ. соч. С. 38—39.

109. См.: *Dirks C., Janbetaen K. H.* *Op. cit.* S. 248—252.

110. *Якобсен Г. А.* Указ. соч. Док. 3. С. 84—89.

111. *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 20.

112. Цит. по: *Гизевиус Г.Б.* Указ. соч. С. 347—348.

113. *Armee und Drittes Reich. Dok.* 173. S. 385—387.

114. *Якобсен Г. А.* Указ. соч. Док. 4. С. 89—94.

115. *Armee und Drittes Reich. Dok.* 175. S. 390—391.

116. *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 27.

117. *Heeresadjutant bei Hitler 1938—1943.* S. 58.

118. *Armee und Drittes Reich. Dok.* 177. S. 394—395.

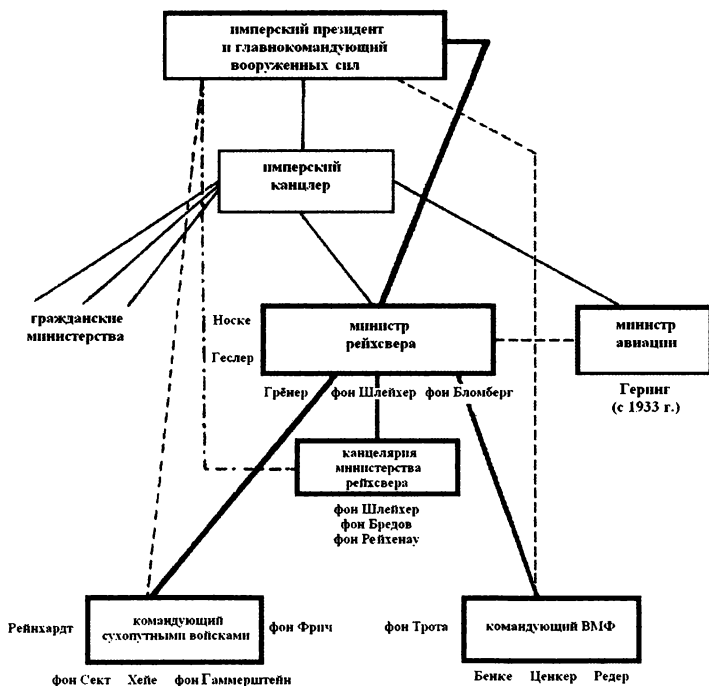
119. *Гизевиус Г.Б.* Указ. соч. С. 374.

120. Цит. по: Там же. С. 352—353.

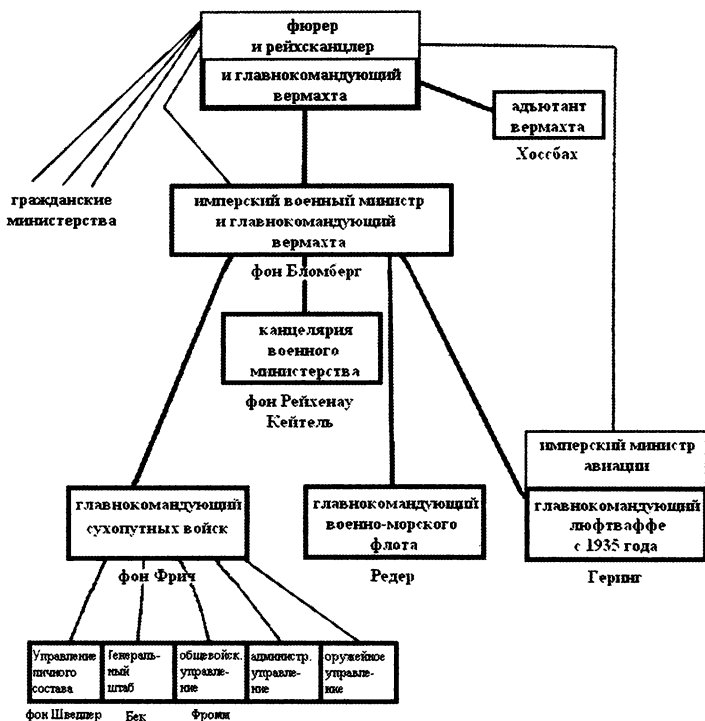
121. *Якобсен Г. А.* Указ. соч. Док. 6. С. 96.

Приложения

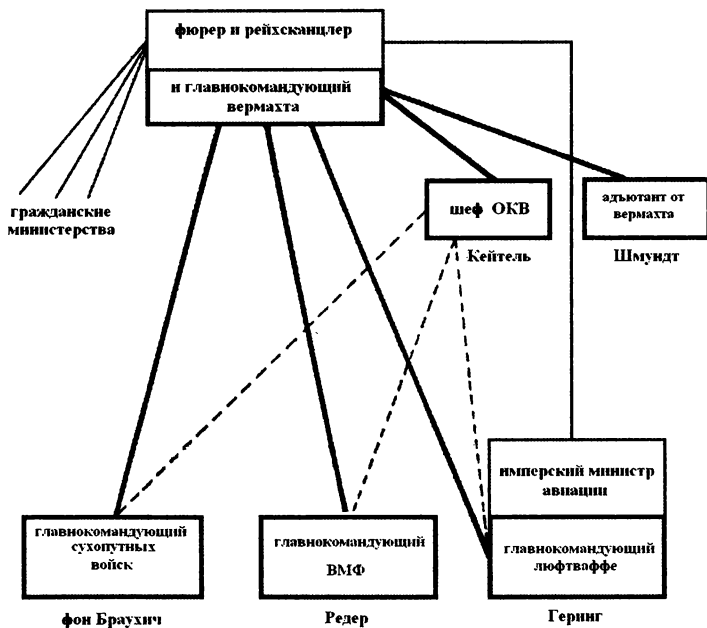
Высшие военные инстанции Германии до 2 августа 1934 г.

Высшие военные инстанции Германии в период с 2 августа 1934 по 4 февраля 1938 г.

Высшие военные инстанции Германии
с 4 февраля 1938 по декабрь 1941 года

Хронология

1933	30 января	Назначение Гитлера рейхсканцлером, назначение Бломберга министром рейхсвера
	2 февраля	Открытие второй конференции по разоружению в Женеве
	3 февраля	Выступление Гитлера перед руководством рейхсвера с программой завоевания «жизненного пространства»
	14 марта	Указ президента Гинденбурга о замене черно-красно-золотой символики знамен рейхсвера на черно-бело-красную
	21 марта	«День Потсдама»
	12 мая	Закон о восстановлении военной судебной системы
	14 июня	Закон против образования новых партий
	20 июля	Рейхсконкордат между Ватиканом и Германией, признававший компетенцию рейхсвера в отправлении католического религиозного культа в войсках
	23 сентября	Распоряжение Бломберга о введении в рейхсвере нацистского приветствия
	1 октября	Отставка начальника Войскового ведомства Адама и назначение на этот пост Бека
	14 октября	Выход Германии из Лиги Наций и уход с конференции по разоружению
	9 ноября	Присяга солдат лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» на верность лично фюреру
	2 декабря	Распоряжением президента введена новая формулировка присяги чиновников рейхсвера и военнослужащих
	Начало декабря	Устное распоряжение Гитлера о формировании «армии риска» в составе 21 дивизии

1934	1 февраля	Увольнение с поста главнокомандующего сухопутных сил Гаммерштейна-Экворда и назначение на этот пост Фрича
	20 февраля	Распоряжение президента о замене черно-красно-золотой кокарды на головных уборах на черно-бело-красную и ношении на кителях нацистской эмблемы орел со свастикой
	28 февраля	Приказ министра рейхсвера о распространении § 3 («арийского параграфа») «Закона о восстановлении профессионального чиновничества» на военнослужащих
	21 апреля	Меморандум полковника Манштейна о вреде применения «арийского параграфа» в рейхсвере
	25 мая	Новая редакция «Обязанностей немецкого солдата»
	30 июня	«Ночь длинных ножей»
	2 августа	Смерть президента Гинденбурга и присяга рейхсвера Гитлеру
	24 сентября	Распоряжение Бломберга о взаимоотношениях рейхсвера и частей СС особого назначения
	18 декабря	Секретный приказ Бломберга об обязанностях молодого офицера
1935	9 марта	Германия официально объявила о существовании люфтваффе
	16 марта	Восстановление всеобщей воинской повинности в Германии, объявление о создании вермахта в составе 36 дивизий
	2 мая	Приказ Бломберга о подготовке плана нападения на Чехословакию (операция «Шулунг»)
	21 мая	Закон об обороне
	1 июня	Бломберг становится военным министром и главнокомандующим вермахта

	18 июня	Англо-германское морское соглашение
	1 июля	Войсковое ведомство переименовано в Генеральный штаб сухопутных войск
	15 сентября	Рейхстаг принял антисемитские законы «О гражданстве рейха» и «О защите немецкой крови и немецкой чести»
	19 сентября	Папская грамота о задачах и правах католического военного духовенства в Германии
	30 декабря	Меморандум Бека о превращении вермахта в «армию наступления»
1936	31 января	Распоряжение Гитлера о призыве в вермахт немецких граждан, проживающих за границей
	7 марта	Ввод немецких войск в Рейнскую демилитаризованную зону, расторжение Германией Локарнских соглашений
	9 сентября	Обнародование Четырехлетнего плана
1937	24 июня	Директива Бломберга «О единой подготовке вермахта к войне» по поводу планирования войны на два фронта
	5 ноября	«Совещание Хоссбаха» в имперской канцелярии
1938	25 января	Директивы Бломберга и Гимmlера об улаживании конфликтов между военнослужащими и эсэсовцами
	25 января	Отставка военного министра Бломберга
	4 февраля	Отставка Фрича с поста командующего сухопутными войсками, назначение на этот пост Браухича, создание ОКВ во главе с Кейтелем
	13 марта	Аншлюс Австрии
	17 августа	Секретный приказ Гитлера о частях СС особого назначения и частях «Мертвая голова»

	21 августа	Отставка начальника Генерального штаба Бека
	1 сентября	Назначение Гальдера на пост начальника Генерального штаба
	5 сентября	Закон о социальном обеспечении военно-служащих, гражданских служащих и чиновников вермахта
	29 сентября	Мюнхенское соглашение
	1 октября	Оккупация Германией Судетской области
	9 ноября	«Имперская хрустальная ночь»
1939	30 января	В речи в рейхстаге Гитлер «предсказал» «уничтожение мирового еврейства» в результате новой мировой войны
	15 марта	Оккупация Германией Чехословакии
	22 марта	Оккупация Германией Мемельской области
	11 апреля	Директива Гитлера «О единой подготовке вермахта к войне на 1939—1940 гг.»
	28 апреля	Гитлер объявил о расторжении пакта о ненападении с Польшей и англо-германского морского соглашения
	18 мая	Приказ Гитлера о формировании первой дивизии войск СС
	23 мая	Гитлер объявил генералитету свои завоевательные планы
	20 июня	Директивы Браухича о «товарищеских отношениях» между сухопутными войсками и вооруженными формированиями СС
	21 августа	Памятка ОКХ «О деятельности полевых военных пасторов»
	31 августа	Директива Гитлера № 1 о ведении войны
	1 сентября	Нападение Германии на Польшу

Военная присяга

Присяга 14 августа 1919 г.: «Я клянусь в верности имперской конституции и торжественно обещаю, что как храбрый солдат всегда буду защищать Германский Рейх и его законные учреждения, повиноваться имперскому президенту и моим начальникам».

Источник: RGBl. 1919. S. 1419.

Присяга 2 декабря 1933 г.: «Перед лицом Господа приношу эту священную присягу в том, что буду всегда верно и честно служить моему народу и Отечеству, буду храбрым и послушным солдатом, готовым в любую минуту отдать жизнь ради этой присяги».

Источник: RGBl. 1933. S. 1016.

Присяга 20 августа 1934 г.: «Перед лицом Господа приношу эту священную присягу в том, что буду беспрекословно подчиняться фюреру Германского Рейха и народа Адольфу Гитлеру, верховному главнокомандующему вооруженных сил, и как храбрый солдат буду готов в любую минуту отдать жизнь ради этой присяги».

Источник: RGBl. 1934. S. 785.

Обязанности немецкого солдата

1. Вооруженные силы — оруженосец немецкого народа. Они защищают германское государство и Отечество, объединенный национал-социализмом народ и его жизненное пространство. Корни их силы уходят в славное прошлое, в немецкий народный дух, немецкую землю и немецкий труд.

Служба в вооруженных силах — почетная служба немецкому народу.

2. Честь солдата заключается в безусловном вводе в действие своей личности для народа и Отечества вплоть до принесения в жертву своей жизни.

3. Высшая солдатская добродетель — боевое мужество. Оно требует твердости и решительности. Трусость постыдна, нерешительность несвойственна солдату.

4. Повиновение — основа вооруженных сил, доверие — основа повиновения.

Руководство солдатами основано на чувстве ответственности, превосходящих знаниях и неустанной заботе.

5. Большие успехи во время войны и мира достигаются только благодаря непоколебимому боевому братству командира и войск.

6. Боевое братство требует товарищества. Особенно оно проверяется в беде и опасности.

7. Уверенный в себе и скромный, прямой и верный, богобоязненный и правдивый, молчаливый и неподкупный, солдат должен быть для всего народа примером мужской силы. Только успехи оправдывают гордость.

8. Высшую похвалу и высшее счастье солдат находит в сознании с радостью исполненного долга.

Характер и успехи определяют его путь и ценность.

Берлин, 25 мая 1934

Имперский президент *фон Гинденбург*
Имперский военный министр
фон Бломберг

Источник: Unsere Wehrmacht. 185 Bilddokumente aus Heer, Kriegsmarine und Luftwaffe. Hrsg. von H. Foertsch. Berlin, 1936. S. 13.

Из брошюры майора Германа Адлера «Как стать офицером люфтваффе?» (1937 год)

1. Общие условия

Вооруженным силам доверена защита государства и народа. Поэтому безоговорочное признание себя сторонником национал-социалистического государства и его фюрера для кандидатов в офицеры является таким же условием, как и внутренняя связь с сущностью и учреждениями этого государства.

Трудную, но прекрасную задачу офицера быть воспитателем и командиром может выполнить только тот, кто обладает для этого вдохновением и любовью, физическими и умственными наклонностями. Абсолютное здоровье всех органов, сильное, тренированное тело необходимы в той же мере, что и хорошее общее образование. Но всего этого еще недостаточно. Самым важным является характер, личность. Поэтому спортивные результаты рассматриваются как настолько же несущественные, что и обширные знания и блестящий школьный табель. Недостаточные результаты в этой области устранить легче, чем слабость характера.

Профессия офицера люфтваффе требует мужества, упорства, живости ума, решительности, уверенности в себе и железного спокойствия в тяжелых ситуациях. Самодисциплина и чувство долга характеризуют офицера так же, как и забота о своих подчиненных.

Источник: Adler H. Wie werde ich Offizier der Luftwaffe? Berlin, 1937. S. 11.

**Директивы военного министра Бломберга
и рейхсфюрера СС Гиммлера
об улаживании конфликтов между
военнослужащими вермахта и членами СС
(25 января 1938 года)**

1. Вермахт и СС едины в стремлении регулировать конфликты между своими членами путем непосредственного согласования дисциплинарных начальников с обеих сторон.

2. К осуществлению полюбовного улаживания со стороны вермахта призваны дисциплинарные начальники, обладающие дисциплинарной властью командира отдельного батальона, со стороны СС — командиры штандартов. Вышестоящие начальники вмешиваются только тогда, когда переговоры нижестоящих командиров не привели к успеху.

3. Принимавшие участие в конфликте члены вермахта и СС незамедлительно сообщают о происшедшем своему ближайшему дисциплинарному начальнику. Он сообщает о нем по инстанции начальнику, имеющему полномочия для дальнейших действий.

4. Наказуемые деяния, подлежащие судебному преследованию, наказываются в дисциплинарном порядке, если не удастся разрешить их полюбовно. Заявление по делам частного обвинения подается только если:

а) служебной инстанции потерпевшего в течение двух недель, оставшихся до истечения срока подачи заявления, не было сообщено о дисциплинарном наказании виновника или иных мерах,

б) принятые меры не могут рассматриваться служебной инстанцией потерпевшего как соответствующее удовлетворение, а дальнейшие меры, несмотря на вмешательство вышестоящего начальника, отвергаются начальником виновного.

5. Все меры... следует принимать незамедлительно. После уведомления о них служебной инстанции потерпевшего они могут быть смягчены или отменены только с ее согласия.

Источник: Armee und Drittes Reich 1933—1939. Darstellung und Dokumentation. Hrsg. von K. J. Müller. Paderborn, 1987. S. 220.

**Из дневника солдата вермахта Герберта Ветцига
«Ввод войск в Судетскую область в 1938 году»
10 октября 1938 года**

Солнце еще не взошло. Туманно. Рота скоро выступит. С песней она проходит по деревне, по Лаутербаху, в Миттельвальде. Там стоят уже все люди, прежде всего военные корреспонденты. Местные жители встречают нас с радостью и бросают нам цветы. Позади Миттельвальде собирается батальон. Позади на горизонте поднимаются облака дыма на гребнях. Вероятно, последние разрушения отступающих чехов.

А затем начинается большой марш к границе. В 12 часов мы должны ее перейти. Все больше людей стоят на окраине дороги, и с каждым километром воодушевление растет. Заиграла музыка, и вперед выносят знамя. Граница приближается, местность становится все более гористой. Но скоро мы должны быть там. Вот и последняя немецкая деревня, за ней нас еще раз останавливают и кормят. Потом мы поднимаемся дальше в горы, пока, наконец, не появляется здание немецкой таможни. В 12.45 мы достигли границы, и для нас наступил исторический момент.

Последний участок пути был преодолен быстро, ведь из-за большой продолжительности колонны между отдельными подразделениями возникли большие промежутки, которые становились все больше, и теперь их нужно было устранить. С винтовками наперевес мы прошли несколько километров быстрым маршем, а если было нужно — рысью. И здесь, на границе, собралось много народу, который бурно приветствовал нас. С оружием на ремне мы прошли маршем мимо генерала.

Вскоре после границы начинается район военных действий, поскольку он был для этого предназначен, бункер за бункером, множество проволочных заграждений. Слева и справа по краям дороги лежали взорванные заграждения, которые попеременно были размещены примерно каждые 40 метров на каждой стороне дороги. Сами дороги находятся в ужасном состоянии. Гудронированных дорог вообще нет. Конечно, это касается подошв. Это не продлится долго, и мы чувствуем каждый острый камень, которые тысячами лежат на поверхности.

Теперь повсюду на улицах и углах стоят люди, которые приветливо машут нам. Но мы двигаемся дальше. В Грулихе, первом городе по эту сторону границы, воодушевленный прием. С оружием на ремне мы снова проходим мимо генерала. Плотна на-

пирая, люди стоят на рыночной площади, а музыки неслышно из-за приветственных криков населения. Это не пустое воодушевление. Это настоящая радость. Радость, которой никто из нас, пожалуй, не испытывал, и мы при этом чувствуем себя совершенно по-другому. Сквозь нас проходит нечто неопишное. Может быть, это удовлетворение от того, что мы можем помочь этим нашим братьям и сестрам. И все это повторяется в каждой деревне, в каждом городе. Бесконечные деревни и праздник, который становится все больше. Каждый хочет нам что-нибудь дать. А тот, у кого ничего нет, дарит нам цветы, цветы и еще раз цветы. Сотни сигарет летят в наши ряды, печенье, булочки и бутерброды, а к тому же пиво, вино и сок. Мы не знаем, где нам все это оставить, и наконец, сегодня мы должны пробежать еще участок. Здесь все немецкое и все — в неопишном упоении. А потом мы оставляем позади Грулих. Чудесная погода. Солнце сияет...[...]

Тянется дорога, по которой сплошным потоком марширует огромная колонна войск. Артиллерия и пехота, лошади и люди, бесконечная процессия. И над всем этим сияет солнце, освещая белые дома городов и деревень в обозримой дали. Но многие уже слишком устали, чтобы воспринимать эту великолепную картину. Они видят ее, но не воспринимают. Мы идем все выше, теперь совершая крутые витки в лесу. Снова и снова громко раздаются: «Мы должны скоро быть наверху». На востоке на звездном небе поднимается полная луна. Словно солнце исчезло с неба, вокруг нас исчезают немецкие люди. По краям дороги стоят отдельные группы, плотно сгрудившиеся в тени деревьев. Они ничего не кричат и не машут нам. Они едва ли говорят по-немецки. Это чехи. Мы все еще в чешском районе. Не видно ни одного человека.

Проходит час за часом. Перед Ландскроном нас еще раз останавливают. Те, кто хорошо выглядит, продвигаются вперед, в первые шеренги, ведь в Ландскроне состоится выступление генерала. Мы все восхищены, но ни один из нас уже не может стоять. А потом мы добрались до города. Десять часов. Из всех домов свешиваются флаги со свастикой, мы опять в немецком городе. На рыночной площади мы выстраиваемся. Генералу докладывают, и в завершение бургомистр и ортсгруппенляйтер произносят короткие приветственные речи. Потом наш генерал приветствует освобожденных судетских немцев. Мы слушаем

вполуха, ведь мы заняты тем, чтобы устоять на ногах. Но потом начинается праздник населения, которое плотным кольцом окружает рыночную площадь. Он заканчивается только по приказу, чтобы мы могли выполнить ружейные приемы. Прохождение торжественным маршем опять приводит нас на проселочную дорогу. И начинается новое воодушевление. Улицы полны людей. Конечно, они долго ждали. Да, очень долго. Но теперь это свершилось, они могут махать нам, а дети берут нас за руки и бегут рядом с нами.

Источник: Wetzig H. Einmarsch ins Sudetenland 1938 // http://www.dhm.de/lemo/forum/kollektives_gedaechtnis/089/index.html.

Из доклада генерал-полковника Людвиг Бека (ноябрь 1938 года)

Прежде чем вопросы будущей войны отразятся в стратегических указаниях и проектах, следует добиться единомыслия между государственным деятелем и полководцем о нижеследующих, еще раз особенно отмечаемых принципиальных идеях. Они исходят из сегодняшнего военно-политического положения:

1) Германия не будет подвергаться применению военной силы со стороны других государств, пока она сама не применит ее.

2) Германия при ее положении в центре континента во время войны всегда должна будет ставить на карту больше, чем государства с только одной угрожаемой границей и с не подверженными блокаде связями с остальным миром.

3) Война, которую начнет Германия, тотчас вызовет нападение других государств. В случае войны с всемирной коалицией Германия будет побеждена и, наконец, предоставлена ее милости или немилости.

4) Германия может выиграть войну только военными средствами. Иных средств поставить противника на колени у нее нет.

Следует проводить различие между противниками, которых можно разбить наверняка, и такими, в отношении которых это сомнительно или невозможно.

5) Вооруженные силы сравнимы с колоссом на глиняных ногах, если они не опираются на остальные необходимые для ведения тотальной войны факторы. Das archipret одних вооруженных сил недостаточно для самостоятельного решения в войне.

6) Решения вопроса пространства и забота о создании того,

что собственная страна не сможет поставить в случае продолжения войны, следует добиваться в мирное время путем регулирования отношений с государствами, без которых нельзя обойтись как без союзников или нейтралов. Ведь нельзя ожидать, что будет возможно своевременно завоевать себе необходимую и достаточную базу для продолжительной войны еще до ее начала.

Такая политика должна быть просчитана на многие годы и быть постоянной, если желаемый результат должен быть достигнут своевременно и быть надежным.

7) Политическая цель войны должна быть ясна, она должна учитывать и последний акт каждой войны, достижение мира. Только при ясно очерченной цели возможно вывести из нее и из имеющихся средств военную цель.

Эта конечная цель всего акта войны — самое важное и самое серьезное, о чем должна спрашивать стратегия.

Это не касается естественного права государственного деятеля использовать успехи и неудачи в ходе войны для ужесточения или смягчения своих требований.

8) Руководство войной на суше поставлено перед новыми задачами. Там, где непрерывные укрепления сначала делают невозможной маневренную войну, но и там, где от природы сильный пограничный район противника может немедленно вызвать позиционную войну, стратегия должна отказаться от важной части своего искусства — оперативного искусства — и немедленно начинать сражение всеми имеющимися силами.

Тем самым стратегия теряет свою независимость и духовное превосходство, которые именно в наступательных операциях прошлого часто бывали ее большим шансом. И войска не будут охвачены тем увлекающим подъемом, который дает преимущество наступлению перед обороной и всегда был самым ценным активом немецкого вождения войск и тактики именно в начале войны.

Но там, где следует считаться с такими условиями, будут отсутствовать быстрые внушительные успехи начального этапа войны, которые часто побуждают колеблющиеся третьи страны к нейтральной позиции.

Источник: Beck L. Studien. Stuttgart, 1955. S. 62—64.

**Из статьи полковника Генерального штаба
Германа Фёрча «Фюрер и его вермахт»
(1939 год)**

Адольф Гитлер был солдатом германской армии во время Великой войны. Он был солдатом, как и любой другой, кто в течение четырех с половиной лет защищал свою немецкую родину. И все же он не был таким же солдатом, как и все остальные. Его жизнь во время войны была жизнью простого солдата, выполнявшего свой долг, который, не обладая высоким положением, чувствовал большую ответственность, состоявшую в кажущейся незначительной доставке донесений. Его военным опытом было большое оборонительное сообщество немецкого народа, народное сообщество в тяжелые времена. Но его пониманием, вынесенным из войны, было укрепление веры в то, что народ может жить только тогда, когда он научился и желает защищаться, если это нужно, чтобы сражаться до последнего за свое бытие и свое жизненное пространство.

Чтобы добиться такой цели, нужно сильное и длительное воспитание народа. Но средством такого воспитания были в первую очередь вооруженные силы. Фюрер в своем произведении «Моя борьба» назвал армию «высшей школой немецкой нации», «самым сильным оружием на службе свободе немецкой нации и пропитанию ее детей». «То, за что немецкий народ благодарен армии, можно коротко охватить одним-единственным словом: за все». Так завершил фюрер свою оценку ценности и значения старой армии.

Но и эта армия не смогла помешать катастрофе 1918 года. Политические силы разрушения действовали, и действовали успешно. Согласованности между военным воспитанием и политическим воспитанием не было до войны, необходимость этого взаимодействия не осознавали.

Версаль изуродовал немецкую оборону, продолжил раскол немецкого народа. В государстве, враждебном по отношению к обороне, количественно недостаточные вооруженные силы должны были защищать военные идеи в то время, которое, наконец, смогло создать здоровую политическую основу для обороноспособного народа. Вооруженные силы выполнили свой долг. Фюрер из наблюдений периода борьбы своего национал-социалистического движения тоже не отказывался от своего признания этого тихого выполнения долга и однажды назвал

строительство «рейхсвера» и создание национал-социалистической партии двумя крупными достижениями послевоенного времени, заслуживающими удивления. Но он знал и то, что тогда каждый мыслящий немецкий солдат тяжело воспринимал, что эта небольшая оборона имеет только ограниченное воздействие, что она должна оставаться не в состоянии самостоятельно провести политические изменения и создать себе прочную основу для более эффективных действий. Оборонное сообщество немецкого народа могло быть воссоздано только на основе народного сообщества всех созидающих немцев. Создание этого народного сообщества было великой целью вызванного к жизни Адольфом Гитлером национал-социалистического движения. Его создание — первое великое военно-политическое дело вождя и государственного деятеля.

Источник: Das deutsche Heer. Hrsg. von W. Jost. Breslau, 1939. S. 5—6.

РАЗВИТИЕ ГЕРМАНСКИХ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК В 1932—1939 гг.

Полки/ батальоны	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939
Пехота	21/84	21/84	43/116	77/287	93/334	112/352	129/476	129/476
Пулемет- ные ба- тальоны	—	—	—	10	10	14	22	22
Кавалерия	18	18	15	14	14	14/26	15/28	15/28
Батальоны самокатчи- ков	—	—	—	1	1	1	1	1
Артилле- рия	7/24	7/24	22/95	25/116	41/148	43/187	57/228	57/228
Дивизио- ны артил- лерийской инстру- менталь- ной раз- ведки	—	—	4	10	17	23	25	25
Батареи с дымовыми снарядами	—	—	1	2	3	3	4	4

досье / ~~рейна~~

Полки/ батальоны	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939
Саперные батальоны	7	7	21	28	48	55	1/75	1/75
Мото- пехота	—	—	3/6	3/9	3/9	4/13	13/31	13/31
Танковые войска	—	—	3/6	6/12	8/16	10/14	14/34	14/34
Противо- танковые батареи	—	—	14	30	36	41	53	53
Моторизо- ванные разведыва- тельные батальоны	—	—	9	9	9	1/11	3/17	3/17
Батальоны связи	7	7	18	40	50	55	69	71
Автомо- бильные батальоны	14	14	—	1	3	7	12	12

Источник: Handbuch zur deutschen Militärgeschichte 1648—1939. Bd. VII. Wehrmacht und Nationalsozialismus 1933—1939. München, 1978. S. 318.

Сокращения

- АХА — Управление общих дел в Генеральном штабе сухопутных войск (Allgemeines Heeresamt, АНА)
- БК — протестантская «Исповедальная церковь» (Bekennende Kirche, ВК)
- ГЮ — Гитлерюгенд (Hitlerjugend, НЈ)
- ДАФ — Германский трудовой фронт (Deutsche Arbeitsfront, DAF)
- ДК — пронацистская протестантская церковь «Немецкие христиане» (Deutsche Christen, DC)
- КДФ — «Сила через радость» («Kraft durch Freude», KdF)
- КПГ — Коммунистическая партия Германии (Kommunistische Partei Deutschlands, KPD)
- НДП — Немецкая демократическая партия (Deutsche Demokratische Partei, DDP)
- НСБО — Национал-социалистическая организация производственных ячеек (Nationalsozialistische Betriebszellenorganisation, NSBO)
- НСДАП — Национал-социалистическая рабочая партия Германии (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei, NSDAP)
- НСДФБ — Национал-социалистический немецкий союз фронтовых бойцов (Nationalsozialistischer Deutscher Frontkämpferbund, NSDFB)
- НСКК — Национал-социалистический автомобильный корпус (Nationalsozialistisches Kraftfahrkorps, NSKK)
- НСЛБ — Национал-социалистический союз учителей (Nationalsozialistischer Lehrerbund, NSLB)

НСФК — Национал-социалистический корпус летчиков (Nationalsozialistisches Fliegerkorps, NSFK)

НСФО — офицер по национал-социалистическому руководству (Nationalsozialistischer Führungsoffizier, NSFO)

ОКВ — Верховное главнокомандование вооруженных сил (Oberkommando der Wehrmacht, OKW)

ОКЛ — Верховное командование люфтваффе (Oberkommando der Luftwaffe, OKL)

ОКМ — Верховное командование военно-морского флота (Oberkommando der Kriegsmarine, ОКМ)

ОКХ — Верховное командование сухопутными силами (Oberkommando des Heeres, ОКХ)

РСХА — Главное управление имперской безопасности (Reichssicherheitshauptamt, RSHA)

СА — штурмовые отряды (Sturmabteilungen, SA)

СД — служба безопасности (Sicherheitsdienst, SD)

СС — охранные отряды (Schutz-Staffeln, SS)

ССТФ — части СС «Мертвая голова» (SS-Totenkopfverbände, SSTV)

ССФТ — части СС особого назначения (SS-Verfügungstruppe, SSVT)

ФГАД — усиленная служба пограничного контроля (Verstärkter Grenzaufsichtsdienst, VGAD)

Библиография

Источники

- Белов Н. фон.* Я был адъютантом Гитлера. 1937—1945. Смоленск, 2003.
- Вильгельм II.* События и люди 1878—1918: Воспоминания. Мемуары. Мн., 2003.
- Вудман Д.* Германия вооружается. М., 1935.
- Галланд А.* Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. 1941—1945 гг. М., 2004.
- Гейбельс Й.* Дневники 1945 года. Последние записи. М., 1993.
- Гизевиус Г. Б.* До горького конца. Записки заговорщика. Смоленск, 2002.
- Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 1999.
- Дёниц К.* Подводный флот рейха. Смоленск, 1999.
- Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Неизвестные документы. М., 1992.
- Кейтель В.* Размышления перед казнью: Воспоминания, письма и документы начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта. М., 1998.
- Керстен Ф.* Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача. 1940—1945 гг. М., 2004.
- Конституции буржуазных стран. М., Л., 1935. Т. 1.
- Маништейн Э.* Утерянные победы. Смоленск, 1999.
- Мюллер В.* Я нашел подлинную Родину. Записки немецкого генерала. М., 1974.
- Раушинг Г.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., 1991. Т. 2, 3, 5. Правда. 1938.

Якобсен Г. А. Вторая мировая война: хроника и документы // Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995.

* * *

Adler H. Wie werde ich Offizier der Luftwaffe? Berlin, 1937.

Altrichter F. Der soldatische Führer. Oldenburg (i.O./Berlin), 1938.

Armee und Drittes Reich 1933—1939. Darstellung und Dokumentation. Hrsg. von K. J. Müller. Paderborn, 1987.

Beck L. Studien. Stuttgart, 1955.

Berthold J. Das neue deutsche Heer und seine Führer. Paris, 1936.

Das deutsche Heer. Hrsg. von W. Jost. Breslau, 1939.

Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932—1945. München, 1965. Bd. II.

Das Dritte Reich und seine Diener. Dokumente. Hrsg. von L. Poliakov und J. Wulf. Berlin-Grunewald, 1956.

Foertsch H. Wehrpflichtfibel. 2.Aufl. Berlin, 1935.

Foertsch H. Der Offizier der neuen Wehrmacht. Eine Pflichtlehre. 2. Aufl. Berlin, 1936.

Foertsch H. Schuld oder Verhängnis. Die Fritsch-Krise im Frühjahr 1938 als Wendepunkt in der Geschichte der nationalsozialistischen Zeit. Stuttgart, 1951.

Giese F. Wie werde ich Offizier der Kriegsmarine? Berlin, 1937.

Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Freiburg, 1993. Bd. II.

Haid G. Der Offizierberuf // Ein Buch vom neuen Heer. Hrsg. von G. Haid. 21. —25. Aufl. Stuttgart, 1939. S. 60—61.

Hartmann Chr., Slutsch S. Franz Halder und die Kriegsvorbereitungen im Frühjahr 1939 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1997. Heft 3. S. 467—495.

Heeresadjutant bei Hitler 1938—1943. Aufzeichnungen des Majors Engel. Hrsg. von H. von Kotze. Stuttgart, 1974.

Hitler A. Mein Kampf. 620. Aufl. München, 1941.

Holm N. Ich werde Soldat! Alles wissenswerte vom Heer für den wehrpflichtigen Deutschen. Hamburg, 1936.

- Hürter J.* «Es herrschen Sitten und Gebräuche, genauso wie im 30-jährigen Krieg». Das erste Jahr des deutsch-sowjetischen Krieges in Dokumenten des Generals Gotthard Heinrici // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 2000. № 2. S. 329—403.
- Maier A.* Die verfassungsrechtliche und staatspolitische Stellung der deutschen Wehrmacht. Ein Überblick über die Jahre 1919—1934. Diss. Berlin, o. J.
- Martin H.* Wie werde ich Offizier im Heere? Berlin, 1937.
- München T.* Das Volk als Wehrgemeinschaft. Berlin, 1942.
- Das neue Deutschland im Werden. Bausteine für den Nationalpolitischen Unterricht an den Fachschulen der Wehrmacht. Hrsg. von V. Beyer. Berlin, 1941.
- Rabenau F. von.* *Seekt.* Aus seinem Leben 1918—1936. Leipzig, 1941.
- Rehdans, Dombrowski, Kersten.* Das Recht der Wehrmacht. Wehrwille, Wehrkraft und Wehrrecht. Ein Hand— und Lehrbuch für aktive Offiziere, Offiziere des Beurlaubtenstands, Wehrmachtbeamte, Offiziersanwärter, Fähnrich, Kriegsschüler und Studierende des Rechts. Berlin, 1936.
- Reichsgesetzblatt. 1919—1939.
- Reinhard W.* Der NS-Reichskriegerbund // Das Dritte Reich im Aufbau. Übersichten und Leistungsberichte. Hrsg. von P. Meier-Benneckenstein. Bd. 3. Teil II. Berlin, 1939. S. 129—170.
- Rühle G.* Das Dritte Reich. Dokumentarische Darstellung des Aufbaues der Nation. Berlin, 1934—1938.
- Der Soldat in neuem Reich. Heer. Kriegsmarine. Luftwaffe. Berlin, 1936.
- Stehli H.* Etwas über Aufgaben und Laufbahn der Wehrmachtbeamten (Heer) // Ein Buch vom neuen Heer. Hrsg. von G. Haid. 21. —25. Aufl. Stuttgart, 1939. S. 153—160.
- Unsere Wehrmacht. 185 Bilddokumente aus Heer, Kriegsmarine und Luftwaffe. Hrsg. von H. Foertsch. Berlin, 1936.
- Ursachen und Folgen. Berlin, 1975. Bd. X, XI.
- Völkischer Beobachter. 1935, 1938.
- Volkman-Leander B. von.* Soldaten oder Militärs? Ein Buch zum Nachdenken. 2. Aufl. München, 1935.
- Wedel H. von.* Das Grobdeutsche Heer // Das Dritte Reich im

досъе рейна

Aufbau. Übersichten und Leistungsberichte. Hrsg. von P. Meier-Benneckenstein. Bd. 3. Teil II. Berlin, 1939. S. 9—42.

Wehrgesetz und Wehrmacht. Text der wichtigsten die Wehrmacht betreffenden Gesetze nebst Erläuterungen sowie Arbeitsdienstgesetz. Hrsg. von F. Stuhlmann und H. Stange. Berlin, 1935.

Wehrmacht und Partei. Hrsg. von R. Donnevert. Leipzig, 1938.

Weltgeschichte im Auftribeta. Arbeits— und Quellenbuch. Bd. III. Von der Französischen Revolution bis zur Gegenwart. Hrsg. von H. Meyer und W. Langenbeck. 13. Aufl. Frankfurt am Main, Berlin, Bonn, München, 1966.

Литература

Книги

- Абжаген К.Х.* Адмирал Канарис. Ростов-на-Дону, 1998.
- Безыменский Л.А.* Германские генералы — с Гитлером и без него. М., 1964.
- Булок А.* Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание. Смоленск, 1994.
- Волков А., Славин С.* Адмирал Канарис — «Железный» адмирал. М., Смоленск, 1998.
- Галкин А.А.* Германский фашизм. М., 1989.
- Гёрлиц В.* Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657—1945. М., 2005.
- Гротов Г.* Герман Геринг — маршал рейха. М., Смоленск, 1998.
- Деларю Ж.* История гестапо. Смоленск, 1993.
- Корнеева Л.Н.* Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945—90-е годы). Учебное пособие. Кемерово, 1998.
- Мельников Д.Е.* Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. Легенда и действительность. М., 1962.
- Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Двудесятилетний адмирал. Главарь фашистской разведки Канарис и его хозяева. М., 1965.
- Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Империя смерти. Аппарат насилия нацистской Германии. М., 1987.
- Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Преступник номер один. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991.
- Мильштейн М.А.* Заговор против Гитлера (20 июля 1944 г.). М., 1962.

- Митчем С.* Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998.
- Митчем С., Мюллер Дж.* Командиры Третьего рейха. Смоленск, 1995.
- Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. М., 1956. Т. 1.
- Прокопьев В.П.* Государство и армия в истории Германии X—XX вв. Калининград, 1998.
- Прозектор Д.М.* Оруженосцы Третьего рейха: германский милитаризм 1919—1939 гг. М., 1971.
- Прозектор Д.М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989.
- Фёрстер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шнитцер Г.* Прусско-германский генеральный штаб. 1640—1945. К его политической роли в истории. М., 1966.
- Фест И.* Гитлер. Биография. Пермь, 1993.
- Финкер К.* Заговор 20 июля 1944 г. Дело полковника Штауффенберга. М., 1975.

* * *

- Der Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt am Main, 1991.
- Bold D.* Der deutsche Offizier. Sozial und Bildungsgeschichte des deutschen Offizierkorps im 20. Jahrhundert. München, 1982.
- Bracher K. D.* Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart, Düsseldorf, 1955.
- Bücheler H.* Carl-Heinrich von Stülpnagel: Soldat — Philosoph — Verschwörer; Biographie. Berlin, 1989.
- Buchheit G.* Soldatentum und Rebellion: Die Tragödie der deutschen Wehrmacht. Rastatt-Baden, 1961.
- Butler R.* Die illustrierte Geschichte der Gestapo. Augsburg, 1996.
- Craig G.A.* Die preubetaisch-deutsche Armee 1640—1945. Staat im Staate. Düsseldorf, 1980.
- Darendorf R.* Gesellschaft und Demokratie in Deutschland. München, 1965.
- Deist W.* Militär, Staat und Gesellschaft: Studien zur preubetaisch-deutsche Militärgeschichte. München, 1991.
- Deutsch H.C.* Das Komplott oder Die Entmachtung der Generale.

- Blomberg und Fritsch Krise. Hitlers Weg zum Krieg. München, 1974.
- Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. V/1. Stuttgart, 1988.
- Dirks C., Janbetaen K. H.* Der Krieg der Generale. Hitler als Werkzeug der Wehrmacht. Berlin, 1999.
- Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. Profile einer totalitären Herrschaft. München, 1963.
- Fest J.* Staatsstreich. Der lange Weg zum 20. Juli. Berlin, 1994.
- Frei N.* Der Führerstaat. Nationalsozialistische Herrschaft 1933—1945. 3. Aufl. München, 1993.
- Geyer M.* Deutsche Rüstungspolitik 1860—1980. Frankfurt am Main, 1984.
- Goldhagen D.* Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin, 1996.
- Grundzüge der deutschen Militärgeschichte. Freiburg, 1993. Bd. I.
- Handbuch zur deutschen Militärgeschichte 1648—1939. Bd. VII. Wehrmacht und Nationalsozialismus 1933—1939. München, 1978.
- Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. Die Entfesselung der Gewalt: Rassismus und Krieg. Frankfurt am Main, 1996.
- Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Gütersloh, 1967.
- Janssen K. H., Tobias F.* Der Sturz der Generale. Hitler und die Blomberg-Fritsch-Krise 1938. München, 1994.
- Kern W.* Die innere Funktion der Wehrmacht 1933—1939. Berlin, 1979.
- Kershaw I.* Der NS-Staat. Geschichtsinterpretationen und Kontroversen in Überblick. Hamburg, 1988.
- Liddel-Hart B.* Jetzt dürfen sie reden. Hitlers Generale berichten. Stuttgart, 1950.
- Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Die Zeit der Indoktrination. Hamburg, 1969.
- Messerschmidt M.* Militärgeschichtliche Aspekte der Entwicklung des deutschen Nationalstaates. Düsseldorf, 1988.
- Die Militärelite des Dritten Reiches: 27 biographische Skizzen. Hrsg. von R. Smelser und E. Syring. Berlin, Frankfurt am Main, 1995.

- Müller K. J.* Das Heer und Hitler. Armee und nationalsozialistisches Regime 1933—1940. Stuttgart, 1969.
- Neumann F.* Behemoth. Struktur und Praxis des Nationalsozialismus 1933—1944. Frankfurt am Main, 1984.
- Reynolds N. Beck.* Gehorsam und Widerstand. Das Leben des deutschen Generalstabschef 1935—1938. München, 1976.
- Schramm M.* Der Gleichschaltungsprozeß der deutschen Armee 1933 bis 1938. Kulminationspunkte und Linien. Diss. München, 1990.
- Schoenbaum D.* Die braune Revolution. Eine Sozialgeschichte des Dritten Reiches. Köln, Berlin, 1968.
- Schüddekopf E. O.* Die Wehrmacht im Dritten Reich 1934—1945. Hannover, 1962.
- Stein G.H.* Geschichte der Waffen-SS. Düsseldorf, 1967.
- Tradition in deutschen Streitkräften bis 1945. Herford, Bonn, 1986.
- Ueberschär G.R.* (Hrsg.). Hitlers militärische Elite. 2 Bde. Darmstadt, 1998.
- Wegner B.* Hitlers politische Soldaten: Die Waffen-SS 1933—1945. Leitbild, Struktur und Funktion einer nationalsozialistischen Elite. 3. Aufl. Paderborn, 1988.
- Wendt B.J.* Deutschland 1933—1945: Das «Dritte Reich». Handbuch zur Geschichte. Hannover, 1995.
- Wheeler-Bennett J.W.* Die Nemesis der Macht. Die deutsche Armee in der Politik 1918—1945. Düsseldorf, 1954.

Статьи

- Гёрлиц В.* Карл Дёниц, гросс-адмирал // Соратники Гитлера. Ростов-на-Дону, 1998.
- Гиленсен В. М.* Адмирал Канарис // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 171—198.

* * *

- Berghahn V.R.* Wehrmacht und Nationalsozialismus // Neue Politische Literatur. 1970. Heft 1. S. 44—52.
- Dülffer J.* Vom Bündnispartner zum Erfüllungsgehilfe im totalen Krieg.

- Militär und Gesellschaft in Deutschland 1933—1945 // Der Zweite Weltkrieg. Analysen. Grundzüge. Forschungsbilanz. Hrsg. Von W. Michalka. München, Zürich, 1989. S. 286—300.
- Ehrke-Rottermund H.* Die Wehrmacht als Gegenstand der Literatur während des «Dritten Reiches» // Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 685—718.
- Foerster J.* Vom Führerheer der Republik zur nationalsozialistische Volksarmee. Zum Strukturwandel der Wehrmacht 1933—1945 // Deutschland in Europa. Kontinuität und Bruch. Gedektschrift für Andreas Hillgruber. Hrsg. von J. Dülffer, B. Martin, G. Wollstein. Frankfurt-Berlin, 1990. S. 311—328.
- Foerster J.* Wehrmacht, Krieg und Holocaust // Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 948—963.
- Gembruch W.* Zur Gleichschaltung der bewaffneten Macht unter der Herrschaft des Nationalsozialismus // Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1958. S. 81—92.
- Gerstenberger F.* «Heeres-Elite» und nationalsozialistische Herrschaft // Normalität oder Normalisierung?: Geschichtswerkstätten und Faschismusanalyse. Hrsg. von H. Gerstenberger und D. Schmidt. Münster, 1987. S. 97—114.
- Groehler O.* Erhard Milch. Perspektivischer Luftkrieg // Sturz ins Dritte Reich. Historische Miniaturen und Porträts 1933/35. Leipzig, Jena, Berlin, 1983. S. 228—234.
- Groehler O.* Werner von Blomberg. Die Reichswehr schultert das Gewehr // Sturz ins Dritte Reich. Historische Miniaturen und Porträts 1933/35. Leipzig, Jena, Berlin, 1983. S. 87—94.
- Hillgruber A.* Die weltpolitische Lage 1936—1939: Deutschland // Hauser O. (Hrsg.). Weltpolitik 1933—1939. Frankfurt, Zürich, 1973. S. 270—292.
- Hoffmann P.* Der militärische Widerstand in der zweiten Kriegshälfte 1942—1945 // Aufstand des Gewissens. Militärischer Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime 1933—1945. Berlin, Bonn, Herford, 1994. S. 395—419.
- Jacobsen H. A.* Militär, Staat und Gesellschaft in der Weimarer Republik // Die Weimarer Republik 1918—1933: Politik — Wirtschaft — Gesellschaft. Hrsg. von K. D. Bracher, M. Funke, H. A. Jacobsen. 3. Aufl. Bonn, 1998. S. 343—368.

- Kersting F.W.* Wehrmacht und Schule im «Dritten Reich» // Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 436—455.
- Krausnick H.* Zum militärischen Widerstand gegen Hitler 1933—1938 — Möglichkeiten, Ansätze, Grenzen und Kontroversen // Aufstand des Gewissens. Militärischer Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime 1933—1945. Berlin, Bonn, Herford, 1994. S. 311—364.
- Kroener B.* Strukturelle Veränderungen in der militärischen Gesellschaft des Dritten Reiches // Nationalsozialismus und Modernisierung. Hrsg. von M. Prinz, R. Zitelmann. 2. Aufl. Darmstadt, 1994. S. 267—296.
- Kroener B.* Auf dem Weg zu einer «nationalsozialistischen Volksarmee». Die soziale Öffnung des Heeresoffizierkorps im Zweiten Weltkrieg // Von Stalingrad zur Währungsreform. Zur Sozialgeschichte des Umbruchs in Deutschland. Hrsg. von M. Broszat, K. D. Henke, H. Woller. München, 1988. S. 651—682.
- Lešin M. G.* Die Wehrmacht in der sowjetischen und russischen Historiographie 1985—1997. Ein Literaturbericht // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1998. Heft 1. S. 181—197.
- Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat // Deutschland 1933—1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Hrsg. von K. —D. Bracher, M. Funke, H. A. Jacobsen. Bonn, 1993. S. 377—403.
- Müller K. J.* Über den «militärischen Widerstand» // Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Hrsg. von P. Steinbach, J. Tuchel. Bonn, 1994. S. 266—279.
- Paulus G.* Kurt von Schleicher. Fraktionskampf der Konterrevolutionäre // Sturz ins Dritte Reich. Historische Miniaturen und Porträts 1933/35. Leipzig, Jena, Berlin, 1983. S. 72—87.
- Petter W.* Wehrmacht und Judenverfolgung // Die Deutschen und die Judenverfolgung im Dritten Reich. Hrsg. von U. Büttner. Hamburg, 1992. S. 161—178.
- Petter W.* Militärische Massengesellschaft und Entprofessionalisierung des Offiziers // Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 359—370.
- Schickel A.* Wehrmacht und SS. Eine Untersuchung über ihre Stellung und Rolle in den Planungen der nationalsozialistischen Führer //

Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1970. Heft 10. S. 581—606.

Ueberschär G.R. Ansätze und Hindernisse der Militäropposition gegen Hitler in den ersten beiden Kriegsjahren (1939—1941) // Aufstand des Gewissens. Militärischer Widerstand gegen Hitler und das NS-Regime 1933—1945. Berlin, Bonn, Herford, 1994. S. 365—393.

Wohlfeil R. Wehr-, Kriegs-, oder Militärgeschichte // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1967. Heft 1. S. 21—29.

Справочная литература

Залесский К.А. Вожди и военачальники Третьего рейха. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.

Залесский К.А. Кто был кто в Третьем рейхе. Биографический энциклопедический словарь. М., 2002.

Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996.

* * *

Hüttenberger P. Bibliographie zum Nationalsozialismus. Göttingen, 1980.

Ruck M. Bibliographie zum Nationalsozialismus. Köln, 1995.

Wistrich R. Wer war wer im Dritten Reich. Ein biographisches Lexicon. Anhänger, Mitläufer, Gegner aus Politik, Wirtschaft, Militär, Kunst und Wissenschaft. Frankfurt am Main, 1987.

Краткие биографические сведения

Адам Вильгельм (1877—1949) — в 1899 году произведен в лейтенанты Баварского железнодорожного батальона, в 1906—1909 гг. учился в Военной академии, в годы Первой мировой войны служил офицером Генерального штаба. В республиканском рейхсвере находился на штабных должностях и командовал воинскими частями. С 1 октября 1930-го по 30 сентября 1933 года — начальник Войскового ведомства, в 1933—1935 гг. — командующий VII военным округом (Мюнхен), в 1935—1938 гг. — начальник Военной академии, командующий армейской группой. 1930 г. — генерал-майор; 1931 г. — генерал-лейтенант; 1935 г. — генерал пехоты; 1938 г. — генерал-полковник. Уволен из вермахта 31 декабря 1938 года.

Бек Людвиг (1880—1944) — в 1898 году вступил в 15-й полк полевой артиллерии, в 1908—1911 гг. учился в Военной академии, в 1912—1914 гг. служил в Генеральном штабе. В годы Первой мировой войны служил офицером Генерального штаба на Западном фронте. В республиканском рейхсвере находился на штабных должностях и командовал воинскими частями. С 1 октября 1933 года — начальник Войскового ведомства, с 1 июля 1935-го по 21 августа 1938 года — начальник Генерального штаба. 1931 г. — генерал-майор, 1935 г. — генерал артиллерии, 1938 г. — генерал-полковник. Был одним из организаторов и активных участников антигитлеровского военного заговора «Валькирия». Погиб 20 июля 1944 года после провала покушения на Гитлера.

Бломберг Вернер фон (1878—1946) — в 1897 году поступил на службу в 73-й фузилерный полк, в 1907—1910 гг. проходил обучение в Военной академии, в 1910—1914 г. служил в Генеральном штабе, в 1914—1929 гг. — в различных штабах. В 1929—1933 гг. —

главнокомандующий I военным округом (Восточная Пруссия). С 30 января 1933-го по 25 января 1938 года — министр рейхсвера (военный министр), с 31 мая 1935 года — главнокомандующий вермахта. 1928 г. — генерал-майор; 1929 г. — генерал-лейтенант; 1933 г. — генерал-полковник; 1936 г. — генерал-фельдмаршал. На Международном военном трибунале в Нюрнберге выступал в качестве свидетеля.

Бок Федор фон (1880—1945) — в 1908 году вступил в 5-й Потсдамский гвардейский пехотный полк, в 1910 году окончил Военную академию, во время и после Первой мировой войны служил в воинских частях и штабах. В 1931—1935 гг. — командующий II военным округом (Штеттин), в 1935—1938 гг. возглавлял 3-е командование группы сухопутных сил в Дрездене, в 1938—1939 гг. — командующий армиями и группой армий «Север». 1928 г. — генерал-майор, 1931 г. — генерал-лейтенант, 1935 г. — генерал пехоты, 1938 г. — генерал-полковник, 1940 г. — генерал-фельдмаршал.

Браухич Вальтер фон (1881—1948) — в 1900 году поступил в 3-й гвардейский пехотный полк, но в 1901 году перешел на службу в артиллерию. Во время Первой мировой войны служил офицером Генерального штаба, в рейхсвере — на штабных и войсковых должностях. В 1931 году назначен на должность инспектора артиллерии. После назначения Бломберга министром рейхсвера — командующий I военным округом. С 1937 года командовал группой армий. С февраля 1938-го по декабрь 1941 года — главнокомандующий сухопутных войск. 1930 г. — генерал-майор; 1933 г. — генерал-лейтенант; 1937 г. — генерал артиллерии; 1938 г. — генерал-полковник; 1940 г. — генерал-фельдмаршал. В декабре 1941 года ушел в отставку.

Брокдорф-Алефельд Вальтер фон (1887—1943) — граф, в 1908 году поступил на службу в 3-й егерский батальон, во время и после Первой мировой войны проходил службу в различных воинских частях. В 1938 году командовал 23-й пехотной дивизией (Потсдам) и принимал участие в подготовке заговора против Гитлера. 1937 г. — генерал-майор, 1939 г. — генерал-лейтенант, 1940 г. — генерал пехоты.

Буш Эрнст фон (1885—1945) — в 1904 году вступил в 13-й Вестфальский пехотный полк. Во время Первой мировой войны

служил в воинских частях и штабах. В рейхсвере — инспектор транспортных войск, командир батальона, командир полка. В 1935—1938 гг. — командир 23-й пехотной дивизии в Потсдаме, в 1938—1939 гг. — командующий VIII военным округом (Бреслау). 1935 г. — генерал-майор, 1937 г. — генерал-лейтенант, 1938 г. — генерал пехоты, 1940 г. — генерал-полковник, 1943 г. — генерал-фельдмаршал.

Вицлебен Эрвин фон (1881—1944) — в 1901 году поступил на службу в 7-й гренадерский полк, во время Первой мировой войны — командир роты и офицер Генерального штаба. В рейхсвере служил в воинских частях и штабах. В 1934—1938 гг. — командующий III военным округом (Берлин), после непродолжительной отставки в 1938 году назначен командующим 1-й армией; в 1941—1942 гг. — командующий группой армий «Д» и командующий на Западе; с марта 1942 года — в отставке. 1934 г. — генерал-майор; 1934 г. — генерал-лейтенант; 1936 г. — генерал пехоты; 1939 г. — генерал-полковник; 1940 г. — генерал-фельдмаршал. Был одним из активных участников антигитлеровского военного заговора «Валькирия». По приговору Народной судебной палаты повешен в тюрьме Плётцензее в августе 1944 года.

Гальдер Франц (1884—1972) — в 1902 году поступил на службу в 3-й Баварский полк полевой артиллерии, в 1911—1914 гг. обучался в баварской Военной академии. Во время Первой мировой войны служил офицером Генерального штаба, в рейхсвере и вермахте занимал командные должности в воинских частях, служил в штабах и в министерстве рейхсвера. В 1937—1938 гг. занимал пост первого обер-квартирмейстера в Генеральном штабе сухопутных войск. С 1 сентября 1938-го по 25 сентября 1942 года — начальник Генерального штаба. Участвовал в заговорщической деятельности, после неудачной попытки антигитлеровского переворота 20 июля 1944 года арестован и освобожден в 1945 году американскими войсками. В 1946—1961 гг. руководил работой Исторического подразделения. В 1949 году написал брошюру «Гитлер как полководец», повлиявшую на западногерманскую историографию вермахта. 1934 г. — генерал-майор; 1936 г. — генерал-лейтенант; 1938 г. — генерал артиллерии; 1940 г. — генерал-полковник.

Гаммерштейн-Экворд Курт фон (1878—1943) — барон, генерал-полковник, в 1898 году поступил в 3-й гренадерский полк, в

годы Первой мировой войны — офицер Генерального штаба; в 1929—1930 гг. — начальник Войскового ведомства, с 18 октября 1930 по 1 февраля 1934 года — командующий сухопутными войсками, в 1934—1939 гг. — в отставке, в сентябре 1939 г. — командующий оперативной группой «А», в 1939—1943 гг. — начальник VIII военного округа (Бреслау).

Геринг Герман (1893—1946) — в 1912 году был направлен в 112-й пехотный полк. Во время Первой мировой войны перешел в авиацию и возглавил авиаполк «Рихтгофен». В 1922 году вступил в НСДАП. В нацистской Германии занимал целый ряд государственных постов, в том числе пост имперского комиссара по авиации. В 1935—1945 гг. — главнокомандующий люфтваффе. 1933 г. — генерал-майор; 1938 г. — генерал-фельдмаршал; 1940 г. — рейхсмаршал. На Нюрнбергском процессе признан виновным в преступных действиях против мира, совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Приговорен к смерти. Накануне казни покончил жизнь самоубийством.

Гитлер Адольф (1889—1945) — в годы Первой мировой войны — солдат 16-го Баварского пехотного полка. В 1919 году вступил в Немецкую рабочую партию, позднее переименованную им в НСДАП. 30 января 1933 года назначен рейхсканцлером, с 2 августа 1934 года — фюрер и рейхсканцлер, которому лично присягают военнослужащие. С 4 февраля 1938 года — главнокомандующий вермахтом, с 19 декабря 1941 года — главнокомандующий сухопутными войсками. Покончил жизнь самоубийством 30 апреля 1945 года.

Гудериан Хайнц (1888—1953) — в 1908 году поступил в 10-й егерский батальон, во время и после Первой мировой войны служил в воинских частях и штабах. В 1935 году назначен командиром 2-й танковой дивизии, в 1938—1939 гг. — командир 16-го армейского корпуса, генерал-инспектор подвижных войск, командир 19-го армейского корпуса. 1936 г. — генерал-майор, 1938 г. — генерал-лейтенант, 1938 г. — генерал танковых войск, 1940 г. — генерал-полковник. Автор книги «Воспоминания солдата».

Дольман Фридрих (1882—1944) — генерал-полковник, в 1899 году поступил на службу в 7-й Баварский полк полевой артиллерии, в 1910 году окончил Военную академию, во время Первой мировой войны и в рейхсвере служил в воинских частях и шта-

бах, в 1933—1935 гг. — инспектор артиллерии сухопутных войск, в 1935—1939 гг. — командующий IX военным округом (Кассель).

Йодль Альфред (1890—1946) — в 1910 году поступил в 4-й Барварский полк полевой артиллерии. Во время Первой мировой войны командовал артиллерийской батареей на Западном и Восточном фронтах, после войны прошел тайное обучение в Войсковом ведомстве. В 1935—1938 гг. возглавлял отдел обороны страны в Генеральном штабе. С апреля 1938-го по май 1945 года — начальник оперативного отдела ОКВ. В октябре 1938 августа 1939 года командовал артиллерией в 44-й дивизии (Вена). 1939 г. — генерал-майор; 1940 г. — минуя чин генерал-лейтенанта, произведен в генералы артиллерии; 1944 г. — генерал-полковник. На Нюрнбергском процессе признан виновным в преступных действиях против мира, совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Приговорен к смерти и повешен.

Канарис Вильгельм (1887—1945) — в 1905 году поступил на службу в военно-морской флот. В 1908—1915 гг. служил на малых крейсерах «Бремен» и «Дрезден», в 1915 году был интернирован в Чили, но бежал в Германию, до конца войны выполнял различные задания, в том числе разведывательные. В Веймарской республике служил в министерстве рейхсвера, командовал линейным кораблем «Силезия». Осенью 1934 года назначен комендантом крепости Свинемюнде, с января 1935-го по февраль 1944 года возглавлял отдел военной разведки и контрразведки ОКВ (абвер). 1935 г. — контр-адмирал, 1938 г. — вице-адмирал, 1940 г. — адмирал. В июле 1944 года был арестован по подозрению в участии в антигитлеровском заговоре, в апреле 1945 года приговорен к смерти и повешен в концентрационном лагере Флоссенбург.

Кейтель Вильгельм (1882—1946) — в 1901 году поступил в 46-й полк полевой артиллерии. Во время Первой мировой войны командовал батареей, прошел обучение в Генеральном штабе. В 1920—1938 гг. служил в войсках, министерстве рейхсвера и Генеральном штабе. В августе 1935 года назначен руководителем управления вооруженных сил в военном министерстве. С февраля 1938-го по май 1945 года — шеф Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ). 1934 г. — генерал-майор; 1936 г. — генерал-лейтенант, 1937 г. — генерал артиллерии; 1938 г. — гене-

рал-полковник; 1940 г. — генерал-фельдмаршал. На Нюрнбергском процессе признан виновным в преступных действиях против мира, совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Приговорен к смерти и повешен.

Клейст Эвальд фон (1881—1954) — генерал-фельдмаршал, в 1901 году поступил в 3-й артиллерийский полк, в 1912 году окончил Военную академию, во время Первой мировой войны — командир эскадрона и офицер Генерального штаба, в рейхсвере — преподаватель военного училища, начальник штаба дивизии, командир полка, командир дивизии. В 1935—1938 гг. — командующий VIII военным округом (Бреслау). После непродолжительной отставки в 1939 году назначен командиром XXII армейского корпуса.

Клюге Ганс фон (1882—1944) — генерал-фельдмаршал, в 1899 году поступил на службу в 46-й артиллерийский полк, в 1912 году окончил Военную академию. Во время Первой мировой войны — командир батальона, офицер Генерального штаба. В рейхсвере — на командных и штабных должностях. В 1933—1934 гг. — инспектор войск связи сухопутных войск, в 1934—1938 гг. — командующий VI военным округом (Мюнстер). После непродолжительной отставки в 1938 году возглавил 6-е командование сухопутных войск в Ганновере, а затем — 4-ю армию. В 1944 году вступил в контакт с антигитлеровским Сопротивлением, после провала покушения на Гитлера покончил жизнь самоубийством.

Лееб Вильгельм фон (1876—1956) — генерал-фельдмаршал, в 1895 году поступил в 4-й баварский артиллерийский полк, в 1909 году закончил Баварскую военную академию. Во время Первой мировой войны служил в воинских частях и штабах, в рейхсвере — начальник отдела военного министерства, начальник штаба округа, командир батальона, полка, дивизии. В 1929—1934 гг. — командующий VII военным округом (Мюнхен), в 1934—1938 гг. — командующий 2-й группой армий (Кассель). После непродолжительной отставки в 1938 году назначен командующим 12-й армией, а в 1939 году — командующим группой армий «С».

Лист Вильгельм (1880—1971) — генерал-фельдмаршал, в 1898 году поступил на службу в 1-й Баварский инженерный батальон, в 1912 году окончил Военную академию. Во время Первой мировой войны — офицер Баварского генерального штаба, по окон-

чании войны — офицер добровольческого корпуса, штабной и войсковой офицер рейхсвера. В 1932—1933 гг. — начальник отдела подготовки войск в министерстве рейхсвера, в 1933—1938 гг. — командующий IV военным округом (Дрезден), в 1938—1939 гг. — командующий 2-й и 5-й армейскими группами и 14-й армией.

Манштейн Эрих фон (1887—1973) — в 1906 году поступил в 3-й гвардейский пехотный полк, во время Первой мировой войны — офицер Генерального штаба, в рейхсвере проходил службу в воинских частях и штабах. 1934—1935 гг. — начальник штаба III военного округа (Берлин), 1935—1936 гг. — начальник оперативного отдела Генерального штаба, 1936—1938 гг. — первый обер-квартирмейстер Генерального штаба, 1938—1938 гг. — командир 18-й пехотной дивизии, начальник штабов различных соединений. 1936 г. — генерал-майор, 1939 г. — генерал-лейтенант, 1942 г. — генерал-полковник, 1942 г. — генерал-фельдмаршал. Автор книги «Утерянные победы».

Остер Ганс (1888—1945) — генерал-майор, участник Первой мировой войны, офицер рейхсвера, в 1933 году назначен на службу в абвер, с 1938 года — начальник центрального отдела абвера. Участник антигитлеровского заговора 1938 года. В феврале 1944 года уволен в отставку. В июле 1944 года был арестован по подозрению в участии в покушении на Гитлера, в апреле 1945 года приговорен к смерти и повешен в концентрационном лагере Флоссенбург.

Рейхенау Вальтер фон (1884—1942) — в 1903 году поступил в 1-й гвардейский полк полевой артиллерии. По окончании Военной академии в 1914 году служил офицером Генерального штаба и войсковым командиром. В 1930 году назначен начальником штаба I военного округа (Восточная Пруссия). С 1 февраля 1933-го по 1 октября 1935 года — начальник канцелярии военного министерства. До 28 февраля 1938 года командовал армейским корпусом и группой армий. С началом Второй мировой войны командовал различными армиями, а с 3 декабря 1941 года — группой армий «Юг» на Восточном фронте. Автор приказа «О поведении войск в восточном пространстве». 1933 г. — генерал-майор; 1935 г. — генерал-лейтенант; 1936 г. — генерал артиллерии; 1939 г. — генерал-полковник; 1940 г. — генерал-фельдмаршал. Погиб в авиакатастрофе под Лембергом (Львовом) в январе 1942 года.

Редер Эрих (1876—1960) — в 1889 году поступил на службу в военно-морской флот. С 1897 года служил на линкоре «Дойчланд», в 1903—1905 гг. обучался в Военно-морской академии. Во время Первой мировой войны проходил службу в штабах и на кораблях. Во время Веймарской республики служил в архиве ВМФ, командовал крейсерскими силами в Северном море, был начальником Балтийского военно-морского района. В октябре 1928 года назначен начальником военно-морского командования. С 1935 года носил титул главнокомандующего ВМФ. 30 января 1943 года ушел в отставку. 1924 г. — контр-адмирал; 1925 г. — вице-адмирал; 1928 г. — адмирал; 1936 г. — генерал-адмирал; 1939 г. — гросс-адмирал. Нюрнбергским трибуналом приговорен к пожизненному заключению, освобожден в январе 1955 года по состоянию здоровья.

Роммель Эрвин (1891—1944) — в 1910 году поступил в 124-й Вюртембергский пехотный полк. Во время Первой мировой войны — командир роты, в рейхсвере — командир стрелковой роты, преподаватель тактики в военной школе в Дрездене. В 1933—1935 гг. — командир батальона, в 1935—1938 гг. — начальник военной школы в Постдаме, с 1937 года — офицер связи с имперским фюрером молодежи, в 1938 году — начальник военной школы в Винер-Нойштадте, в 1938—1940 гг. — командир батальона сопровождения фюрера. 1939 г. — генерал-майор, 1940 г. — генерал-лейтенант, 1941 г. — генерал танковых войск, 1942 г. — генерал-полковник, 1942 г. — генерал-фельдмаршал.

Рундштедт Герд фон (1875—1953) — в 1892 году поступил на службу в 83-й пехотный полк, в 1907 году окончил Военную академию, во время Первой мировой войны — офицер Генерального штаба. В рейхсвере занимал должности начальника штаба дивизии, командира полка, начальника штаба армейской группы, командира дивизии. В 1932—1938 гг. — командующий 1-й армейской группой (Берлин), в 1938—1939 гг. — в отставке, с мая 1939 г. — главный военный советник Гитлера по вопросам войны с Польшей. 1927 г. — генерал-майор, 1929 г. — генерал-лейтенант, 1932 г. — генерал пехоты, 1938 г. — генерал-полковник, 1940 г. — генерал-фельдмаршал.

Томас Георг (1890—1946) — в 1908 году поступил в 63-й пехотный полк. Во время Первой мировой войны служил на Западном фронте командиром роты, адъютантом полка и офице-

ром Генерального штаба. В рейхсвере командовал ротой, а с 1924 года служил в штабах. В ноябре 1931 года возглавил экономический отдел управления вооруженных сил, в 1938 году — преобразованный в экономический отдел ОКВ. После расформирования отдела в 1943 году возглавил отдел для особых поручений в ОКВ. 1938 г. — генерал-майор, 1940 г. — генерал-лейтенант, генерал пехоты. До января 1943 года участвовал в подготовке антигитлеровского заговора. В октябре 1944 года арестован и помещен в концлагерь. Позднее был взят под стражу американцами.

Фёрч Герман (1895—1967) — генерал пехоты, в 1913 году вступил в 175-й пехотный полк, во время и после Первой мировой войны — войсковой офицер, в 1932—1936 гг. — пресс-атташе министерства рейхсвера (военного министерства), в 1936—1937 гг. — командир 4-го пехотного полка, в 1937—1939 гг. — преподаватель Военной академии.

Фриснер Ганс (1892—1971) — генерал-полковник, в 1911 году поступил на службу в сухопутные войска, участник Первой мировой войны, офицер рейхсвера, в 1938—1939 гг. — начальник штаба инспекции военных школ, с 1939 года — начальник инспекции сухопутных войск по вопросам образования. Автор книги «Проигранные сражения».

Фрич Вернер фон (1880—1939) — барон, в 1898 году поступил в 25-й полк полевой артиллерии, в 1907—1910 гг. обучался в Военной академии. Во время Первой мировой войны служил офицером Генерального штаба, в 1920—1928 гг. — в штабах и войсковых частях, а также в министерстве рейхсвера и Войсковом ведомстве. В 1932 году назначен командующим III военным округом (Берлин). С 1 февраля 1934-го по 4 февраля 1938 года — главнокомандующий сухопутных войск. Уволен в отставку в чине генерал-полковника. Погиб в боях под Варшавой в сентябре 1939 года.

Фромм Фридрих (1888—1945) — в 1908 году произведен в лейтенанты полка полевой артиллерии, во время Первой мировой войны служил в артиллерийских частях и Генеральном штабе. В рейхсвере проходил службу в командовании сухопутных войск. В 1934—1939 гг. — начальник общевойскового управления сухопутных войск, в 1939—1944 гг. — командующий армией резерва. 1935 г. — генерал-майор; 1938 г. — генерал-лейтенант; 1939 г. — генерал

артиллерии; 1940 г. — генерал-полковник. Знал о подготовке антигитлеровского заговора, в июле 1944 года был арестован, а марте 1945 года казнен.

Хейнрици Готтгард (1886—1971) — в 1905 году поступил в 6-й Тюрингский пехотный полк, во время Первой мировой войны служил в воинских частях и штабах, в 1918 году завершил подготовку офицера Генерального штаба. В рейхсвере — преподаватель тактики в военной школе, командир роты, референт организационного отдела министерства рейхсвера, командир батальона. В 1933—1937 гг. — начальник отдела в министерстве рейхсвера (военном министерстве), в 1937—1940 гг. — командир 16-й дивизии в Мюнстере. 1936 г. — генерал-майор, 1938 г. — генерал-лейтенант, 1940 г. — генерал пехоты, 1943 г. — генерал-полковник.

Хоссбах Фридрих (1894—1980) — генерал пехоты, в 1913 году вступил в 82-й пехотный полк, участник Первой мировой войны, офицер рейхсвера, в 1934—1938 гг. — адъютант от вермахта при Гитлере, в 1938—1939 гг. — командир 82-го пехотного полка.

Швеппенбург Лео фон (1886—1974) — барон, генерал танковых войск, в 1904 году вступил в 26-й драгунский полк, участник Первой мировой войны, в 1917 году окончил Военную академию, в рейхсвере — начальник военной школы в Дрездене, командир 14-го кавалерийского полка. В 1933—1937 гг. — военный атташе в Брюсселе, Лондоне, Гааге, в 1937—1940 гг. — командир 3-й танковой дивизии.

Шмундт Рудольф (1896—1944) — в 1915 году вступил в 35-й фузилерный полк, во время Первой мировой войны — адъютант командира батальона и командира полка, в рейхсвере служил на адъютантских должностях в 9-м Потсдамском пехотном полку, в 1926—1929 гг. прошел подготовку офицера Генерального штаба, в 1932—1935 гг. — проходил службу в организационном отделе и отделе обороны страны Войскового ведомства, в 1936—1938 гг. — в воинских частях и штабах. В 1938 году назначен адъютантом Гитлера от вермахта, с 1942 года одновременно являлся начальником отдела кадров в главном командовании сухопутных войск. Умер от ран, полученных в результате взрыва в ставке Гитлера 20 июля 1944 года. 1942 г. — генерал-майор, 1943 г. — генерал-лейтенант, 1944 г. — генерал пехоты.

Штюльпнагель Карл Генрих фон (1886—1944) — генерал пехоты, поступил в сухопутные войска в 1904 году, во время и после Первой мировой войны служил в воинских частях и штабах. 1933—1936 гг. — начальник отдела «Иностранные армии» (Т—3) Генерального штаба, в 1936—1938 гг. — командир 30-й пехотной дивизии; в 1938—1940 гг. — второй и первый обер-квартирмейстер Генерального штаба, 1940 год — командир 2-го армейского корпуса, 1941 год — командующий 17-й армией, 1942—1944 гг. — военный главнокомандующий во Франции. Был одним из активных участников антигитлеровского военного заговора «Валькирия». По приговору Народной судебной палаты повешен в тюрьме Плётцензее в августе 1944 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
--------------------	---

Глава 1

ДОКТРИНА «ДВУХ ОПОР» И ЕЕ КРАХ

Доктрина «двух опор» и «соревнование лояльности»	16
«Дело Рёма» и государственный переворот 2 августа 1934 года.	41
«Черный февраль» 1938 года и крах доктрины «двух опор»	67

Глава 2

ВОЕННЫЕ КАДРЫ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Вооруженные части СС — новые «оруженосцы нации»	93
Офицерский корпус массовой армии: профессиональная подготовка и социальный состав	113

Глава 3

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ВЕРМАХТА К ВОЙНЕ ЗА МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО

«Солдатский дух» и нацистское мировоззрение в идеологии вооруженных сил	152
Вермахт и антисемитская политика нацизма	194
Религия и церковь в германской армии.	214

Глава 4

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

Роль военного руководства в ревизии Версальского договора (1933—1937 гг.)	234
Судетский кризис и «сентябрьский заговор» 1938 года	262
Германские генералы и развязывание Второй мировой войны	286
Заключение.	306
Примечания	312
Приложения	341
Сокращения	358
Библиография	360
Литература	364
Краткие биографические сведения	371

Александр Ермаков
ОРУЖЕНОСЦЫ НАЦИИ
ВЕРМАХТ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *Т. Киселева*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.
Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, к. 5.
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бужкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanц.ru e-mail: kanц@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.12.2005.

Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 4 000 экз. Заказ № 3048.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рyбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Достижение мирового господства, к которому стремился Гитлер, невозможно без военной силы. Однако Версальский договор 1919 года фактически запретил Германии иметь мощную профессиональную армию. Так откуда же в таких условиях взяться той силе, с помощью которой можно покорить мир? Как оказалось, для Гитлера это не было серьезной проблемой...

В настоящей книге на основании документальных материалов раскрываются неизвестные страницы истории германских вооруженных сил периода между двумя мировыми войнами, в том числе процесс превращения вермахта в инструмент внешней и расовой политики нацистского режима. Большое внимание уделяется таким мало изученным отечественной наукой проблемам, как социальные изменения в офицерском корпусе, профессиональная подготовка офицеров и эволюция идеологии вермахта.

ISBN 5-699-14961-9

9 785699 149612 >